

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

KSF 458

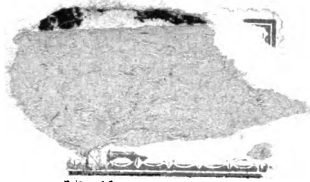
(1906)
1-2

HD WIDENER

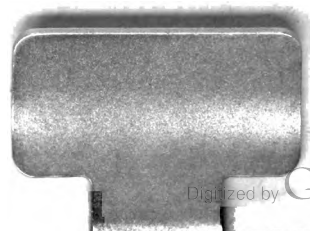
HW RT3Q 5

209.

KSF 458 (1906 / 1-2)

Verein
Städterender des Moselland
LUXEMBURG
MITTWELLA

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТО^Ѹ.

КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЬ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

Январь.

и Февраль

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 24.

1906

Δ
KSF 458 $\left(\frac{1906}{1-2}\right)$

Годы скитаній.

I.

Новый міръ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ сырой хмурый день начала мѣсяца Нисана ¹⁾, этакъ часовъ въ одиннадцать утра, запряженная тройкой бойкихъ лошадокъ извозничья телѣга, до самыхъ краевъ своего телѣжнаго ящика забрызганная и облѣпленная жидкою и густою грязью, совершала свой далеко не торжественный вѣздъ въ огромный, необозримый и утопавшій въ лужахъ городъ О., представлявшій въ то время видъ какой-то болотной Венеціи. Нигдѣ нѣ одной пяди твердой земли, которая вся, какъ будто, расплавилась послѣ страшнаго катаклизма и превратилась въ одну сплошную болотную лагуну.

Все, что встрѣчалось кругомъ: дома, люди, лошади, дрожки, экипажи, собаки—словомъ, все было облито и забрызгано грязью.

Добрыхъ два часа телѣга таскалась по бесконечно длиннымъ и ровной линіей тянувшимся улицамъ, то хлюпаясь по оси въ мутно-сѣрой жижи, то погружаясь въ черную гущу, изъ которой бѣдныя лошадки съ трудомъ вытаскивали ноги.

¹⁾ Совпадаетъ обыкновенно съ мартомъ.

Наконецъ послѣ длинныхъ странствованій и остановокъ, изъ которой каждая освобождала телѣгу отъ тяжести пассажира съ однимъ или пассажирки съ нѣсколькими узлами, до крайности измученныя лошади, отъ которыхъ потъ валилъ густымъ паромъ, остановились въ самой серединѣ обширнаго чрезвычайно грязнаго двора, уставленнаго множествомъ такихъ же облѣпленныхъ грязью телѣгъ.

— Вотъ и пріѣхали,—сказалъ возница, весь съ ногъ до головы забрызганный грязью не меньше своей телѣги, медленно и съ трудомъ слѣзая съ передка.

И, вытерши свою исхудавшую за дорогу тройку клочкомъ сѣна, онъ, почти до края голенищъ въ жидкой навозной грязи, обошелъ вокругъ телѣги, потомъ принялся выпрягать между тѣмъ какъ мы, т. е. я и мой братъ Пинхось, продолжали сидѣть на телѣгѣ въ нерѣшительности, несмотря на то, что были измучены дорогой не меньше лошадокъ и къ тому прозябли до костей.

— Что же мы сидимъ?—обращаюсь я къ Пинхосу.

И я замѣчаю на лицѣ его сильное смущеніе, котораго причину я никакъ не могу понять. И я прибавляю:

— Пойдемъ скорѣе къ мамѣ.

— Видишь,—началъ онъ наконецъ:—у меня вѣдь нечѣмъ заплатить фурщику. Я, конечно, достану сейчасъ, но онъ вѣдь не повѣритъ и не захочетъ отпустить.—И онъ смущенно остановился.

— Такъ знаешь что,—прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія:—я побѣгу за деньгами, а ты останешься тутъ пока. Черезъ минуточку я приду обратно уже вмѣстѣ съ маме.

Я съ болью въ сердцѣ согласился. Но не такъ легко согласился нашъ фурщикъ. Онъ пришелъ въ такую ярость послѣ сдѣланнаго ему заявленія, что кинулся съ кулаками на брата, сорвалъ съ него шапку и принялся срывать съ нею его „твингъ“. Лицо его совершенно озвѣрѣло и приняло такое страшное выраженіе, что Пинхось поблѣднѣлъ, какъ смерть.

Всѣ находившіеся во дворѣ фурщики мгновенно окружили нашу телѣгу и съ полнымъ одобреніемъ смотрѣли на дѣйствія своего разсвирѣпѣвшаго коллеги.

На мои отчаянные, неистовые крики прибѣжалъ хозяинъ постоялаго двора, еврей лѣтъ пятидесяти, съ очень длинной русой бородой, которую вѣтеръ загналъ въ сторону такъ, что она обвила почти всю его шею.

Разобравши съ трудомъ въ чемъ дѣло, онъ обратился къ Пинхосу съ вопросомъ, кто онъ.

Тотъ отвѣтилъ.

— Такъ ты, значитъ, внукъ покойнаго шохата ребъ-Лейба? Такъ бы и сказалъ. Такой годъ мнѣ, какой это былъ еврей. Я его еще помню, какъ будто вчера только видѣлъ. И кто его не помнить? Дорогой былъ еврей. Такихъ теперь нѣтъ.

И сказавъ это, онъ рѣшительно вступился за насъ и легко добился того, что братъ былъ отпущенъ.

Я же остался въ качествѣ заложника до возвращенія брата съ необходимымъ выкупомъ.

Уладивъ такимъ образомъ дѣло, длиннородый хозяинъ постоялаго двора, котораго звали, какъ я потомъ узналъ р. Хацкель-Ойзеръ, повелъ меня къ себѣ на квартиру.

Поднявшись по нѣсколькимъ скользкимъ, очень грязнымъ ступенькамъ на шатавшееся крылечко съ полуразрушенными, вздрагивавшими отъ вѣтра перилами, мы вошли въ темный и узкій и длинный корридоръ, наполненный дымомъ, гарью и сильнымъ запахомъ варившагося обѣда,—и потомъ вступили въ большую, низкую, мрачную комнату, уставленную множествомъ постелей, на которыхъ лежали различной величины и формы уазы и мѣшки.

Посерединѣ стояла большая желѣзная печь, которой извилистыя трубы, дѣлая множество поворотовъ, тянулись вдоль всей почти комнаты, темной, непривѣтливой съ грязными полинялыми и клочьями висѣвшими обоями на стѣнахъ, и пронизанной какой-то противной затхлостью и сквернымъ потомъ тѣсно живущихъ и не весьма опрятныхъ людей.

— Вотъ, тутъ посиди, мальчикъ; только никуда не ходи,—сказалъ мнѣ р.-Хацкель-Ойзеръ и, захвативъ со стѣны какіе-то большіе ключи, какихъ я еще никогда не видѣлъ, оставилъ меня одного въ этой угрюмой холодной казармѣ.

Я почувствовалъ то, что долженъ почувствовать челоуѣкъ,

за которымъ затворяется темница. Присѣвъ на краюшкѣ стула, я принялся оглядывать мою тюрьму.

Первое, что меня поразило тутъ, это былъ совершенно гладкій, никакими балками не подпиравшійся потолокъ, грязный, какъ очень долго ношенная рубаха, и сильно задымленный, какъ разъ въ серединѣ.

„Какъ это онъ держится“, думалъ я.

И мнѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, что онъ вотъ-вотъ свалится, тѣмъ болѣе, что онъ весь выпятился впередъ.

Затѣмъ я сталъ ходить отъ одной постели къ другой, ощупывая всѣ узлы, въ нѣкоторые, признаю свой грѣхъ, довольно безцеремонно засовывалъ руки, но ничего кромѣ молитвенныхъ принадлежностей, истрепаннаго субботняго сюртука и кусковъ чернаго, черстваго хлѣба, я тамъ не нашелъ. Только въ одномъ, большемъ, лежавшемъ на землѣ узлѣ я нашелъ нѣсколько пачекъ цикорія, головку сахару, рисъ, макароны и что-то еще. Одна бумага подъ моими руками прорвалась, и я въ ужасѣ отскочилъ.

У самыхъ дверей стоялъ рукомоиникъ, какой бываетъ въ молитвенныхъ домахъ. Я и за него взялся, поднимая и двигая металлическій стержень, пока не наполнилъ водою всѣ рукава. Такъ какъ ничего болѣе достопримѣчательнаго я не встрѣтилъ, кромѣ развѣ висѣвшей въ срединѣ потолка на крюкѣ лампы съ металлическимъ сильно испещреннымъ мухами абажуромъ, я присѣлъ на одно изъ трехъ оконъ, выходившихъ на улицу. Эта улица, широкая и прямая, какъ всѣ улицы въ О., въ этотъ моментъ походила больше на обширный черный грязный каналъ, въ которомъ ногами вверхъ отражались оба сплошные ряда большею частью одноэтажныхъ домовъ, съ почти непрерывнымъ рядомъ различныхъ лавокъ, среди которыхъ преобладаютъ посудныя.

Какими скучными, непривѣтливыми глядятъ эти однообразные, казарменнаго вида дома! Какимъ холодомъ, отчужденностью вѣетъ отъ нихъ. И какіе, должно быть, злые, холодные люди тутъ живутъ. И меня охватываетъ жуткое чувство одиночества.

Передъ лавками несмѣтными количествами нагромождены большія бочки и столь же большія корзины, наполнен-

ныя соломою, а вокругъ нихъ почти по колѣна въ грязи копошатся разныхъ возрастовъ молодые приказчики, которые ихъ наполняютъ, или опорожняютъ.

Они громко кричатъ, ссорятся, бросаются другъ на друга съ остервенѣніемъ. Особенно доставалось маленькимъ, которые каждый разъ получали пинки и толчки.

Вотъ мальчишка лѣтъ десяти, сильно оборванный, стоя на колѣняхъ въ кучѣ соломы и вытирая слезы, складываетъ тарелки одну на другую. Бѣдный! онъ только что получилъ затрещину отъ рыжого съ кривымъ ртомъ. Какъ мнѣ больно за него!

Какъ охотно я бы избилъ этого пса, опоясаннаго веревкой. За что обижаютъ онъ такъ жестоко мальчика?

Каждый разъ лужу, т. е. улицу, проѣзываютъ какія-то странныя, узенькія, запряженныя въ одну лошадь брички, въ одно мѣсто, а на нихъ восѣдаютъ одѣтые, какъ будто на праздникъ или свадьбу, господа и барыни. А вотъ тащится важная, вся закрытая карета съ большими блестящими стеклами внутри. Какія красивыя, гладкія вороныя лошади!

Вотъ какой-то бѣдный оборванный еврей въ лохмотьяхъ, толкая впереди себя телѣжку на двухъ колесахъ, уставленную корзинами съ яблоками и апельсинами, громко что-то выкрикиваетъ.

А вотъ опять старикъ еврей съ сѣдой бородой, впрягшись въ коротенькія сомкнутыя оглобли и сильно согнувшись, тащить ручную телѣжку, нагруженную мѣшками. За нимъ плетется женщина, со сдвинутымъ на спину платкомъ, съ сильно затрепанной юбкой, таща большую плоскую корзину, которую она опираетъ о бокъ, и все тѣло ея сильно нагнуто въ другую сторону.

Бѣдный старикъ послѣ каждыхъ двухъ шаговъ останавливается, чтобы перевести духъ и вытереть черный потъ съ своего чернаго морщинистаго лба, съ котораго онъ сдвигаетъ сильно засаленный картузь; какое у него измученное страдальческое лицо! Мнѣ кажется, что вотъ-вотъ онъ свалится съ ногъ.

Господь милостивый! Человѣкъ, замѣняющій лошадь!

Это я вижу въ первый разъ. Да и лошадь, кажется, не въ состояніи была бы таскать такой грузъ въ такую грязь. И отчего ему, бѣднягѣ, никто не помогаетъ? Вотъ хоть бы эти всѣ кругомъ толкающіеся приказчики, или вотъ эти глазѣющіе тамъ здоровенные парни, эта женщина, что плетется за нимъ и которой, очевидно, принадлежатъ эти мѣшки. И она еле вытаскиваетъ ноги.

„Вѣдь даже ослу и ослу врага, падающаго подъ своей ношей, надо „помочь“, вспоминаю я предписаніе Библіи. А тутъ человѣкъ выбивается изъ силъ и никто не обращаетъ вниманія. Это какіе-то изверги ¹⁾, ארץ שזר. И я начинаю мечтать о томъ, чтобы получить силы Шимшонъ-Гагибора ²⁾. И тогда я однимъ пальцемъ поднялъ бы этого еврея съ его телѣжкой и даже посадилъ бы еще туда эту несчастную женщину съ корзиной, которой шлепающаяся юбка окаймлена широкой грязной каймой.

А вотъ откуда-то вдругъ выскочило какое-то страшное чудище съ мѣдной каской на головѣ и накинулось на двухъ евреевъ, остановившихся на тротуарѣ съ корзинами, толкаетъ ихъ въ грудь и оретъ на всю улицу, угрожая полиціи. Ухъ, какъ страшно! Это должно быть важный генералъ. Но какая на немъ истрепанная сѣрая куртка и все на немъ истрепано и въ заплаткахъ. Вотъ уже вокругъ собралась толпа. Что бы тамъ такое было? Многіе евреи тоже кричатъ и жестикулируютъ. Мѣдная каска совсѣмъ какъ бы оавѣрѣла и бросается на всѣхъ. Какой-то мальчишка набралъ пригоршню грязи, швырнулъ каскѣ прямо въ лицо—и улепетнулъ. Всѣ кругомъ ликуютъ. А мѣдная голова мечется въ разныя стороны съ залѣпленными грязью глазами; наконецъ она съ дикой бранью удаляется и исчезаетъ въ низенькихъ дверяхъ какой-то каменной будки.

А по обоямъ, очень узкимъ и очень грязнымъ тротуарамъ безпрерывно двигаются люди въ противоположныя направленія, словно встрѣчающіеся потоки, и хорошо одѣтые, и со-

¹⁾ Содомляне.

²⁾ Богатыря Самсона.

всѣмъ оборвыши, въ отрепьяхъ, полубосые, совсѣмъ какъ бы вымоченные въ грязь.

И всѣ они бѣгутъ, торопятся. Что-то такое должно быть случилось. И сколько людей въ этомъ городѣ, Господи! Не одинъ, не два, не три, не четыре ¹⁾... Нѣтъ! Куда. Развѣ успѣешь сосчитать однихъ только прохожихъ. Какими-то волнами носятся...

Но я наконецъ утомляюсь и начинаю зѣвать. Отчего это однако Пинхось такъ долго не приходитъ съ матерью. Уже будетъ часа два, какъ онъ ушелъ. Ужъ извозчикъ два раза справлялся.

Я начинаю томиться. Къ тому я страшно голоденъ. Боже, какъ голоденъ! Утромъ съѣли послѣдній кусокъ хлѣба, что имѣли въ запасъ, и съ тѣхъ поръ во рту ничего не имѣлъ. И холодно какъ то мнѣ особенно, какимъ-то внутреннимъ холодомъ, и я временами вдрагиваю.

Какъ жутко, какъ скверно тутъ. Отчего мы не остались у стараго раввина въ Ямполькѣ. Какъ онъ и она умоляли насъ остаться до послѣ Песаха. Какъ у нихъ хорошо, свѣтло. тепло и уютно. И съ какой любовью они къ намъ относились.

Славные, святые старики!

И предо мной рисуется разбросанный по крутому склону крошечный городокъ, въ которомъ я проѣздомъ прожилъ три дня; какое тамъ приволье!

А тамъ, внизу, сѣрая водяная муть, по волнамъ которой носились мы такъ долго и о которой мнѣ такъ жутко вспомнить теперь.

Потомъ я вспоминаю Хатку. Ахъ, эта обширная, уже зазеленѣвшая степь, на которой уже стали появляться выспавшія изъ своихъ кошмаръ необозримыя стада овецъ.

И что тутъ хорошаго въ этомъ городѣ О? Отчего Пинхось да и всѣ восхваляютъ эту грязную лужу.

Но отчего все-таки Пинхось не идетъ? И мнѣ становится все болѣе и болѣе жутко.

¹⁾ Чтобы не сглазить, людей принято считать отрицательными числами.

Я начинаю пѣть нигуны, которые пѣли ѣздившіе съ нами на баркѣ еврей, когда мы переправлялись черезъ лиманъ. Ахъ эта переправа! Настоящій переходъ черезъ Іамъ-Суфъ ¹⁾).

А какой чудный красивый нигунъ! И я отдаюсь весь пѣнію.

Вотъ дѣвушка въ засученной спереди, лоснящейся отъ жиру юбкѣ и краснымъ отъ огня, очень миловиднымъ лицомъ, торопливо входитъ со множествомъ тарелокъ и принимается накрывать длинный, стоящій посреди комнаты столикъ.

— Какъ ты хорошо поешь, мальчикъ,—обращается она ко мнѣ.—Отчего ты пересталъ? Ты стыдишься, что ли?

„Идутъ обѣдать“, думаю я съ радостью. И мною овладѣваетъ сильное нетерпѣніе.

По доносившемуся изъ кухни запаху, я сдѣлалъ самое лучшее заключеніе на счетъ вкуса обѣда.

Ахъ, какъ хорошо пахнетъ!

Но столикъ стоитъ уже накрытый съ полчаса, а между тѣмъ никто не является. Что это такое, однако? Хоть бы кусокъ этого бѣлаго свѣжаго лежащаго на столѣ хлѣба, столикъ одуряющаго меня своимъ ароматомъ.

Наконецъ, появился низенькій, плотный еврей въ синей короткой чуйкѣ, перевязанной цвѣтнымъ поясомъ, съ плоскимъ, грубоватымъ лицомъ и небольшою русой бородкой, наскоро умылъ руки изъ туть же стоявшаго умывальника, вытеръ руки висѣвшимъ около сѣрымъ и весьма грязнымъ полотенцемъ и, читая грубоватымъ голосомъ предтрапезную молитву, какъ былъ, сѣлъ за столикъ и сталъ улепетывать свѣжій хлѣбъ.

Черезъ минуты двѣ та же дѣвушка съ покраснѣвшимъ лицомъ приноситъ ему мисочку супа изъ фасолей и картофеля. И онъ набрасывается на этотъ супъ, словно былъ такъ же голоденъ, какъ и я.

Минуть черезъ десять явился другой еврей, потомъ третій.

Я понялъ, что все это пріѣзжіе изъ окрестныхъ городковъ или деревень людъ, который туть останавливается.

¹⁾ Чермное море.

Нѣкоторые, поѣвши и совершивъ молитву, забирали свои узлы, другіе такъ уходили поспѣшно.

На меня никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. А голодь все усиливался. Не въ состояніи долѣше его одолѣть, я, осторожно оглядываясь во всѣ стороны, съ замирающимъ сердцемъ подхожу къ столу и схватываю быстро всѣ оставшіеся кусочки хлѣба и засовываю ихъ за пазуху. И, забившись въ уголь, я ими быстро набиваю ротъ.

Но этого такъ мало и при этомъ я все это съѣлъ съ такимъ страхомъ и волненіями. И мнѣ такъ стыдно и гадко.

Измученный въ конецъ ожиданіемъ, охваченный мучительной тревогой, прилипъ я къ стеклу окна всѣмъ лицомъ и все смотрю, смотрю—не идетъ ли Пинхось съ матерью. Но нѣтъ, никто не является. Господи, что это такое!

Меня охватываетъ горькое чувство отчаянія, и я начинаю судорожно плакать.

Низко изъ-за тучъ, казавшихся мнѣ такими слякотными и холодными, какъ и улица, выглянуло солнце, тусклое, холодное, какъ и все кругомъ. Лужи сдѣлались багровыми, кровавыми.

Какъ тамъ въ степи должно быть хорошо теперь, подумалъ я опять. Тамъ уже повсюду травка, а тутъ сплошная лужа. Какъ хорошо въ Хаткѣ.

Беръ теперь сидитъ за талмудомъ; комната залита послѣдними лучами солнца. Зачѣмъ Пинхось увезъ меня оттуда? Какой онъ злой... Но отчего онъ не идетъ? Боже, и я все сильнѣе и сильнѣе заливаюсь.

Что-то стукнуло. Это протѣснился черезъ дверь со своимъ большимъ узломъ какой-то еврей, въ ужасно засаленномъ бурнусѣ, и опрокинулъ табуретъ. Я смотрю, какъ онъ прикладываетъ руку къ мезузѣ и цѣлуетъ ее.

Между его ногами, пока медленно, вкрадчиво пробралась кошка, которая сначала оглядывается во всѣ стороны, сгибая спину и поднявъ вверхъ хвостъ. Потомъ вдругъ рѣшительно она вскакиваетъ на столъ и принимается вылизывать тарелки, жалобно при этомъ мяукая. Мелкіе, быстрые и какъ бы тревожные шаги въ корридорѣ, женскій кашель. Я весь затрепеталъ.

— Лебеле, сердце мое, душа моя, горе моимъ годамъ, темно мнѣ...

И судорожно плачущая мать обливаетъ мое лицо и мою шею жгучими слезами.

Вошелъ ребѣ Хацкель - Ойзеръ, и мать стала быстро вытирать лицо и глаза.

— Около года не видала, — какъ будто оправдывалась она.

— Такъ это ваши дѣтки, Сура? — восклицаетъ онъ, увидавъ мать. — Чистый театръ былъ тутъ съ этимъ „хазеромъ“, этимъ разбойникомъ. Хорошо, что я былъ дома и услышалъ. Садитесь. Что вы спѣшите? А вашъ маленькій поблѣднѣлъ, какъ стѣна.

— Вы шутите съ ямпольскими разбойниками? За копейку онъ вамъ убьетъ человѣка.

— Мирель, Мирель, — начинаетъ онъ звать жену.

Та входитъ, растрепанная, держа въ рукахъ лукъ, который она чистить.

— Это вашъ мальчикъ! — воскликнула она, всплеснувъ руками. — Горе мнѣ, болячка мнѣ!.. А я хоть бы что-нибудь знала. Что бы я такъ знала о злѣ. Когда все торчишь на кухнѣ... Говоритъ мнѣ дѣвушка моя: какой-то мальчикъ тамъ. Ну, я знаю... Мальчикъ, такъ мальчикъ. Вѣроятно, кто-нибудь изъ прїѣзжихъ привезъ съ собой сына, думаю. А ты, Хацкель-Ойзеръ, тоже мудрецъ. Хоть бы сказалъ слово, — я бы его накормила хоть. Темные годы мои!.. Вѣдь такъ онъ тутъ сидѣлъ цѣлый день не ѣвши.

Вошелъ Пивхось, уже расплатившійся съ извозчикомъ, держа въ рукахъ небольшой узелокъ. Мы поднялись и пустились идти.

Какъ только мы вышли на улицу, мать опять прижала меня къ себѣ и судорожно зарыдала.

— Дитяtko мое безцѣнное, корона моя, — шепчетъ она сквозь рыданія, прижимая мою голову къ себѣ, подъ шалью. — Даль мнѣ, наконецъ, Господь увидѣтъ тебя, а куда я тебя поведу. Одинокая я, какъ камень, и негдѣ мнѣ голову преклонить. А спроси другихъ; всѣ говорятъ: такая большая, не сглазить бы, такая красивая мишпуха ¹⁾). Хороша мишпуха, когда

¹⁾ Родъ.

есть свой уголь. Кто хочетъ взять на себя обузу терпѣть у себя чужихъ дѣтей? Горе мое, до чего я дожила! Хорошаго дождалась, хорошаго... Вотъ, какъ приходится мнѣ встрѣчать моихъ дѣтокъ. Не съ радостью, а съ ужасомъ въ душѣ и со слезами.

Пинхось шелъ немножко позади и угрюмо молчалъ. И злобный огонекъ мгновеніями вспыхивалъ въ его глазахъ. Слова матери его какъ будто раздражали.

Плелись мы такъ около четверти часа, проѣзжая длинную и ужасно шумную улицу.

Всѣ нижніе этажи представляли сплошныя бакалейныя и другія лавки, передъ которыми стояли бочки со сливами, селедками, маслинами и т. п. Лавки прерывали мастерскія жестяниковъ, матрацныхъ и одѣяльныхъ мастеровъ, ватныя мелкія фабрики и т. п.

Всѣ тротуары, кромѣ того, были уставлены всякаго рода торговцами, продававшими прямо на улицахъ спички, мыло, щетки, ваку въ бѣлыхъ жестянкахъ, деревянныя издѣлія, хлѣбъ, селедку въ кускахъ и т. п. И всѣ наперерывъ тащили къ себѣ прохожихъ, выкрикивали свои товары, ругались между собой или просто перекрикивались. Все казалось какимъ-то сплошнымъ болотомъ, въ которомъ бьются и копошатся несчастныя живыя твари.

Когда мы дошли до ряда мясныхъ, мать вдругъ круто остановилась и, подумавъ немного, рѣшительно сказала: „Поведу его къ Леѣ. Пускай ворчить“.

— Хорошо,—сказалъ Пинхось: —я теперь пойду въ бесъ-гамедрашъ; послѣ Минха и Маривъ пойду къ дядѣ Мотелю, а потомъ нѣсколько позже вечеромъ, быть можетъ, туда зайду.

И, поласкавъ меня, онъ ушелъ, направляясь въ другую сторону.

Съ большимъ трудомъ перебравшись черезъ невѣроятно грязную улицу,—матери пришлось меня перенести на рукахъ,—мы прошли еще мимо одного большого ряда лавокъ съ колоннами, потомъ, повернувъ направо, мы очутились передъ большимъ и довольно красивымъ двухъ-этажнымъ домомъ.

— Вотъ тутъ живетъ тетка Лея,—сказала мать, указывая мнѣ на мучной магазинъ, съ настезь открытыми, окованными желѣзомъ и покрытыми мучной пылью дверями, за которыми еще были другія деревянные двери, тоже открытыя, съ выбитыми до одного стеклами.

На порогѣ, на низенькомъ стульчикѣ сидѣла чрезвычайно красивая молодая дѣвушка, съ умными выразительными глазами, тоже вся покрытая мучной пылью.

— Это Лебеле!—воскликнула она, увидѣвъ меня рядомъ съ матерью, и почему-то весело засмѣялась.

Ущипнувъ меня крѣпко за щеку, она прибавила:

— Что ты и впрямь такой сорви-голова, какъ о тебѣ говорить? Ты вѣдь получилъ славу по всему міру.

Сказавъ это, она поднялась, подошла къ деревянному ящику, стоявшему на сложенныхъ другъ на друга правильно разрѣзанныхъ, какъ и все кругомъ, покрытыхъ мучной пылью камняхъ, и, вытащивъ оттуда копѣйку, подала мнѣ, сказавъ.

— Смотри, не говори моей мамѣ.

Постоявъ съ нею минуты двѣ, въ теченіе которыхъ она весело и оживленно болтала, вся покраснѣвшия, мы углубились дальше и прорѣзали всю лавку, въ которую клиномъ врѣзался какой то стеклянный корридоръ, такъ что она имѣла форму треугольника. Сплошными стѣнами по двумъ сторонамъ стояли другъ на другѣ мѣшки съ мукой, которой пропитана была вся атмосфера, такъ что освѣщенная полоса, которая прорѣзывала всю темную глубину, походила на растянутую кисею.

Въ этой темной половинѣ цѣлый большой уголъ былъ заваленъ всякимъ дряннымъ тряпьемъ, обломками отъ всякой мебели, деревянными ящиками и т. п. Открывъ заднюю дверь съ выбитыми стеклами и чрезвычайно грязную, мы очутились въ большихъ сѣняхъ, освѣщенныхъ узкимъ окномъ въ два запыленныхъ стекла, пропускавшія скудный свѣтъ.

Мать ощупью нашла дверь направо, и когда она ее открыла, я увидѣлъ другую, узенькую дверь съ противоположной стороны. Перешагнувъ порогъ, мы очутились въ

большой темной кухнѣ съ двумя грязными загроможденными окнами, выходящими въ какой-то открытый корридоръ или галлерею сосводами и широкими колоннами, заслонявшими все освѣщеніе.

— А это ты, Сура, со своимъ „мизиникомъ“¹⁾,—сказала женщина среднихъ лѣтъ, стоявшая у печи и надъ чѣмъ то тамъ возившаяся.

И, сказавъ это, она опять согнулась надъ припечкомъ, мѣшая ложкой въ котлѣ или горшкѣ.

Это была тетя Лея, сестра матери; хотя она стояла какъ разъ противъ окна, но трудно было разглядѣть подробно ея черты. Я только замѣтилъ нѣсколько крупный носъ и морщины, тянувшіяся отъ праваго глаза.

Мать, совершенно обезсиленная, еле держалась на ногахъ и, не ожидая приглашенія присѣла не помню на чемъ между печкой и широкой кроватью, на которой было навалено всякой одежды.

Вообще во всей комнатѣ царилъ ужасный беспорядокъ, все было какъ будто нагромождено одно на другое. О порядкѣ тутъ, очевидно, никто не заботился и потому все было такъ непривѣтливо.

— Еле дышу, совсѣмъ изъ силъ выбилась,—сказала мать, закашлявшись вдругъ сильно, такъ что вся она затряслась.

— Немножко воды, пожалуйста,—сказала она, передохнувъ наконецъ.

— Табеле, дай, сердце, каплю воды теткѣ,—сказала тетка Лея.

Дѣвочка лѣтъ десяти, съ красными щеками, красивыми карими глазами, совершенно похожая на молодую дѣвушку, что сидѣла въ лавкѣ, поднесла матери воды въ большой мѣдной кружкѣ.

За нею, быстро двигаясь по полу на задѣ, изъ темнаго противоположнаго угла, приползло какое-то странное уродливое существо въ одной грязной рубашкѣ съ широкимъ ртомъ, большимъ острымъ носомъ, блѣднымъ, старческимъ

¹⁾ Мизиникъ—младшій въ семьѣ.

лицомъ и острой маленькой головкой. Оно расположилось на землѣ около насъ и устремило на меня свои маленькіе черные блестящіе глаза, въ которыхъ было что-то такое, отъ чего мнѣ стало жутко, и я прижался къ матери.

— Это несчастная калѣка,—шепнула мнѣ мать.—Не дай Богъ ни одному еврею. Ей уже одиннадцать лѣтъ, а она ходить не можетъ, а только ползаетъ. Божье наказанье.

Минуть десять сидѣли мы почти молча. Тетка все возилась около печки, гдѣ временами вспыхивало пламя, освѣщавшее комнату краснымъ заревомъ, отражавшимся на окнахъ. Мать то тяжело и глубоко вздыхала, то вытирала падавшія слезы и только изрѣдка перебрасывалась съ теткой нѣсколькими словами.

— Лебеле, Минха,—вспомнила она вдругъ.

Мнѣ достали истрепанный женскій сидуръ, и я совершилъ молитву.

Въ комнатѣ водворилась совершенная мгла, такъ что трудно было разглядѣть другъ друга.

— Ты голодень, мое дитяtko дорогое, — тихо сказала мнѣ мать и всплеснула руками.—Боже мой! Совершенно какъ будто потеряла свой разумъ. Горе все у тебя отнимаетъ.

Она быстро поднялась и сказала съ глубокой горечью и отчаяніемъ въ голосъ: „Пойти мнѣ дальше, что-ли“.

Тетка ничего не сказала. Въ это время дверь отворилась.

— Какая у тебя тьма, маме, какой мракъ; совсѣмъ какъ въ Египтъ,—раздался мягкій ласкающій женскій голосъ.

— Вотъ сейчасъ, сейчасъ зажжемъ,—отвѣтила тетка, мягко и какъ будто извиняясь. И она, дѣйствительно, сейчасъ зажгла остатокъ сальной свѣчи, торчавшій въ облѣпленномъ сверху до низу свѣчнымъ саломъ жестяномъ под-свѣчникѣ, который стоялъ на широкомъ карнизѣ печки.

— Смотри! Тетя Сура здѣсь. Добрый вечеръ вамъ, тетя. А это вѣрное Лебеле. Подойди-ка ко мнѣ, дай мнѣ посмотрѣть на тебя. О тебѣ вѣдь много говорятъ и рассказываютъ. Ну, подойди же, что ты такъ стыдишься? Я вѣдь тебѣ двоюродной сестрой прихожусь. Или ты на женщину вовсе не смотришь?

И молодая стройная женщина, которая своимъ появленіемъ наполнила мрачную берлогу яркимъ свѣтомъ и тепломъ, притянула меня къ себѣ.

— Зайдите, право, ко мнѣ, тетя. Чего вы стоите, словно подводы ждете, что-ли. Зайдемте, право, ко мнѣ. Посидимъ, поболтаемъ. Что вамъ особенно спѣшить.

Въ этомъ тонѣ было что-то такое ласковое, сердечное и участливое, что на душѣ становилось такъ хорошо. И даже на печальномъ, омраченномъ лицѣ матери проскользнула словно свѣтлая полосочка.

Я сейчасъ догадался, что это Ханеле, старшая дочь тети Лей, о которой мать бывало часто рассказываетъ съ восторгомъ, какъ о перлѣ нашей мишпухи ¹⁾.

Не знаю, приписать-ли это моей впечатлительности и способности создавать по воспринятымъ впечатлѣніямъ опредѣленные образы, или же мастерскимъ характеристикамъ и рельефнымъ описаніямъ моей матери, но я нѣкоторыхъ изъ родни нашей нашелъ совершенно такими, какими я себѣ ихъ рисовалъ по ея рассказамъ о нихъ до того, что они казались мнѣ старыми знакомыми, которыхъ я уже давно видѣлъ.

Мы прорѣзали сѣни и, поднявшись по двумъ, тщательно вымазаннымъ охрой каменнымъ ступенькамъ, вошли въ небольшую, свѣтлую, сіявшую чистотой и опрятностью комнату, съ однимъ окномъ на ту же галлерею съ колоннами.

На овальномъ полированномъ столикѣ на одной ногѣ, стоявшемъ передъ небольшимъ диванчикомъ и покрытомъ свѣтчатой вязаной скатертью домашней работы, горѣла небольшая, фарфоровая лампа съ бѣлымъ абажуромъ.

Въ глубинѣ стояли другъ противъ друга двѣ полированные, съ точеными ножками и спинками кровати, очень красиво убранныя; между ними, опираясь о глухую стѣну, находился комодъ, на которомъ ровно въ серединѣ стояло круглое подвижное зеркальце на черныхъ точеныхъ ножкахъ и въ такой же рамѣ. По обѣ стороны этого туалетнаго зеркала или „туалетель“, какъ его называли, стояли два се-

¹⁾ Мишпуха--родъ.
кн. № I.

ребряныхъ подсвѣчника и два большихъ цвѣтныхъ бокала съ искусственными букетами. Впереди подсвѣчниковъ на первомъ планѣ, на красивомъ подносикѣ, лежали стальные щипчики для сниманія нагара со свѣчи. Надъ комодомъ, на стѣнѣ, висѣлъ большой портретъ р. Мойше Монтефиоре со множествомъ надписей на древне-еврейскомъ языкѣ, а по обѣ стороны портрета висѣли вышитыя гарусомъ картины. Кромѣ того, какъ разъ противъ диванчика, стоялъ шкафъ для платья, а на немъ лежало множество большихъ брилліантовъ.

Комната была нѣсколько слишкомъ загромождена и по ней трудно было двигаться; но все было разставлено и убрано съ большимъ вкусомъ.

Тутъ, очевидно, находилось все имущество молодой четы.

— Ханеле,—сказала мать, какъ только мы переступили порогъ комнаты.—Тяжело мнѣ, но вѣдь тебѣ я могу сказать. Ребенокъ ужасно голоденъ.

И потомъ, обращаясь ко мнѣ, она спросила:

— Лебеле, скажи, мое дитя, ты ѣлъ что-нибудь сегодня?—И съ послѣдними словами она проглотила что-то съ большимъ трудомъ.

Я ничего не отвѣтилъ и только глаза наполнились слезами.

— Какъ!—воскликнула вся занегодовавъ Ханеле.—Ребенку еще не дали кушать. Не знаю, право, что стало съ мамой, да простить мнѣ Господь мою дерзость.—И она быстро поднялась, чтобы броситься на ту половину. Но мать ее удержала, умоляя ее не поднимать шума и вообще ничего не говорить матери.

Ханеле вытщила изъ шкафа какой-то коржикъ на яйцахъ и подала мнѣ. Больше у нея ничего не оказалось, такъ какъ она съ мужемъ ѣла у матери. Она хотѣла побѣждать кое-что достать, но въ это время въ сѣняхъ послышались шаги.

— Это Бурихъ идетъ изъ хедера,—замѣтила Ханеле.—Значитъ, сейчасъ будутъ ужинать.

Съ глазами полными слезъ я принялся ѣсть поданный коржикъ, между тѣмъ какъ мать и Ханеле усѣлись на открытые накрахмальными чехлами стулья около стола.

— Что мнѣ сказать тебѣ, Ханеле,—начала мать.—Имѣй я деньги сегодня, такъ сохрани Богъ всѣхъ, кто мнѣ дорогъ. Даже злѣйшимъ врагамъ я не желаю такого горя, такого униженія. Боже, неужели я такъ грѣшна, что Ты меня такъ жестоко наказуешь!—И мать съ трудомъ подавила сдавливавшій ее плачь.

— Тетя, милая, перестаньте, успокойтесь,—начала Ханеле, сама еле удерживая слезы.—Я все вѣдь, все вижу; но что дѣлать. Отчего Богъ такъ устроилъ, что кто хочетъ, тотъ не можетъ, а кто можетъ, тотъ не хочетъ. Впрочемъ, говорить же мнѣ, что всякій бѣднякъ щедръ. И быть можетъ, когда тотъ, кто хочетъ дѣлать добро, будетъ и въ состояніи, онъ потеряетъ способность хотѣть. Но перестаньте же, тетя, лучше расскажите, въ чемъ дѣло, лучше все-таки снять тяжесть съ сердца, чѣмъ носить ее въ себѣ.

— Ты права,—отвѣтила мать.—Выскажешься, выплечешься,—все-таки легче. Только это облегченіе намъ, горемыкамъ, и остается. Но не всегда и это возможно. Каждый занятъ собой, своимъ горемъ или своими радостями. Что имъ до другихъ. Таковъ теперешній мнръ... Да, такъ вотъ расскажу тебѣ. Знай хоть ты мое горе и мои муки. Сидимъ мы сегодня съ Бейлой, сидитъ въ рубленныхъ ранахъ, горе мое, и ждемъ этого молодого человѣка. Можетъ быть, это зивугъ ¹⁾, я знаю. Кажется, ничего себѣ молодой человѣкъ. Знаетъ хорошо талмудъ и, говорятъ, совсѣмъ хорошій бааллошонъ ²⁾. Правда, есть пятнышко. Что тамъ ни говори, а все-таки литвакъ. И одѣвается коротко. Какъ хочешь, я не могу этого видѣть. Правда, въ послѣднее время онъ уже сталъ закладывать брюки въ голенища; но все-таки сюртукъ слишкомъ короткій и съ разрѣзомъ позади. Это же пахнетъ новымъ свѣтомъ. И нельзя сказать, что мишпуха уже очень важная. Говорятъ, отецъ былъ шамесомъ на Литвѣ. Но все-таки молодой человѣкъ очень и очень благочестивый и, кажется, порядочный человѣкъ. Имѣетъ онъ также, какъ говорятъ, немного денегъ. Въ прошлую субботу явился въ шубѣ

¹⁾ Партія, опредѣленная выше.

²⁾ Стилистъ.

такъ она навѣрное стоитъ пятьдесятъ рублей. Очень перебирать я не могу, горе мое. Что, развѣ это цѣль — сидѣть у Рухель. Цѣлые дни она обливается слезами... Такъ вотъ, значить, сидимъ мы и ждемъ его, горе мое. Хорошо, когда я должна у чужихъ на кухнѣ ждать жениха для моей дочери. Ты ужь поймешь, что у меня было на сердцѣ. Вдругъ отворяется дверь и входитъ Пинхось. Какъ, откуда,—Боже мой! Понимаешь, я думаю, что онъ у Бера, и вдругъ онъ является, горе моимъ годамъ. Я вѣдь не имѣю права даже радоваться дѣтямъ моимъ. Ой, Ханеле, лучше не родиться, чѣмъ имѣть дѣтей и не имѣть для нихъ ни угла, ни пристанища. О, какое это страшное проклятіе! Такъ вотъ входитъ онъ, блѣдный, растерянный такой. „Я и Лебеле, говорить, привезъ съ собою. Только знаешь“... И начинаетъ путать. Я вся затряслась. Думаю уже, не дай Богъ, несчастье случилось. Гдѣ же, восклицаю я, Лебеле? „Да ничего, ничего,—путаешь онъ опять языкомъ.—Только знаешь, я оставилъ его на постояломъ дворѣ. Надо заплатить фурману тамъ пятьдесятъ копѣекъ, а я не имѣю“. Ну, ну, что тебѣ сказать. Такъ и потемнѣло у меня въ глазахъ, и руки, и ноги подкосились. Гдѣ я возьму такую гору денегъ. Я ужь и не помню, когда я грошъ у себя видѣла. Что мнѣ тутъ дѣлать, темные годы мои. И какъ подумаю, что бѣдное дитя пока тамъ среди чужихъ оставленъ въ залогъ,—горе мое, несчастье мое! Я такъ и заломала руки и стала, какъ глиняный истуканъ, и не могу двигаться. А тутъ выходитъ сестричка моя Рухель, значить, и какъ только увидала Пинхоса, начала, какъ она умѣетъ: „Ого, опять твой дорогой кадишъ тутъ. Не могъ удержаться тамъ. Соскучился по своимъ шарлатанчикамъ, хорошимъ братушкамъ своимъ. Не вырастетъ изъ него добра“. Видала ты, чтобы такъ сыпать соль на язвы. И можетъ быть ты знаешь, кто эти „шарлатанчики“ и „добрые братики“. Но что я стала съ ней объясняться. Только все внутри меня, какъ въ котлѣ. Набрасываю шаль на плечи и бѣгу. Спроси меня, куда? Просто во вселенную, какъ говорить. А грязь, знаешь какая, хоть утонуть. А мои несчастные шкрабы ¹⁾.

¹⁾ Стерые истоптанные башмаки.

падают ежеминутно съ ногъ и хожу я все равно, что бо-
 сикомъ по грязи. Тащусь я, чтобы мой врагъ зналъ куда
 и какъ. Чулки насквозь пропитаны грязью. Вотъ, думаю рѣ-
 шительно, пойду къ тому или тому. Навѣрное не откажетъ.
 Какъ можно отказать въ такомъ случаѣ. А только увижу
 домъ издали, вся холодѣю и нѣмѣю,—и иду себѣ дальше.
 Плечусь я такъ и уже еле дышу. И вотъ предо мной лавка
 Хиньки—богачки-то, нашей. Набралась я духу и зашла. За-
 хожу. Хорошая помощь.—Хороший годъ... Она сидитъ передъ
 ящикомъ ¹⁾. У меня и ротъ не раскрывается. Пока я рѣши-
 лась, можешь себѣ представить. А тутъ еще, какъ на зло,
 все люди вертятся, маклера, покупатели, люди носятъ мѣшки,
 катать бочки; товары выносятъ, приносятъ,—словомъ, кипитъ.
 А деньги такъ и сыплются въ ящикъ не сглазить бы:
 бумажки, серебро, мѣдь—груды, цѣлыя груды. Стою я ²⁾
 гробъ чувствую, стою я и думаю: О Господи, кому Ты только даешь,
 кого набиваешь. Но сейчасъ же раскаялась за свои дурныя
 мысли. Знаетъ Господь, что Онъ дѣлаетъ, и не мнѣ, глупой
 невѣжественной женщинѣ, судить. Стою я, и кажется, ни
 одной капли крови во мнѣ не осталось. Боже, не дай Богъ
 никому! Наконецъ дождалась, когда стало немножко простор-
 нѣе, подхожу и чувствую, что все завертѣлось вокругъ меня.
 Но, что дѣлать. Начинаю. „Такъ и такъ, говорю я шепотомъ,
 нагнувшись къ ней. На короткое время. Заложу послѣднее,
 а тебѣ отдамъ“. Что же бы ты думала? Дѣлаетъ она мнѣ та-
 кое жалостливое лицо, чуть не плачетъ. Чтобы она такъ и
 такъ, если она торговала сегодня пятьдесятъ копѣекъ. Развѣ
 она живетъ, развѣ она можетъ съѣсть спокойно кусокъ
 хлѣба. Вся родня ее объѣдаетъ, и никогда она покою бѣд-
 ная не знаетъ... Словомъ, она такая несчастная, что, пожалуй,
 не мѣшало бы, чтобы я ей бѣдненькой помогла. Ну, какъ
 она тебѣ нравится, эта несчастная, которой одинъ домъ, го-
 ворять, стоитъ пять тысячъ. Можешь себѣ представить, съ
 какимъ сердцемъ я вышла отъ нея.

Стала я среди дороги и не знаю, что придумать, хотъ

¹⁾ Кассой.

²⁾ Какъ нищій у порога.

бери да бросайся въ море. Пошла я еще въ два мѣста и нѣтъ, нѣтъ. Иду такъ безъ головы и брожу себѣ по Еврейской улицѣ, а горе такъ и давить. Госпеди, что дѣлать. Вдругъ мнѣ навстрѣчу маленькій косою Фалекъ. Ты его навѣрное знаешь, книгоношу Фалека. Онъ что-то дальній родственникъ нашъ. Кромѣ того, мы выросли вмѣстѣ. Онъ горькій бѣднякъ и три раза въ день умиралъ съ голоду. Я хочу уйти въ сторону. Зачѣмъ, думаю я себѣ, мы другъ другу со своимъ горемъ. Но онъ меня замѣтилъ. Подходить.—Что ты подѣлываешь, Сура? Давно тебя не видѣлъ. Что твои дѣтки? и т. д.

Я не отвѣчаю и спрашиваю:—Ну а какъ ты, Фалекъ. Какъ у тебя насчетъ Песаха?—Песахъ,—отвѣчаетъ онъ мнѣ съ улыбкою,—у меня давно уже на половину готовъ. Какъ это,—спрашиваю я удивленно. Да такъ,—говорить:—хомеца ¹⁾, у меня дома ни крошки. Какъ онъ тебѣ нравится. Еще острить надъ своею бѣдностью. Я горько усмѣхнулась и хотѣла идти. Но Фалекъ меня задержалъ. Чего тебѣ особенно спѣшить. Такъ долго не видѣлись. Поболтаемъ немножко. Расскажи, что и какъ. А я все молчу. Что это съ тобой?—спрашиваетъ онъ вдругъ:—глядишь ты, словно, избави Богъ, несчастье случилось какое нибудь. Я отвѣчаю, что ничего не случилось, но что горя всегда достаточно. Ну, онъ спрашиваетъ, куда я иду. Я полусловами: то, се. Наконецъ, какъ будто шутя, рассказываю ему, какъ мой мизиникъ оставленъ въ залогъ за пятьдесятъ копѣекъ у фурмана, и вотъ я теперь иду доставать денегъ, такъ какъ у меня нѣтъ. И хочу опять идти дальше. Но Фалекъ меня останавливаетъ. Знаешь, говорить Сура, у меня такой суммы нѣтъ, не то сейчасъ бы выкупилъ. Но постой, постой, не убѣгай. Подумай только ענין שררה—говорить онъ смѣясь,—выкушъ плѣнныхъ по нашимъ мудрецамъ выше постройки храма, и я бы очень хотѣлъ имѣть эту мицву ¹⁾. Такъ я, кажется, достаю. Подожди одну минуточку. Сейчасъ прибѣгу. Я думаю, что это онъ съ ума сошелъ. Но что дѣлать. Хватаешься за соломенку. Подожду,

¹⁾ Хомецъ, собственно кислое тѣсто. Значить также хлѣбъ.

²⁾ Доброе дѣло.

думаю. Ничего вѣдь я не потеряю. Подошла пока къ Двойрѣ, что стоитъ съ „столикомъ“ недалеко,—постояла этакъ не больше десяти минутъ и вижу, какъ мой бѣдный Фалекъ бѣжитъ весь запыхавшись съ распущеннымъ бурнусомъ и машетъ мнѣ обѣими руками. Досталъ, досталъ,—кричитъ онъ мнѣ радостно навстрѣчу и подаль мнѣ деньги, сказавъ добраго дня—и сей часъ же исчезъ. Ну, что ты скажешь?—продолжала мать, уже утирая слезы.—Въ книгахъ стоитъ написано, что есть люди, которые пріобрѣтаютъ будущую жизнь въ одинъ часъ. Если есть такіе, такъ это вѣрно Фалекъ. Пускай Богъ вознаградитъ его, его дѣтей и весь его родъ за то, что онъ мнѣ сдѣлалъ. Что бы я стала дѣлать безъ него, Господи!

Ханеле всплеснула руками отъ удивленія и восторга и воскликнула:

— Тетя, знаете вы вѣдь, что я не завистлива. Но вотъ теперь я была охвачена завистью къ Фалеку. Какъ мнѣ хотѣлось бы быть на его мѣстѣ. Какъ хорошо совершить такое доброе дѣло. Видите, Господь всегда избираетъ своихъ посланниковъ среди бѣдныхъ и униженныхъ. „Не надѣйтесь на вельможъ“, сказано въ псалмахъ и писаніи. Мойше рабейну былъ пастухомъ. Царь Давидъ былъ пастухомъ; самъ Мушіахъ, говорятъ наши мудрецы, будетъ нищій, развѣзвающій на ослѣ верхомъ. Зачѣмъ предоставить толстой жирной Хинькѣ такое доброе дѣло. И вотъ Онъ, Всевышній, избралъ бѣднаго Фалека. Нѣтъ у него богатства, нѣтъ у него даже хлѣба, такъ пускай будетъ у него другое счастье отъ добрыхъ дѣлъ. Я вамъ расскажу въ другой разъ по этому поводу, что имѣла я съ Фишелемъ. Онъ вѣдь тоже готовъ снять съ себя рубаху и отдать бѣдному.

Въ это время пришли насъ звать ужинать. Мать, крѣпко обнявъ меня, ушла домой, сказавъ, что черезъ часъ придетъ, а я и Хане отправились на другую половину.

Освѣщенная одной только тоненькой свѣчкой, кухня, наполненная дымомъ и паромъ, теперь казалась еще мрачнѣе, непривѣтливѣе.

Съ часъ послѣ ужина, состоявшаго изъ какого-то густого супа, съ огромными картошками, пришла мать со

старшей сестрой Беймой, а нѣсколько позже пришелъ Пинхось съ однимъ двоюроднымъ братомъ Йоселемъ, сыномъ дяди Мотеля, юношей тѣхъ же лѣтъ, что и Пинхось.

Онъ прямо подошелъ ко мнѣ, шутливо далъ мнѣ „шоломъ“ и далъ мнѣ при этомъ серебряный гривенникъ.

„Совсѣмъ не еврейское лицо, подумалъ я, посмотрѣвъ на его коротенькій сюртукъ, совершенно почти остриженные пейсы и особенно на его „польку“.

Когда мы снова усѣлись всѣ въ уютной комнаткѣ Ханеле, пришелъ и ея мужъ Фишель, молодой человекъ лѣтъ двадцати трехъ, немного сутуловатый, съ нѣсколько соннымъ, какъ будто недовольнымъ выраженіемъ лица, очень худого и покрытаго рѣденькой бородкой, плохо прикрывавшей множество красныхъ прыщей, ютившихся особенно по бокамъ.

— Смотри, смотри, — сказалъ онъ, держа все голову опущенной и какъ будто ни на кого не глядя: — какіе гости, совсѣмъ таки дорогіе гости. Шоломъ-алеихемъ, Пинхось. Откуда ты вдругъ взялся? Еще маленькій тоже. Знаменитый шейгецъ ¹⁾ Лебеле, вѣрно. Шоломъ-алеихемъ. Соскучился въ деревнѣ? Вотъ и всѣ ваши тутъ, тетя. А я вижу, вы какъ будто и не рады. Послала ты за чаемъ, Ханеле?

Онъ говорилъ тихимъ, нѣсколько хриплымъ подавленнымъ голосомъ, но какъ только онъ заговорилъ, съ лица сейчасъ сошла угрюмость, и синіе, въ глубину ушедшіе глаза засвѣтились привѣтливостью и сердечностью.

Онъ снялъ съ себя нѣсколько засаленное и сильно пахнувшее рыбой пальто, которое Ханеле сейчасъ вынесла въ сѣни, и остался въ коричневомъ сюртукѣ въ бѣлыхъ мелкиихъ крапинкахъ.

— Имѣешь копѣйки какія-нибудь? — спросила его Ханеле ласковымъ улыбающимся голосомъ, когда онъ усѣлся.

Фишель сталъ рыться въ жилетномъ карманѣ и вытащилъ оттуда нѣсколько копѣекъ, которыя ей подаль. Получивъ деньги, она вышла на ту половину и скоро опять возвратилась.

¹⁾ Шалунъ, сорви голова.

— Ну, расскажи, Пинхось, что-нибудь новое, — начал Фишель, заложивъ руки въ карманъ и усѣвшись.—Гдѣ и какъ ты странствовалъ, какъ пріѣхалъ, почему пріѣхалъ. Ты вѣдь всегда блуждаешь по міру, какъ осужденный грѣшникъ. Или можетъ быть ты каешься и справляешь голусъ ¹⁾. Сегодня ты въ одномъ мѣстѣ, завтра въ другомъ. А то, быть можетъ, въ тебѣ душа какого-нибудь великаго, но согрѣшившаго праведника, который долженъ выстрадать въ сей жизни, чтобы возродиться потомъ снова чистымъ и исправить міръ.

— Прежде чѣмъ исправить міръ, онъ хорошо сдѣлалъ бы, если бы сначала исправилъ свои штаны,—сѣострилъ Юсель.

— Сказано, что въ будущемъ, исправленномъ мірѣ нѣтъ ни ѣды, ни питья, а праведники сидятъ съ коронами на головахъ и наслаждаются созерцаемъ Божества,—отвѣтилъ Пинхось съ талмудическимъ напѣвомъ и вертя въ воздухѣ толстымъ пальцемъ лѣвой руки.—Коль скоро говорится объ однѣхъ коронахъ, то отсюда слѣдуетъ, что ни о какой одеждѣ тамъ тоже знать не будутъ.

Хотя Пинхось говорилъ это въ шутливой формѣ, но на лицѣ матери появилось блаженство отъ этой талмудической цитаты.

Дверь отворилась и вошла Тайбель, держа обѣими руками большой жестяной чайникъ и сжимая подъ мышкой, чтобы не уронить, что-то, завернутое въ сѣрую бумагу, которое оказалось сахаромъ въ количествѣ четверти фунта. Ханеле налила всѣ имѣвшіеся въ домѣ стаканы и раздала гостямъ, а чайникъ укрыла теплой шалью, чтобы не остылъ.

— А знаете, — началъ вдругъ Пинхось: — я въ эту субботу буду въ бесѣ-гамедрашѣ читать гоймелъ ²⁾.

— Ты говоришь серьезно?—спросили почти всѣ заразъ.

— Совершенно серьезно, вотъ увидите. Да мы были на волосокъ отъ смерти.

¹⁾ Справлять голусъ—значитъ обречь себя на изгнаніе и блужданіе въ видѣ покаянія.

²⁾ Публичная молитва по случаю избавленія отъ опасности.

— Что такое случилось, горе моимъ годамъ!—испуганно вскочила мать.

— Я знаю, я знаю!—воскликнулъ я. И меня охватила сильная досада, что я до сихъ поръ объ этомъ не рассказывалъ матери. Я хотѣлъ поправить теперь зло, но Пинхось закрылъ мнѣ ротъ всей пятерней.

— А вотъ я расскажу вамъ все подробно. Стоитъ послушать. Только ты, Лебеле, не перебивай. Еще будешь имѣть кому рассказывать. А ты, маме, не пугайся. Вѣдь все это уже миновало, и, какъ видишь, мы оба живы и здоровы, а теперь я даже радъ, что это случилось и Лебеле уже навѣрное. Онъ вообще былъ молодець. Такъ слушайте же.— Начну съ Адама перваго.

— Я, знаете, всю зиму жилъ въ деревнѣ у Кивы Тудровскаго. Онъ когда-то въ Тудровѣ содержалъ шинокъ, такъ его такъ называютъ. Жить мнѣ тамъ было хорошо, даже слишкомъ хорошо. Ухаживали за мной, какъ за женихомъ или новобрачнымъ, и я купался въ маслѣ и сметанѣ и только и зналъ, что сидѣлъ себѣ за Талмудомъ въ чистенькой комнатѣ. Ты вѣдь, маме, знаешь Алге. Это такая чистеха, какой мѣръ не выдалъ, и добрая она, какъ мѣръ, не то что эта дочь портного (намекъ на жену Бера). Все хорошо было бы, да вдругъ пронюхалъ я, что они хотятъ меня закрутить за свою племянницу. Дѣтей у нихъ нѣтъ, и вотъ они выдаютъ замужъ племянницъ и женятъ племянниковъ. А эта племянница, которая мнѣ предназначалась, простите меня всѣ, такая паскудища—одна въ мѣрѣ. Худенькая, маленькая, не выше собаки въ лежачемъ положеніи и черная, черная, какъ будто ее сквозь трубу протаскали.

Сначала я какъ будто не обращалъ вниманія; но потомъ увидѣлъ, что тутъ не отдѣлаешься. Тогда я рѣшилъ немедленно поднять ноги и убѣжать. И благополучно выполнилъ свое рѣшеніе съ Божьей помощью. Этого, конечно, уже совершенно достаточно, чтобы читать гоймелъ. Избавиться отъ такого зивуга—это не пустяки. Тутъ нужны большіе *הכוח הכוח*¹⁾. Но это не все. Главное только начинается.

¹⁾ Заслуги предковъ.

Прибыль я въ А. и тамъ погостилъ недѣли двѣ, а потомъ пустился къ Бѣру. Ну, что тамъ было у Бѣра, расскажу въ другой разъ, а то лучше и не рассказывать. Пробыль я тамъ три дня, а потомъ взялъ вотъ Лебеле въ одну ночь и пустились мы сюда. Это было, значить, въ прошлую среду. Ночевали мы въ А., а въ четвергъ утромъ, часовъ въ одиннадцать, сѣли мы на лодку, чтобы переѣхать Лиманъ. При попутномъ вѣтрѣ этотъ переѣздъ продолжается часа полтора, а иногда даже и часъ. А вѣтеръ какъ разъ попутный, такой, что лучшаго и быть не можетъ. Вотъ и полѣзли мы въ лодку и отправились. Съ нами было еще человекъкъ десять евреевъ, изъ нихъ пять изъ А. Ты, маме, должна ихъ всѣхъ знать: длинный Ицекъ Беръ, зять Лебъ-Буриха, р Гершъ-Лейзеръ, р. Меиръ-Янкель, братъ жены шохата р. Ноаха, р. Вельвель и р. Шимшонъ-Дувидъ. Остальные изъ Ямполки. Лодка такъ и летитъ, какъ пущенная стрѣла, и всѣ кричатъ въ одинъ голосъ: черезъ часъ мы въ Ямполкѣ. Летѣли такъ съ полчаса,—и уже показывается вдали церковь Ямполки. Начинаютъ всѣ потирать руки. Какъ разъ, говорить, къ обѣду поспѣемъ. Только вдругъ видимъ—лодочникъ парусъ снимаетъ. Ну, снимаетъ, такъ снимаетъ. Это его дѣло. Но длинный Ицекъ-Беръ, тотъ понимаетъ. „Ой, говорить: вѣтеръ перемѣнился и гонитъ что то въ сторону“. Спрашиваемъ у лодочника, а онъ: „Та нічого“, какъ отвѣчаетъ мужикъ обыкновенно.

А небо стало темное, темное и волны подвялись, какъ горы. Такъ и кажется, будто огромные дикіе звѣри съ пѣнящимися пастями гонятся другъ за другомъ. Волны эти приходятся намъ какъ разъ сбоку. И каждый разъ какъ ударятъ, вся лодка нагибается въ одну сторону до того, что мы всѣ падаемъ, и ужасъ охватываетъ такой, словно передъ тобой открывается могила. Еще одна секунда, и мы всѣ въ водѣ. А брыаги, какъ цѣлые снопы, летятъ вверхъ и обдають насъ всѣхъ. И бросаетъ насъ то въ одну, то въ другую сторону. Церковь давно какъ будто сквозь землю провалилась, и того берега больше не видать даже и слѣда. Кругомъ только однѣ пѣнящіяся горы волнъ, одна выше другой. И такъ онѣ сердито ходятъ, надвигаются, какъ будто

хотятъ все проглотить. Ухъ, какъ страшно! И каждый разъ, какъ ударять въ лодку, она или вскакиваетъ вверхъ, или опускается въ глубину. И такъ вотъ кружить и швыряетъ насъ какъ щепку. Проходитъ уже не часъ, а два и три, и мы не только не приближаемся, но все больше удаляемся отъ Ямполки. И самъ лодочникъ признается, что не знаетъ, гдѣ мы. Понимаете, какое положеніе.

— Боже мой, Боже мой!—воскликаетъ мать, вся замершая отъ ужаса, и всплеснула руками. И какъ будто желая меня спасти отъ угрожающаго несчастья, стала меня прижимать къ себѣ.

Тотъ же ужасъ испытываютъ и другіе слушатели.

Я самъ, хотя все это пережилъ и видѣлъ, слушалъ съ величайшимъ интересомъ, какъ будто все это было для меня ново. А главное, я, тутъ слушая, испытывалъ гораздо больше ужаса, чѣмъ на дѣлѣ. Тамъ я совсѣмъ не сознавалъ опасности, и мнѣ даже все очень нравилось.—Стали наступать сумерки, продолжалъ Пинхось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣтеръ сталъ утихать, а потомъ стало совсѣмъ тихо, какъ будто ничего и раньше не было. И не знаешь, двигается ли лодка или стоитъ на одномъ мѣстѣ. Ну,—говорить р. Шимшонъ-Дувидъ:—теперь пора наконецъ совершить Минха. И такъ опоздали. Пожалуй и мааривъ не стыдно было бы начать. Я вѣдь кадишь говорю по матери. Миньонъ ¹⁾ у насъ слава Богу есть, такъ и начнемъ. И онъ началъ: וְרַבְרַבִּי אֵל מִשָּׁה לְאִמּוֹר, какъ только кончили וְשׁוֹרֵר и на чали וְשֵׁא, какъ вдругъ почувствовали, что лодка трется о что-то, какъ телѣга, что забралась въ чашу льса. Да, забылъ вамъ сказать, что какъ сталъ утихать вѣтеръ, началъ спускаться туманъ, да такой густой, сырой, какъ будто мокрая тряпка повисли въ воздухѣ. И на разстояніи двухъ шаговъ ничего, ничего не видно, какъ будто весь міръ кругомъ исчезъ, какъ говорится въ וּהַשֶּׁךְ לֹא פָנֵי הַהוֹם ²⁾ וְהַשֶּׁךְ לֹא פָנֵי הַהוֹם. И такимъ образомъ нельзя было видѣть, куда направляется лодка. Что же оказывается? Оказывается, что теченіемъ насъ

¹⁾ Необходимое для молитвы число людей.

²⁾ И тьма надъ бездною.

занесло въ палонки ¹⁾). И вотъ мы засіряли среди высокаго лозняка и ни туда, ни назадъ. Ге,—говоритъ Шимшонъ-Дувидъ:—стоять не бѣда. Лишь бы не носило и не бросало какъ прежде. Давайте кончимъ молитву. Гдѣ востокъ? Но никто не знаетъ. И выбрали наугадъ. И вотъ совершали мы спокойно молитву, какъ будто не на лодкѣ, а въ бесѣ-гамедрашѣ. Р. Шимшонъ-Дувидъ читаетъ громкую, шмоне-эсре ²⁾ на-распѣвъ, очень красиво, какъ онъ умѣетъ. У него вѣдь чудесный голосъ и нусахъ отлично знаетъ.

Кончивъ Минха, мы сейчасъ такимъ же манеромъ и молитву Мааривъ совершили. И право какъ будто веселѣе стало. Совсѣмъ потеплѣло на сердцѣ. И забыли мы всѣ, что мы куда-то заброшены, Богъ знаетъ куда. Послѣ молитвы вытащили всякій, кто что имѣлъ, глотнули по каплѣ водки изъ бутылки, которая оказалась у одного, закусили сухимъ хлѣбомъ, котораго къ несчастью было очень мало и который казался вкуснѣе всякихъ пряниковъ—и давай пѣть. И какъ пѣть, какъ при млавѣ малка.

У р. Шимшона-Дувиды оказался восхитительный новый нигунъ Леверна ³⁾). Ахъ, какой восхитительный, Лебеле его знаетъ. Сегодня утромъ онъ его пѣлъ. Этотъ шельмецъ разъ услышитъ, такъ уже поетъ. Молодецъ Лебеле. Я вамъ еще о немъ расскажу кое-что. Пѣли, такъ пѣли, а потомъ Гершъ-Лезеръ вдругъ вскочилъ и говоритъ: давайте-ка, евреи, сдѣлаемъ „рикудель“ ⁴⁾).

И что же вы думаете. Пошли танцовать и танцовали такъ, что чуть дно лодки не вышибли. И я долженъ былъ пойти въ кругъ—насилно потащили. Я пока отлично обогрѣлся, а то до того было прозябъ, что чуть не пропалъ. А Лебеле р. Мейеръ-Янкель завернулъ въ свою бурку, и онъ себѣ лежалъ и спокойно глядѣлъ на насъ. И вѣдь вѣль онъ болячки цѣлый день—и хотъ бы пикнулъ. А когда волны кругомъ ходили, какъ огромные левіаѳаны, и швыряли и

1) Мѣсто на рѣкѣ, заросшее камышемъ или тростникомъ.

2) Эта молитва читается всѣми молящимися тихо, а потомъ еще разъ громко тѣмъ, который исполняетъ обязанность хазана.

3) Цадека изъ Леора.

4) Танецъ.

почти опрокидывали барку, онъ бѣгалъ по лодкѣ какъ ни въ чемъ не бывало, пѣлъ, скакалъ, какъ будто даже радовался. Разъ, какъ швырнуло лодку, онъ покатился. Что же вы думаете? Принялся хохотать и хохочетъ безъ конца.

Такъ вотъ значигъ пѣли мы и плясали, пѣли и плясали до утомленія. Потомъ наконецъ присѣли отдохнуть. Сбились всѣ въ одинъ уголь, чтобы было теплѣе, и начали рассказывать о добрыхъ евреяхъ. Вдругъ кто-то вспомнилъ: а гдѣ нашъ гой? Его что-то не видать. Начинаемъ смотрѣть кругомъ, а лодочника нашего дѣйствительно нѣтъ. Обыскали всю лодку, отъ края до края, перещупали все,—нѣтъ. Стали кричать, звать: „Апанасъ, Апанасъ“. Никто не откликается. Испугались мы такъ, что душа чуть не выскочила. Что это можетъ быть? Неужели этотъ хазиръ вдругъ бросилъ насъ. Куда же бы онъ ушелъ. Еще избави Богъ билбуль на насъ ¹⁾. Вдругъ кто-то кричитъ: Вотъ его чоботы лежатъ тутъ и онучи. — Чоботы чоботами, а его все-таки нѣтъ. Длинный Ицекъ-Беръ и говорить: Навѣрное пошелъ смотрѣть кругомъ мѣсто; тутъ вѣдь не глубоко, а быть можетъ и земля гдѣ близко.

Это, однако, никого не успокоило. Что, если утонетъ? Скажутъ, что евреи завели его сюда, чтобы убить. Еще будетъ билбуль на всѣхъ евреевъ, и всѣ мы сгнѣмъ въ тюрьмѣ. Иди оправдывайся передъ фоней-хазиръ. Всѣ онѣмѣли отъ ужаса, опять стали кричать: Апанасъ, Апанасъ. Ни слуха, ни духа. Одинъ только длинный Ицекъ-Беръ все смѣется, шутить и все кричитъ: Чортъ его не возьметъ. Увидите, придетъ обратно и еще принесетъ чего-ни будь сворованнаго. Гой безъ этого не можетъ. Уже навѣрное нюхомъ почуялъ, что есть тутъ близко что-нибудь, — что плохо лежитъ.

Около часа, а быть можетъ и больше, лежали мы въ мукахъ, прижавшись другъ къ другу и укрывшись всѣмъ, что у насъ было. А туманъ еще гуще сталъ и такой мокрый, сырой. Все какъ будто утыкано мокрой ватой. И голоса такъ глухо отдаются, какъ будто во рту старое одѣяло. Лежали мы такъ въ мукахъ и рубленныхъ ранахъ. Лежимъ и

¹⁾ Ложное обвиненіе.

шепчемся. Ну, ужъ не билбуль,—оставимъ это. Но что станемъ мы тутъ дѣлать, если нашъ хазиръ не придетъ. Вѣдь мы не можемъ даже двинуться на шагъ. Вдругъ слышимъ какіе-то странные звуки: кура, кура, кура. И въ то же время раздается дикій бѣшенный хохоть длиннаго Ицика Бера.—А что я вамъ говорилъ, дурни вы этикіе, кричитъ онъ, все заливаясь. Вотъ она потеря драгоцѣнная наша! Возвратилась съ цѣлымъ ворохомъ краденныхъ гусей или утокъ. Будетъ, чѣмъ дѣлать субботу. Мы всѣ вскочили — и видимъ, какъ Апанасъ со штанами, засученными выше колѣнъ, стоитъ около лодки въ водѣ и швыряетъ туда связанныхъ утокъ.

Оказалось, что онъ пустился изслѣдовать мѣстность кругомъ и, увидѣвъ плавающихъ среди камыша утокъ, поспѣшилъ ихъ скорѣе убрать. Кромѣ этого важнаго открытія, онъ еще сдѣлалъ другое, а именно: что мы находимся около деревни Горобцы и что насъ занесло верстъ на пятнадцать дальше Ямполки, и теперь придется возвращаться. Но о томъ, чтобы двинуться сейчасъ, не могло быть и рѣчи, такъ какъ изъ-за тумана ничего не видно было и надо было ждать, пока онъ разсѣется.

Дѣлать нечего. Такъ обрадовались, что Апанасъ возвратился и что мы такимъ образомъ освободились изъ тюремнаго заключенія, что все прочее уже казалося пустяками. Только евреи изъ Ямполки сильно волновались. Ихъ ждали къ обѣду еще въ четвергъ, и жены не будутъ знать, что думать, и будутъ сильно беспокоиться.

Опять прижались другъ къ другу. Лебеле въ самой серединѣ уложили—и заснули. Снится мнѣ, что я сплю въ Т., нашемъ мѣстечкѣ, на дворѣ, и что на мою ногу наступила корова. И такъ больно стало, что я пробудился. Пробудился и весь дрожу отъ холода, и ноги до боли замрзли. Гляжу: небо чисто, какъ золото, такое синее, синее и звѣзды такія яркія и большія и блещутъ какъ будто гавдолось зажгли тамъ, высоко въ небѣ. А холодъ! Все вокругъ побѣлѣло. И ноги у меня такъ одервенѣли и окоченѣли, что чуть не заплакалъ. Вскочилъ и сталъ ходить по лодкѣ. А всѣ храпятъ такъ громко, будто нашъ ребъ Лузеръ на трубѣ играетъ. А вода стоитъ тихая, гладкая, какъ черное

зеркало, и всё въ ней звѣзды блещутъ, и небо тамъ въ глубинѣ, и она тихо, тихо ударяется въ лодку.

Знаете, красиво это такъ и не хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь пробудился. Въ первый разъ вижу такое. И какъ я такъ стою и гляжу въ воду и дую въ окоченѣлыя руки и подпрыгиваю, подходить ко мнѣ Лебеле. Вишь чертенокъ такой. Оказывается, и его пробралъ холодъ. Взялъ я его на руки и укуталъ въ свой твинъ и какъ уткнулъ онъ глаза въ даль, и не оторвешь его. Глядитъ и глядитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дрожить, какъ въ лихорадкѣ. Смотри, говорить! вотъ тамъ деревья, а тамъ еще дальше мельница, одна, двѣ, три. И увидѣлъ же пострѣлъ въ темнотѣ. Какъ разъ въ это время и лодочникъ пробудился и сталъ натягивать парусъ. Вотъ, говорить, добре буде ѣхать. Но не такъ скоро можно было ѣхать. Сталъ онъ веслами работать, а барка ни съ мѣста. Снялъ онъ чоботы, полѣзъ въ воду и давай толкать. Такъ промучился бѣдняга съ часъ. Наконецъ лодка пошла скользить какъ по зеркалу, словно огромная птица носится съ распущенными крыльями. И въ глубинѣ такая же птица отражается. А вода не шелохнется, какъ будто замерзла.

Несемся мы такъ, а всё продолжаютъ храпѣть. Не знаю, прошелъ-ли часъ даже. Вдругъ мы видимъ, что тамъ какъ будто на горѣ свѣтится и даже будто столбъ дыма виденъ. Я и спрашиваю Апанаса. А онъ такъ себѣ спокойно отвѣчаетъ: „Оце Ямполка“. Я и не повѣрилъ. Мнѣ казалось, что никогда не прибудемъ. Я и побѣждалъ будить всѣхъ, чтобы сообщить имъ радостную вѣсть. Черезъ минутъ десять мы уже слышали лай собакъ и ревъ телятъ.

Радостно стало на душѣ. Мнѣ казалось, что я уже годъ не видѣлъ человѣчьяго жилья. Очень скоро пристали мы къ берегу. Во многихъ домахъ свѣтилось, и дымъ валилъ изъ трубъ. Это женщины вставали къ „хале“, такъ какъ это была пятница. Пошли мы такъ по городу, и мнѣ кажется, что это мы идемъ къ селихосъ ¹⁾, а вдали собаки ужасно лаютъ, глотки разрываютъ.

¹⁾ Молитва, совершаемая до зари въ теченіе недѣли, предшествующей Рошъ-гагона.

— Всѣ а—цы пошли себѣ въ заѣзжіи домѣ и стали тамъ стучать, а насъ одинъ изъ евреевъ мѣстечка позвалъ къ себѣ. Вотъ идемъ мы по какимъ-то кривымъ улицамъ и проходимъ мимо одного домика. Окно освѣщено, и я заглянулъ. И знаешь, маме, кого я вижу? Сидитъ нашъ старый раввинъ около стола со сточечкомъ въ рукахъ надъ талмудомъ. Подозвалъ я Лебеле, а тотъ чуть не взбѣсился отъ радости. Такъ и кричитъ, какъ сумасшедшій: „Ой, смотри, нашъ раввинъ“.

— Ну, ужъ конечно мы къ тому еврею не пошли. Сказали ему доброй ночи и постучали въ окно. Отворила намъ ребицень, которая въ это время мѣсила тѣсто на кухнѣ. Какъ увидѣла насъ, вся оцѣпенѣла и какъ начнетъ кричать: „Дѣти ребъ Янкеле, ой, я умираю. Мы имъ наскоро рассказали, что съ нами случилось, и оба старика принялись плакать, какъ дѣти. Конечно, задержали насъ на субботу и еще хотѣли задержать на Песахъ: „Куда, говорятъ, вы, бѣдныя, епѣшите. У самой матери тамъ угла [нѣтъ]“. Ну не буду, ты уже плачешь маме. Не люблю я этихъ слезъ. Ужъ это тебѣ все Лебеле расскажетъ, какъ мы провели у стариковъ, какой кугель она сдѣлала ради насъ и т. д.

— Такъ вотъ видите, какой „несъ“ ¹⁾ съ намъ случился. Теперь понялъ, что сказано въ Ойду ²⁾ отправляющіеся на море, на суднахъ, тѣ видятъ чудеса Господни. И все такъ, какъ описывается въ Ойду: и поднялъ онъ бурный вѣтеръ, и поднялись волны; онѣ вадываются къ небу, спускаются въ бездну и т. д.

И вотъ всѣ евреи, что были съ нами, рѣшили читать гоймель. И я далъ старому раввину слово, что сдѣлаю то же. Хотѣлъ онъ было меня повести въ субботу въ синагогу тамъ, чтобы я тамъ читалъ, да отъ волненія ему стало нездоровиться, и онъ не могъ выходить. Вѣдь старикъ какой; ему уже больше восьмидесяти лѣтъ.

— Пускай доживетъ до ста двадцати лѣтъ,—сказала сильно взволнованная мать. Святой старикъ, такихъ теперь не

¹⁾ Чудо.

²⁾ Псаломъ, начинающійся этимъ словомъ.

найдешь въ цѣломъ мірѣ. А она, что за золотое сердце, Дай имъ Богъ обоимъ жить еще долго, долго. Какъ я за видую вамъ дѣточки, что вы ихъ видѣли. И кого не вспомнишь изъ Т., сердце наполняется радостью. Вспоминаешь, что ты тоже была хозяйка у себя въ домѣ, имѣла значеніе у людей и всѣ уважали и любили тебя, хоть они были и чужіе. А тутъ, что я? Оставленный, заброшенный камень, негодная тряпка, которую швыряютъ съ мѣста на мѣсто. И нѣтъ тебѣ угла, негдѣ склонить свою злополучную голову. И не можешь даже провести одну ночь со своими дѣтками послѣ того, какъ ихъ годъ не видѣла. Иди, блуждай, какъ Каинъ. Одинъ тутъ, другой тамъ.

— Горе, горе мое...

И нагнувшись надъ моей головой, прижавъ ее къ своему лицу, она тихо, судорожно зарыдала...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бень-Ами.

Отецъ и сынъ.

ПЬЕСА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Л И Ц А:

Ребъ Мойше,—старикъ, вдовецъ, зажиточный человѣкъ.

Двейра,—его сестра.

Гитель } ея дѣти.

Хаимъ }

Генендль—кухарка въ домѣ р. Мойше.

Йосель,—ея сынъ.

Жандармскій капитанъ.

1-й жандармъ.

2-й жандармъ.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ литовскомъ городѣ, въ недавнее время.

Въ домѣ р. Мойше. Залъ, убранный въ старинномъ еврейскомъ стилѣ. Направо—дверь въ комнату Хаима, налѣво—въ кухню и на улицу. Суббота. Послѣобѣденное время. У стола сидятъ р. Мойше и Двейра и пьютъ чай. На столѣ, вмѣсто самовара, глиняный кувшинъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е

Ребъ Мойше, Двейра.

Р. Мойше.

Когда же его взяли?..

Двейра.

(*Со вздохомъ*). Завтра будетъ двѣ недѣли... Если-бъ ты только видѣлъ, что тогда творилось! (*Полушепотомъ*). Пришли въ глухую полночь, подняли на ноги весь домъ и принялись искать. Битыхъ четыре часа они искали. Перевернули

3*

все въ домѣ вверхъ дномъ. Гдѣ-гдѣ только ни искали они! Въ погребѣ, на чердакѣ, въ печи, въ кроватяхъ, въ дѣтской колыбели—всюду!

Р. Мойше.

Нашли они что-нибудь?

Двейра.

Вотъ знаешь ты?—такъ и я знаю! Забрали съ собою все, что могли: его книги, бумаги, письма... Даже мой молитвенникъ „Корбъ-Минхе“ они захватили съ собою...

Р. Мойше.

Что же, пробовала ты что-нибудь дѣлать, хлопотать... Была ты гдѣ-нибудь?

Двейра.

(*Безпомощно*). Что-о, я могу дѣлать? Гдѣ я могу быть?... Мой Нохумъ бѣгалъ, совался... Онъ имѣетъ знакомыхъ чиновниковъ, пановъ. Ну, они его успокоили, сказали, что нечего пугаться, что вѣроятно скоро выпустятъ... А въ городѣ всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что его сошлютъ въ Сибирь... (*Пауза*). Сколко я съ нимъ ни говорила, сколько я его ни умоляла: „Залменке, сынъ мой, сжался, не водись съ этой компаніей, не мѣшайся въ эти дѣла, это тебя до добра не доведетъ!“ Такъ вотъ слушаетъ меня стѣна—такъ и онъ меня слушался. (*Вздыхаетъ. Входитъ Генендль съ чайнымъ кувшиномъ*).

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Генендль, р. Мойше, Двейра.

Генендль.

(*Ставитъ кувшинъ на столъ. Весело, скороговоркой*). Тепленькая водица! Кисленькій чай! Субботній чай! Вы можете быть возьмете что-нибудь въ ротъ, Двейринке! Коржикъ? Кусочекъ мяса отъ цимеса?..

Двейра.

Спасибо тебѣ, Гененделе, я сыта!...

Генендль.

Если-бъ я знала вчера, что вы прїѣдете, я бы сдѣлала сладкій кугель... Вы помните, Двейринке, кугель, который я сдѣлала въ прошломъ году, когда вы прїѣжали? Пальцы облизать было, какъ я еврейская дочь! Что, развѣ нѣтъ? (*Наливаетъ чай*). И отчего это Богъ не сдѣлалъ, чтобы каждый день была суббота—тогда бы каждый день кугель ѣли (*Смѣется. Отходитъ*).

Двейра.

(*Къ р. Мойше*). Скажу тебѣ истинную правду: хотя и сынъ, хотя и единственный, хотя и „кадешъ“—но мнѣ его ни капельки не жалко! Стоить собака палки! Я ему говорила—онъ не слушался... (*Плаксивымъ голосомъ*). Но Ханки, моей бѣдной Ханки жалко... Сердце надрывается, когда я гляжу на нее...

Р. Мойше.

(*Съ тревогой*). А что? Что съ нею?

Двейра.

Что значить, что съ нею? Что ты спрашиваешь! Вѣдь я тебѣ писала, что я ее засватала. Партія—говорю тебѣ—истинная благодать! Женихъ изъ лучшей семьи, большой „ламднѣ“. Шестьсотъ рублей приданаго. Послѣ Пурима должна была быть свадьба.

Р. Мойше.

Ну, и что же?

Двейра.

Какъ что? Теперь боюсь, что растроится... Шутка ли! Когда сваты узнаютъ, что засадили моего Залмана, будутъ они молчать, что ли?.. Позоръ-то! Сынъ въ острогѣ!.. Я теперь все время дрожу...

Р. Мойше.

Э! Нечего дрожать, нечего бояться. Если и узнаютъ, они тоже не откажутся отъ партіи.. Въ нынѣшнее время ужъ перестали бояться этихъ дѣлъ... Острогъ пересталъ уже считаться позоромъ.

Генендль.

(*Ни къ кому не обращаясь*). Острогъ! Царскій домикъ съ желтенькими стѣнами! Кругомъ солдатики съ ружьями!..

Р. Мойше.

Въ нынѣшнія времена, говорю тебѣ, это уже со-овсѣмъ перестало считаться позорнымъ... Въ нашемъ городѣ положительно нѣтъ ни одной семьи, которая не имѣла бы кого-нибудь изъ своихъ членовъ въ острогѣ: сына, дочь, зятя, родственника...

Двейра.

(*Со вздохомъ*). То-о же самое и у насъ, въ Витебскѣ. Чего тебѣ больше! Два мѣсяца тому назадъ забрали и за-садили, знаешь кого? (*Нагибается къ нему, шепотомъ, растягивая слова*). Внучку раби Шмуэлке! Дѣвушку-невѣсту 19 лѣтъ!

Р. Мойше.

Вотъ видишь!

Генендль.

Двейрине, а всетаки можете быть перехватите что-нибудь, блинчикъ, компоту изъ сливъ... Слава Богу, есть!

Двейра.

Нѣтъ, спасибо, Гененделе, я сыта. (*Генендль выходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Р. Мойше, Двейра.

Двейра.

Что будетъ! Что изъ этого выйдетъ! Говорю тебѣ, Мойше, не иначе, какъ наступаютъ времена Мессіи, не иначе! Если-бъ ты только видѣлъ, что у насъ въ городѣ творится! Кипитъ, говорю тебѣ, какъ въ котлѣ! Не проходитъ недѣли безъ какой-нибудь суматохи... Поглядѣлъ бы ты только! Бѣгаютъ по улицамъ съ флагомъ, поютъ, кричатъ... Солдаты гонятся за ними, бьютъ, избиваютъ... даже убиваютъ... Ужасъ! ужасъ!..

Р. Мойше.

И у насъ, и всюду та же исторія. Тоже бѣгутъ по улицамъ, тоже шумятъ, кричатъ, поютъ... (*Встаетъ и начинаетъ рассказывать по залу*). Подумать только! Дерзость-то, дер-

зость! Бѣгать посреди бѣла дня по улицамъ и открыто, громко, во весь голосъ кричать, что не хотятъ царя! Гдѣ это слыхано! Вѣдь черепъ подымается, волосъ дыбомъ становится, какъ подумашь!

Двейра.

(*Примитывая*). Времена Мессіи! Говорю тебѣ, Мойше, не иначе, какъ времена Мессіи наступиди!

Р. Мойше.

Да и вообще: что? какъ? почему? отчего? Чего они добьются этой бѣгатней по улицамъ? Сегодня бѣгаютъ и поютъ, завтра будутъ бѣгать и пѣть, сегодня били ихъ смертнымъ боемъ, завтра будутъ бить смертнымъ боемъ. Изобьютъ, искалѣчатъ, засадятъ, сошлютъ... Что? Зачѣмъ? Какой толкъ? Какой смыслъ?

Двейра.

Сжался, скажи мнѣ, растолкуй мнѣ, чего они хотятъ?

Р. Мойше.

(*Садится. Пауза. Спокойнѣе*). Чего они хотятъ? Малаго, совсѣмъ малаго хотятъ они. Они хотятъ ни болѣе ни менѣе, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ—вотъ чего они хотятъ! (*Съ горькой усмѣшкой*). Чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ! Кто бы этого не хотѣлъ! Я тоже хотѣлъ бы, чтобъ люди жили по справедливому, какъ Богъ велѣлъ (*Тѣше*). А что касается начальства, такъ, по правдѣ сказать, я ему тоже не особенно много добра желаю... Но опять таки, чего они добьются своей бѣготней по улицамъ, своими флагами, своими криками?.. (*Входитъ Гитель*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Гитель, р. Мойше, Двейра.

Гитель.

(*Скороговоркой*). Добрая суббота, отецъ! Добрая суббота, тетенька! Какая гостя! Когда пріѣхали? (*Шлуются*).

Двейра.

Пріѣхала вчера къ самому благословенію свѣчей. Ну,

какъ же ты поживаешь, Гителе? Какъ поживаетъ твой Борухъ? Ваши дѣтки?

Гитель.

Слава Богу, всѣ здоровы—Боруха дома нѣтъ.

Двейра.

А гдѣ онъ?

Гитель.

(*Съ гордостью*) уѣхалъ въ „Базль“, на конгрессъ...

Двейра.

Куда?

Р. Мойше.

За-границу... Это насчетъ „Эрецъ-Исроэлъ“, Палестина... Ты слышала, конечно, сіонисты...

Двейра.

Слышала, слышала, какъ же!.. Моя Ханка, будь она здорова, мнѣ голову задурила этой Палестиной...

Гитель.

(*Радостно*). Ваша Ханка тоже сіонистка? Bravo! Молодецъ! Я напишу моему Боруху.

Двейра.

Знаю я, что она? Женихъ написалъ ей письмо, уговаривалъ ее, ну вотъ она и говоритъ, болбочеть... Теперь она вышиваетъ какое-то знамя, вродѣ „порейхеса“...

Гитель.

А вашъ Залменъ?

Двейра.

(*Махнувъ рукой*). О Залменѣ не спрашивай лучше...

Гитель.

А что такое? что?

Р. Мойше.

Его забрали... Нынѣшнія исторіи.. лѣзь...

Гитель.

(*Возмущенно*). А! а! а! Я скажу, какъ мой Борехъ говорить: что? почему? зачѣмъ евреямъ мѣшаться въ эти дѣла!

Двейра.

Времена Мессіи!..

Гитель.

Отъ вашего Залмена я бы этого никогда не ожидала! Я

скажу, какъ мой Борухъ говорить: навѣрное компанія настолько завлекла его! Ужась, ужась! (*Входитъ Хаимъ*).

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Хаимъ, Гитель, р. Мойше, Двейра.

Хаимъ.

(*Настыливо*). Что привело тебя въ такой ужась?

Гитель.

(*Сердито*). Если ты храбрый—тебѣ хорошо! Иди танцуй съ ними.

Хаимъ.

Съ кѣмъ?

Гитель.

Съ веселой компаніей, съ демократами, съ краснoblузниками!

Хаимъ.

Что же, плясать, такъ плясать! Почему и не поплясать, если весело на душѣ! (*Смѣется*).

Гитель.

Смѣйся, смѣйся, Хаимке! Доиграешься!

Хаимъ.

Скажи мнѣ, отчего ты такъ сердита на краснoblузниковъ? Что они тебѣ сдѣлали, а?

Гитель.

Изъ-за нихъ всякія напасти на евреевъ! Я скажу, какъ мой Борухъ говорить...

Хаимъ.

(*Перебивая ее*). Я тоже скажу, какъ твой Борухъ говорить: отъ васъ, сіонистовъ, всякая благодать нисходитъ на евреевъ!

Р. Мойше.

Да будетъ ужъ вамъ, будетъ! Какъ вамъ не надоѣсть это! (*Къ Двейръ*). Вотъ какъ только они сойдутся—сейчасъ начинаютъ спорить и ссориться... И въ особенности она

(Указывает на Гитель). Начнетъ она дурить голову своей „Палестиной“—такъ тошно становится...

Двейра.

А ты? Ты не вѣришь въ это?

Р. Мойше.

Я еще, слава Богу, въ своемъ умѣ...

Гитель.

(Обиженно). Не безпокойся, отецъ, не всѣ сіонисты сумасшедшіе.

Хаимъ.

Есть между ними и просто дураки.

Гитель.

Умѣе твоихъ демократовъ. И болѣе почтенные люди.

Хаимъ.

(Иронически). Ни портные и ни сапожники?

Гитель.

Не распущенные мальчишки!

Р. Мойше.

Я васъ помирю, дѣти мои. И ты, и ты—вы оба сумасшедшіе.

Хаимъ,

(Сердито). Слушай, отецъ. Скажи мнѣ по правдѣ: неужели ты считаешь, что рабочіе, демократы, не правы? Но по чистой правдѣ...

Р. Мойше.

(Глядитъ на него печально). Я тебѣ скажу по правдѣ, Хаимъ: я считалъ тебя гораздо умнѣе...

Хаимъ.

Это особъ статья. Но я хочу, чтобъ ты мнѣ отвѣтилъ на мой вопросъ: ты считаешь, что они не правы?

Р. Мойше.

Кто такіе эти они?! Хана-Цирль, дочка шамеса? Хацкель, подмастерье Берки-сапожника, или Нахманъ, что ходитъ съ трубочистомъ?

Хаимъ.

А хотя бы и они!. По твоему они не правы? они сумасшедшіе?

Р. Мойше.

Кто тебѣ говорить, что они сумасшедшіе, что они не правы? Но я тебѣ, мой сынъ, по чистой правдѣ вотъ что скажу. Когда дойдетъ до дѣла, до того, чтобы перестроить весь міръ, всю жизнь, то—обижайся, не обижайся, мой сынъ, но я на этихъ мальчиковъ и дѣвочекъ не положусь! Ни въ коемъ случаѣ! Не положусь въ этомъ дѣлѣ ни на нихъ, ни на тебя, ни на нее! (*Указываетъ на Гитель*).

Двейра.

Вотъ такія же точно рѣчи, слово въ слово, я бывало говорила моему Залмену. Такъ вотъ слушаетъ меня стѣна, такъ и онъ меня слушался...

Гитель.

Ну, мнѣ надо идти... Тетя, можетъ быть, пойдете ко мнѣ, поглядѣть моихъ дѣтокъ?

Двейра.

(*Подымаясь*). Пойду, пойду, какъ же. Я имъ даже гостинецъ привезла. Жалко, что нельзя его отнести имъ сегодня.

Гитель.

Добрая суббота, отецъ.

Р. Мойше.

Добрая суббота—добрый годъ.

Хаимъ

Добрая суббота! (*Иронически*). Въ будущемъ году—въ Іерусалимъ!..

(*Двейра и Гитель уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Хаимъ, Р. Мойше.

Р. Мойше.

Нѣтъ, мой сынъ, говори себѣ кто хочешь, но я не придаю никакого значенія ни теперешнимъ исторіямъ, ни твоимъ демократамъ. Это не люди, не вожаки (*Пауза*). Вотъ въ былое время, лѣтъ 20—30 тому назадъ, — вотъ тогда были

соціалисты! Это были не мальчики, а люди, герои, львы!.. Тебя еще тогда не было на свѣтѣ, но я хорошо помню это время. (*Горьчо*). А! Что только тогда творилось!

Хаимъ.

Можешь мнѣ повѣрить, отецъ, что теперь творится не меньше, чѣмъ тогда. Немного тише, но за то глубже...

Р. Мойше.

Дикій человѣкъ! Что ты говоришь! Сравнилъ! Тогда... Шутка ли, что тогда творилось! Вѣдь дрожь и трепеть охватываетъ при одномъ только воспоминаніи о тогдашнихъ дѣлахъ, о тогдашнихъ соціалистахъ. Вѣдь передъ ними весь міръ дрожалъ, весь міръ!.. Они находились всюду, и никто, ни одинъ чертъ, не могъ ихъ изловить. У нихъ были милліоны денегъ, они имѣли своихъ генераловъ, своихъ министровъ. Подъ землею у нихъ были цѣлыя огромныя пещеры, куда не было никакого приступа—и тамъ у нихъ день и ночь происходилъ судъ, истинный судъ, съ засѣданіями, съ адвокатами, со свидѣтелями—все какъ слѣдуетъ. И чуть только гдѣ-нибудь, хотя бы на краю свѣта совершалась какая-нибудь несправедливость — они судили виновнаго, кто бы онъ ни былъ. И если они кого-нибудь осудили — кончено, для того уже не было спасенія: ужъ онъ получалъ свое наказаніе? И если они кого-нибудь изъ своихъ посылали на дѣло, хотя бы на вѣрную смерть—то шли, безъ разговоровъ. Понимаешь, что это были за люди!.. Чего тебѣ больше! Рассказываютъ, что когда одинъ изъ нихъ попался и сидѣлъ въ тюрьмѣ, закованный въ цѣпяхъ, кто-то изъ самыхъ важныхъ генераловъ, чуть ли не изъ царской фамиліи, захотѣлъ его видѣть; онъ хотѣлъ просто посмотреть, какіе они изъ себя, что это за порода людей. И вотъ онъ поѣхалъ въ тюрьму. Но когда онъ подошелъ къ камерѣ, гдѣ сидѣлъ этотъ человѣкъ, онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, снялъ шапку за дверьми и вошелъ въ камеру на ципочкахъ, дрожа какъ листъ... Вотъ какіе люди, какіе соціалисты были тогда! Можно ли ихъ сравнивать съ теперешними?

Хаимъ

(*Грустно*) Да... Люди они были великіе, что и говорить.

Но я всетаки повторяю, что теперешніе портные и сапожники сильнѣе ихъ.

Р. Мойше

(Машнуетъ рукой, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ). А! Съ тобою нечего разговаривать!.. Ну, я иду въ синагогу, къ „минхе“ (Уходитъ. Хаимъ стоитъ нѣкоторое время задумавшись. Вынимаетъ изъ кармана письмо, прочитываетъ, зажигаетъ спичку и сжигаетъ его. Входитъ Генендль съ тарелкой въ рукѣ).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Генендль, Хаимъ.

Генендль.

Хаимке, а гдѣ отецъ?

Хаимъ.

Ушелъ въ синагогу.

Генендль.

Горе мое! Понимаешь исторію? Не помню, на какой тарелкѣ у меня лежали блинчики, на мясной или на молочной. Что мнѣ теперь дѣлать? Чертъ меня знаетъ, гдѣ у меня голова. Я хотѣла спросить отца, стрефились ли блинчики, или нѣтъ?

Хаимъ.

Извольте, я вамъ разрѣшу.

Генендль.

Ладно, ладно! Тоже раввинъ нашелся! Тотъ городъ, гдѣ тебѣ суждено было быть раввиномъ, уже давно выгорѣлъ до тла... А скажи-ка мнѣ, отчего ты тоже не идешь въ синагогу?

Хаимъ

(Смѣясь). Что я тамъ забылъ?

Генендль.

Смѣйся, смѣйся, фрукъ! Постой, вотъ, когда на томъ свѣтѣ тебѣ всыпать... туда желѣзными прутьями — тогда и посмѣешься... *(Ставитъ тарелку на столъ. Спокойно).* Мой Иоселе тоже не любитъ молиться, терпѣть не можетъ. Его

„филёнки“ ужъ навѣрное заплѣсневѣли гдѣ - нибудь.
(Смѣется).

Хаимъ.

Онъ къ вамъ придетъ сегодня?

Генендль.

А чертъ его знаетъ, мазурика, придетъ ли... (Инымъ тономъ).
Я оставила ему съ обѣда кусокъ гуся и кугеля. Тамъ,
у своего портняжки, онъ вѣсть хворобу съ трясцей... Такъ
не приходитъ онъ, выкрестикъ!.. Должно быть бѣгаетъ себѣ
по улицамъ съ своей компаніей...

Хаимъ.

Съ какой компаніей?

Генендль.

Какъ, съ какой компаніей? Развѣ не знаешь? Вѣдь онъ
„массовый мальчикъ“, чтобъ мнѣ такъ быть счастливой!

Хаимъ.

(Удивленно). Кто вамъ это сказалъ?

Генендль.

Бабы на базарѣ мнѣ сказали (Садится). Хаимке, скажи
мнѣ, правда это, что массовыхъ мальчиковъ не трогаютъ?

Хаимъ

(Смѣясь). Правда, правда!

Генендль.

Я спросила его, моего выкрестика, такъ онъ тоже гово-
рить, что массовыхъ мальчиковъ не смѣютъ трогать. И въ
самомъ дѣлѣ, три раза его забирали и каждый разъ на слѣ-
дующій день выпускали.

Хаимъ.

Вотъ видите!

Генендль.

Прелесть, ей Богу!.. Ну, а скажи мнѣ, ты—ты тоже мас-
совый мальчикъ?

Хаимъ.

Конечно, массовый!

Генендль.

Жалко, право, что я уже не молода! Будь я моложе я
бы тоже стала массовой дѣвушкой—и кончено! Ходила бы
я тоже по улицамъ съ краснымъ флажкомъ, пѣла бы пѣ-

сни... На той недѣлѣ я видѣла, какъ они ходили по улицамъ—любо было глядѣть. Я покатывалась со смѣху! (*Беретъ тарелку, собираясь уходить*) А что я всетаки подамъ отцу на ужинъ? (*Входитъ Иосель*).

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Иосель, Генендлѣ, Хаимъ.

Иосель.

(*Весело*) Хорошая суббота, маменька! Хорошая суббота, милая!

Генендлѣ

(*Ему въ тонъ*), Хорошая суббота, Иоселе! Хорошая суббота, жуличекъ! Хворобушка тебѣ въ бочекъ, отчего ты такъ поздно пришелъ, выкрестикъ?

Иосель.

Въ синагогѣ былъ, маменька! псалтирь читалъ, родненъкая!

Генендлѣ.

Какъ собачка брешешь, Иоселе. Навѣрное гдѣ-нибудь папирочку куришь, гойеле! (*Инымъ тономъ*) Я тебѣ оставила съ обѣда кусокъ гуся и кугеля!..

Иосель.

Чтобъ ты мнѣ здорова была, маменька! Ну, а блинчики тоже для меня? (*Хватаетъ съ тарелки блинчикъ и ѣсть*)

Генендлѣ.

Воришка! воришка! Это на ужинъ! Трѣфные блинчики, подавишься!

Иосель.

Ничего, не подавился! Ну, маменька, тащи сюда скорѣе свой кугель и гуся...

Генендлѣ.

Сюда? въ залу? Портняжка, хворъ ты идти въ кухню ѣсть? Что скажетъ ребѣ Мойше...

Иосель.

Ну, ладно. Ставь на столъ, я сейчасъ приду въ кухню.

Генендль.

Сейчасъ придешь! Я понимаю, жуличекъ, хочешь пока съ этимъ фруктомъ (*указываетъ на Хаима*) папирочку выкурить скулочка тебѣ въ бокъ! (*Строго*) Нельзя курить въ субботу! На томъ свѣтъ за это съчъ будутъ!..

Іосель.

(*Съ комической серьезностью, указывая на Хаима*) Онъ курить въ субботу!

Генендль.

Что ты съ него примѣръ берешь? Онъ—хозяйскій сынъ, а ты—портняжка! (*выходитъ*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Іосель, Хаимъ.

Іосель

(*Поспѣшно*) Хаимъ! Забрали сегодня утромъ „длиннаго“.

Хаимъ.

(*Вскакивая*) Ну!!

Іосель.

Типографія цѣла. Повидимому специально для него приѣхали шпионы изъ Вильны. Узнали его на улицѣ и забрали...

Хаимъ.

А-ахъ, чертъ возьми! Ну, а Мирль?

Іосель.

Она цѣла. Но необходимо сейчасъ же очистить квартиру. Чертъ ихъ знаетъ, они могутъ пронюхать, откуда выльзъ „длинный“—тогда все погибнетъ..

Хаимъ.

Идемъ! Вдвоемъ мы понемногу очистимъ квартиру. Не ты увѣренъ, что можно туда идти?

Іосель.

Пока что — можно. Я только что оттуда. Болѣе громоздкія вещи я уже унесъ къ Леониду. Но шрифтъ къ нему

нести неудобно. Какъ у тебя? Вокругъ дома, кажется, уже снуютъ дьяволы? Ты не замѣчалъ?

Хаимъ.

Ужъ недѣли двѣ, какъ они вертятся здѣсь... Но пока кажется, ничего опаснаго нѣтъ. Пока найдется вѣрная квартира, надо перенести шрифтъ сюда. *(Входитъ Генендль)*

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Генендль, Іосель, Хаимъ.

Генендль.

Ну, накурился, жуличекъ? Иди ѣсть.

Іосель.

Въ кухню ни за что не пойду! Сюда принеси. И еще огурецъ принеси изъ погреба. Безъ огурца не стану ѣсть!

Генендль.

Какъ онъ привередничаетъ-то, портняжка! Ужасъ! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Іосель, Хаимъ.

Іосель.

Ну, поторопись, ступай! Иди огородами... Надѣнь крылатку, удобнѣе нести... Забери сколько сможешь унести... Иди впереди, а я за тобою... Да смотри въ оба, не тащитса ли кто-нибудь за тобою *(Хаимъ уходитъ. Входитъ Генендль съ тарелкою въ рукѣ)*.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Генендль, Іосель.

Генендль.

Ну, вотъ тебѣ, привередникъ, всѣ марцапаны. Даже огурецъ, ѣшь.

Иосель

(*Беретъ поспѣшно съ тарелки гуся, огурецъ, заворачиваетъ въ бумагу, кладетъ въ карманъ*). Беру съ собою маменька! (*Поспѣшно идетъ къ дверямъ*) Хорошая суббота!

Генендль.

(*За нимъ*). Куда? Куда бѣжишь, жуличекъ?

Иосель.

Въ синагогу, къ минхѣ! (*Выбѣгаетъ*)

Генендль

(*Бѣжитъ за нимъ*) Стой! Подожди! Выкрестикъ! Нельзя носить въ субботу! Стой, Иоселе! Я тебѣ дамъ съ собою еще кусокъ кугеля, скулочка тебѣ въ бочекъ, разбойничекъ! (*Выбѣгаетъ за нимъ. Входятъ р. Мойше и Гитель*).

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Р. Мойше, Гитель.

Р. Мойше.

(*Продолжая разговоръ*). А я, дочь моя, вотъ что скажу тебѣ. Пока нѣтъ собственной родины—должна быть родиной чужбина...

Гитель

(*Горячо*) Нѣтъ, отецъ! Я скажу, какъ мой Борухъ говоритъ. Родина не тамъ, откуда тебя гонять и гдѣ тебя ненавидятъ, какъ паука. Родина наша въ Палестинѣ!..

Р. Мойше.

А туда тебя пускаютъ? Оттуда тебя не гонять? Слушай, дочь моя, я уже старѣйшій человекъ больше тебя жилъ на свѣтѣ и больше тебя видѣлъ. Мое мнѣнiе таково. Если дерево растетъ на песчаной почвѣ и хотятъ его пересадить на лучшую—надо сперва найти эту лучшую почву, а не топиться вырывать дерево съ корнемъ раньше, чѣмъ новое мѣсто найдено... Понимаешь сравненiе? Плохо, очень плохо живется евреямъ въ Россiи, но все-таки они здѣсь живутъ и надѣются на лучшее.

Гитель

(Горячо). Не живуть и не надѣются! Я скажу, какъ мой Борухъ говорить...

Р. Мойше

(*Перебиваетъ ее*). Жи-вуть! И пока у нихъ нѣтъ другого мѣста—обязаны жить! Вся сила еврейства постоянно заключалась въ томъ, что они всюду умѣли жить... Вотъ, твой Борухъ, кажется училъ тебя по древне-еврейски. А ну-ка (*Раскрываетъ лежащую на столѣ книгу, указываетъ страницу*). А ну, переведи-ка мнѣ слова: „Вайхи Яйнкейвъ б'эрецъ Мицраимъ“.

Гитель.

Что же, очень просто. Вайхи—и жилъ, Яйнкейвъ—Яковъ, б'эрецъ Мицраимъ—въ странѣ Египетской.

Р. Мойше.

Понимаешь смыслъ? Яковъ жилъ въ Египтѣ (*Растягивая слова*). Въ Е-ги-птѣ — а все-таки жилъ!! Тѣмъ болѣе въ Россіи. Здѣсь надо навѣрное умѣть жить! (*Входитъ Хаимъ съ пакетомъ подъ полюю*).

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Хаимъ, Р. Мойше, Гитель (Затѣмъ Генендль).

Р. Мойше.

А! вотъ и Хаимъ! Кстати! Хаимъ, объясни-ка мнѣ, что значать слова: „Вайхи Яйнкейвъ б'эрецъ Мицраимъ“? А ну-ка!

Хаимъ.

„Вайхи Яйнкейвъ б'эрецъ Мицраимъ“ — и перетерпѣвалъ Яковъ муку мученическую въ странѣ Египетской.

Гитель.

Ха-ха-ха! Прелестно! Ты, Хаимке, во всю свою жизнь ничего болѣе умнаго не сказалъ! (*вбѣгаетъ Генендль*).

Генендль.

Гвалдъ! солдаты! жандармы! Ой, я этого не переживу! (*Входитъ жандармскій капитанъ съ дзума жандармами*).

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Жандармскій капитанъ, Р. Мойше, Хаимъ, Гитель, Генендль.

Жандармскій капитанъ.

Кто здѣсь Хаимъ Мовшевичъ Гольцманъ?

Хаимъ.

Я.

Жандармскій капитанъ.

По предписанію охраннаго отдѣленія я васъ арестую.

Хаимъ.

По какому поводу?

Жандармскій капитанъ.

Это вамъ въ свое время скажутъ. Гдѣ ваша комната?

Хаимъ.

Вотъ, слѣдующая.

Р. Мойше.

Господи!.. Что же это?.. Хаимъ? ты?.. у тебя?..

Гитель.

Я говорила! Я всегда говорила!

Хаимъ.

Отецъ, успокойтесь, прошу васъ! (*Шопотомъ къ Генендлю*).
Скажите парню... ищуть...

Жандармскій капитанъ.

Что вы тамъ говорите шепотомъ!

Хаимъ.

Я кухарку отсылаю. (*Кладетъ незамѣтно на столъ пакетъ*).
Если желаете искать—то пойдите въ мою комнату и не тревожьте семейныхъ...

1-ый жандармъ.

Ваше высокоблагородіе! Пакетъ! только что арестованный
положилъ на столъ!

Жандармскій капитанъ.

(*Беретъ пакетъ*). Это что такое?

Хаимъ

(*Глядя ему прямо въ глаза*). Смотрите—и увидите.

Жандармскій капитанъ.

Быстро разворачиваетъ). Шрифтъ?! А-а, такъ у васъ здѣсь типографія?

Хаимъ.

Ищите.

Жандармскій капитанъ.

Поищемъ, поищемъ! Пожалуйте! *(Уходитъ въ другую комнату вмѣстѣ съ Хаимомъ и однимъ жандармомъ. Другому)* Впускать всѣхъ, никого не выпускать!

2-ой жандармъ.

Слушаю-съ!

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Р. Мойше, Гитель, Генендль, 2-ой жанд.

Р. Мойше.

(Стоитъ нѣсколько секундъ совершенно растерянный, съ полуоткрытымъ ротомъ, и глядитъ на дверь, куда ушелъ Хаимъ. Гитель стоитъ у окна. Генендль осторожно, на цыпочкахъ подходитъ къ р. Мойше).

Генендль

(Шопотомъ). Ребъ Мойше... Ребъ Мойше...

Р. Мойше

(Разсвѣянно). А? что?

Генендль.

Вы знаете, что слѣдуетъ сказать?

Р. Мойше.

(Все также). А? Кому? Что?

Генендль.

Надо сказать, что Хаимъ—массовый мальчикъ. Такъ и скажите имъ... Слышите? Массо-овый...

Р. Мойше.

(Не понимая ее). Что „массовый?“ Какой „массовый?“ Что ты хочешь?

Генендль.

(Настойчиво). Скажите, что Хаимъ массовый мальчикъ—тогда его не тронуть. Я знаю.

Гитель

(Сердито). Оставь отца въ покоѣ! ступай въ кухню! (Входитъ Иосель).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Иосель, Р. Мойше, Генендль, Гитель, жандармъ.

Генендль

(Постынно). Иоселе, ищутъ!

Иосель.

А-а... (Олядывается. Дѣлаетъ шагъ къ дверямъ, чтобы уйти. Жандармъ постынно загораживаетъ ему дорогу. Иосель вдругъ оборачивается, бросается матери на шею съ крикомъ). Маменька, боюсь!! (Засовываетъ ей за фартукъ пакетъ. Шопотомъ) Держи... спрячь... молчи...

Генендль

(Придерживая пакетъ). Скулочка тебѣ въ бокъ! (Входитъ жандармскій капитанъ).

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Жандармскій капитанъ, Р. Мойше, Иосель, Генендль, Гитель, жандармъ.

Жандармскій капитанъ.

(Р. Мойше). Вы Моисей Гольцманъ?

Р. Мойше.

Я, паночекъ...

Жандармскій капитанъ.

А эти кто такіе?

Гитель.

Я его дочь. Жена Боруха Крейнаина.

Жандармскій капитанъ.

А эти кто? (Указываетъ на Генендль и Иосель).

Гитель.

Это кухарка и ея сынъ.

Жандармскій капитанъ.

(*Глядитъ пристально на Иоселя*). Тебя, молодець, я, кажется, видѣлъ?

Иосель

(*Къ Гитель*). Wos dabert er?

Гитель

(*Жандармскому капитану*). Онъ не понимаетъ по-русски.

Жандармскій капитанъ.

(*Подозрительно*). Не понимать? Не слишкомъ ли много онъ понимаетъ? (*Жандарму*). Обыскать его! (*Жандармъ обыскиваетъ Иоселя. Вытаскиваетъ изъ кармана пакетъ*).

2-ой жандармъ.

Вотъ, ваше высокоблагородіе! Пакетъ-съ!

Жандармскій капитанъ.

(*Осторожно разворачиваетъ пакетъ*). Гусь? Огурецъ. (*Жандарму*). Болванъ (*Бросаетъ пакетъ*). Отведи его въ другую комнату и не отпускай (*Къ Гитель и Генендль*). Можете идти. (*Жандармъ, Иосель, Гитель уходятъ*).

Генендль

(*У дверей шопотомъ р. Мойше*). Вы слышите, ребъ Мойше, одно слово: массо-овый!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Жанд. кап., ребъ Мойше.

Жандармскій капитанъ.

(*Расхаживаетъ по комнатъ молча*). В—вотъ оно ваше еврейское воспитаніе! Р-радуйтесь! Доигрались! Вы видѣли, что мы нашли у вашего сына? Вы знаете, что это такое? Это шрифтъ! Это буквы, которыми печатаютъ прокламаціи и всякія преступныя книжки противъ Государя Императора. Нони-имаете? Противъ Государя Императора! Да вы знаете, старикъ, чѣмъ это пахнетъ? Это пахнетъ ка-тор-гой! Да, ка-торгой!

Р. Мойше.

Паночекъ!.. Ваше благородіе!.. Пожалѣйте. Онъ не виновать...

Жандармскій капитанъ.

Не виновать? Еслибъ онъ не былъ виновать, онъ бы иначе разговаривалъ... Я думалъ раньше, что здѣсь у васъ въ домѣ типографія. Ея здѣсь нѣтъ, а между тѣмъ...

Р. Мойше.

Нѣтъ, паночекъ, нѣтъ здѣсь ничего...

Жандармскій капитанъ.

А гдѣ же она? Мы цѣлый годъ ее ищемъ—и не можемъ открыть. А вашъ сынъ знаетъ, гдѣ она. Онъ оттуда принесъ шрифтъ. Знаетъ—и не говоритъ! Да-съ!.. А вы толкуете: не виновать (*Ходитъ по комнатѣ. Мягче*). Слушайте, старикъ, хотите спасти сына?

Р. Мойше.

Пожалѣйте, паночекъ!

Жандармскій капитанъ.

Заставьте его указать, гдѣ находится типографія, откуда онъ принесъ шрифтъ! Вы отецъ, вы обязаны это сдѣлать. Обязаны передъ Государемъ Императоромъ—понимаете?

Р. Мойше

(*Со вздохомъ*). Понимаю...

Жандармскій капитанъ.

(*Мягче*). Садитесь. Слушайте (*Садятся*). Вы всѣ смотрите на насъ, какъ на какихъ-то разбойниковъ. Напрасно! Мы не разбойники. У меня тоже есть сердце. Вы думаете, мнѣ васъ не жаль? Мнѣ отъ души жаль васъ! (*Чувствительно*). У меня тоже есть дѣти...

Р. Мойше.

Пожалѣйте...

Жандармскій капитанъ.

Я всей душой готовъ сдѣлать для васъ все, что возможно. Я вижу, что вы честный еврей. Да-съ, я готовъ вамъ помочь!.. Слушайте. Вашъ сынъ до сихъ поръ ни въ чемъ не былъ замѣшанъ. При обыскѣ мы у него ничего не нашли, кромѣ вотъ этого шрифта. Еслибъ не этотъ шрифтъ—ничего бы и не было. Такъ вотъ, пусть онъ укажетъ, у кого онъ взялъ шрифтъ—и я даю вамъ, старикъ, мое честное, благородное слово—я его освобождаю. Мнѣ самому его жаль отъ души. Зачѣмъ ему пропадать за чужіе грѣхи? Понимаете?

Р. Мойше

(Уныло). Понимаю...

Жандармскій капитанъ.

Такъ вотъ, и поговорите съ нимъ. Какъ отецъ, поговорите! Убѣдите его не губить себя и васъ. Если вы убѣдите его чистосердечно во всемъ признаться—то, повторяю, я его сейчасъ же освобожу. Иначе *(строго)* не миновать ему каторги! А можетъ быть и чего нибудь похуже... Да-съ!.. Ну, я на васъ рассчитываю. Я васъ оставляю однихъ. *(Въ дверяхъ Хаиму)*. Пожалуйста сюда! *(Хаимъ входитъ)*. Вотъ, молодой человекъ, *(патетически)* вашъ отецъ, убитый горемъ сѣдой старикъ, желаетъ поговорить съ вами. Я не могу ему отказать въ этомъ! Я оставляю васъ однихъ. *(Уходитъ въ комнату Хаимъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Хаимъ, р. Мойше.

Р. Мойше.

(Сидитъ съ минутой съ опущенной головой. Медленно поднимаетъ голову и скорбно глядитъ на Хаима). А? Хаимъ? Вотъ это подарокъ мнѣ отъ тебя на старости лѣтъ? *(Плачетъ)*. Хорошо, что мать не дожидла до этого... *(Пауза. Овладеваетъ собою)*. Что тебѣ будетъ за это? Скажи.

Хаимъ.

Нельзя знать.

Р. Мойше.

Каторжныя работы?

Хаимъ.

Ни въ коемъ случаѣ. Это онъ тебя напугалъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, а затѣмъ, вѣроятно, сошлютъ на нѣсколько лѣтъ...

Р. Мойше.

Въ Сибирь?

Хаимъ.

Вѣроятно, въ Сибирь *(Пауза)*.

Р. Мойше.

Слушай... Онъ мнѣ велѣлъ поговорить съ тобою... Онъ

объясняет освободить тебя, если ты... если ты скажешь, у кого ты взял буквы... (*Глубоко вздыхает*).

Хаимъ.

Онъ и мнѣ это сказалъ.

Р. Мойше.

Ну? (*вздыхает*).

Хаимъ.

Отецъ...

Р. Мойше.

Что?

Хаимъ.

Ты понимаешь, чего онъ хочетъ? (*Пауза*). Онъ хочетъ, чтобъ я сталъ доносчикомъ, предателемъ... Ты... ты желалъ бы имѣть сына доносчика? (*Длинная пауза*).

Р. Мойше.

(*Сидитъ съ опущенной головой, какъ убитый. Подымается, делаетъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ. Глухо.*) Хаимъ.. мой сынъ... Въ нашей семьѣ никогда не было доносчиковъ и (*твердо*)... не будетъ!

ЗАНАВѢСЬ.

С. А. Ан-сій.

Айзикъ Гиршъ Вейссъ.

Кто великъ? Кто имѣетъ истинное право на названіе „великій“, которое часто дается современниками недостойнымъ, но удерживается нелицеприятной исторіей лишь за ея избранниками?

Изъ всѣхъ отвѣтовъ на этотъ серьезный вопросъ самымъ вѣрнымъ намъ кажется слѣдующій:

Великимъ можетъ называться лишь тотъ, кто посвятилъ всю жизнь свою, все свои силы и помыслы, единому общественному или національному дѣлу, въ которое онъ вложилъ всю свою душу, всю безъ остатка.

Это опредѣленіе можетъ, однако, дать мѣсто недоразумѣнію: оно даетъ возможность смѣшивать великаго человѣка съ маниакомъ. И это смѣшеніе даже нашло своихъ сторонниковъ въ литературѣ и наукѣ. „Геній“ и „помѣшательство“ сопоставляются Ломброзо не какъ противоположности, а какъ различныя формы уклоненія отъ нормальнаго. И не безъ кажущагося основанія. Ибо, разъ великій человѣкъ есть тотъ, который посвящаетъ всю свою жизнь *одному единственному дѣлу*, то можно думать, что это дѣло становится его *idée fixe*, его маніей—и великій человѣкъ есть не болѣе и не менѣе, какъ мономанъ.

Но это лишь кажется. Глубокая пропасть лежитъ между гениемъ и помѣшательствомъ, между великимъ человѣкомъ и мономаномъ. Дѣло въ томъ, что надо строго различать между *навязчивой идеей* и между *идеей центральной*. Первая есть идея совершенно оторванная отъ комплекса всѣхъ идей, которыя въ совокупности своей отражаютъ дѣйствительность во всемъ ея объемѣ. Она представляетъ собою одинъ единственный интересъ матеріальной или духовной жизни, изолированный отъ всѣхъ осталь-

ныхъ интересовъ жизни, не считающійся съ ними, игнорирующій ихъ. И такая идея по необходимости должна быть ложной, даже въ томъ случаѣ, когда она имѣетъ въ основѣ своей самыя истинныя, самыя жизненные элементы социальнаго и интеллектуальнаго творчества. Ибо жизнь во всемъ ея объемѣ является великимъ комплексомъ явленій, безконечно переплетающихся и находящихся въ непрерывномъ взаимодействіи. А потому, всякая идея, которая, являясь въ сущности отраженіемъ жизни или руководящею ея, стремится вырваться изъ этого комплекса, стать совершенно самодовлѣющей и всецѣло игнорировать все остальное, неизбежно становится нежизненной, неестественной и въ этомъ смыслѣ ложной; — словомъ, она становится той фикціей, которую немцы такъ удачно называютъ *Hirngespinnst*. Это мы и называемъ навязчивой идеей, маніей, а человѣка, живущаго исключительно такой идеей, мы считаемъ маниакомъ или мономаномъ.

Не то „центральная идея“. Это—не идея *изолированная* отъ всѣхъ остальныхъ идей, а идея *выдѣленная* изъ всѣхъ остальныхъ. Великій человѣкъ не игнорируетъ, подобно мономану, всего внѣ его идеи лежащаго, а лишь отмежевываетъ себя ту область, которая болѣе всего родственна его духу и болѣе всего кажется ему важной. А потому, отграничивая свою область, онъ не суживаетъ ея, не суживаетъ своего собственнаго кругозора. Онъ ясно сознаетъ, что никакая идея не можетъ быть абсолютно изолирована, не можетъ существовать внѣ связи и соприкосновенія съ другими идеями. Онъ ясно видитъ, что избранная имъ область соприкасается съ другими областями человѣческаго мышленія или человѣческой дѣятельности. И онъ считается со всѣмъ этимъ. Онъ, во имя выдѣленной имъ идеи или области, ищетъ знакомства съ идеями или областями, имѣющими близкое или даже болѣе отдаленное отношеніе къ тому, на чемъ сконцентрировались всѣ его помыслы и силы. Это знакомство является для него не цѣлью, а средствомъ. Онъ группируетъ всѣ эти близкія или даже отдаленныя идеи вокругъ его собственной, ассимилируя съ ней все подходящее, давая отпоръ всему ея разрушающему и, такимъ образомъ, получается не изолированная и оторванная отъ всего *idée fixe*, а воспринимающая все родственное ей и считающаяся со всѣмъ сколько-нибудь соприкасающимся съ нею, *idée-maitresse* или *идея-центр*.

И только тотъ мыслитель или общественный дѣятель, который обладаетъ такою центральной идеею, имѣетъ истинное право называться великимъ. Ибо онъ натура творческая: онъ распрям-

ваетъ новую область въ мірѣ мыслей или явленій и влетаетъ ея въ общій комплексъ міровыхъ или историческихъ явленій. Оня творческая натура не въ томъ смыслѣ, что оня творить ex nihilo. Но оня, подобно Богу Библии, дѣлаетъ космосъ изъ хаоса, сооружаетъ изъ хаотическаго матеріала стройное и величественное зданіе.

И въ этомъ смыслѣ недавно скончавшійся въ Вѣнѣ престарѣлый еврейскій ученый *Айзикъ Гиршъ Вейссъ*, заслуживаетъ имени великаго.

Болѣе чѣмъ девяносто лѣтъ прожилъ А. Г. Вейссъ, и всѣ эти долгіе годы оня, ни разу не уклоняясь въ сторону, занимался одной единственной областью науки. Эта область есть *еврейская традиція*, т. е. еврейское устное ученіе, Талмудъ и все изшедшее отъ него и соприкасающееся съ нимъ. Ни въ какую другую область оня не вторгался. несмотря на то, что оня дожилъ до такой глубокой старости, которая рѣдко выпадаетъ на долю смертнаго вообще и еврейскаго ученаго въ частности. Но зато нѣтъ почти ни одной области науки или литературы, имѣющей хотя бы и отдаленное отношеніе къ излюбленной имъ талмудической письменности, которой оня не коснулся бы въ фундаментальныхъ монографіяхъ. Капитальнѣйшій же трудъ его, трудъ цѣлой жизни, пяти-томный „*Dog Wedorschow*“, посвященъ воплощенію его центральной идеи, состоявшей въ стремленіи сдѣлать изъ хаотической области Талмуда стройный и гармоническій космосъ, — цѣлый великій міръ, имѣющій внутреннее соотвѣтствіе и внутренній смыслъ, міръ, генезисъ котораго намъ столь же понятенъ, какъ и его дальнѣйшая эволюція.

I.

Айзикъ Гиршъ Вейссъ родился въ 1815 г. въ моравскомъ городѣ Гроссъ-Мезерицѣ. Моравскіе евреи еще и теперь напоминаютъ собою своихъ восточныхъ братьевъ въ гораздо большей степени, чѣмъ евреи другихъ западно-европейскихъ странъ; а столь же тому назадъ ихъ общинная и религіозная жизнь, воспитаніе ихъ дѣтей и вообще весь ихъ внѣшній и внутренній бытъ, очень мало отличались отъ народнаго быта польско-литовскихъ евреевъ 30 - 40 лѣтъ тому назадъ. Вейссъ первоначально получилъ точно такое же воспитаніе, какое получало—а отчасти получаетъ еще и понынѣ—большинство дѣтей зажиточныхъ ортодоксальныхъ

евреевъ „черты“. На первомъ планѣ стоялъ Талмудъ съ его многочисленными комментаріями. И Талмудъ изучался не какъ извѣстная научная дисциплина, имѣющая свой особенный методъ и представляющая собою лишь *одну* область человѣческаго знанія, которая не исключаетъ существованія другихъ наукъ и соприкасается съ ними,—о нѣтъ! Талмудъ изучался, съ одной стороны, какъ наука всѣхъ наукъ, какъ альфа и омега всѣхъ доступныхъ человѣческому разумѣнію знаній и премудростей, а съ другой—какъ божественное откровеніе, какъ великое религиозное наставленіе, изученіе котораго, помимо того, что оно пріятно само по себѣ вслѣдствіе заключающейся въ немъ глубокой божественной мудрости, вмѣстѣ съ тѣмъ и *обязательно*, самимъ Богомъ предписано. Разумѣется, такая „наука“ должна была стать чѣмъ-то самодовлѣющимъ. Она не имѣла ничего общаго ни съ какой свѣтской наукой и не нуждалась въ помощи какой-либо другой научной дисциплины. Что къ такой наукѣ не примѣнялись никакіе научные методы—это само собою понятно. Хотя въ еврейской письменности и существовали сочиненія, разсматривавшія Талмудъ какъ историческій продуктъ еврейскаго творчества данной исторической эпохи, хотя Самуилъ Ганагидъ, Маймонида и др. доказывали, что въ основу Талмуда положены извѣстные логическіе и методологическіе приемы, что онъ вырабатывался въ теченіе многихъ чередовавшихся одно за другимъ поколѣній и что основательное изученіе его немислимо безъ ознакомленія съ древней медициной, математикой и ботаникой, а также съ нравами и обычаями древнихъ народовъ,—тѣмъ не менѣе еврейская молодежь изучала и отчасти продолжаетъ еще изучать Талмудъ какъ божественную науку, находящуюся „въ времени и пространства“, и не нуждающуюся ни въ какой методологіи и ни въ какихъ вспомогательныхъ наукахъ. Талмудъ былъ какимъ-то безбрежнымъ моремъ, дно котораго не изслѣдовано и пути котораго неисповѣдимы. Онъ былъ настоящимъ хаосомъ противоположныхъ и противорѣчивыхъ мнѣній огромнаго количества борющихся между собою мудрецовъ-атлетовъ, о которыхъ самые большіе талмудовѣды почти ничего не знали, кромѣ нѣсколькихъ легендъ. Ни жизни, ни міровоззрѣній ихъ, ни даже времени, когда они жили и учили, никто не зналъ, да и не очень интересовался знать. И въ самомъ дѣлѣ: не все ли равно, жилъ ли рабби Іегуда послѣ рабби Акивы или до него, имѣли ли они такое или иное міровоззрѣніе, постигла ли ихъ та или иная участь,—разъ все то, что

говорить и тотъ, и другой, является божественнымъ откровеніемъ, непреложною истиною внѣ критики и сомнѣній.

И изъ этого хаоса А. Г. Вейссъ принялся дѣлать космосъ.

Онъ обладалъ такими колоссальными талмудическими познаніями, что, будучи еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, въ 1842—45 г., онъ уже сталъ главою ешибота, устроеннаго въ его родномъ городѣ; и лишь воспослѣдовавшее въ 1845 г. правительственное распоряженіе о закрытіи всѣхъ моравскихъ ешиботовъ, привело къ прекращенію его дѣятельности въ качествѣ „Рошъ іешивы“. Но еще до этого Вейссъ знакомится со свѣтской ново-еврейской литературой, которая дѣлала тогда свои первые, весьма робкіе шаги въ Германіи, Австріи и Италіи. Въ своемъ увлеченіи „гасколой“, онъ даже печатаетъ въ періодическомъ изданіи Исаака Штерна „Kochbei Jizhak“ нѣсколько стихотвореній, конечно, совершенно неудачныхъ. Но уже тамъ, а затѣмъ въ „Іешурунѣ“ Кабака и въ Зильбермановскомъ „Гамагидѣ“, онъ опубликовалъ нѣсколько статей и біографій, имѣющихъ отношеніе къ талмудической письменности, которыя уже изобличали въ немъ будущаго историка еврейской культуры.

Въ 1858 г. Вейссъ переѣзжаетъ въ Вѣну, гдѣ онъ, за немѣнимъ болѣе подходящихъ занятій, состоитъ нѣкоторое время корректоромъ въ одной еврейской типографіи. Но, узанный и оцѣненный по достоинству знаменитымъ въ свое время вѣнскимъ проповѣдникомъ Адольфомъ Іеллинекомъ, онъ вскорѣ назначается этимъ послѣднимъ на должность лектора талмудической письменности въ основанномъ Іеллинекомъ и существующемъ и понынѣ вѣнскомъ „Бетъ-Гамидрашѣ“.

Этотъ „Бетъ-Гамидрашъ“ долженъ былъ представлять собою нѣчто среднее между раввинской семинаріей и ешиботомъ. Такъ какъ австрійскіе евреи слишкомъ хорошо еще знали талмудическую письменность и слишкомъ еще цѣнили талмудическія познанія, чтобы удовольствоваться Prediger'ами, и въ то же самое время старые ешиботы съ ихъ устарѣлымъ антинаучными методомъ изученія Талмуда уже также не могли удовлетворить полу-западное еврейство австрійской имперіи, — то „Бетъ-Гамидрашъ“ долженъ былъ быть въ одинаковой мѣрѣ далекимъ отъ той и отъ другой крайности. Онъ долженъ былъ доставлять своимъ питомцамъ весьма широкія талмудическія знанія, которыя должны были не уступать тѣмъ, какія доставлялись старыми ешиботами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣлъ цѣлью внести систему и научность въ эти знанія. И эту трудную задачу—воспитывать рав-

виновъ въ старомъ смыслѣ этого слова, которые имѣли бы совершенно новыя воззрѣнія на еврейскую науку и смотрѣли бы на Талмудъ, какъ на твореніе великихъ умовъ, подчиненное законамъ эволюціи и объяснимое при помощи человѣческой логики—эту задачу, которую не въ состояніи были выполнить ни профессора нѣмецкихъ раввинскихъ семинарій, ни мелаеды русско-польскихъ ешиботовъ, былъ въ состояніи выполнить одинъ лишь А. Г. Вейссъ. Въ теченіе четырехъ десятковъ лѣтъ онъ преподавалъ талмудическую письменность въ вѣнскомъ „Бетъ-Гамидрашѣ“ сотнямъ молодыхъ людей, которые подъ его руководствомъ стали раввинами, проповѣдниками и преподавателями Талмуда, вполне достойными своего учителя. Отличаясь своими обширными познаніями во всѣхъ областяхъ устнаго ученія, они не меньше отличались своимъ вполне научнымъ взглядомъ на это своеобразное ученіе.

Но гораздо значительнѣе, чѣмъ преподавательская дѣятельность Вейсса, была его дѣятельность въ области чистой науки.

Еще въ 1865 г. онъ основываетъ въ Вѣнѣ ежемѣсячный журналъ по имени „Бетъ-Гамидрашъ“, который, какъ и семинарія того же имени, долженъ былъ быть посвященъ исключительно вопросамъ талмудической литературы въ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ мечталъ объ органѣ, въ которомъ сосредоточились бы всѣ цѣнные труды всѣхъ тѣхъ крупныхъ талмудовѣдовъ стараго пошиба, которые смотрятъ на нашу древнюю письменность съ научной, а не съ старо-теологической точки зрѣнія. Историко-критическое отношеніе къ еврейской теологіи—вотъ что должно было лечь въ основу всѣхъ этихъ научныхъ трудовъ. И лишь чисто-научные труды этого рода должны были заполнить страницы основаннаго Вейссомъ журнала.

Но эта мысль, которая кажется намъ теперь сама собою разумѣющеюся, почти банальной, была настолько нова и „радикальна“ въ 60-ые годы прошлаго столѣтія, что Вейссъ долженъ былъ заполнить книжки своего журнала почти одними собственными трудами. Да и подписчиковъ трудно было тогда найти на научный журналъ такого „еретическаго“ направленія. Или, вѣрнѣе: на журналъ еретическаго направленія, пожалуй, можно было тогда, въ самомъ разгарѣ „просвѣтительнаго движенія“ („Гасколы“), найти и подписчиковъ, и сотрудниковъ, но при одномъ условіи: чтобы этотъ журналъ не былъ научнымъ. Для „маскилимъ“ научный, спокойный и серьезный тонъ „Бетъ-Гамидраша“ не былъ достаточно радикаленъ хотя бы въ сравненіи съ тономъ

„Naschaluz“ Шора; а серьезные талмудовѣды тогдашняго времени боялись научной критики пуще огня. Вотъ почему „Бетъ-Гамидрашъ“ не могъ просуществовать и одного года. Но Вейсъ, приостановивъ это изданіе, не переставалъ надѣяться, что для еврейской науки вскорѣ настанутъ лучшіе дни. И, дѣйствительно, 15 лѣтъ спустя, онъ основываетъ новый ежемѣсячный журналъ, носившій новое имя, но поставившій себѣ тѣ же самыя цѣли, что и „Бетъ-Гамидрашъ“. И этотъ журналъ просуществовалъ гораздо дольше и имѣлъ гораздо большій успѣхъ, чѣмъ предыдущій, какъ мы это увидимъ ниже.

II.

Журналъ „Бетъ-Гамидрашъ“ долженъ былъ служить какъ бы подготовленіемъ къ новому пониманію Талмуда. Статьи, опубликованныя здѣсь Вейссомъ, имѣли характеръ подготовительныхъ работъ, безъ которыхъ никакой капитальный трудъ въ новой научной области немислимъ. Но подготовительныя работы не могли состоять въ однѣхъ только научныхъ статьяхъ о частныхъ вопросахъ устнаго ученія. Есть въ талмудической письменности цѣлыя области, неразслѣдованность которыхъ дѣлаетъ вѣрное историческое пониманіе этой письменности почти невозможнымъ. Таковой областью были въ 60-ые годы прошлаго столѣтія такъ называемые „таннайтскіе мидраши“. Это—тѣ герменевтическія толкованія библіи, которыя въ общемъ являются современными толкованіямъ Мишны и имѣютъ преимущество передъ послѣдними, во-первыхъ, тѣмъ, что въ нихъ больше весьма гнѣнаго *агадическаго* матеріала и, во-вторыхъ, что они еще не носятъ характера сухого свода законовъ, изъ котораго вытравлено все, что изобличаетъ живыя борющіяся личности таннаитовъ, и подрѣзано все то, что мѣшаетъ правильности общей, схематической формы кодекса, установленной нивеллирующей рукой кодификатора. Еврейство послѣднихъ вѣковъ было лишено всякаго историко-критическаго чутья и совершенно не обращало вниманія на эти столь цѣнные мидраши,—какъ оно не обращало вниманія и на Талмудъ Іерусалимскій, какъ оно не интересовалось ни апокрифами, ни псевдо-эпиграфами, столь важными для уразумѣнія судебъ еврейства Второго Храма и для пониманія Мишны и Барайты. Вотъ почему эти три таннайтскіе мидраши: *Mechilta* (комментарій къ Исходу), *Siphra* (комментарій къ Лев.) и *Siphre* (комментарій къ Числамъ и Второзаконію), имѣлись лишь въ ста-

кн. № I.

рых изданіяхъ, текстъ которыхъ изобиловалъ ошибками и которыя были совершенно лишены критическаго аппарата.

И вотъ Вейссъ принимается за критическое изданіе *Siphra*, и въ 1862 г. онъ выпускаетъ этотъ древній мидрашъ съ прекрасными, отличающимися огромной эрудиціей и свидѣтельствующими о ясномъ критическомъ умѣ введеніемъ и комментариемъ (*Massoreth Nathalmud*). А въ 1865 г. онъ выпускаетъ въ свѣтъ свой комментарий къ *Mechiltha* подъ именемъ „*Middoth Sopherim*“, который является еще болѣе цѣннымъ вкладомъ въ науку о іудаизмѣ, чѣмъ его комментарий къ *Siphra*. Вейссъ не переиздалъ *Siphre* потому, что его коллега по „Бетъ-Гамидрашу“, лекторъ Меиръ Фридманъ („Ишъ Шаломъ“), напечаталъ въ 1864 г. вполне критическое и научное изданіе этого таннаитскаго мидраша.

И еще одну весьма цѣнную подготовительную работу издалъ Вейссъ прежде чѣмъ приступилъ къ главному, капитальнѣйшему своему труду по талмудической письменности. Это—его книга *о языкѣ и стилѣ Мишны* („*Mischpatei Leschon Hammischnah*“), изданная имъ въ 1867 г. Эта книга, къ сожалѣнію, мало оцененная еврейскимъ ученымъ міромъ, не только представляетъ собою прекрасный трудъ по ново-еврейской грамматикѣ, но имѣетъ важное значеніе и какъ трудъ по исторіи еврейской культуры. Вейссъ съ особенной любовью останавливается въ этой своей книгѣ на тѣхъ лексикологическихъ явленіяхъ, которыя должны рассматриваться какъ результатъ живого воздѣйствія, которому подвергался языкъ еврейскихъ ученыхъ—какимъ является ново-еврейскій языкъ Мишны—какъ со стороны народной рѣчи іудеевъ время таннаитовъ, т. е. со стороны палестинско-арамейскаго нарѣчія, такъ и со стороны греческаго и латинскаго языковъ, языковъ античной культуры. Масса тонкихъ и мѣткихъ наблюденій надъ жизнью и развитіемъ еврейскаго языка, въ особенности во всемъ, что касается переходныхъ стадій, ведущихъ отъ древне-еврейскаго къ ново-еврейскому, отъ языка Библии къ языку Мишны и Мидраша, разсыпана по всей его книгѣ. И нынѣ, когда еврейскіе прозаики естественнымъ образомъ все болѣе и болѣе отдаляются отъ чисто-поэтическаго, а потому подчасъ архаическаго языка пророковъ и все болѣе и болѣе приближаются къ ясному, простому и болѣе новому языку Мишны и Мидраша, было бы весьма желательно, чтобы кто-нибудь призванный взять на себя трудъ переиздать прекрасную книгу Вейсса, исправить погрѣшности, которыя были неизбѣжны 40 лѣтъ тому на-

задь, и дополнивъ все то, что было приобрѣтено за эти 4 десятилѣтїя. Такъ поступаютъ выдающіеся нѣмецкіе ученые по отношенію къ трудамъ Гезеніуса, Редигера и др., и такого отношенія къ себѣ вполне заслужили и „Mischphei Leschon Hammischnah“ Вейсса.

III.

Покончивъ съ этими предварительными работами и достигши уже преклоннаго возраста (при выходѣ перваго тома „Dog Dog Wedorschow“ Вейссу уже минуль 56-й годъ), Вейсъ принимается за главный трудъ своей жизни — за „Исторію еврейской традиціи“, озаглавленную „Dog Dog Wedorschow“ (дословно: „Ряды поколѣній и представители ихъ“). Первый томъ этого капитальнаго труда появляется въ 1871 г.; второй томъ—въ 1872 г.; третій томъ—въ 1884 г.; четвертый—въ 1887 г. и, наконецъ, пятый томъ—въ 1891 г. Когда Вейсъ закончилъ свой трудъ, ему было уже недалеко отъ восьмидесяти...

Если-бъ мы пожелали опредѣлить въ немногихъ словахъ сущность и значеніе великой книги Вейсса, намъ достаточно было бы сказать слѣдующее: Вейсъ ввелъ въ изученіе талмудической письменности идею эволюціи. И этимъ онъ сдѣлалъ научное изученіе этой письменности не только возможнымъ, но и необходимымъ. Этимъ онъ изъ хаоса создалъ космосъ.

До Вейсса слова „исторія еврейской традиціи“ были бы *contradictio in adjecto*. Въ томъ-то и заключался — если можно такъ выразиться—традиціонный взглядъ на традицію, что онъ отрицалъ за еврейской традиціей и, вмѣстѣ съ нею, за всѣмъ устнымъ ученіемъ (какъ, впрочемъ, и за письменнымъ) всякую эволюцію, всякое исторически-постепенное, естественно-послѣдовательное развитіе. Традиція—это божественное откровеніе, свято хранимое избранниками Божиими, удостоившимися быть священными сосудами для этого откровенія и въ сохранности передающаго его другимъ избранникамъ, ничего не прибавляя къ его поддержанію и ничего не убавляя отъ него. Причемъ же тутъ эволюція, развитіе, причемъ же тутъ исторія въ научномъ смыслѣ слова, которая предполагаетъ прагматическую причинность между идеями и между явленіями и немислима безъ идеи вѣчныхъ переѣвъ и безостановочнаго шествія впередъ?

Чтобы разрушить этотъ китайскій взглядъ на еврейскую традицію и на устное ученіе вообще, Вейссу пришлось, прежде всего, видоизмѣнить самое представленіе объ устномъ ученіи, базирую-

щемъ на традиціи. До него думали—а отчасти думаютъ и теперь,—что устное ученіе, являясь какъ бы дополненіемъ къ письменному, не могло появиться раньше этого послѣдняго. Тутъ Вейссъ является смѣлымъ новаторомъ мысли и совершаетъ радикальный переворотъ во взглядахъ: онъ доказываетъ, что устное ученіе предшествовало письменному, что письменное часто базируется на устномъ, что первое безъ послѣдняго немыслимо. Онъ это доказываетъ множествомъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ самой Библии. Здѣсь мы удовольствуемся однимъ изъ этихъ фактовъ: Библия говоритъ (Второзаконіе, XXIV, 1—4), что, когда кто-нибудь развелся со своей женой и она вышла замужъ за другого и тотъ также развелся съ нею или же тотъ умеръ,—то первый мужъ не можетъ снова жениться на ней. Предписаніе Библии касается тутъ лишь запрета жениться вторично на бывшей женѣ, если она послѣ развода состояла въ бракѣ съ другимъ. О самомъ же разводѣ говорится тутъ (*ibid.* XXIV, 1 и 3), какъ о чемъ-то само собою разумѣющемся. А между тѣмъ мы во всей Библии не находимъ ни одного слова о разводѣ—ни объ обязательности его, ни объ его формѣ. А это потому, что библейское законодательство всегда считалось съ существовавшимъ до него въ народѣ устнымъ ученіемъ въ видѣ обычая, нравовъ и порядковъ, которые охранялись жрецами народа и устно передавались всѣмъ членамъ его изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такимъ, устно передаваемымъ обычаемъ, былъ и разводъ; а потому, Библия лишь регламентируетъ *особый случай*, возможный при разводѣ, считая необходимость развода вообще, какъ вкоренившася, освященнаго традиціей закона обычая, чѣмъ-то само собою разумѣющимся.

Въ позднѣйшее время, когда письменное ученіе все больше и больше регламентировало религіозную и социальную жизнь еврейскаго народа, тѣ устные законы-обычаи, на которыхъ письменные основывались и которые стали приходить въ забвеніе, благодаря произошедшей въ естественной жизни еврейства Перваго Храма вѣдшей и внутренней ломкѣ, расширенной и углубленной Вавилонскимъ Плѣненіемъ,—эти устные законы также были мало-по-малу кодифицированы и стали новымъ регламентомъ, существовавшимъ параллельно со старымъ и находившимся въ постоянномъ взаимодействіи съ этимъ послѣднимъ. Къ тому же, новая жизнь породила новыя потребности, а письменное ученіе, которое, какъ фиксированное пророческое откровеніе, *должно было* быть заключено въ извѣстное время, не могло удовлетворить ихъ. Конечно, ихъ удовлетворяла сама жизнь, породившая.

ихъ. Но жизнь дѣйствовала и въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, черезъ посредство лучшихъ людей времени, понявшихъ его нужды и шедшихъ имъ навстрѣчу. Это были столь ненавистные христіанству „книжники“ (Sopherim), которые къ концу эпохи Второго Храма нѣсколько выродились, но которые въ началѣ этой эпохи оказали еврейству неоцѣнимыя заслуги: они восполняли пробѣлы письменнаго ученія не только при помощи уцѣлѣвшихъ традицій, но и благодаря тому, что они его приспособляли къ новымъ условіямъ жизни. Такимъ образомъ, они являются, если не творцами, то составителями устнаго ученія. Все, что они прибавляли къ письменному ученію съ цѣлью сдѣлать его годнымъ и для измѣнившейся жизни, они называли устнымъ ученіемъ, въ отличіе отъ этого письменнаго. Ибо они по необходимости должны были считать свои новыя постановленія лишь толкованіемъ письменнаго ученія, такъ какъ они не могли дерзнуть противъ божественнаго откровенія и такъ какъ они привыкли видѣть письменное ученіе, основывающимся на устномъ и немислимымъ безъ послѣдняго. Вотъ какимъ образомъ появилась съ теченіемъ времени великая сокровищница устнаго ученія—Талмудъ въ широкомъ смыслѣ слова.

Таковъ взглядъ Вейсса на еврейскую традицію, ея генезисъ и ея первоначальную исторію. Этимъ онъ нанесъ ударъ, какъ положительному догматизму еврейскихъ ортодоксовъ, такъ и отрицательному догматизму караимовъ и еврейскихъ реформистовъ. Противъ догматиковъ-ортодоксовъ онъ научно обосновывалъ свой взглядъ на Талмудъ, какъ на продуктъ *человѣческаго* творчества, которое подвержено законамъ эволюціи, подвержено измѣненію, росту, углубленію. А противъ догматиковъ-караимовъ и близкихъ имъ по взгляду на устное ученіе реформистовъ, относящихся отрицательно къ Талмуду потому, что они его считаютъ какимъ-то цѣльнымъ и единымъ и, въ своемъ несоотвѣтствіи съ рациональными представленіями современности, ложнымъ догматическимъ ученіемъ,—онъ возстаивалъ тѣмъ, что онъ какъ нельзя лучше доказывалъ, что Талмудъ есть продуктъ многихъ вѣковъ и различныхъ жизненныхъ условій; что устное ученіе существовало всегда и повсюду; что оно не могло не существовать, такъ какъ оно плодъ необходимости и было вызвано къ жизни самимъ ходомъ еврейской исторіи; что оно не явилось, и не могло явиться, сразу какъ нѣчто цѣлое и что, какъ продуктъ еврейской жизни, оно не можетъ быть „отмѣнено“ въ одно прекрасное утро по желанію какого-нибудь реформатора. И все это Вейсъ доказывалъ, не

вступая ни съ кѣмъ ни въ какую полемику, которая сдѣлала бы изъ объективной науки субъективную публицистику. Безъ предвзятыхъ цѣлей и тенденціознаго толкованія фактовъ онъ проливаетъ новый свѣтъ на великую, наукой еще нетронутую отрасль человѣческаго знанія—и въ результатѣ получается новое разумѣніе этой отрасли, не согласующееся ни съ ортодоксальнымъ, ни съ „просвѣтительскимъ“. Ибо, въ то время, какъ т. адиціонный методъ изученія талмудической письменности является теологическимъ, а просвѣтительно-обличительный—раціоналистическимъ, Вейссъ примѣняетъ къ этой письменности *методъ эволюціонно-историческій*.

Придерживаясь взглядовъ эволюціонизма, онъ естественно ищетъ причинной связи между явленіями въ области устнаго ученія, и, придерживаясь историческаго метода, онъ больше не можетъ смотрѣть на Талмудъ какъ на *deus ex machina*, какъ на твореніе внѣ времени и пространства. Вотъ почему онъ считаетъ необходимымъ, въ цѣляхъ уразумѣнія Талмуда, посвятить цѣлую весьма интересную главу не только *апокрифамъ*, т. е. книгамъ, написаннымъ евреями во времена Второго Храма, но отвергнутымъ еврействомъ и включеннымъ лишь въ христіанскій канонъ,—но и такъ-называемымъ „псевдо-эпиграфамъ“, т. е. тѣмъ еврейскимъ книгамъ той же эпохи, которыхъ не признало и большинство христіанскихъ церквей. Вотъ почему онъ посвящаетъ цѣлую главу евангеліямъ и ихъ отношенію къ устному ученію. А дойдя до эпохи заключенія Мишны, онъ считаетъ необходимымъ предположить изложенію кодифицированной еврейской юриспруденціи общую характеристику римскаго законодательства и судопроизводства, насколько они имѣютъ отношеніе къ еврейскимъ. Греческія философскія идеи, римскіе нравы и персидская религія служатъ ему ключемъ для уразумѣнія многихъ выраженій, воззрѣній и постановленій талмудистовъ, на которыя онъ никогда не смотритъ такъ, какъ будто они появились вдругъ цѣльными и законченными, какъ Афродита изъ головы Зевеса.

Но, считаясь при объясненіи воззрѣній талмудистовъ съ временемъ, странною, окружающими народностями, словомъ, со всѣми внѣшними и внутренними вліяніями, Вейссъ не впадаетъ въ противоположную крайность и не сводитъ этихъ воззрѣній къ одному только вліянію „среды“. Онъ знаетъ цѣну и роли личности въ исторіи. Онъ понимаетъ, что умственно-духовная дѣятельность крупной личности есть сумма всѣхъ слагаемыхъ среды и предшествующей дѣятельности *плюсъ* этой самой личности, т. е. *плюсъ*

личной инициативы великаго человѣка, который, конечно, подвергается въ сильной мѣрѣ вліянію среды и историческихъ условій, но, пропуская все это сквозь призму своеобразнаго личнаго воспріятія и личной цѣлеставящей воли, онъ созидаетъ изъ стараго матеріала новыя цѣнности. Вотъ почему никто какъ Вейссъ не умѣлъ набрасывать двумя—тремя штрихами полную и рельефную картину талмудической личности, жизнь и ученіе которой обыкновенно находились въ полной гармоніи между собою. И Вейссъ далеко не апологетъ; онъ умѣетъ находить и слабыя стороны талмудистовъ. Но эти стороны обыкновенно не унижаютъ ихъ въ нашихъ глазахъ, а дѣлаютъ ихъ ближе, родственнѣ намъ, такъ какъ онѣ дѣлаютъ ихъ человѣчнѣ. И никто какъ онъ не умѣлъ показывать то глубокое соответствіе, которое находится между всѣми изрѣченіями данной талмудической личности, имѣющими отношеніе къ столь разнообразнымъ вопросамъ религіозной и соціальной жизни и разбросанными по безбрежному „мору Талмуда“ и всѣмъ примыкающимъ къ нему мирашамъ. Тутъ Вейссъ обнаруживалъ обширнѣйшую эрудицію и тонкое психологическое чутье. Вспомнимъ прекрасную характеристику, данную Вейссомъ р. Іегудѣ Ганасси, кодификатору Мишны. Какъ въ этой характеристикѣ достоинства и недостатки сплетаются и какъ будто про истекаютъ другъ отъ друга! Какъ тѣсно связаны многочисленныя изрѣченія этого таланта съ жизнью и дѣятельностью этой сильной и властной натуры! И все это изложено Вейссомъ на протяженіи какихъ-нибудь 4—5 страницъ.

Пять томовъ „Dog Dog Wedorschow“ содержатъ исторію талмудической письменности отъ зарожденія устнаго ученія и вплоть до изгнанія евреевъ изъ Испаніи, вѣрнѣе—до заключенія „Шулханъ Аруха“ р. Іосифа Каро, которымъ устное ученіе какъ будто было отлито въ окончательную свою форму. Правда, талмудическая литература и послѣ монументальнаго труда Каро не переставала обогащаться новыми произведеніями, имѣвшими весьма крупное значеніе въ истолкованіи и примѣненіи устнаго ученія. Достаточно напомнить о Рамо, о „Chajei Adam“ и др. И, какъ видно, Вейссъ и самъ помышлялъ о томъ, чтобъ написать 6-ой и даже 7-ой томъ своего крупнаго труда. Въ 4-ой книжкѣ „Mimigash Umimaagabh“ Брайнина напечатана статья Вейсса о „Началахъ просвѣтительнаго движенія у русскихъ евреевъ“, въ которой Вейссъ даетъ мѣткую оцѣнку значенію виленскаго гаона въ исторіи *разработки* письменнаго ученія и значенію Исаака Бера Ле-

винсона въ исторіи *истолкованія* талмудической письменности и приспособленія ея къ требованіямъ современной жизни. Какъ видно изъ этой статьи, Вейссъ хотѣлъ довести свою „Исторію еврейской традиціи“ до новѣйшаго времени, такъ какъ дѣйствительное талмудическое творчество еще и теперь не изсякло, о чемъ свидѣлствуютъ десятки чисто-богословскихъ и даже пилпулистскихъ сочиненій, ежегодно издаваемыхъ на еврейскомъ языкѣ не только въ Россіи и Галиціи, но и въ Венгріи и Турціи. Но восьмидесятилѣтнему старцу не удалось привести свой планъ въ исполненіе. Онъ еще былъ достаточно бодръ, чтобъ написать цѣлый рядъ мелкихъ статей и свою прекрасную „Автобіографію“ („Zichronothai“), но уже былъ не въ силахъ заниматься такимъ сложнымъ трудомъ, какъ исторія еврейской традиціи послѣ изгнанія евреевъ изъ Испаніи.

Настоящій краткій очеркъ жизни и дѣятельности Вейсса не можетъ входить въ подробный разборъ колоссальнаго памятника, поставленнаго мравскимъ еврейскимъ ученымъ отходящей въ вѣчность крупной области еврейскаго національнаго творчества. Нѣтъ сомнѣнія, что Вейссъ временами ошибался въ своихъ взглядахъ на личности и міровоззрѣнія талмудистовъ. Съ одной стороны, онъ иногда придавалъ слишкомъ много значенія какому нибудь одиноко стоящему изрѣченію и строилъ большое зданіе на слишкомъ ненадежномъ фундаментѣ. А съ другой стороны, въ своемъ стремленіи къ стройности и гармоніи онъ иногда притягивалъ факты за волосы и не замѣчалъ всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые не укладываются въ созданныя имъ рамки,—не замѣчалъ того, что нѣмецкіе ученые называютъ вмѣстѣ съ Бэкономъ „negative Instanzen“. Къ тому же, часто въ немъ пробуждался еврейскій „маскиль“—шестидесятникъ, который не могъ отдѣлаться отъ рационализма и, незамѣтно для себя самого, терялъ историческую перспективу, отождествляя должное по современнымъ понятіямъ съ исторически-необходимымъ въ данный историческій моментъ. Глубокій талмудовѣдъ, но слишкомъ консервативно настроенный ученый Исаакъ Галеви, издавшій недавно два компактныхъ тома своего сочиненія „Doroth Harischohim“ („Древнія поколѣнія“), долженствующаго быть какъ бы новымъ „Dog Dog Wedorschow“, рѣзко нападаетъ на Вейсса и уличаетъ его въ цѣломъ рядѣ неправильныхъ толкованій Талмуда и въ крупныхъ недомотрахъ. Тѣмъ не менѣе, нигдѣ нельзя найти того научнаго отношенія къ устному ученію, которое мы находимъ въ безсмертномъ трудѣ А. Г. Вейсса. Ибо нигдѣ Талмудъ и вся та обшир-

ная письменность, которая беретъ отъ него начало и неразрывно связана съ нимъ, не представляются намъ болѣе глубоко человѣчными, естественно развивающимися и подчиняющимися законамъ исторической необходимости, какъ въ „Исторіи еврейской традиціи“. И нигдѣ творцы этой столь своеобразной письменности не предстаютъ передъ нами столь цѣльными, понятными, какъ въ этомъ пятитомномъ трудѣ. Нѣтъ сомнѣній, что трудъ Вейсса будетъ современемъ превзойденъ, что онъ уже и теперь нуждается въ поправкахъ и дополненіяхъ; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что никогда этотъ трудъ не будетъ обойденъ, что его никогда нельзя будетъ игнорировать. Это—одинъ изъ тѣхъ трудовъ, которые представляютъ собою извѣстный этапъ въ развитіи еврейской научной мысли, — этапъ, на которомъ нельзя остановиться навсегда, но котораго нельзя и перескочить.

Въ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается и секретъ того огромнаго вліянія, какое книга Вейсса имѣла не только на ученыхъ, но и на еврейскую молодежь. Вейссъ училъ ее видѣть эту письменность въ новомъ, научномъ свѣтѣ. Въ этомъ смыслѣ Вейссъ былъ и просвѣтителемъ, и „революционеромъ духа“, хотя онъ и старался быть всегда спокойнымъ, объективнымъ и научно-сдержаннымъ. А потому, точно такъ же, какъ его не можетъ обойти молчаніемъ никакой историкъ древней еврейской культуры, будь это еврей или христіанинъ ¹⁾, его такъ же не сможетъ обойти молчаніемъ ни одинъ историкъ новой еврейской культуры, ни историкъ просвѣтительнаго движенія среди восточныхъ евреевъ, ни историкъ еврейской науки и ново-еврейской литературы.

IV.

Кромѣ подготовительныхъ работъ, перечисленныхъ выше, и „*Dog Dog Wedorschow*“, Вейссъ написалъ одновременно съ послѣднимъ цѣлый рядъ статей-монографій. Но всѣ онѣ отличаются однимъ общимъ имъ всѣмъ свойствомъ: онѣ всѣ трактуютъ о

¹⁾ Вейссъ—одинъ изъ немногихъ еврейскихъ ученыхъ, съ которыми считаются христіанскіе, относящіеся, какъ извѣстно, съ недоувѣріемъ къ еврейскимъ ученымъ, особенно къ трактующимъ о еврейской литературѣ время возникновенія христіанства. На Вейсса ссылается часто Эмиль Шюреръ въ его „*Geschichte des jüdischen Volkes zur Zeit Jesu Christi*“, на него ссылается и Дальманъ, Штраккъ и др. И это тѣмъ болѣе удивительно, что Вейссъ писалъ только по-еврейски и не имѣется въ переводѣ.

томъ же предметѣ, о которомъ трактуетъ его главный трудъ. Никогда Вейссъ не дилеттантствуетъ. Никогда онъ не занимается „въ часы досуга“ какимъ-нибудь вопросомъ, въ которомъ онъ профанъ. Это—тѣмъ болѣе драгоценное свойство, что оно очень, очень рѣдко встрѣчается у еврейскихъ ученыхъ и писателей. Говорить обо всемъ, вмѣшиваться не въ свое дѣло—это не входитъ въ привычки Вейсса. Онъ своей области не суживаетъ, напротивъ—онъ ее возможно расширяетъ, но онъ никогда не выходитъ за ея естественные предѣлы.

Въ 1881 г. онъ снова берется за изданіе ежемѣсячника по вопросамъ талмудической письменности, на этотъ разъ въ сообществѣ съ великимъ знатокомъ Агады, вышеупомянутымъ Менромъ Фридрихманномъ. „Бетъ-Талмудъ“ долженъ былъ замѣнить прекратившійся въ 1866 г. „Бетъ-Гамидрашъ“. И дѣйствительно, вокругъ новаго журнала тотчасъ же группируются лучшіе еврейскіе ученые, почерпнувшіе свои знанія изъ еврейскихъ первоисточниковъ и умѣющихъ писать по-еврейски. Тѣмъ не менѣе, редакторамъ пришлось самимъ заполнить добрую половину каждой книжки. Четыре года (1881—1885) просуществовалъ журналъ „Бетъ-Талмудъ“, и втеченіе всего этого времени не вышло почти ни одной книжки, въ которой Вейссъ не напечаталъ бы двухъ—трехъ статей. И всѣ эти статьи касались одного и того же предмета, хотя и разныхъ сторонъ, и разныхъ частей его. То же самое можно сказать и о трехъ крупныхъ монографіяхъ, которыя Вейссъ напечаталъ около того же времени подъ общимъ заглавіемъ: „Биографіи еврейскихъ великихъ людей“ (Tholdoth gedolei Israel). Это—биографіи Маймонида, Раши и Рабену Тамъ. Раши и его внукъ Рабену Тамъ являются великими комментаторами и толкователями Талмуда; но и въ биографіи, и оцѣнкѣ Маймонида Вейссъ больше занимается Маймонидомъ-талмудистомъ, Маймонидомъ-авторомъ „Mischneh Thorah“ и „Комментарія къ Мишна“, чѣмъ Маймонидомъ-философомъ, авторомъ „Путеводителя Блуждающихъ“. А когда онъ напечаталъ въ „Haasif“ за 1886 годъ статью о *Саадіи Гаонъ*, онъ такъ же сравнительно мало говоритъ о томъ Саадіи, который основалъ еврейскую религиозную философію, и гораздо больше занимается тѣмъ Саадіей, который боролся за устное ученіе съ отрицавшими его караимами. Сама религиозная философія Саадіи является для Вейсса—и эта мысль кажется намъ тѣмъ правдоподобнѣе, чѣмъ больше мы думаемъ о ней—результатомъ стремленія сохранить за устнымъ ученіемъ его ирежній авторитетъ.

Еще нагляднѣе мы видимъ эту великую односторонность, которая является результатомъ *не узости духа, а великой концентрации его*, въ его изданіи дидактическаго стихотворенія „Mussar Haskel“ р. Гаи Гаона, вошедшемъ въ коллекцію древнихъ классиковъ, изданную товариществомъ „Ахіасафъ“ (Варшава, 1893). Изданіе самаго текста этого стихотворенія исполнено далеко не удовлетворительно: чувствуется, что это не та область, въ которой Вейссъ всеислелъ. Зато обширное *введеніе* Вейсса, въ которомъ дается всесторонняя характеристика этого великаго гаона и выдвигаются какъ разъ тѣ стороны его дѣятельности, которыя имѣютъ мало общаго съ дидактическимъ стихотвореніемъ, являются шедевромъ какъ по тонкому пониманію личности р. Гаи, такъ и по оцѣнкѣ его заслугъ передъ талмудическою письменностью. Тутъ, и только тутъ, Вейссъ обнаруживаетъ весь свой огромный талантъ.

И Вейссъ сознавалъ это. Онъ почти никогда не занимался злобой дня, а если онъ и пытался когда-нибудь дать отвѣтъ на выдвинутый самой жизнью жгучій вопросъ, онъ это дѣлалъ лишь какъ специалистъ по талмудической письменности, изъ которой онъ черпалъ свои категорическіе и односторонніе отвѣты. Такъ, напримѣръ, онъ еще въ 1862 г. издалъ брошюру „Nezach Israel“, трактующую о вѣрѣ въ пришествіе Мессіи, которая тогда подвергалась критикѣ со стороны еврейскихъ реформистовъ Западной Европы. А въ 1899 г., въ глубокой старости, онъ еще нашелъ нужнымъ высказаться по поводу волновавшаго уже тогда, благодаря палестинофильскому движенію, умы еврейской интеллигенціи вопроса о еврейскомъ націонализмѣ. И тамъ, и здѣсь мы видимъ Вейсса, разсуждающимъ о животрепещущихъ вопросахъ не съ точки зрѣнія какой-нибудь національно-политической, соціальной или религіозной партіи, а исключительно съ точки зрѣнія человѣка, знающаго — но знающаго, какъ никто — одну только область человѣческаго знанія — область талмудической письменности.

Больше того: въ 1895 г. Вейссъ издалъ свою довольно объемистую *автобіографію*, озаглавленную: „Мои воспоминанія, начиная съ дѣтства и вплоть до того, какъ мнѣ исполнилось 80 лѣтъ“ (זכרונות מילדותי ועד מלאה לי שמונים שנה). Можно было подумать, что эта книга будетъ главнымъ образомъ посвящена поведенію о жизни и дѣятельности престарѣлаго ученаго. Но кто такъ думалъ, тотъ глубоко ошибался. Біографическія данныя едва составляютъ одну десятую всей „Автобіографіи“, а девять

десятихъ я посвящены характеристикѣ старыхъ комментаторовъ талмудической письменности и новыхъ комментаторовъ ея, т. е. тѣхъ великихъ свѣтилъ старой и новой еврейской науки (Раши, Магарша и Магарамъ Шиффъ съ одной стороны, и С. Л. Рапопортъ, С. Д. Лупцатто. Л. Цунцъ, Михайлъ Заксъ и др. съ другой), которыхъ Вейссъ считаетъ своими учителями и наставниками. Такимъ образомъ, даже автобіографія—и та посвящена Вейссомъ больше всего тому, что составляло смыслъ и цѣль всей его долготѣней жизни—еврейской наукѣ. На этой наукѣ онъ сосредоточилъ всѣ свои силы, сю одною онъ только и дышалъ. И если имени „великій“ заслуживаетъ тотъ, для котораго одна какая-нибудь область человѣческаго творчества является не навязчивой идеей, но идеей центральной, вокругъ которой группируются всѣ имѣющія къ ней отношеніе идеи какъ точки окружности вокругъ центра,—то Вейссъ, несомнѣнно, долженъ считаться однимъ изъ нашихъ великихъ въ области духа.

И его односторонность, простирающаяся отъ интенсивности творчества, которая возможна лишь при полной специализаціи, проявилась еще въ одномъ интересномъ пунктѣ: въ его отношеніи къ еврейскому языку.

Вейссъ былъ богемскимъ евреемъ, а въ Богеміи въ особенности тогда, когда Вейссъ началъ свою научную дѣятельность, нѣмецкій языкъ былъ въ употребленіи у богемскихъ ученыхъ вообще и у богемскихъ ученыхъ евреевъ въ особенности. Покинувъ Богемію, Вейссъ поселился въ Вѣнѣ, гдѣ онъ прожилъ около 50-ти лѣтъ (1858—1905). И тѣмъ не менѣе, онъ ни одной строки, ни единого слова не напечаталъ ни на нѣмецкомъ, ни на какомъ-либо иномъ европейскомъ языкѣ. Всѣ свои книги и статьи, всѣ безъ исключенія, онъ написалъ на еврейскомъ языкѣ, нѣсколько старинномъ, но ясномъ и вполне соответствующемъ содержанию. Вейссъ сознавалъ, что о томъ предметѣ, который онъ избралъ своей специальностью, можно легко и естественно трактовать лишь на еврейскомъ языкѣ, на томъ языкѣ, на которомъ сохранилась вся талмудическая литература. И, разъ сознавъ это, онъ не считался ни съ западными еврейскими учеными, среди которыхъ онъ жилъ и работалъ, ни даже съ собственными сородичами—богемскими евреями, которые тѣмъ временемъ почти совсѣмъ разучились читать по-еврейски, и писалъ свои сочиненія на языкѣ, доступномъ больше всего русскимъ и галиційскимъ евреямъ, которые еще не совсѣмъ чуждаются талмудической письменности. Онъ и здѣсь остался цѣльнымъ и вѣрнымъ себѣ.

Вейсъ скончался на 91-мъ году своей жизни, 17—30 мая 1905 г. Переживаемое нами бурное время, чреватое столькими важными послѣдствіями для всего еврейства вообще и для русскаго еврейства въ особенности, заставило забыть о великомъ борцѣ въ области еврейской науки, и его смерть не произвела того впечатлѣнія, которое она произвела бы въ другое время, при другихъ, болѣе спокойныхъ обстоятельствахъ. Но настанутъ лучшія, болѣе спокойныя времена, и окрѣпшее, возрожденное еврейство оцѣнитъ по достоинству то, что сдѣлалъ для него Айзикъ Гиршъ Вейсъ, и воздастъ должное памяти великаго творца въ области еврейской науки, который изъ талмудическаго хаоса сдѣлалъ стройный и величавый космосъ.

Лозанна. Сентябрь, 1905.

Д-ръ І. Клаузеръ.

Изъ книги пророка Исаи.

I.

О, горе вамъ, влачащимъ дни въ позорѣ,
Спокойнымъ зрителямъ безумно-мрачныхъ дѣлъ!
Не вспыхнетъ правый гнѣвъъ въ тупомъ, померкшемъ взорѣ.
Молчанье вамъ—оплотъ, и рабство—вашъ удѣлъ.
Свободу, честь свою отдавъ врагу безъ боя,
Въ велѣньяхъ деспота признали вы законъ,
И не смутятъ лѣниваго покоя
Ни щелканье бичей, ни братьевъ тяжкій стонъ,
Ни гордыя мечты о лучшей, свѣтлой долѣ,
Ни гимны смѣлые восторженныхъ пѣвцовъ,
Ни тѣни скорбныя замученныхъ въ неволѣ,
Распятыхъ на крестѣ—пророковъ и бойцовъ!

II.

Пѣвцу-ль свободного труда
Стоять въ толпѣ рабовъ покорной,
И мѣсту грознаго суда
Гнѣдомъ ли быть неправды черной?
Мой край—разрушенный Содомъ,
Грозой спаленная Гаморра...
Съ тоской покинувъ отчій домъ,
Бѣгу отъ смерти и позора.

Тамъ кости слабаго вождя
 Шакалы хищныя зарюють,
 И волны сѣрнаго дождя
 Стези преступныя покроють.
 Не отъ тарана рухнуль градъ—
 Отъ криковъ ужаса и боли.
 Ни вагляда робкаго назадъ!—
 Иль станешь мертвой глыбой соли.

III.

Падуть со звономъ крѣпкіе засовы;
 Отъ двери мѣдной съ крикомъ стражъ отпрянетъ.
 Кто ползъ, какъ червь, и прятался, какъ совы,
 Въ тотъ грозный мигъ—сѣдымъ орломъ воспрянетъ!
 О, притѣснитель! Рухнуть башенъ своды,
 Погаснетъ блескъ надменнаго чертога,
 И разольются ужасы, какъ воды,
 И ночь придеть—и станетъ у порога.

Н. Бархинъ.

Изъ книги Экклезиаста.

...Сѣдня кудри лягутъ по плечамъ;
 Проснется духъ для горестныхъ смятеній.
 Внимать не станешь суетнымъ рѣчамъ:
 Ахъ, близко, близко плачущія тѣни!
 Налетятъ сердце огненной тоской,
 А плодъ созрѣвшій вѣтку гнетъ невольню,
 И встанешь вдругъ и блѣдною рукой
 Махнешь пѣвцамъ и скажешь имъ: довольно!

Время приходитъ для черстваго хлѣба
 И—для фіала съ сикерой.

Горе земное и милости неба
Строгой отпущены мѣрой.
Рдѣютъ въ саду моемъ пышныя лозы;
Есть и дурманъ съ лебедею.
Дѣтская радость и—горькія слезы.
Счастье смѣнилось бѣдою.
Въ свѣтломъ нарядѣ идемъ мы къ вѣнчанью,
Въ черномъ—къ гробницѣ унылой.
Время—напѣвамъ и время—молчанью.
Все это будетъ и было.

К. Бархинъ.

Русско-еврейскіе эмигранты въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Замѣтки эмигранта).

Дѣловые люди.

Я однажды уже имѣлъ случай на этихъ страницахъ, въ качествѣ туриста, дать нѣкоторыя предупрежденія мечтающимъ объ Америкѣ (а кто теперь изъ нашихъ собратьевъ въ Россіи о ней не мечтаетъ?) насчетъ крайней опасности, для каждаго вновь прибывающаго, пускаться въ какія-либо *дѣла* и *предпріятія*, связанные съ затратой какого-либо капитала—впредь до полного ознакомленія съ англійскимъ языкомъ, мѣстными законами, а главное—изученія того *дѣла*, какое онъ себѣ изберетъ.

Вопросъ этотъ, однако, настолько серьезень и важенъ, особенно въ настоящее время, когда здѣсь ожидается особенный, небывалый еще наплывъ обезумѣвшихъ отъ неслыханныхъ ужасовъ въ Россіи иммигрантовъ, что я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ дать читающей публикѣ и интересующимся болѣе ясное представленіе о здѣшнихъ „business'ахъ“ (дѣлахъ), въ надеждѣ предостеречь, кого возможно, отъ почти *неизбѣжныхъ*, для каждаго неосторожнаго, *раззоренія* и *несчастья*.

Страшно подумать, что въ то самое время, когда всѣ американскіе евреи, какъ одинъ человекъ (да и много христіанъ), такъ горячо отозвались на призывъ здѣшнихъ передовыхъ евреевъ о матеріальной помощи обездоленнымъ, раззореннымъ братьямъ нашимъ, ихъ вдовамъ, сиротамъ и раненымъ, что въ то самое время, когда золото широкой рѣкой полилось отовсюду къ учрежденному съ этой цѣлью комитету, здѣсь находятся тысячи алчныхъ субъектовъ (людьми я затрудняюсь ихъ назвать) чуть не потирающіе руки отъ удовольствія, въ ожиданіи наплыва сюда несчастныхъ „зеле-

кн. № 1.

ных“, представляющихъ собой такой заманчивый для эксплуатаціи матеріалъ.

Сознаюсь, задача моя весьма и весьма затруднительна, такъ какъ предостереженіе людей самонадѣянныхъ (а таковыми, къ несчастью, бываетъ большинство „зеленыхъ“), а часто еще весьма умныхъ и имѣющихъ (въ Россіи) громадный дѣловой опытъ и сметку,—отъ всевозможныхъ здѣсь аферъ и ловушекъ, специально для „зеленыхъ“ приготовленныхъ — почти невозможно: для этого мнѣ пришлось бы перечислить тысячи родовъ business'овъ и предприятий, здѣсь существующихъ. Я, по необходимости, долженъ поэтому ограничиться ознакомленіемъ публики лишь какъ *общими* условіями, свойственными почти *всѣмъ* здѣшнимъ дѣламъ (будь то торговое, промышленное, фабричное или заводское), такъ и тѣми дѣлами, въ кои чаще всего здѣсь попадаютъ несчастные „зеленые“ (евреи и не евреи), въ надеждѣ, что и это можетъ спасти отъ несчастья и раззоренія очень многихъ.

Законы страны.

Прежде всего, каждому эмигранту необходимо твердо помнить, что здѣшніе законы гражданскаго и уголовнаго права и судопроизводства существенно отличаются отъ нашихъ отечественныхъ, русскихъ, а законы торговаго права въ особенности.

Чтобы неопытнымъ въ юриспруденціи лицамъ дать болѣе ясное понятіе о сказанномъ, считаю лучше всего привести слѣдующіе примѣры, выхваченные мной прямо изъ жизни.

Нѣкто П., искусный золотыхъ дѣлъ мастеръ, надѣлавъ массу красивыхъ бронзовыхъ *позолоченныхъ* колецъ, заложилъ ихъ различнымъ мелкимъ частнымъ ссуднымъ кассамъ, мѣняламъ и ростовщикамъ, въ качествѣ... *золотыхъ*, получивъ подъ нихъ ссуду, въ сто и болѣе разъ противъ ихъ дѣйствительной стоимости.

У насъ, въ Россіи, за такое благородное дѣяніе посадили бы такого афериста на скамью подсудимыхъ и ему грозило бы тяжкое наказаніе за *мошенничество*—тюрьма или арестантскія роты, съ ограниченіемъ или лишеніемъ особыхъ правъ по состоянію и лично ему присвоенныхъ; здѣсь же, въ Америкѣ, это считается дѣломъ, влекущимъ за собой лишь простую, *гражданскую*, имущественную отвѣтственность и, обманутые залогоприниматели, могли лишь предъявить къ закладчику *гражданскіе иски*, объ уплатѣ занятыхъ имъ денегъ, т. е. истратить непроизводительно еще не малую сумму на наемъ адвокатовъ, судебныя издержки и проч.

расходы, безъ всякой надежды на дѣйствительное полученіе удовлетворенія по имѣющимся у нихъ закладнымъ и векселямъ (здѣсь вмѣстѣ съ закладною, даже на недвижимость, обязательно имѣть и вексель, безъ коего взыскація вовсе произвести, по одной закладной, невозможно).

Характерно, что обыкновенно въ такихъ случаяхъ сами обманутые готовы чуть не апплодировать изобрѣтательности ловкаго пройдохи, философски удивляясь его находчивости: разбитному на всѣ руки, прошедшему огонь, воду и мѣдныя трубы, американцу, очень даже интересно видѣть субъекта, съумѣвшаго обойти и перехитрить даже его самого.

Вотъ другой примѣръ. S. и B. открыли компанейскую торговлю часами, золотыми и брильянтовыми вещами. *Весь капиталъ*, 5000 долларовъ (=10,000 рублей), далъ для дѣла несчастный „зеленый“ S., а B. вносилъ въ дѣло свои *знанія* по веденію дѣла. Дѣло съ самаго начала пошло такъ, какъ оно при такихъ условіяхъ и должно было пойти. — B., покупалъ товары, продавалъ ихъ и управлялъ дѣломъ всецѣло, а S. *сторожилъ*, смотрѣлъ въ оба и видѣлъ... что капиталъ его таетъ все болѣе и болѣе. B. аккуратно еженедѣльно, получалъ условленную договоромъ сумму для его жизненныхъ потребностей и не забывалъ также брать авансами различныя суммы, конечно, въ счетъ будущихъ прибылей, подъ различными предлогами, — жилъ съ своей семьей, ни въ чемъ себѣ не отказывая, а S., хорошо видѣвшій, что дѣло непокрываетъ и половины того, что его компаніонъ забираетъ для его личныхъ надобностей, старался изо всѣхъ силъ экономничать, сберегать, вставая съ пѣтухами, чтобы пѣшкомъ первымъ придти въ лавку и уходя изъ нея послѣднимъ, не доѣдалъ, не досыпалъ и жалѣлъ лишній грошъ для своей собственной больной жены и малыхъ дѣтокъ, въ расчетѣ сберечь хоть кое-что къ концу договорнаго срока изъ своихъ кровныхъ, затраченныхъ на дѣло денегъ, составлявшихъ *все его состояніе*.

Однако, и этой послѣдней надеждѣ S. сбыться не суждено было. Случилось то, чего бѣдный S. ужъ никакъ, по своей неопытности, ожидать не могъ: нагрянули какіе-то вовсе невѣдомые ему кредиторы, съ векселями, подписанными однимъ только милымъ компаніономъ его, B., и... забрали весь товаръ, обстановку и инвентарь магазина, на удовлетвореніе своихъ претензій по этимъ векселямъ. Оказывается, что по здѣшнему торговому праву, S., отвѣтствененъ въ платежѣ по такимъ векселямъ, выданнымъ его компаніономъ, не только этими товарами, но и всѣмъ прочимъ

своимъ имуществомъ, гдѣ бы таковое ни оказалось и въ чемъ бы оно ни заключалось — будь то движимость или дома и имѣнія. И если несчастный S., въ данномъ случаѣ, потерялъ *только* свой магазинъ, то это лишь по той простой причинѣ, что никакого иного имущества у него и не было.

У насъ въ Россіи, такіе векселя, выданные однимъ B., безъ надлежащаго уполномочія S., были бы для послѣдняго вовсе не обязательны. Кромѣ того, S., по русскимъ законамъ, могъ бы потребовать отчета отъ B., и при обнаруженіи съ его стороны злоупотребленія довѣріемъ, могъ бы привлечь его къ *уголовной* ответственности; здѣсь же, въ свободной Америкѣ, это дѣло чисто гражданское, и B. своей шкурой вовсе и не рисковалъ, обобравъ какъ липку несчастнаго S.

Я знаю и такой случай, когда ничего не внесшій въ дѣло, компаніонъ просто и безцеремонно запустилъ руку въ кассу и вытащилъ изъ нея 2500 долларовъ. Когда похититель, будучи арестованъ по жалобѣ потерпѣвшаго, былъ приведенъ предъ очи судьи, то послѣдній былъ весьма удивленъ причиною ареста и, освободивъ похитителя, объяснилъ, что по закону, онъ, какъ компаніонъ, является *равноправнымъ хозяиномъ* магазина, а *хозяинъ, самъ у себя, красть и захватывать не можетъ.*

Такие печальные случаи здѣсь очень и очень часты. Правда, такія компаніи все же тутъ существуютъ, и есть не мало примѣровъ даже весьма успѣшнаго хода такихъ компанейскихъ дѣлъ, но примѣры эти, какъ исключенія, подтверждаютъ лишь общее положеніе объ огромной опасности вообще, а для „зеленаго“ — въ особенности, входить въ таковыя.

Надо помнить, что даже у насъ, въ Россіи, такія компанейскія предпріятія связаны съ громаднымъ рискомъ для капиталиста. Однако у насъ, въ Россіи, такія компаніи заключаются, обыкновенно, между людьми хорошо другъ друга знающими.

Совсѣмъ иное дѣло здѣсь, въ Америкѣ, въ странѣ сбѣжавшихся со всѣхъ концовъ міра людей, съ неизвѣстнымъ прошлымъ и загадочнымъ настоящимъ. „Зеленому“ здѣсь весьма трудно довѣряться людямъ, — даже извѣстнымъ ему по родинѣ: такъ сильно вліяетъ перемѣна жизни и обстоятельствъ на cadaго почти челоуѣка, переселившагося въ эту страну. Нужда и желѣзо раздѣдаетъ: часто бывшіе идеалисты, добрые, честные люди, попавъ на здѣшнюю почву и окунувшись въ здѣшнюю борьбу за существованіе и погоню за наживой и долларами, перерождаются, незамѣтно

для самихъ себя, въ жестокихъ эксплуататоровъ и безжалостныхъ эгоистовъ, способныхъ продать или проглотить кого угодно.

Считаю нужнымъ добавить: каждый новичекъ долженъ помнить, что въ каждомъ отдѣльномъ штатѣ могутъ существовать и *особые* законы, рѣзко отличающіеся отъ законовъ другихъ штатовъ.

Отсюда ясно, что, при заключеніи какой-либо сдѣлки, исполненіе которой должно имѣть мѣсто въ другомъ штатѣ, необходимо предварительно ознакомиться съ законоположеніями по сему предмету въ этомъ послѣднемъ штатѣ.

Охота на „зеленыхъ“.

Переходя къ перечисленію тѣхъ business'овъ и способовъ обмана, на которые чаще всего попадаютъ неслѣдующіе „зеленые“, я долженъ предварительно довести до свѣдѣнія читателей, что здѣсь есть громадное число лицъ, специально изо дня въ день *охотящихся* на „зеленыхъ“, и еще болѣе громадное число business'овъ, рекламирующихся въ еврейско-жаргонныхъ и англійскихъ газетахъ, специально *разсчитанныхъ* на уловленіе все тѣхъ же „зеленыхъ“.

Охотники на „зеленыхъ“ распространены повсемѣстно: и въ громаднѣйшихъ городахъ и въ незначительныхъ поселеніяхъ: слишкомъ ужъ заманчива эта дичь, такъ легко дающаяся. — Поймать „зеленаго“ и слопать его, — въ извѣстной средѣ, — считается тоже... business'омъ, а удачный охотникъ — хорошимъ businessman'омъ (дѣльцомъ) и только. Съ юридической стороны дѣло обыкновенно обставлено такъ чисто, что и комаръ носа не подточитъ, а это вѣдь главное; что же касается нравственной стороны дѣла и общественнаго мнѣнія, то охотники, въ своей средѣ, осужденія не получаютъ, а наоборотъ — одинокій и безпомощный „зеленый“, обыкновенно, еще ѣдко высмѣивается, какъ жалкій дуракъ.

Единственная задача этихъ безсердечныхъ дѣльцовъ — заманить „зеленаго“ въ свои сѣти и поймать его на удочку.

Для этого, къ несчастью, ни большого ума, ни особой находчивости вовсе и не требуется, такъ какъ прибывающій юда, по обыкновенію, болѣе или менѣе разоренный „зеленый“, самъ вынужденъ искать себѣ *поскорѣе* какого-либо занятія или дѣла и, находить... одну изъ удочекъ, въ такомъ множествѣ специально для „зеленыхъ“ разбросанныхъ и разукрашенныхъ самыми соблазнительными на видъ приманками. А разъ „зеленый“ *клюнулъ*, то сорваться и спастись ему уже почти невозможно.

Удивительно, что на „зелелага“, рѣдко вліяютъ даже лично ему извѣстные несчастные случаи, происшедшіе съ другими „зелеными“. Ему думается, что тотъ, извѣстный ему случай, былъ исключительный,—что то дѣло, само по себѣ, было просто неудачное или стало таковымъ по винѣ и неумѣнью самого потерпѣвшаго или что тотъ, случайно попавъ на жулика, не сумѣлъ обезпечить своихъ интересовъ надлежащими пунктами договора и т. д., но что онъ лично не такъ ужъ простъ и—самъ съ усамъ... Разсуждая такимъ образомъ, „зеленый“ упускаетъ изъ виду, что никакіе пункты не могутъ его оградить отъ жулика.

Американскіе business'ы.

Что касается собственно business'овъ, то подъ этимъ названіемъ здѣсь подразумѣвается рѣшительно всякая торговая и промышленная дѣятельность и профессиональныя занятія: покупка и продажа домовъ и латовъ, торговля въ собственномъ смыслѣ, покупка и продажа всякаго рода торговыхъ заведеній, въ полномъ ходу. шаповъ (мастерскихъ всѣхъ родовъ), изготовляющихъ все, что угодно—до засолки огурцовъ, капусты и прочихъ продуктовъ съ цѣлью продажи мелочнымъ торговцамъ включительно.

Понятно, что при существующемъ здѣсь крайнемъ раздробленіи труда, количество родовъ business'овъ чрезмѣрно огромно и разнообразно. Есть тутъ тысячи дѣлъ, о возможности существованія коихъ даже и не снилось нашимъ русскимъ дѣльцамъ. Часто десятковъ шаповъ выдѣлываютъ отдѣльныя части какой-нибудь одной вещи, примѣрно—зонтика.

Каждый шагъ выдѣлываетъ здѣсь свой артикль, стараясь какъ объ улучшеніи и удешевленіи его, такъ и о его *сбытѣ*. На малѣйшее улучшеніе приобрѣтается патентъ и часто производство самой мелкой, но каждому нужной вещицы, при ея особенной практичности, можетъ разростись въ очень хорошее и прибыльное дѣло. Однако, надо вѣдь умѣть оцѣнить значеніе и полезность изобрѣтенія, такъ какъ есть тысячи патентованныхъ вещей, очень даже остроумныхъ, но мало полезныхъ, а слѣдовательно ничего и не стоящихъ. Необходимо знать вкусы публики-потребителя, что не подъ силу „зеленому“.

Ежедневно газеты удѣляютъ добрую половину своихъ страницъ на печатаніе сотенъ и тысячъ самыхъ заманчивыхъ объявленій о различнаго рода дѣлахъ, торговыхъ заведеній, всевозможнѣйшихъ родовъ и—непремѣнно... счастливыхъ. Въ большин-

ствѣ случаевъ, это коварныя удочки, на которыя „желтый“ рѣдко обращаетъ вниманіе, но за то для неопытнаго „зеленаго“ они кажутся ужасно заманчивыми. Продаются шапы (мастерскія), лавки всякаго рода, рестораны, салуны (пивныя, продающія и крѣпкіе напитки), цирюльни, дѣла по развозкѣ по домамъ молока, масла и яицъ, по засолкѣ или развозкѣ огурцовъ, капусты, зелени и проч. продуктовъ, хлѣбопекарни, кондитерскія, всевозможнѣйшія мастерскія, дома для собственнаго жилья и дома для сдачи въ наемъ, продаются арендные договоры и закладныя на имущества, фармы, планы и мѣста для постройки домовъ, ищутъ компаніонувъ съ капиталомъ примѣрно—въ 1000 долларовъ, для дѣлъ, дающихъ 10,000 годовой прибыли, продаются конторы по продажѣ недвижимостей, предлагаются всевозможнѣйшія обезпеченія, залоги и заклады—словомъ, продается рѣшительно все и вся, на неслыханно выгодныхъ условіяхъ и по различнаго рода случайнымъ обстоятельствамъ: по случаю болѣзни или дряхлости собственниковъ, по случаю скорого отъѣзда въ Европу, по случаю одиночества и неимѣнія возможности самому управлять дѣломъ, по несогласію компаніонувъ и т. д., и т. д.

На всѣ эти дѣла требуются *скорые* покупатели, въ виду экстренности продажи, хотя большинствѣ этихъ дѣлъ цѣлыми годами нечатаются ежедневно или *периодически* въ однѣхъ и тѣхъ же газетахъ, чего, конечно, „зеленый“ знать не можетъ.

Часто предлагается покупщику или компаніону предварительно даже убѣдиться въ дѣйствительной выгодности и доходности дѣла (это самая острая и опасная удочка). „Зеленый“ идетъ и, дѣйствительно, убѣждается—видитъ, что дѣло живое, бойкое, прибыльное и... попадаетъ на удочку.

Для поясненія этого необходимо знать, что здѣсь не только бывають на этой почвѣ самые грубые обманы—подсылка подставныхъ покупателей и проч., но что громадное большинство здѣшнихъ business'овъ, къ какому бы роду они не принадлежали, зависятъ больше всего отъ самихъ лицъ имъ завѣдующихъ, а еще чаще—отъ служащихъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, опять-таки выхваченныхъ мною изъ дѣйствительной жизни:

Нѣкто Г—вичъ купилъ паровую прачешную, въ полномъ ходу, не только предварительно убѣдившись въ ея значительной доходности, но и изучивъ всѣ техническія детали ея машинъ и работъ. Заплативъ не малыя деньги за это, дѣйствительно хорошее business и, не взирая на то, что прачешная исполняла свои работы

такъ же чисто и аккуратно, какъ и ранѣе, — Гершовичъ вскорѣ потерялъ почти всѣхъ своихъ заказчиковъ, а прачешная его — всю цѣнность, по той простой причинѣ, что прежній ея собственникъ на той же улицѣ открылъ себѣ новую прачешную, съ новыми, лучшими машинами, а главное — перетянулъ къ себѣ своихъ бывшихъ развозчиковъ бѣлья по домамъ. Последнее — самое главное: каждая хозяйка привыкаетъ не столько къ прачешной, какъ къ тому лицу, которому она сдаетъ свое бѣлье для стирки, получаетъ отъ него бѣлье обратно и ведетъ съ нимъ расчеты. Рѣдко какая хозяйка измѣнитъ этому развозчику бѣлья и, обыкновенно, съ переходомъ его къ другому хозяину, переходятъ и все заказчицы-хозяйки, къ нему привыкшія. Самъ развозчикъ бѣлья знаетъ поэтому себѣ цѣну, получая значительный процентъ съ заказовъ, имъ получаемыхъ, взаменъ опредѣленнаго жалованья. Онъ, развозчикъ, въ сущности, тотъ же коммивояжеръ, и отъ его умѣнія приобретать хозяйекъ-заказчицъ зависитъ не только размѣръ его собственнаго заработка (10—15% съ цѣны заказовъ), но и успѣхъ самой прачешной.

Вотъ другой примѣръ.

К. купилъ за сходную, судя по предварительно изученной имъ доходности, цѣну, бойко торгующій ресторанъ. Ставъ собственникомъ его и удержавъ у себя всѣхъ служащихъ официантовъ и поваровъ, не преминувшихъ, конечно, потребовать себѣ, ради новаго хозяина, увеличенія содержанія, К., все-таки потерялъ почти всѣхъ посѣтителей своихъ. Оказалось, что бывший хозяинъ ресторана, продававшій его по случаю скорого и неотложнаго возвращенія своего въ Европу, въ Европу ѣздитъ и не думалъ, а преспокойнѣйшимъ образомъ, чрезъ нѣсколько кварталовъ, открылъ себѣ новый, еще болѣе шикарно обставленный ресторанъ, куда перешли вскорѣ и все, привыкшіе къ самому ресторатору, его старые и лично ему знакомые посѣтители. — Иными словами: рестораторъ-продавецъ принялъ за даромъ у несчастнаго К. всю ту цѣнность, за которую онъ такъ недавно получилъ съ него крупныя деньги.

Можно съ полною увѣренностью сказать, что рестораторъ этотъ не разъ уже накрывалъ и не разъ еще накроетъ и раззорить такихъ же несчастныхъ „зеленыхъ“, какъ К.

Или вотъ еще примѣръ.

„Зеленый“ Ш. купилъ, при тѣхъ же условіяхъ осторожности, бойко работавшую, хотя и не особенно большую (по здѣшнимъ понятіямъ) типографію. Лично Ш. къ тому же не былъ новичкомъ

въ типографскомъ дѣлѣ и имѣлъ типографію еще въ Россіи. Казалось бы, что Ш. имѣлъ основаніе рассчитывать на успѣхъ. Однако, онъ вскорѣ потерялъ всѣ заказы и все по той же причинѣ. Дѣло въ томъ, что, хотя продавецъ типографіи, человѣкъ дѣйствительно больной и уѣхалъ навсегда въ Калифорнію доживать спокойно свой короткій вѣкъ, но другой типографчикъ-конкурентъ переманилъ къ себѣ тѣхъ 2—3-хъ молодыхъ людей, которые занимались издавна приѣмомъ заказовъ для типографіи, купленной Ш., а съ переходомъ этихъ лицъ, перешли къ конкуренту и всѣ заказчики, какъ личные знакомые этихъ молодыхъ людей, съ которыми они привыкли вести свои дѣла.

Непосредственная связь съ заказчиками и потребителями здѣсь вообще очень цѣнится; иногда вы можете встрѣтить никого не смущающее тутъ объявленіе о продажѣ самыхъ customer'овъ, т. е. покупателей и потребителей: какой-нибудь педлеръ (разносчикъ товара), вся цѣнность товара коего еле достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ долларовъ, объявляетъ въ газетахъ, что онъ *продаетъ* свое business, т. е. остатокъ товара и покупателей за *1000 или болѣе долларовъ*.—Развозчикъ молока или яицъ и масла, имѣющій подчасъ жалкія лошаденку и повозку или даже просто ручную тачку, предлагаетъ купить у него за крупную сумму его business, т. е. его кругъ постоянныхъ покупателей и потребителей. И все это по одной и той же, аналогичной съ приведенными, примѣрами причинѣ: и педлеръ, и развозчики по домамъ съѣстныхъ продуктовъ, приобрѣвъ извѣстное число customer'овъ, твердо увѣрены, что лица, съ коими они ведутъ торговлю, преимущественно, въ кредитъ, имъ не измѣнять, да подчасъ измѣнить и не могутъ, будучи нерѣдко зависимы отъ этого, хотя и мелкаго, но нужнаго, особенно для рабочаго бѣднаго класса, кредита. Педлера и развозчики, продавая свои business'ы, цѣнятъ стоимость своей, если хотите, *прп.*

Рекламы и барабанщики.

Болѣе крупныя дѣла и даже самыя крупныя фабрики, заводы и оптовыя торговли тоже находятся въ зависимости отъ числа customer'овъ. Именно эта-то погоня за покупателемъ и вызвала общеизвѣстную американскую рекламу, доходящую до невѣроятныхъ размѣровъ.

Поговорка о томъ, что „не то товаръ, что лежитъ, а то—что бѣжить“, имѣетъ здѣсь гораздо большее значеніе и смыслъ чѣмъ у насъ, въ Россіи; таковы условія здѣшней жизни.

Такъ, у насъ, въ Россіи, при крайне слабомъ развитіи внутренней торговли всякій купецъ знаетъ, что ему нужно купить и на какой ярмаркѣ или на какомъ рынкѣ, а каждая почти хозяйка знаетъ не только всѣ особенности, достоинства и недостатки товаровъ и продуктовъ, ей нужныхъ, но зачастую даже знаетъ имена ихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, спрашивая миткаль или коленкоръ Морозова, ситець Прохорова, чай Поповыхъ или Высоцкихъ, сахаръ Бродскаго или Кенига, и т. д.

Совсѣмъ иное здѣсь, при колоссальной индустріи и торговлѣ, не знающей себѣ равной въ мірѣ. Тутъ ни одинъ фабрикантъ и ни одинъ заводчикъ не могутъ разсчитывать, что къ нимъ придутъ и спросятъ непременно *ихъ* издѣлія или производства, а отсюда и крайняя необходимость въ постоянномъ напоминаніи о себѣ и своемъ товарѣ, посредствомъ рекламъ и объявленій. Ими заполнены всѣ газеты и журналы, ими мозолятъ вамъ глаза на всѣхъ улицахъ, домахъ и крышахъ, ими пестрятъ всѣ проѣзжія грунтовыя и желѣзныя дороги, мѣста публичныхъ гуляній, театры и другія зрѣлища, и ими же засыпаются парадныя двери всѣхъ частныхъ домовъ и даже отдѣльныхъ фирмъ.

Одни объявленія и рекламы, однако, оказываются тоже весьма недостаточнымъ средствомъ и всякое, мало-мальски значительное дѣло, ради сбыта и распространенія своихъ товаровъ, должно имѣть значительное число агентовъ и коммивояжеровъ или—какъ ихъ здѣсь удачно называютъ—*барабанщиковъ* (Drummeneg'овъ).

Эти-то барабанщики занимаютъ въ каждомъ дѣлѣ и въ каждой фирмѣ такое же важное положеніе, какъ и вышеупомянутые развозчики бѣлья и типографскіе приѣмщики заказовъ и, благодаря этому, хорошій drummer часто не только зарабатываетъ крупныя суммы (иногда до 10 и болѣе тысячъ въ годъ), но нерѣдко держитъ въ своихъ рукахъ и судьбу всего предпріятія, ибо стоитъ такому барабанщику перейти къ другой, конкурирующей съ ней фирмѣ, и онъ перетянетъ туда и всѣхъ знакомыхъ ему покупателей и заказчиковъ.

Мнѣ самому извѣстенъ такой фактъ, когда собственникъ фирмы (оптовая торговля готоваго платья), узнавъ, что его барабанщикъ имѣетъ намѣреніе перейти къ другому, вынужденъ былъ принять его въ дѣло свое въ качествѣ равноправнаго компаніона, лишь бы не потерять своихъ покупателей и не разориться въ чистую.

Такой же печальный результатъ иногда можетъ имѣть, для собственника лавки или магазина, уходъ прежнихъ приказчиковъ. Это можетъ имѣть мѣсто даже съ лавками, продающими въ мелоч-

ную: стоить этимъ приказчикамъ коллективно пойти по домамъ покупателей, объявить объ ихъ уходѣ изъ лавки и пригласить ихъ покупать въ другой лавкѣ, въ которую они перешли, чтобы прежній лавочникъ потерялъ почти всѣхъ своихъ бывшихъ заборщиковъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что, покупая здѣсь какое-либо дѣло, нужно смотрѣть въ оба, чтобы не попасть въ такую зависимость отъ людей, которыхъ они не знаютъ, и не потерять всего.

Надо также твердо помнить, что никакими договорами невозможно себя обезпечить отъ такихъ продѣлокъ, какія указаны выше.

Правда, можно поставить пункты, въ силу коихъ, прежніе собственники не въ правѣ на той же и ближайшихъ улицахъ открывать такія же заведенія. Такой пунктъ будетъ для нихъ обязательнъ; но вы не гарантированы вѣдь въ томъ, что онъ не откроетъ такого же заведенія подъ *чужимъ* именемъ—родича или жены; если же поставите пунктъ, лишающій продавца дѣла права на участіе въ такомъ дѣлѣ даже въ качествѣ служащаго, то это будетъ лишь пустой звукъ, ибо основной законъ, признающій за каждымъ гражданиномъ право на личный трудъ, не допускаетъ никакихъ изъятій посредствомъ договоровъ и частныхъ соглашеній.

Покупка домовъ и латовъ.

Перечислить всѣ способы обмана, практикующіеся здѣсь при продажѣ домовъ, особенно рассчитанныхъ на „зеленыхъ“, довольно трудно. Самые обычные обманы заключаются въ искусственномъ увеличеніи ихъ доходности и уменьшеніи суммъ расходовъ на ихъ содержаніе: ремонтъ, простой квартиръ, чистку, отопленіе (если таковое тамъ устроено одно для всѣхъ квартиръ), освѣщеніе общаго хода, лѣстницъ и клозетовъ, снабженіе водой и проч.

Цифру *расходовъ* провѣрить детально очень трудно. Тутъ нужно имѣть значительный опытъ, чтобы самому, хотя приблизительно, умѣть опредѣлить ихъ, по соображенію величины дома, матеріаловъ, изъ коихъ онъ построенъ и общей прочности его. Что касается доходовъ, то не вѣрьте ни объясненіямъ продавца, ни показаніямъ даже самихъ жильцовъ, а узнайте существующую вообще арендную плату на квартиры этого рода въ той же мѣстности. Близость фабрикъ и шаповъ отъ покупаемаго дома иногда увеличиваетъ, а иногда—особенно если фабрика производитъ особый

шумъ или издаетъ непріятные запахи—уменьшаетъ цѣнность квар-
тиръ, а слѣдовательно и стоимость всего дома.

Квартиранты иногда подтвердятъ вамъ размѣръ уплачиваемой
ими ренты—даже формальными квитанціями. Это тоже еще далеко
не полное доказательство, т. к., очень часто, таковыя умышленно
выдаются на большія противъ дѣйствительности суммы. Въ этомъ
обманѣ сами квартиранты сознательно могутъ и не участвовать;
они берутъ такія квитанція, на основаніи объясненія собственника,
что онъ это дѣлаетъ потому, чтобы не имѣть претензій отъ дру-
гихъ квартирантовъ, платящихъ яко бы столько же и т. д.

Еще менѣе убѣдительнымъ доказательствомъ размѣра доход-
ности дома можетъ служить арендный договоръ объ отдачи всего
дома въ наемъ одному съемщику, отдающему уже отъ себя квар-
тиры жильцамъ. Тутъ подвохи и преувеличенія размѣра уплачи-
ваемой ренты еще болѣе облегчены, а способъ провѣрки почти
нѣтъ.

Часто такой арендаторъ, якобы внесшій собственнику денеж-
ный залогъ, въ обезпеченіе аккуратности уплаты ренты, съ пере-
ходомъ дома къ новому покупщику, оставляетъ свой залогъ и
новый домохозяинъ убѣждается, что его жестоко обьегорили, что
арендаторъ былъ фиктивный и т. д.

Иногда продаются дома, подлежащіе сносу для надобностей
города—по проведенію новыхъ улицъ, устройству скверовъ и об-
щественныхъ сооружений, мостовъ и проч. Въ Нью-Йоркѣ недавно
для этихъ цѣлей снесены сотни громадныхъ домовъ и еще будутъ
сноситься, а поэтому покупателямъ нужно предварительно спра-
виться надлежащимъ образомъ и на этотъ счетъ.

Дѣло въ томъ, что въ Нью-Йоркѣ такіе дома оцѣниваются
лишь по стоимости земли, матеріаловъ и работъ на домъ употреб-
ленныхъ, а это всегда гораздо меньше, чѣмъ цѣна дома, по при-
носимой имъ доходности. „Зеленый“, подчасъ даже узнавъ, что
домъ имъ покупаемый можетъ быть городомъ снесенъ для обще-
ственныхъ надобностей, считаетъ это чуть не за счастье для себя,
думая, что здѣсь оцѣнка имущества производится по правиламъ
экспроприаціи въ Россіи закономъ установленныхъ и всегда выгод-
ныхъ тамъ для собственника имущества.

Покупка фермъ.

Еще труднѣе, еще опаснѣе „зеленому“ купить ферму.—Тутъ
никакихъ основаній, для вѣрной оцѣнки имущества и его доход-

ности почти вовсе нѣтъ, тѣмъ болѣе, что доходность фермы зависитъ чаще всего отъ личнаго умѣнія хозяина вести хозяйство и извлекать изъ него наибольшую сумму выгодъ и доходовъ.

При оцѣнкѣ стоимости фермы принимается въ расчетъ: а) количество и качество земли; б) величина и прочность дома и хозяйственныхъ строеній, в) удобство путей сообщенія, и г) разстояніе отъ учебныхъ заведеній, отъ почты, отъ трамвая и станціи жел. дороги, а главное отъ рынка сбыта фермерскихъ продуктовъ. Иногда, маленькая ферма въ 40—50 акровъ даже при не особенно хорошемъ качествѣ земли, но находящаяся въ половинѣ мили отъ такого рынка, дороже и цѣннѣе по своей доходности, чѣмъ ферма въ 200 и болѣе акровъ лучшей земли—въ разстояніи 3—5 миль отъ рынка.

Чтобы умѣть оцѣнить ферму безошибочно, надо предварительно изучить самое веденіе фермерскаго хозяйства и разумнаго пользованія ею, а это рѣшительно не подь силу бывшему русскому не только торговцу, но и заправскому сельскому хозяину, не могущему знать тѣхъ особенностей веденія хозяйства (съ ихъ технической и коммерческой стороны), какія практикуются здѣсь.

Нашъ несчастный „зеленый“ очень часто дѣлаетъ свой выборъ фермы на томъ основаніи, что ему понравился садъ, виноградникъ или засѣянное кукурузой или овощами поле. Иными словами, онъ мѣряетъ здѣсь ферму на русскій аршинъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, садъ и виноградникъ и даже засѣянное кукурузное поле, красующееся высокими стеблями породистой кукурузы, — имѣютъ лишь третьестепенное значеніе въ фермерскомъ хозяйствѣ: фрукты и виноградъ тутъ очень дешевы, а потому и малоприбыльны, кукуруза рѣдко продается фермеромъ, а обыкновенно идетъ на кормъ собственному скоту. Хорошій птичникъ съ заводскими, постоянно кладущими яйца курами, хорошія высокоудойныя коровы, хорошій огородъ, картофельное поле и сѣнокосъ—вотъ наиболѣе важныя статьи хозяйства большинства здѣшнихъ фермъ.

Бюро фонда барона Гирша.

Для помощи „зеленымъ“ въ дѣлѣ покупки фермъ, какъ извѣстно, учреждено въ Нью-Йоркѣ фондомъ покойнаго барона Гирша особое бюро, помогающее бѣднымъ фермерамъ и небольшими суммами денегъ, даваемыми *подъ залогъ* покупаемыхъ при его содѣйствіи фермъ. Къ несчастью, это участіе бюро, помимо огра-

ничности его дѣятельности и страшнаго формализма, нисколько не гарантируетъ несчастныхъ „зеленыхъ“ отъ крайне невыгодныхъ покупокъ фермъ. Случаевъ, когда „зеленые“, полагаясь на опытность агентовъ бюро, покупали очень невыгодно фермы—весьма много. Съ этимъ бюро бываетъ подчасъ еще хуже: мнѣ лично извѣстенъ случай, недавно имѣвшій мѣсто, когда агентъ этого бюро *вошелъ въ стажу* съ продавцомъ фермы и маклерами, благодаря чему несчастный „зеленый“ заплатилъ за купленную имъ ферму ровно въ три раза дороже ея дѣйствительной цѣнности.

Конечно, ни одно учрежденіе, въ томъ числѣ и упомянутое бюро, не можетъ быть нравственно отвѣтственно за злоупотребленія отдѣльныхъ его агентовъ, однако, несчастному раззорившемуся „зеленому“ отъ этого отнюдь не легче.

Впрочемъ, къ этому бюро, его дѣятельности, къ вопросу о томъ, какую пользу оно могло бы принести, при иной его постановкѣ, я надѣюсь вернуться въ другой разъ.

Real-estate-man'y.

Почти ни одна продажа дома, фермы или business'a не обходится безъ посредничества Real-estate-man'a. Каждый изъ этихъ посредниковъ рекламируетъ самого себя въ газетахъ, какъ самаго и чуть не единственнаго честнаго маклера, а предлагаемые имъ для продажи дома, латы, фермы и дѣла—какъ самыя счастливыя. Въ ихъ книгахъ записаны сотни имуществъ и business'овъ, предназначенныхъ и порученныхъ имъ для продажи. Часто эти господа покупаютъ и продаютъ такія имущества и за свой собственный счетъ и рискъ. „Желтые“ знаютъ настоящую цѣну этимъ дѣльцамъ съ ихъ ненасытными аппетитами и умѣютъ выбирать изъ нихъ заслуживающихъ болѣе довѣрія. За то „зеленые“, сплошь и рядомъ, становятся жертвами этихъ господъ.

Заходя въ контору Real-estat-man'a, часто соединяющаго въ своей персонѣ и званіе Public-notary (т. е. публичнаго нотариуса), „зеленый“, забывая что онъ въ Америкѣ, смотритъ на эту контору и ея хозяина какъ на учрежденіе и лицо официальнаго, общественнымъ довѣріемъ облеченнаго. Этому заблужденію много способствуетъ и самая обстановка конторы: тутъ и пишущія машины съ красивыми писцами, и письменные столы, и конторки, и шкафы съ большими книгами, и стулья для публики и массив-

ныя, нескораемыя кассы—все то, что у нашихъ русскихъ нотариусовъ онъ привыкъ видѣть.

Самъ „нотариусъ“, замѣтившій сразу неофита, дѣлаетъ видъ, что онъ на него вовсе вниманія не обращаетъ, переговариваясь, на непонятномъ для „зеленаго“ англійскомъ языкѣ то съ писцами, то съ другими посѣтителями.

Вотъ, наконецъ, самъ г. „нотариусъ“ соизволилъ снизойти къ бѣдному „зеленому“ и, убѣдившись, что послѣдній англійскаго языка не понимаетъ, дружелюбно заговариваетъ съ нимъ на чистомъ и родномъ ему еврейскомъ жаргонѣ. Все это преисполняетъ простого „зеленаго“ такимъ довѣріемъ къ г. „нотариусу“, что послѣднему очень уже легко навязать ему какое угодно имущество или business и за какую угодно цѣну, т. е. слопать несчастнаго „зеленаго“ безъ остатка.

Удивительно, что „зеленый“ обыкновенно даже не понимаетъ того, что и самыя обычныя разспросы этого „честнаго маклера“ о томъ, давно ли онъ находится въ этой странѣ и имѣетъ ли онъ здѣсь знакомыхъ или родственниковъ, давно ли они здѣсь проживаютъ, а такъ же чѣмъ послѣдніе занимаются,—ведутъ лишь къ тому, чтобы знать, какое дѣло или имущество надо ему навязать, чтобы вѣрнѣе и почище его обобрать.

Еврейско-жаргонныя газеты.

Извѣстно, что нашъ русскій еврей издавна привыкъ относиться съ большимъ довѣріемъ къ печатному слову вообще, а къ тому, что напечатано въ еврейскихъ газетахъ—въ особенности. Это довѣріе онъ приноситъ съ собой и за океанъ, въ эту новую страну.

Благодаря этому, читая объявленія и рекламы, печатающіяся въ здѣшнихъ еврейско-жаргонныхъ газетахъ, о разнаго рода „סוּכֵּי חַיִּים“, т. е. счастливыхъ дѣлахъ, „зеленый“, очень часто, становится жертвой этихъ еврейскихъ газетъ.

Я слишкомъ далеко отъ того, чтобы дѣлать еврейскія газеты отвѣтственными за самое содержаніе печатныхъ объявленій или за фактъ помѣщенія таковыхъ на своихъ страницахъ, тѣмъ болѣе, что газеты здѣсь существуютъ и получаютъ свой главный доходъ именно отъ печатанія этого рода объявленій. Однако, мнѣ думается, что еврейскія газеты очень многое могли бы сдѣлать, въ отношеніи предупрежденія „зеленыхъ“ читателей отъ ненужнаго и опас-

наго довѣрія къ этого рода объявленіямъ и рекламамъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ почти безпрестанно украшаютъ собой ихъ страницы и ни на кого, кромѣ „зеленаго“ и неопытнаго, рассчитаны и быть не могутъ.

Этого мало. Случается, что мѣстные газеты помѣщаютъ цѣлыя статьи и рассказы, оплаченные спекулянтами и рассчитанные на уловленіе „зеленыхъ“.

Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ.

Мѣсяца три тому назадъ, въ еженедѣльной нью-іоркской еврейско-жаргонной газетѣ „*ווךרררררר רור*“, появился цѣлый рассказъ, повѣствующій о томъ, какъ одинъ бѣдный молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Нью-Йоркъ, имѣя въ карманѣ всего какихъ-нибудь 600 долларовъ, какъ этотъ молодой человѣкъ, случайно, попалъ въ Бронзвилъ, гдѣ занялся покупкой и продажей домовъ, спекулируя на повышение; какъ чрезъ какіе-нибудь 1½—2 года, этотъ молодой человѣкъ, одѣтый по послѣдней модѣ „съ толстою золотою цѣпью“ на изящномъ жилетѣ, „съ бриліантовыми кольцами“ на рукахъ, появился на паровой пристани, гдѣ ожидалось прибытіе океанскаго парохода изъ Европы; какъ собравшая здѣсь интеллигентная публика была поражена богатствомъ, изяществомъ и манерами этого красиваго молодого человѣка, какъ дамочки и молодые люди ахали глядя на этого красавца, какъ съ причаливаго къ пристани громаднаго парохода стали сходить пассажиры, какъ между послѣдними сошла и скромно одѣтая, но очень красивая дѣвушка и, при видѣ того богатаго молодого человѣка, бросилась ему на шею и замерла на груди его... жениха своего! Рассказывалось далѣе, какъ женихъ этотъ повелъ свою невѣсту и усадилъ ее въ „собственный богатый экипажъ“, запряженный „парой дорогихъ чистокровныхъ рысаковъ“, какъ онъ привезъ потомъ свою невѣсту въ свой „богатѣйшій домъ“, изящно и со вкусомъ меблированный и какъ потомъ они вдвоемъ богато и счастливо зажили.

Весь этотъ рассказъ, написанный въ очень дурномъ тонѣ, помѣщенъ вовсе не для удовольствія читателей.

Дѣло въ томъ, что на разстояніи часа и болѣе ѣзды отъ Нью-Йорка, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, компаніями спекулянтовъ были куплены за безцѣнокъ значительные участки пустопорожней и негодной для культуры земли. Послѣдняя была разбита на улицы, кварталы и латы. Построены тротуары, проведенъ газъ, электричество, телефоны и электрическіе трамваи. На латахъ стали строиться для продажи красивенькіе деревянные и кирпич-

ные дома, большею частью—на куриныхъ ножкахъ. Предпріятіе было страшно раздута въ газетныхъ рекламахъ и... пошла небывалая спекуляція, съ покупкой и продажей домовъ и латовъ, при которой многіе спекулянты и предприниматели страшно нагрѣли руки и набили карманы.—Сравнительная дешевизна латовъ и домовъ понятно привлекла туда мелкій людъ изъ еврейской рабочей среды, тѣмъ болѣе, что дома и латы продавались на льготныхъ условіяхъ платежа и проч. Года черезъ два, когда горячка улеглась, а спекулянты ушли, бѣдные люди стали понемногу разбираться и поняли, что они увлеклись и приобрѣли не то, что имъ нужно. Это и есть нынѣшній „Бронзвиль“ или какъ его евреи прозвали „Новый Іерусалимъ“, самъ по себѣ, никакихъ особыхъ природныхъ условій, нужныхъ для развитія торговли или индустри, не имѣющій.

Правда, въ Бронзвильѣ устроилось и не мало разныхъ шаповъ, изготовляющихъ платье и проч. предметы, но тѣмъ не менѣе, масса рабочаго люда вынуждена ежедневно ѣздить для работы въ нью-іоркскіе шапы и тратить кромѣ расходовъ на ѣзду еще *по 2 и болѣе часа времени* на совершеніе своихъ вѣчныхъ путешествій туда и обратно.

При такихъ условіяхъ, рабочій можетъ рѣшиться поселиться въ Бронзвильѣ только при условіи особой дешевизны квартиры, а разъ рента понижается, конечно, понижается и самая цѣнность малодоходныхъ домовъ.

Мало того. Лѣтомъ этого года пронесся было тревожный слухъ, что многіе изъ бронзвильскихъ домовъ, какъ построенныхъ слишкомъ эфемерно, будутъ по распоряженію административныхъ властей сломаны, въ видахъ и интересахъ общественной безопасности. Слухъ этотъ одно время былъ такъ упоренъ, что сами бронзвильцы сильно испугались и вынуждены были опровергать его въ еврейскихъ газетахъ.

И вотъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ съ недвижимостью въ Бронзвильѣ, не могущимъ не быть извѣстнымъ редакціи такой большой газеты, какъ „הארץ“,—въ послѣдней появляется вышеприведенная статья, способная ввести въ заблужденіе и разорить сотни несчастныхъ „зеленыхъ“, къ великому удовольствію тѣхъ богатыхъ спекулянтовъ, которые не успѣли, во время горячки, развязаться съ остальными своими бронзвильскими имуществами и теперь вынуждены искать людей неопытныхъ, чтобы самимъ уйти оттуда.

Въ сопоставленіи съ этою отвратительною статьей о счастливомъ
ки. № 1.

бронзвильскомъ спекуляторѣ, невольно напрашивается вопросъ: почему жаргонно-еврейскія газеты почти вовсе не удѣлили вниманія имѣвшему въ этомъ году мѣсто въ Нью-Йоркѣ факту, когда извѣстный жуликъ, продавъ массу латовъ по дешевымъ цѣнамъ и, забравъ деньги, успѣшилъ скрыться, не выдавъ купчихъ на эти латы, оказавшіеся потомъ принадлежащими другому лицу? Да... почему?..

Если еврейскія газеты здѣсь и заинтересованы печатаніемъ объявленій и рекламъ, помѣщаемыхъ, преимущественно, спекулянтами, Real-estate-man'ами и другими охотниками на „зеленыхъ“, то все же имъ не слѣдовало бы смотрѣть сквозь пальцы на то громадное зло, которое эти господа причиняютъ иммигрантамъ, а тѣмъ болѣе—помогать имъ специальными сочиненіями, въ родѣ приведеннаго разсказа о разбогатѣвшемъ „зеленомъ“.

А. Тираспольскій.

Иммануэль Римскій и Данте.

Историко-литературный очеркъ.

Итъ болѣе страннаго и рѣзкаго въ смыслѣ контрастовъ времени, чѣмъ средніе вѣка. Въ жизни христіанской Европы они выразились въ подавленіи свободы человѣческой и общественной съ одной стороны, и въ страстномъ порывѣ обострившейся человѣческой мысли къ небу за этой свободой—съ другой. Жалкія мученія и почти поголовное рабство тѣсно уживались съ больнымъ, но великимъ исканіемъ правды, съ затворнически-религиознымъ мистицизмомъ, въ смутномъ исканіи Бога видѣвшимъ цѣль и смыслъ жизни.

Но еще рѣзче прошли эти вѣка контрастовъ черезъ нашу еврейскую жизнь. Муки жизни и порывы къ красотѣ, беспощадное преслѣдованіе разныхъ владѣтелей, начиная съ королей и кончая жалкими и захудалыми графами и баронами и на ряду съ этимъ пылкое увлеченіе созерцательной, мистической философій (гонимый и преслѣдуемый, народъ дѣлается даже учителемъ христіанской Европы въ истолкованіи и пониманіи тогдашняго „властителя думъ“—Аристотеля)—развѣ это не контрасты рѣдкіе по своей силѣ и красотѣ, важные по своему значенію?

И вотъ христіанская Европа и евреи, прошедшіе почти одинаковую полосу средневѣковья, точно сговорившись, выдвигаютъ изъ своей среды послѣднихъ его могикановъ, не его апогетовъ, а пѣвцовъ новой жизни, новыхъ культурныхъ силъ. Данте и Иммануэль—вотъ поистинѣ тѣ грани, которыми отдѣляется одна эпоха, мрачная и большая, отъ другой свѣтлой, проникнутой божественнымъ значеніемъ и смысломъ. Но Данте извѣстенъ, знаменитъ; вотъ ужъ 5 вѣковъ его комментируютъ, разбираютъ, каждый стихъ его терцинъ вынимается изъ его дорогой оправы, чтобы быть вставленнымъ въ еще болѣе драгоценную. А Иммануэль—имѣющій такое большое и неоспоримое значеніе для

своего народа, какъ крупнѣйшій представитель его сатирической и поэтической литературы, занимающій видное мѣсто въ исторіи Италіи до Ренессанса какъ поэтъ, своимъ сарказмомъ обнажавшій язвы куртизанствующей страны Виргилія—Иммануэль ветхій и запыленный, валяется въ полусгнившихъ шкафахъ среди тѣней далекихъ творцовъ, забытый и оставленный.

Если о Данте мы въ настоящее время не можемъ сказать почти ничего новаго, чтобы не повторяться, такъ какъ жизнь и произведенія Данте на протяжении вѣковъ служатъ предметомъ глубокаго и всесторонняго изученія, то Иммануэль еще только ждетъ своего изслѣдователя. Наша русско-еврейская литература, бѣдная вообще работами по исторіи еврейской литературы, въ особенности бѣдна трудами по средневѣковой ея части. Объ Иммануэль имѣется одна единственная статья С. М. Дубнова, появившаяся въ 1886 году и толкующая главнымъ образомъ о мѣстѣ, занимаемомъ Иммануэлемъ въ еврейской литературѣ и только еле намѣчающая его отношеніе къ Данте.

Въ этой статьѣ мы задались цѣлью выяснитъ взаимоотношеніе между Данте и Иммануэлемъ, но мы при этомъ не имѣемъ намѣренія представить полную характеристику Иммануэля. Даже вопросъ объ отношеніи Данте къ Иммануэлю и отчасти къ еврейству настолько широкъ и настолько еще теменъ, что мы и о немъ поговоримъ только въ общихъ чертахъ, пользуясь всеми накопившимися донинѣ матеріалами.

I.

Данте и Иммануэль были дѣтьми той Италіи, которая стала возрождаться въ XIII ст. отъ долгой, двѣнадцати-вѣковой спячки. Когда пало античное міросозерпаніе Рима, придавленное христіанствомъ, узкимъ и догматическимъ, тогда палъ и Римъ,—сверкавшій въ ореолѣ свѣта и смѣха своихъ радостныхъ боговъ. Сухость и строгость аскетическаго христіанства, которыми оно проникнуто въ первые вѣка своего развитія и которыя оно удержало надолго и послѣ этого, были безнадежно мучительны для легкаго сердца римлянина, и Юліанъ Апостать—лучшій примѣръ того протеста противъ триумфальнаго шествія христіанства. И въ теченіе двѣнадцати вѣковъ христіанство ни на іоту не уменьшило своего суроваго режима и аскетическаго содержанія, пока не наступилъ XIII в., принесшій струю свѣжаго воздуха въ зат-

хлую атмосферу религи. Это время, рожденное не безъ нѣкотораго вліянія арабовъ, ознаменовалось всеобщимъ развитіемъ знаній и усиленнымъ основаніемъ университетовъ. Въ Италію стекались, по приглашенію разныхъ дожей и герцоговъ и другихъ владѣтельныхъ особъ, ученые изъ Сициліи, Испаніи и Провансаліи, игравшихъ тогда роль культурнѣйшихъ центровъ тогдашней Европы, приносили свои знанія и разбрасывали ихъ среди жадныхъ къ знанію учениковъ. Центромъ всего этого былъ Римъ, хотя его права умственной столицы, при тогдашней раздробленности Италіи, раздѣляли съ нимъ и нѣкоторые другіе города, какъ Флоренція, Болонья и т. д. Сбывалось предсказаніе Фомы Аквината, что „городъ Римъ предназначенъ Господомъ быть важнѣйшимъ мѣстопребываніемъ христіанскихъ народовъ“¹⁾. И дѣйствительно на мѣстѣ Испаніи, въ XI и XII вв. давшей все, что она только и могла дать въ области философіи, религи и поэзи, поднималась Италія и величавый Римъ, которому суждено было въ концѣ среднихъ вѣковъ воскресить, правда, не надолго, былое величіе древняго Рима, тѣмъ болѣе, что подготовлялась та эпоха, которая, подъ именемъ Ренессанса, должна была вырвать омраченный міръ изъ когтей застоившагося средневѣковья. Въ это именно время на итальянской почвѣ рождается гениальнѣйшій изъ людей, герой мысли, изъ тьмы прошлыхъ вѣковъ возрожденный пророкъ, и поэтъ, по выраженію Тика, свою „великую неисповѣдимую пѣсню“—свою „Божественную Комедію“. Уже помимо красоты и мощи этого произведенія, оно было велико именно тѣмъ, что подвело итогъ этому двѣнадцати-вѣковому христіанству, обнажило страшную, изъязвленную рану на народномъ организмѣ и въ свободную атмосферу начала возрожденія наукъ и искусствъ внесло еще свободный религіозный духъ. Это была, кромѣ того, пѣсня мира, какъ самъ Данте называлъ свою комедію²⁾, поставившая свободу человѣческой воли и стремленіе къ совершенству выше всего, пѣсня, требовавшая мира во имя мира.

Нѣсколько позже Данте рождается Иммануэль на той-же почвѣ, но въ другой средѣ, безпощадный сатирикъ и смѣлый, вдохновенный поэтъ, блестящій эзегетъ и, подобно Данте, пѣвецъ мира и моральнаго возрожденія³⁾...

О жизни того и другого мы знаемъ очень мало, но тѣмъ скуд-

¹⁾ Thomas Aquinatus: De regimine principum. I, 14.

²⁾ См. „Хронику“ монаха Иларія, приложенную къ переводу Чмстилица, сдѣланному Горбовскимъ.

³⁾ Ср. его „Machberoth“ съ „Декамерономъ“ Боккаччіо.

ныя данныя, что освѣщаютъ намъ ихъ жизненный путь, говорятъ о жизни, сложившейся почти одинаково для обоихъ. Иммануэль, прозванный за свое первоначальное пребываніе въ Римѣ, „Romi“, т. е. Римскій, родился въ 1272 г. по мѣтнію М. Штейншнайдера или въ 1265 г. по мѣтнію Греца ¹⁾. Первое время онъ прожилъ въ Римѣ, гдѣ пользовался большимъ почетомъ, какъ крупный еврейскій дѣятель. Принадлежа къ выдающейся фамиліи Zifroni, поселившейся въ Италіи въ глубокой древности, быть можетъ еще во времена Тита ²⁾, онъ, какъ и Данте, получилъ блестящее по тому времени образованіе. Съ юности Иммануэль съ большою охотой предавался наукѣ. Въ основу его занятій легли, по его собственному признанію, произведенія Маймонида ³⁾. Но этимъ не ограничилось его философское образованіе. На ряду съ этимъ онъ пріобрѣталъ большія познанія въ изученіи греческихъ и арабскихъ философовъ, христіанскихъ схоластовъ, которыхъ онъ изучалъ подъ руководствомъ своего дяди Iehuda Romano, известнаго писателя и философа XII в. Затѣмъ онъ отдается всецѣло талмуду, при чемъ называетъ себя ученикомъ раввиновъ ⁴⁾, изучаетъ каббалу, математику, астрономію, календаровѣдѣніе, медицину, еврейскую грамматику и экзегетику. „Его необыкновенная одаренность и отличная память давали ему возможность во всѣхъ этихъ областяхъ производить кое-что дѣльное, и въ послѣдніе годы онъ охотно хвалится значительнымъ превосходствомъ своихъ умственныхъ силъ и въ особенности знакомствомъ съ учеными и ихъ книгами“ ⁵⁾. Съ особенной страстью обратился онъ къ поэзіи. Уже очень рано проявляетъ онъ наклонности къ ней, беретъ уроки у учителей версификаціи и внимательно знакомится съ произведеніями еврейскихъ, арабскихъ и христіанскихъ поэтовъ. Почти то же самое можно сказать и о Данте. Весь цыклъ тогдашнихъ знаній, какъ и Иммануэль, носилъ онъ въ себѣ; онъ, какъ говорить о немъ Боккаччіо въ своей „Vita Dante“, считался ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени. И дѣйствительно, стоитъ открыть любую страницу его „Комедіи“, чтобы увидѣть, что не только весь

¹⁾ Grätz: Geschichte der Juden. B. VII. S. 307.

²⁾ Vogelstein und Rieger: Geschichte der Juden in Rom. B. I, S. 299.

³⁾ Machberoth, I.

⁴⁾ Makamen des Immanuel mit erlauternden Anmerkungen und einer Lebensbeschreibung des Dichters von I. Willheimer, X, XI, VIII.

⁵⁾ Vogelstein und Rieger: Geschichte der Juden in Rom. X. I. S. 423.

циклъ тогдашнихъ наукъ былъ ему извѣстенъ, но онъ съ какой то непостижимой, геніальной интуиціей открывалъ новые горизонты, новые виды, на что съ удивленіемъ глядитъ даже современная наука. И если теперь обратиться къ исторіи жизни Данте и Иммануэля, то мы будемъ поражены тѣми общими чертами, которыми она характеризуется. Что-то странное, можно даже сказать, роковое существовало въ ихъ жизни, что дѣлаетъ ее въ нашихъ глазахъ столь одинаковой и что такъ сближаетъ этихъ двухъ великихъ современниковъ и великихъ страдальцевъ.

Данте принадлежалъ, какъ извѣстно, къ выдающимся гражданамъ Флоренціи и по своему происхожденію и по тому живому и дѣятельному участію, которое онъ принималъ въ судьбѣ этого города. Иммануэль также занималъ въ своей римской общинѣ крупный и отвѣтственный постъ, нѣчто вродѣ нынѣшняго секретаря; на его обязанности лежало составлять петиціи къ властямъ о нуждахъ своихъ единовѣрцевъ, произносить въ торжественныхъ случаяхъ рѣчи и т. д. И тотъ, и другой всей душой отдавались общественнымъ интересамъ, стремясь принести окружающимъ какъ можно больше добра и пользы. Данте работалъ на форумѣ Флоренціи, принимая участіе въ законодательной работѣ и въ сохраненіи политической свободы своего города, Иммануэль былъ поскромнѣе и принималъ участіе только въ дѣлахъ своей еврейской общины. Но и тотъ, и другой, какъ показываетъ ихъ дѣятельность, были одарены великимъ чувствомъ общественности, а это именно и есть лучшее и вѣрнѣйшее начало въ любви къ человѣчеству. Они же вмѣстѣ и познали все горькое значеніе человѣческой неблагодарности. Данте, уже подестой, былъ изгнанъ изъ своего любимаго города; великій гражданинъ, онъ былъ оскорбленъ, униженъ и до гробовой доски носилъ въ своей великой мірообъемлющей душѣ страшное и жгучее чувство ностальгіи; Данте, пѣсни котораго, только вспоминая Флоренцію, то дышали испепеляющимъ огнемъ гнѣва и негодованія, то звенѣли тихой, шепчущей скорбью по ней, по Флоренціи, куда были устремлены всѣ его мечты и желанія, считался измѣнникомъ. Былъ изгнанъ изъ Рима и Иммануэль за то, что онъ пожертвовалъ все свое состояніе для спасенія человѣка, ему чуждаго по родственнымъ связямъ, но близкаго и роднаго по великому имени „человѣкъ“. Занимавшій важный постъ народнаго представителя предъ властями Рима, говорившій отъ имени народа и защищавшій его интересы съ горячностью настоящаго трибуна, онъ, изъ-за денегъ, ограбленныхъ у него, непонятый окружающими, оставленный род-

ственниками, принужденъ былъ скитаться, подобно Данте, по Италиі, и искать пристанища своему разбитому тѣлу. И Данте и Иммануэль, борцы на разныхъ поприщахъ, послѣ бурной, полной жизни и смысла, дѣятельности очутились въ одинаковомъ положеніи обиженныхъ и униженныхъ людей. Данте жалуется на то, какъ тяжка чужая лѣстница—*come è duro calle*“, а Иммануэль съ горечью и грустью говоритъ о томъ, что бѣдность и старость тяжестью ослѣла на немъ—*v'haḥni, v'hasiqna roshwim zmadim*“. Отнынѣ предъ обоими лежалъ одинаково трудный и горькій по своимъ моральнымъ конфликтамъ путь. И если они встрѣтились на этомъ пути, то ясно, что они должны были бы сойтись, сдружиться, ибо много общихъ точекъ соприкосновенія было у нихъ во внѣшней и внутренней жизни, а это лучшее средство для сближенія людей между собою.

Этотъ одинаковый жизненный путь, пройденный ими, долженъ былъ выработать въ нихъ не только закаленность, но и ту чуткость къ человѣческой душѣ и страданіямъ, которая рождается въ груди только испытанныхъ, много вынесшихъ въ своей жизни людей. Поэтому, когда ихъ мысли, порожденные страданіями, потребовали себѣ конкретнаго проявленія, они оба прибѣгли къ такого рода произведенію, которое, не будучи ни драмой, ни романомъ, ни идилліей, соединяетъ однако въ себѣ и то, и другое, и третье. Въ массовыхъ картинахъ и широкихъ перспективахъ они заставили пройти предъ нашимъ духовнымъ взоромъ весь конгломератъ человѣческихъ пороковъ и добродѣтелей и, отрѣшившись отъ всего случайнаго и временнаго, поднялись на высоту объективнаго сознанія...

Итакъ мы видѣли, какъ поразительно, скажемъ больше, какъ фатально-идентично текла жизнь этихъ двухъ людей—сверкающихъ центровъ своего времени. Такихъ людей было тогда очень мало; ими общество могло гордиться и, дѣйствительно, гордилось; ихъ присутствію были бы несомнѣнно рады всѣ герцоги, дожи, синьоры, тѣ, конечно, которые властвовали внѣ Флоренціи или Рима, куда доступъ Данте и Иммануэлю былъ строго воспрещенъ,—вообще всѣ тѣ, кто стремился имѣть свой дворъ и играть роль мецената. Не бѣда, что Иммануэль былъ еврей; то было время, когда аристократія ума была космополитична, когда въ областяхъ знанія не ставились никакія преграды. У владѣтельныхъ особъ было одно лишь желаніе—видѣть вокругъ себя какъ можно большее число людей, знаменитыхъ и талантливыхъ, а были-ли эти таланты и знаменитости христіанами или евреями—это ихъ не касалось. Имъ

нужно было сознавать, что они—центръ, и что вокругъ нихъ вращаются блестяшія звѣзды современности; а для этого не жалко было ни средствъ, ни усилий, тѣмъ болѣе, что тутъ не малую роль играло и соревнованіе между владѣтельными особами, выражавшееся въ томъ, что каждая изъ нихъ стремилась залучить къ себѣ какъ можно большій талантъ или знаменитость. Что касается Иммануэля, то онъ именно къ этому времени—къ первому десятилѣтію XIV столѣтія—былъ уже очень извѣстенъ, какъ талантливый поэтъ и ученый, не только среди еврейскихъ круговъ, но и среди христіанскихъ, ибо его сонеты сатирическаго характера, написанные на блестящемъ итальянскомъ языкѣ, расходились по рукамъ въ большомъ количествѣ и всѣмъ очень нравились. Христіанинъ *Vosone* изъ Угоббіо—общій другъ его и Данте, въ одномъ сонетѣ¹⁾ называетъ его: „la mente... che... ridea“—„смѣющейся душой“,—указывая этимъ на то, съ какой именно стороны онъ былъ ему извѣстенъ. Своими, полными жизни и блестящаго юмора, сонетами онъ такъ ярко выразилъ стремленія своего времени, что Декамеронъ явился лишь перепѣвомъ его новеллъ, собранныхъ подъ именемъ „*Divan'a*“ или „*Machberoth*“—собственно онъ, а не Боккачіо, долженъ считаться творцомъ итальянской новеллы. Стоя внѣ политическихъ партій, не признавая религіи, онъ, какъ дитя своего времени, поскольку это выразилось въ его итальянскихъ сонетахъ, о которыхъ рѣчь ниже, признавалъ, одну только любовь—„сильную, какъ смерть“. И воспѣвая ее, онъ становился столь близкимъ итальянскому обществу, начинавшему уже расторгать всѣ путы и узы средневѣковаго аскетизма и готовому отдаться этой любви со всѣмъ пыломъ юной неиспользованной страсти, что не знать его оно, повидимому, не могло.

II.

Гдѣ-же, спрашивается, могли встрѣтиться Данте и Иммануэль? У какого мецената, за чьимъ столомъ они могли одновременно найти покой своей тоскующей душѣ и истомленному тѣлу? Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ критика расходится. Давидъ Кауфманъ полагаетъ²⁾, что они могли познакомиться въ Губбіо или Угоббіо въ домѣ *Vosone*, извѣстнаго поэта и знатока права, быв-

¹⁾ О немъ рѣчь ниже.

²⁾ David Kaufmann: Dante et Manoello. Revue des etudes Juives, t. XXXVII, p. 252.

шаго, какъ мы видѣли выше, ихъ общимъ другомъ, у котораго Данте поселился послѣ своего бѣгства изъ Флоренціи и съ дѣтми котораго онъ занимался по гречески. Самъ Иммануэль указываетъ ¹⁾ на свое поселеніе въ Фермо у одного мецената, гдѣ онъ, наконецъ, находитъ отдыхъ послѣ всѣхъ своихъ скитаній и собираетъ всѣ свои новеллы, составившія его сборникъ „Макама“. Но это, повидимому, относится къ послѣднимъ годамъ его жизни, ко времени послѣ 1321 г. т. е. послѣ смерти Данте и, такимъ образомъ, не можетъ служить достаточнымъ отвѣтомъ на нашъ вопросъ. Имѣется еще одно мнѣніе ²⁾, указывающее на то, что „оба они могли познакомиться въ 1300 г., когда Данте былъ въ Римѣ (по дѣламъ Флоренціи), а впоследствии возобновить это знакомство“ ³⁾, что весьма вѣроятно, такъ какъ Данте въ это время уже былъ извѣстенъ, какъ авторъ „Vita nuova“ и части своего „Convito“, а Иммануэль былъ къ этому времени какъ разъ въ томъ бурномъ возрастѣ, когда смѣлость и вызовъ всему, что такъ свято въ глазахъ консервативной массы, является особенно характернымъ. Къ этому именно времени и должны мы отнести созданіе имъ его фривольныхъ, полныхъ страсти и ядовитыхъ насмѣшекъ, сонетовъ, которые дѣлали его извѣстнымъ въ итальянскихъ кругахъ и которые должны были обратить на него вниманіе Данте. Однако, несмотря на всѣ эти доводы, намъ кажется болѣе справедливымъ то мнѣніе, которое усматриваетъ ихъ сближеніе въ Веронѣ, при дворѣ Кане Скалигера, въ періодъ его наибольшаго могущества. Какъ полагаютъ нѣкоторые критики и, какъ намъ кажется, не безъ основанія, именно ему посвятилъ Данте свою Божественную Комедію ⁴⁾, и о немъ онъ говоритъ, какъ о томъ „veltro Levrier“—ловчемъ пса ⁵⁾, которому предназначено свыше уничтожить крамолу и раздоры въ Италіи. Дворъ Скалигера, представлявшій сплошное веселье и празднество, былъ сборнымъ мѣстомъ для ученыхъ, художниковъ и поэтовъ. Сюда Данте прибылъ въ 1316 г. и въ 1319 г., отсюда уѣхалъ въ Равенну къ графу Гвидо да Полента пробывъ здѣсь, слѣдовательно, три года. Въ это-же самое время, должно быть былъ здѣсь и Иммануэль, такъ какъ у насъ имѣется его стихотвореніе, посвященное

¹⁾ Machberoth (Makamen), I.

²⁾ Vogelstein und Rieger: Geschichte der Juden in Rom. B. I, S. 429.

³⁾ Idem. S. 430.

⁴⁾ Др., какъ, напримѣръ, Симондсъ полагаютъ, что ему посвященъ только Рай.

⁵⁾ Адъ, п. I. Слово „cane“ почти то же, что и „veltro“.

Канѣ, въ которомъ онъ описываетъ яркими красками веселую жизнь при его дворѣ ¹⁾). Мы указываемъ именно на этотъ промежутокъ времени, какъ на время, наиболѣе возможное для ихъ встрѣчи, потому что нѣсколькими годами позже Кане Гранде становится во главѣ гибеллиновъ, предается войнѣ за освобожденіе Италіи отъ ея внутреннихъ враговъ и поработителей, и веселая жизнь при его дворѣ прекращается. А Иммануэль въ этомъ стихотвореніи, заканчивающемся словами: „Блаженнымъ долженъ считать себя со своей великой мощью этотъ владыка, слава о которомъ прошла по морямъ и землямъ“—хотѣлъ именно указать на роскошь и на веселье, которыя здѣсь царили въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, при иномъ дворѣ. Замѣчательно, что почти въ тѣхъ-же яркихъ краскахъ описанъ дворъ Кане Гранде Сагаціемъ Муціемъ Газатой, историкомъ города Регіо, принятымъ Каномъ къ себѣ въ качествѣ изгнанника. Онъ былъ при его дворѣ какъ разъ въ то время, когда Данте находился тамъ, такъ какъ въ его описаніи мы наталкиваемся на слѣдующее мѣсто: „Кане приглашалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ гостей къ своему собственному столу, особенно Гвидо да Кастелло изъ Регіа, прозваннаго Простымъ Ломбардомъ, и поэта Данте“ ²⁾). Такимъ образомъ мы видимъ, что время пребыванія обоихъ поэтовъ у Кане совпадаетъ и этотъ выводъ кажется намъ болѣе достовѣрнымъ и основательнымъ, чѣмъ какой-нибудь другой. Конечно, если бы мы знали маршрутъ Иммануэля по Италіи до его изгнанія изъ Рима и послѣ, какъ мы это знаемъ, хотя тоже не въ полной мѣрѣ, относительно Данте, то опредѣлить тотъ пунктъ, гдѣ они могли сойтись и встрѣтиться, не представляло-бы особенной трудности, но, къ сожалѣнію, ни Иммануэль, ни его современники не говорятъ объ этомъ, а тѣ скудныя географическія и хронологическія данныя, которыя встрѣчаются у него вообще не въ состояніи разсѣять мракъ, накопившійся вокругъ этого выдающагося момента его жизни. Мы могли бы привести еще одно мнѣніе, поддерживающее тотъ первый взглядъ, который указываетъ на Угоббіо, какъ на первое мѣсто ихъ возможной встрѣчи. Въ одномъ алфавитномъ указателѣ средневѣковыхъ итальянскихъ писателей и поэтовъ Иммануэль значится подъ отчасти измѣненнымъ созвучіемъ — Maniello Zudaeo da Gubbio, т. е. еврей Иммануэль родомъ изъ Губбіо или Угоббіо, того именно

¹⁾ Стих. это открыто Leonello Modena и обнародовано въ 1884 г.

²⁾ Цитирую по Симондеу: Данте, его время, его произведеніе, его гений, стр. 107, примѣчаніе 1.

города, гдѣ жилъ другъ Иммануэля—поэтъ Bosone, у котораго одно время послѣ своего изгнанія изъ Флоренціи жилъ Данте ¹⁾, но мы все же считаемъ наиболѣе возможнымъ мѣстомъ ихъ встрѣчи дворъ Кане Гранде, какъ по времени, такъ и по ихъ личнымъ обстоятельствамъ. Одинъ видѣлъ въ немъ спасителя отечества, другой стремился къ нему, какъ къ блестящему центру, периферію котораго составляли знаменитые ученые, поэты и художники, и этихъ причинъ было достаточно, чтобы сыграть выдающуюся роль—соединить, двухъ крупнѣйшихъ людей того времени.

Но если намъ трудно было указать на то мѣсто, гдѣ могли и должны были встрѣтиться наши поэты, то за то фактъ ихъ знакомства, поскольку онъ можетъ быть основанъ на нѣкоторыхъ литературныхъ матеріалахъ, теперь едва ли можетъ быть подверженъ какому-нибудь сомнѣнію. Правда, были такіе ученые, которые предлагали даже не упоминать объ ихъ отношеніяхъ. „Слѣдовало бы—говорить М. Краусс—исключить еврея Manoello ben Salomo изъ числа друзей итальянскаго поэта ²⁾. Но другіе ученые и критики совершенно иначе смотрѣли на этотъ вопросъ. Благодаря имъ, вопросъ этотъ объ отношеніяхъ между Данте и Иммануэлемъ доведенъ въ настоящее время до благополучнаго конца, и мы уже съ увѣренностью можемъ говорить не только объ ихъ знакомствѣ, но и о дружбѣ, какъ о дѣйствительномъ фактѣ.

Въ добавленіи (appendice) къ „Opere del De-Rossi, concernenti l'Ebraica letteratura e bibliografia“ Samuel David Luzzato заключаетъ свой обзоръ еврейскихъ сочиненій слѣдующими словами ³⁾: „Rabbi Immanuel fu amico di Dante e ne pianse la morte in un sonetto italiano... L'Alighieri deve avere avvicinato alcuni Ebrei e non deve averle avuto a vile, quando cantò:

Uomini siate, e non pecore matte,
Si ch'il giudes tra voi di voi non rida (Parad. V) ⁴⁾.

¹⁾ Bosone war vertrauter Freund Dante's, theilte auch seine politischen Meinungen und hatte deshalb gleich ihm wiederholt Verbannung aus seinem Vaterlande zu erleiden“. Geiger: „Immanuel, Freund Dante's“—„Jüdische Zeitschrift, für Wissenschaft und Leben“ V Jahrg S. 295.

²⁾ M. Krauss: „Dante, sein Leben und sein Werk, sein Verhältniss zur Kunst und Politik“. Berlin, 1897, p. 146.

³⁾ Цитирую по Geiger'у—(см. вышеупомянутую статью). S. 287.

⁴⁾ „Рабби Иммануэль былъ другомъ Данте и оплакалъ его смерть въ одномъ итальянскомъ сонетѣ. Аллигieri, слѣдуетъ думать былъ близокъ къ одному еврею, ибо онъ не безъ основанія въ одномъ

Но эти догадки крупнаго ученаго, даже ссылка его на вышеуказанную цитату не имѣли бы особеннаго значенія, если бы онѣ не подтверждались новыми доказательствами. Благодаря римскому профессору Меркурію, еще въ 1853 г. были обнародованы четыре сонета, проливающие особенный свѣтъ на взаимныя отношенія Иммануэля и Данте, отношенія бывшія до того времени лишь сомнительной вѣроятностью. Эти сонеты носятъ обмѣнный характеръ, въ родѣ простыхъ писемъ, что въ то время считалось обыденнымъ явленіемъ и вызывалось болѣе или менѣе выдающимся событіемъ окружающей жизни. Они написаны по поводу смерти Данте и направлены отъ Bosone къ Иммануэлю и отъ этого послѣдняго къ Bosone, затѣмъ отъ Cino изъ Пистойи, извѣстнаго въ свое время лирическаго поэта и знатока римскаго права, друга Данте, къ Bosone и отвѣтъ этого послѣдняго Cino. Вотъ они:

Bosone къ еврею Иммануэлю послѣ смерти Данте.

Due lumi son di novo al mondo spenti
 In cui virtu e bellezza si vedea;
 Pianga la mente tua, che gia ridea
 Di quel che di saper toccava il fondo
 Pianga la tua del bel viso giocondo
 Di cui tua lingua tanto ben dicca;
 O me dolente che pianger dovea
 Ogni homo che sta dentro a questo tondo.
 E pianga dunque *Manoel giudeo*:
 E prima pianga'l suo proprio danno
 Poi pianga'l mal di questo mondo reo,
 Che sotto'l sol non fu mai peggior anno:
 Ma mi conforta ch'io credo che Deo.
 Dante abbia posto in glorioso scanno ¹⁾.

Отвѣтъ Иммануэля:

Io che trassi le lagrime dal fondo

мѣстѣ говорить: „Будьте людьми и не походите на животныхъ, дабы еврей, подлѣ васъ находящійся, не смѣялся надъ вами“.

¹⁾ Два свѣточа погасли теперь въ мірѣ, въ которомъ мы видѣли красоту и добродѣтель, и душа твоя, дотолѣ смѣявшаяся, оплакиваетъ теперь смерть того, кто изслѣдовалъ глубину знанія. Душа твоя оплакала тотъ дивный образъ, о которомъ языкъ твой выражалъ столько прекраснаго. О, и несчастный! я долженъ оплакивать каждаго въ отдѣльности, стоящаго въ этомъ печальномъ кругу. Да, плачетъ еврей Мануэль; и прежде всего оплакиваетъ онъ свое собственное горе, затѣмъ уже оплакиваетъ онъ горе этого грѣшнаго міра. Да, никогда подъ солнцемъ не было болѣе дурнаго времени. Меня же укрѣпляетъ вѣра, что Господь дастъ Данте почетное мѣсто (въ Раю).

Dell'abisso del cor che'n su le'nvea (invia),
 Piango ch'il fuoco del duolo m'ardea,
 Se non fosser le lagrime in che abondo:
 Che la for piova ammorta lo profondo
 Ardor che del mio mal fuor mi trahea,
 Per non morir, per temer altra vea (via)
 E percoter sto fermo e non affondo.
 E non puo pianger Christians l Giudes
 E ciaschedun seder in tristo scanno;
 Pianto perpetual m'l fatto reo.
 Perch'is m'accordo che quel fu il mal anno
 Sconfortami ben ch'io veggio che Deo
 Per invidia del ben fece quel danno ¹⁾

Cino da Pistoja къ Bosone:

Messer Bozzon, il vostro Manoello,
 Seguitando l'error della sua legge.
 Passato è nell'inferno, e prova quello
 Martir ch'e dato a che non si corregge.
 Non è con tutta la comune gregge,
 Ma con Dante si sta sotto al Cappello
 Del qual, come nel libro suo si legge,
 Viae coperto Alesso Interminello.
 Tra lor non è solazzo, nè corruccio,
 Del qual fu pieno Allesso com'un orso
 E ruggia là dove vede castruccio,
 E Dante dice: quel da tiro è morso,
 Mostrando Manoello in breve sdruccio
 E l'uom che innesto'l persico nel torso ²⁾.

Отвѣтъ Bosone Cino:

Manoello, che mettete in quel'avello,
 Ove lucifero piu ch'altri regge,
 Non è del regno, di colui ribello
 Che'l mondo fe per riempir sue leggi.
 E benchè fosse in quello loco fello

¹⁾ Я, который вызвалъ слезы изъ глубины бездоннаго сердца, чтобы успокоить себя — я плачу такъ, что огонь страданій поражалъ бы меня, если бы не слезы, переполнявшія меня черезъ край. Только этотъ потокъ успокаиваетъ страшный зной, исходящій изъ моихъ страданій, и чтобы не умереть, чтобы удержаться на нномъ пути и выждать, я стою твердо и не погружаюсь. Да, пусть плачетъ всякій—и еврей, и христіанинъ, пусть сядутъ на траурной скамейкѣ. Меня же непрерывный плачь сдѣлалъ грѣшникомъ. Когда я вспоминаю все это черное время, я предаюсь унынію; я думаю, что Богъ изъ зависти, вопреки добру, сдѣлалъ это зло.

²⁾ Bosone! Вашъ Manoello, отстаивая заблужденія своей религіи, попалъ въ адъ и терпитъ тѣ муки, отъ которыхъ, разъ онъ почему-либо назначены, не освободить никто. И т. д., и т. д.

Ove'l ponete, ma non che'l v'elebbe
 N'ovea dipinto'l ver vostro pennello,
 Che lui e Dante cuopron tali veggio.
 Alessio raggia sotto quel cappuccio,
 Ma non si doglia, s'el con lui è corso,
 lo qual fece morir messer Guerruccio.
 Dante e Manoello compion lor corso,
 Ov'è lor cotto lo midollo e'l buccio,
 Tanto che giunga lor lo gran soccorso ¹⁾.

Эти 4 сонета послужили главной основой для рѣшенія нашего вопроса: зналъ-ли Иммануэль Данте, или нѣтъ? Можно-ли теперь, послѣ прочтенія обмѣнныхъ сонетъ Bosone и Иммануэля и въ особенности сонета Cino, сомнѣваться въ томъ, что Данте и Иммануэль были не только знакомы между собою, но даже были друзьями? Даже Cino da Pistoja—этотъ антисемитъ, старавшійся затемнить интересующій насъ эпизодъ въ жизни великаго флорентинца, ничего не говоритъ противъ ихъ знакомства; нѣ стремится только доказать, что они не были друзьями, исходя при этомъ изъ чисто религиозныхъ побужденій: великій христiанинъ Данте не могъ имѣть ничего общаго съ евреемъ и во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы его бросить въ адъ, какъ не принявшаго христiанства, а не поднимать его на ту высоту, о которой говоритъ Bosone въ своемъ сонетѣ. Но чѣмъ пламеннѣе стремится Cino доказать, что никакой дружбы между ними не существовало, тѣмъ убѣдительнѣе звучатъ слова Bosone, полныя спокойной увѣренности и легкаго презрѣнiя къ противнику:

E benchè fosse in quello loco fello
 Ove'l ponete ma non ch'il v'elebbe
 N'ovea dipinto'l ver vestro pennello
 Che lui e Dante cuopron tali veggio.

Bosone, какъ видите, даже не раздѣляетъ ихъ; по его мнѣнiю, ихъ ждетъ даже одинаковая судьба; онъ какъ бы повторяетъ слова псалмопѣвца: „любившiе другъ друга въ жизни, и за гробомъ не расстаются“.

¹⁾ Manoello, котораго вы помѣщаете въ той безднѣ, гдѣ царитъ больше, чѣмъ кто-либо другой самъ Люциферъ, не принадлежитъ царству, гдѣ туча грозитъ Тому, Кто создалъ мiръ, разрушенiемъ его царства. И если бы онъ очутился въ томъ вѣроломномъ мѣстѣ, куда вы его помѣщаете, но котораго не избралъ для него Данте, то не истина руководила бы вашимъ перомъ, ибо это было бы поношенiемъ и для Данте... Данте и Manoello направятъ свое движенiе туда, гдѣ мозгъ и кожа испепелятся, но гдѣ ихъ коснется великая помощь.

Dante e Manoello compion lor corro,
 Ov'è lor cotto lo midollo e'l buccio,
 Tanto che giunga lor lo gran soccorso.

Но если Сино сомнѣвается въ существованіи между ними дружбы, то проф. Меркури, которому мы обязаны находженіемъ и обнаруженіемъ этихъ сонетовъ, даже увѣренъ въ этой дружбѣ, но на основаніи одного мѣста въ сонетѣ Иммануэля къ Bosone:

Per non morir, per temer altra via
 E percoter sto fermo e non affondo

полагаетъ, что Иммануэль, побуждаемый близостью къ Данте и Bosone, хотѣлъ перемѣнить религію отцовъ (а можетъ быть уже и перемѣнилъ), такъ какъ, по его мнѣнію ¹⁾, Bosone, „Christlich von ihm (Иммануэль) denke“, помѣщая его въ чистилище, куда могутъ попасть только правовѣрныя. Но невѣрность этого положенія станетъ очевиднымъ, если мы обратимъ вниманіе на слова Сино, гдѣ онъ именно говоритъ:

Seguitando l'error della sua legge
 Passato è nell'inferno, e prova quello
 Martir ch'è dato a che non si corregge.

Сино именно и не доволенъ тѣмъ, что Иммануэль остался евреемъ и возмущается вслѣдствіе этого, когда его имя соединяютъ съ именемъ Данте. Что же касается указанія Иммануэля на „перемѣну пути“, то оно можетъ быть истолковано въ гораздо болѣе вѣрномъ и истинномъ смыслѣ. Мы уже видѣли, какъ Bosone называетъ Иммануэля „смѣющейся душой“—„la mente... che... ridea“. Значитъ, этотъ Иммануэль раньше много смѣялся, много шутилъ и, какъ таковой, былъ хорошо извѣстенъ своимъ друзьямъ и знакомымъ; теперь же, подъ вліяніемъ смерти Данте — этого угасшаго свѣтила, его друга и товарища по несчастію—онъ измѣнить характеръ своихъ произведеній, онъ прекратить шутить и смѣяться. Великое горе, постигшее весь міръ, сдѣлаетъ его холоднымъ ко всѣмъ радостямъ и наслажденіямъ жизни.

Если это такъ, если Иммануэль былъ близко знакомъ съ Данте и если Данте имѣлъ несомнѣнно огромное вліяніе на Иммануэля, на что указываетъ его пѣсня: „Адъ и Рай“, написанная въ духѣ Данте, то нѣтъ ли какихъ-нибудь указаній въ самой Божественной Комедіи на обратное вліяніе, на вліяніе Иммануэля или во всякомъ случаѣ евреевъ на Данте? Г. Красный.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Цитирую по вышеупомянутой статьѣ Geiger'a; S. 295.

Научныя бесѣды.

Еврейскіе источники евангелія.

I.

Какъ установлено уже въ прошлой „Бесѣдѣ“, въ древнѣйшей церкви ходили по рукамъ разныя жизнеописанія Христа, сначала исключительно на арамейскомъ нарѣчїи (на немъ тогда говорили палестинскіе евреи и самъ Иисусъ), а потомъ и въ греческихъ переводахъ для обратившихся язычниковъ. По свидѣтельству Паппія (Евсевій, Церковн. Ист. III, 39 кон.), „каждый переводилъ какъ могъ“, и въ евангельскій текстъ (эти біографіи и образовали впоследствии евангеліе) вкралось такимъ образомъ множество ошибокъ, такъ что уже древнѣйшіе толкователи евангелія (напр. Иеронимъ) прибѣгаютъ къ исправленію непонятныхъ или ошибочныхъ мѣстъ на основаніи предполагаемаго арамейскаго подлинника. Въ настоящее время разныи учеными также предложена масса исправленныхъ чтевій *). Но, говоря о еврейскихъ источникахъ евангелія, мы разумѣли не этотъ арамейскій подлинникъ, который могъ бы намъ раскрыть смыслъ мно-

*) Въ стихѣ Мѡ. 8, 22 (Лук. 9, 60) Иисусъ, напр., говоритъ: «предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ», что не даетъ никакого смысла; если же мы переведемъ это изреченіе на арамейскій языкъ такимъ образомъ: $\text{רְחֹמֵי הַמֵּתִים לִי חַדְשֵׁי חַדְשֵׁי הַמֵּתִים}$ т. е. «предоставь горожанамъ хоронить своихъ мертвецовъ», то получимъ прекрасный смыслъ, соотвѣтствующій условіямъ и времени. Въ предшествующей бесѣдѣ см. «Книжки Восхода», ноябрь—декабрь 1905, стр. 212) мы уже говорили объ «уксусѣ, смѣшанномъ съ желчью» у Маттея, гдѣ переводчикъ принялъ слово מִרְרָה (или арамейское מִרְרָה , мирра) за מִרְרָה —желчь. Проф. Хвольсонъ написалъ большое сочиненіе («Das letzte Prussamrhl Christi unb der Tah seins Todes»), чтобы доказать правильность предложенной имъ небольшой поправки въ предполагаемомъ арамейскомъ подлинникѣ евангелія.

гихъ, совершенно теперь непонятныхъ, мѣстъ евангельскаго текста, но другія еврейскія книги, въ которыхъ авторы евангелій черпали свое содержаніе.

На первомъ мѣстѣ должна быть поставлена „Дидаха“ Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων „Ученіе двѣнадцати апостоловъ“, прелюбопытнѣйшая книжка, найденная въ Константинополѣ въ 1873 г. митрополитомъ Вріенніемъ и изданная имъ же въ 1883 г. Книжка эта была извѣстна древнѣйшимъ церковнымъ писателямъ подъ именемъ Διδαχὴ, а Климентъ Александрійскій, въ концѣ II вѣка, почтительно цитируетъ ее, величая „Писаніемъ“. Ее давно уже считали потерянной, и о содержаніи ея ходили самыя смутныя предположенія. Легко представить себѣ интересъ, который возбудила въ ученномъ мѣрѣ эта книга, воскресшая изъ мертвыхъ. Впрочемъ, оказалось, что она цѣлкомъ входитъ въ такъ называемыя „Постановленія Апостольскія“ (Didascalia), при чемъ версія „Постановленій“ основана на болѣе полномъ еврейскомъ оригиналѣ, нежели найденная Вріенніемъ.

Произведеніе это раздѣляется на двѣ части: первая, заключающая шесть главъ, излагаетъ вкратцѣ ученіе иудаизма, вторая же (остальныя 10 главъ) трактуетъ о чисто христіанскихъ матеріяхъ: крещеніи, евхаристіи, церковномъ устройствѣ и проч., но и въ этой части, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, можно ясно различить еврейскій фонъ, на которомъ позднѣйшая рука вывела христіанскіе узоры. Цитата, приводимая Климентомъ, взята изъ первой части, а не изъ второй. Въ настоящее время даже христіанскіе ученые (Гарнакъ) признаютъ, что первая часть, именнo ученіе о двухъ путяхъ, первоначально была руководствомъ для *прозелитовъ, вступающихъ въ синагогу*. Понятно, что книга была переведена на греческій языкъ, но среди евреевъ не сохранилась, такъ какъ миссіонерское рвеніе евреевъ продолжалось недолго. Христіанскіе пропагандисты, внеся нѣкоторыя измѣненія и добавленія, превратили еврейскую книгу въ христіанское руководство, приписавъ ее Іисусу и апостоламъ. Но при современномъ состояніи научной критики заглавіе не имѣетъ никакого значенія. Уже такія выраженія какъ „Боже святыхъ и непорочныхъ отцовъ нашихъ Авраама, Исаака и Іакова“, по недосмотру оставленныя редакторомъ или переписчикомъ-христіаниномъ въ текстѣ, чего-нибудь да стоятъ. А тотъ фактъ, что авторъ

не знаетъ Христа, нигдѣ не ссылается на его примѣръ и его слова, хотя къ этому имѣлъ массу поводовъ, также довольно вразумителенъ и двухъ мнѣній не допускаетъ...

II

Такъ какъ первыя шесть главъ не очень длинны, мы позволимъ себѣ привести ихъ полностью *).

Ученіе двѣнадцати апостоловъ.

Ученіе Господа язычникамъ чрезъ двѣнадцать апостоловъ.

ГЛАВА I.

Есть два пути: одинъ—жизни и одинъ—смерти (ср. Вт. 30, 15; Сифра къ Лев. 20, 16: *דרך החיים ודרך המוות*). Путь жизни состоитъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, ты долженъ любить Бога, создавшаго тебя (Вт. 6, 5); во-вторыхъ, ближняго своего, какъ самого себя (Лев. 19, 18); и всего того, что не желаешь, чтобы случилось съ тобою, не дѣлай и ты другому **) (Авотъ р. Нааана, верс. 2, гл. 26; Таргумъ Ионаана къ Лев. 19, 18; Товитъ 4, 15).

...Ученіе же, заключающееся въ сихъ словахъ ***) , слѣдующее: благословляйте проклинающихъ васъ и молитесь за враговъ вашихъ (ср. Тосефта Бава Камма 9, 29), и поститесь за вашихъ гонителей; ибо ка-

*) „Дидаха“ переведена на всѣ языки, въ томъ числѣ и на русскій. Русскій переводъ носитъ такое заглавіе: „Ученіе двѣнадцати апостоловъ“. Новооткрытый памятникъ древней церковной литературы въ переводѣ съ греческаго, съ введеніемъ и примѣчаніями К. Попова. Кіевъ 1885 (Тоже, Москва, 1898). „Поставленія Апостольскія“ также имѣются въ русскомъ переводѣ (Казань, 1864).

**) Въ Евангеліи отъ Марка 12, 29—33 и отъ Маттея 22, 35—40 Иисусъ на вопросъ фарисея «какая первая (или: наибольшая) изъ всѣхъ заповѣдей» приводитъ Вт. 6, 5 и Лев. 19, 18, при чемъ у Маттея—что весьма характерно!—выброшены слова: „слушай, Израиль! Господь Богъ нашъ есть Господь единый“. Нѣтъ этихъ словъ и въ разсказѣ Луки (10, 26—27), хотя тутъ они еще болѣе уместны, ибо отвѣчаетъ фарисей на вопросъ Иисуса: „въ законѣ что написано? какъ читаешь (подразумѣвается: въ Шема)?“ Во всякомъ случаѣ, евангелистъ влагаетъ въ уста Иисуса именно мысль „Дидахи“, которая является тутъ первоисточникомъ.

***) Т. е. въ заповѣди (Лев. 19, 18): «люби ближняго твоего какъ самого себя». Объясненіе первой заповѣди выпущено редакторомъ-христианиномъ.

кое благодарѣніе, если вы любите любящихъ васъ? Не дѣлають-ли тоже и язычники *)? Вы же любите ненавидящихъ васъ, и вы не будете имѣть враговъ **). Удаляйся отъ плотскихъ и мірскихъ похотей ***). Если кто ударить тебя въ правую щеку, обрати къ нему и другую, и будешь совершенъ (ср. Плачь Іереміи 3, 29; „Пост. Ап.“ ссылаются тутъ на Псал. 7, 5, а не на Мѡ. 5, 39, какъ это несомнѣнно сдѣлалъ бы христіанинъ). Если кто-либо принуждаетъ тебя идти съ нимъ одну милю, иди съ нимъ двѣ; если кто беретъ твою верхнюю одежду, отдай ему и рубашку; если кто ваялъ у тебя твое, не требуй назадъ; ибо ты этого не можешь ****). Всякому просящему у тебя дай и не требуй назадъ [въ „Пост. Ап.“: и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся, не сжимай руки для него, ибо (Пс. 112, 5) „добрый человекъ милуетъ и займы даетъ“]; ибо

*) Ср. Лук. 6, 27—28: „любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ, благословляйте проклинающихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ. Тамъ же, 32: „и если любите любящихъ васъ, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники любящихъ ихъ любятъ“. Обрашаемъ вниманіе на слово „грѣшники“, коимъ евангелистъ (а можетъ быть и позднѣйшій переписчикъ) дипломатически замѣнилъ „язычниковъ“ Дидахи: это замѣчается не только тутъ, но и въ другихъ мѣстахъ евангелія.

Матѡей (мы для краткости будемъ такъ называть автора „евангелія отъ Матѡея“) обработалъ это мѣсто художественно и вставилъ его въ „нагорную проповѣдь“ въ такомъ видѣ (Мѡ. 5, 43—46): „вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего, и ненавидь врага твоего; а Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ... Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? не то же ли дѣлають и мытари?“ Такимъ образомъ, «язычники» превратились въ «грѣшниковъ», а грѣшники въ «мытарей», евреевъ: та же исторія, что съ распятіемъ Христа: римляне, распявшіе Иисуса, замѣнены «грѣшниками», а затѣмъ грѣшники— «народомъ іудейскимъ».

**) Эта мысль, въ еще болѣе утилитарной формѣ, выражена въ Авотьр. Наваана (гл. 23): на вопросъ: „кто самый сильный?“ отвѣтъ гласитъ: тотъ, кто обращаетъ врага своего въ друга. Въ „Пост Апост.“ тутъ прибавлено: ибо написано (Вт. 23, 7): „не гнушайся Идумеяниномъ, ибо онъ братъ твой“ и проч.

***) Мысль—еврейская, хотя $\text{לְרַחֵם לְרַחֵם וְלֹא לְרַחֵם}$ выходитъ не совсѣмъ но еврейски. О вредѣ похоти см. Авотьр 4, 21. Въ еврейской литературѣ имѣется и другой взглядъ, по которому на похоти зиждется міръ: ею поддерживается родъ людской; см. Авотьр. Наваана, версія 2, гл. 4 (русск. перев. стр. 121).

****) Послѣднія слова загадочны и отсутствуютъ въ „Постан. Апост.“; новидимому, текстъ искаженъ. Все взято Лукою (6, 29—30) и Матѡеемъ (5, 39—41), при чемъ послѣдній включилъ это въ „нагорную проповѣдь“.

Отець желаетъ, чтобы всѣмъ было даруемо отъ Его благодатныхъ даровъ [въ „Пост. Ап.“: всѣмъ желаетъ давать Отець, повелѣвающій солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылающій дождь Свой на праведныхъ и неправедныхъ; посему справедливо, чтобы и мы давали всѣмъ отъ трудовъ своихъ, какъ сказано (Притч. 3, 9): „чти Господа отъ праведныхъ трудовъ своихъ“ *]. Блаженъ дающій по заповѣди **), ибо онъ свободенъ отъ наказанія, но горе принимающему; ибо если кто беретъ, имѣя нужду, то тотъ свободенъ отъ наказанія, не имѣющій же нужды дастъ отчетъ, почему и для чего бралъ, и, подвергшись заключенію(?), онъ будетъ испытанъ относительно того, что онъ дѣлалъ, и не выйдетъ оттуда, пока не уплатитъ послѣдняго кодранта ***). Но и о семъ также сказано: „пустъ милостыня твоя прѣветъ въ твоихъ рукахъ, пока ты узнаешь, кому ты долженъ ее дать“ ****).

*) У Луки (6, 30): „всякому, просящему у тебя, давай, и отъ взявшаго твое не требуй назадъ“. Тамъ же, ст. 35: „и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая, и будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ“. Матѳей представилъ эту мысль такъ (5, 45): „да будете сынами Отца вашего небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“. Послѣдній образъ сохранился и въ еврейской литературѣ (Агадатъ Ширъ-га-Ширимъ, изд. Шехтера, стр. 4).

**) Разумѣется, очевидно, стихъ (Притч. 3, 9), приведенный полностью въ „Пост. Ап.“.

***) Мысль о томъ, что давать надо всякому просящему, но кто беретъ милостыню, не имѣя нужды, за это отвѣтитъ,—выражена въ Мишнѣ (Пеа 8, 9). Только тамъ, берущій, не имѣя нужды, „не уйдетъ изъ міра, пока не будетъ вынужденъ прибѣгать къ людской помощи“. Повидимому, текстъ Дидахи испорченъ. У Луки (12, 58—59) соответствующее мѣсто гласитъ: „когда ты идешь съ солерникомъ своимъ къ начальству, то на дорогѣ постарайся освободиться отъ него, чтобы онъ не привелъ тебя къ судѣ, а судья не отдалъ тебя истязателю, и истязатель не ввергъ тебя въ темницу; сказываю тебѣ: не выйдешь оттуда, пока не отдашь и послѣдней полушки“. У Матѳея, въ нагорной проповѣди (5, 26), конецъ сохранился лучше: „ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до послѣдняго кодранта“. Кодрантъ (quadrans, $\frac{1}{4}$ ассарія, ас) имѣетъ двѣ лепты („полушки“); лепта,—наименьшая монета, была въ ходу только у самыхъ бѣдныхъ классовъ (еврейская לשטר).

****) Текстъ—крайне подозрителенъ: такого стиха въ Писаніи нѣтъ. Нѣчто подобное находимъ въ притчахъ Сына Сирахова (12, 1): „если благотворишь, звай, кому благотворишь“, но этотъ взглядъ еврействомъ не принятъ. Въ „Пост. Ап.“ весь конецъ отсутствуетъ, есть только вставка (редактора-христианина?): «впрочемъ, святыхъ (т. е. вѣрующихъ) надобно предпочитать».

ГЛАВА II.

Вторая заповѣдь ученія. Не убивай (Исх. 20, 13), не прелюбодѣйствуй (Исх. 20, 14), не будь дѣторастителемъ (Лев. 20, 13), не любодѣйствуй (Вт. 23, 17),—не кради (Исх. 20, 15),—не волхлуй (Лев. 19, 26), не отравляй, не умерщвляй дитяти въ зародышѣ и не убивай уже родившагося („Пост. Ап.“ ссылаются тутъ на Исх. 22, 18 и 23); не желай принадлежащаго ближнему твоему (Исх. 20, 17) *). Не клянись (Лев. 19, 12) **), не лжесвидѣтельствуй (Исх. 20, 16), не злословь (Лев. 19, 14), не помни зла (Лев. 19, 18) ***); не будь двойственнымъ въ мысли, ни двуязыченъ,—ибо двуязычіе есть сѣтъ смерти (это—сокращеніе Пр. 6,2 и Пс. 139,12, какъ видно изъ „Пост. Ап.“), да не будетъ слово твое лживо ни пусто, но согласно съ дѣломъ („Пост. Ап.“: ибо за всякое праздное слово дадите отвѣтъ, ср. Авотъ 3, 7). Не будь корыстолюбивымъ, ни хищникомъ (Авв. 2, 9), ни лицемеромъ, ни злонравнымъ, ни надменнымъ (Притч. 3, 34). Не предпринимай худого намѣренія противъ ближняго своего. Не имѣй ненависти ко всякому человѣку (Лев. 19, 17), но однихъ обличай (Лев. 19, 18; Притч. 9, 8), за другихъ молись (Тосефта Б. К. 9, 29), а иныхъ люби болѣе души своей (Лев. 19, 18).

*) Въ первой главѣ Дидахи объяснена заповѣдь любви къ ближнему. Во второй, очевидно, авторъ объясняетъ десять заповѣдей, при чемъ дѣлитъ ихъ на двѣ части, или „заповѣди“: обязанности къ Богу (1—5) и обязанности къ ближнему. Христіанскій редакторъ выпустилъ первую часть—о единствѣ Бога, какъ не отвѣчающую христіанскому ученію, и прямо приступаетъ ко второй части,—обязанностямъ къ ближнему, но слова „вторая заповѣдь ученія“ остались. Въ изложеніи замѣчается безпорядокъ: къ заповѣди „не убивай“ относятся объясненія: не отравляй и проч. „Не волхлуй“, очевидно, не на мѣстѣ и относится къ главѣ третьей. Также не въ порядкѣ слова „не желай принадлежащаго ближнему твоему“ (десятая заповѣдь), послѣ чего идетъ объясненіе девятой заповѣди („не лжесвидѣтельствуй“), потомъ—восьмой („не кради“).

***) Въ „Постан. Апост.“ неудачная вставка редактора-христіанина: „не преступай клятвы, ибо сказано (Мѡ. 5, 34): не клянись вовсе; а если не такъ, то клянись въ правдѣ, потому что (Пс. 63, 12) „похвалится всякій, клянущійся Имъ“. Легко возстановить по обѣимъ версіямъ первоначальный текстъ: „не клянись ложно, ибо сказано (Лев. 19, 12): „не клянитесь именемъ Моимъ во лжи“, но клянись въ правдѣ, потому что „похвалится всякій, клянущійся Имъ“.

***) „Пост. Ап.“ ссылаются тутъ на Притч. 14, 31; 20, 13 и 12, 28.

ГЛАВА Ш.

Чадо мое! Избѣгай всякаго зла и всего подобнаго ему *). Не будь гнѣвливъ, ибо гнѣвъ ведетъ къ убійству; ни ревнивъ, ни сварливъ, ни вспылчивъ; ибо изъ всего этого происходятъ убійства **). Чадо мое! не будь похотливъ, ибо похоть доводитъ до блуда; не будь срамословенъ и не поднимай высоко очей своихъ, ибо изъ всего этого происходятъ прелюбодѣянiя ***). Чадо мое! не будь птицегадателемъ, потому что сіе ведетъ къ идолослуженію; ни заклинателемъ, ни астрологомъ, ни чародѣемъ, и не желай смотрѣть на подобное, ибо изъ всего этого происходитъ идолослуженіе ****). Чадо мое! не будь лживъ, ибо ложь доводитъ до воровства; ни сребролюбивъ, ни тщеславенъ, ибо изъ всего этого происходятъ кражи *****). Чадо мое! не будь ропотникомъ, ибо сіе ведетъ къ богохульству, ни дерзкимъ, ни зломыслящимъ, ибо изъ всего этого происходятъ богохульства *****). Но будь кротокъ (въ „Пост. Ап.“: какъ Моисей и Давидъ), потому что кроткіе наследуютъ землю (Пс. 38, 11). Будь долготерпѣливъ (Притч. 14, 29) и милостивъ *****), и незлобивъ, и смиренъ, и добръ, и

*) Ср. Тосефта Хуллинъ 2, 24: לעולם יהא אדם בורח מן הכיעור ומן הדומה לכיעור (Элізеръ); Дерехъ Эрецъ Зутта, гл. 8: Тамъ הרק מן הכיעור ומן הדומה לו; гл. 1: הרק מן המביא ליד עבירה מן הכיעור ומן הדומה לכיעור; р. Наоана, гл. 2 (русск. пер. стр. 13) рассказываетъ про Іова: הרחק איוב את הכיעור ומן הדומה לכיעור „Пост. Ап.“ ссылаются тутъ на стихъ (Ис. 54, 14): „удались отъ неправеднаго“.

**) Объясняется и расширяется заповѣдь „не убій“. Въ раввинской литературѣ вредъ гнѣвливости доказывается иначе. Ср. Авотъ р. Наоана, гл. 15. Въ „Пост. Ап.“ тутъ приводятся примѣры Каина, Саула и Іова.

***) Все это объясненія седьмой заповѣди. Въ „Пост. Ап.“: не сквернословь, не жадничай, не упивайся, ибо отъ этого происходятъ любодѣянiя и прелюбодѣянiя.

****) Это относится къ заповѣди единобожія, выпущенной редакторомъ Дидахи. Въ „Пост. Ап.“ это мѣсто носить еще болѣе еврейскій характеръ: не нашептывай (ср. Мишна Сангедринъ 10, 1), не проводи сына своего чрезъ огонь (Вт. 18, 10), не гадай, не ворожи и проч.

*****) Заповѣдь „не кради“ расширяется новыми случаями. Въ „Пост. Ап.“: не будь сребролюбивъ, чтобы вмѣсто Бога не поработать тебѣ мамонѣ. Отсюда Лука взялъ изреченіе (16, 13): „не можете служить Богу и мамонѣ“ вставленное Маттеемъ въ нагорную проповѣдь (6, 24).

*****) Заповѣдь богохульства имѣется въ Лев. 24, 16. Въ „Пост. Ап.“ не будь ропотливъ, помня наказаніе, которому подверглись роптавшіе на Моисея.

*****) Въ „Пост. Ап.“: ибо блаженны милостивые, потому что они помило-

всегда трепещи словъ, которыя ты услышалъ *). Не превозносись („какъ фарисей“—вставляютъ „Пост. Ап.“) и не давай душѣ своей дерзости (Сир. 1, 30). Да не прилѣпляется душа твоя къ гордымъ, но обращайся съ праведными и смиренными (Притч. 13, 21). Случающіяся съ тобою (печальныя) обстоятельства принимай, какъ благія, зная, что безъ Бога ничего не бываетъ **).

глава IV.

Чадо мое! Днемъ и ночью поминай проповѣдующаго тебѣ слово Божіе, и почитай его, какъ Господа ***) , ибо гдѣ проповѣдуется господство (слово Божіе), тамъ есть Господь (ср. Авогъ 3, 6). Ежедневно посѣщай святыхъ ****), дабы ты могъ укрѣпиться (или: утѣшиться) словами ихъ. Не причиняй раздѣленія („помня о скопищѣ Корея“ — „Пост. Ап.“), спорящихъ-же примиряй *****), суди справедливо, не взирай на лицо, когда обличаешь кого-либо въ грѣхопаденіяхъ (Лев. 19, 17) *****). Не сомнѣвайся, исполнится-ли молитва твоя или нѣтъ („Пост. Ап.“ прибавляютъ еще, едва ли очень удачно:

ваны будутъ. Тутъ мы имѣемъ источникъ двухъ „блаженствъ“, вставленныхъ Матеемъ въ „нагорную проповѣдь“: блаженны кроткіе, ибо они шлѣдуютъ земле, и блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ.

*) Т. е. съ трепетомъ принимай слова ученыхъ. Ср. Авогъ р. Наавана гл. 6.

**) Въ „Пост. Ап.“: зная, что тебѣ дастся награда отъ Бога, какъ Юву и Лазарю. Не нужно быть большимъ критикомъ, чтобы почувствовать, что слова „и Лазарю“ составляютъ позднѣйшую приписку, нисколько съ текстомъ не гармонирующую. Вся мысль—чисто еврейская, ср. Сир. 2, 4; Мишиа Берахотъ 9, 3.

***) Любопытно, что по талмудическому преданію, это изреченіе принадлежитъ учителю Акибы, Науму изъ Гимзо, который подвергалъ особому методу толкованія всѣ частицы לֵךְ , встрѣчающіяся въ Писаніи. Когда дошли до стиха (Вт. 6, 13): $\text{וְלֵךְ תִּירָךְ לְפָנֶיךָ יְיָ אֱלֹהֶיךָ}$, возникъ вопросъ: кого можно поставить рядомъ съ Господомъ? Отвѣтъ гласилъ: ученаго. См. Иерушаали Берахотъ 9, 4 (146); въ Бавли (Песахимъ 226 и др.) авторомъ отвѣта является Акиба.

****) Очевидно, разумѣются евреи. Это обычное библейское и талмудическое выраженіе (ср. о прозелитахъ: $\text{לִידְתוֹ בְּרִדּוֹשׁ}$, $\text{לְהוֹרְתוֹ בְּרִדּוֹשׁ}$), впоследствии усвоенное и христианами.

*****) „Какъ Моисей“—прибавляютъ „Пост. Апост.“ Повидимому, тутъ описка вм. Ааронъ. Въ талмудической литературѣ миротворцемъ является Ааронъ, а не Моисей, ср. Авогъ 1, 12.

*****) „Пост. Ап.“: какъ Илія и Михей обличили Ахава, Авдемелехъ—европлянину—Седекію, Нааванъ—Давида, *Іоаннъ—Ирода*.

ибо Господь сказалъ мнѣ, Петру, при морѣ: „маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился? *). Не простирай рукъ къ принятію и не сжимай при отдавіи (Притчи Сына Сирахова 4, 35). Если ты имѣешь отъ труда рукъ своихъ, то дай выкупъ (милостыню) за грѣхи свои. Не колеблись давать, и, давая, не ропщи; ибо ты узнаешь, кто добрый Мздовоздатель (Притч. 19, 17). Не отвращайся отъ нуждающагося (Пр. 21, 13). Во всемъ имѣй общеніе съ братомъ своимъ, и ничего не называй своей собственностью; ибо если вы соучастники въ неплѣнномъ, то тѣмъ болѣе въ вещахъ тлѣнныхъ! Не отнимай руки отъ сына своего или отъ дочери своей, но отъ юности учи ихъ страху Божию (Пр. 19, 18). Во гнѣвѣ своемъ не повелѣвай рабомъ своимъ или рабою, надѣвающимися на того же Бога, дабы они не перестали бояться Бога, Сущаго надъ обоими вами; ибо Онъ не приходитъ призывать, судя по лицамъ, но Онъ (призываетъ) тѣхъ, коихъ уготовалъ Духъ. Вы же, рабы, повинуйтеся господамъ своимъ, какъ образу Божию, въ почтении и страхѣ. Ненавидь всякое лицемѣріе и все, что не угодно Господу. Не оставляй заповѣдей Господнихъ, но сохраняй то, что получилъ, ни прибавляя, ни убавляя **). Исповѣдуй въ собраніи согрѣшенія свои и не приступай къ молитвѣ своей съ худою совѣстью ***). Таковъ путь жизни.

*) Редакторъ хочетъ показать, что „Постановленія“ дѣйствительно исходятъ отъ апостоловъ.

**) Христіанинъ-редакторъ оставилъ это, чисто еврейское положеніе (см. Второзаконіе 4, 2 и 13, 1). „Пост. Ап.“ приводитъ еще Притч. 30, 6: „не прибавляй къ словамъ Его, чтобы Онъ не обличилъ тебя, и ты не оказался лжецомъ“.

***) „Пост. Ап.“ сохранили текстъ полнѣе: исповѣдуй Господу Богу грѣхи свои, и не прилагай еще къ нимъ, чтобы благо тебѣ было отъ Господа Бога твоего, который не хочетъ смерти грѣшника, но покаянія (Иезек. 18, 23). Отца своего и мать уважай, какъ виновниковъ бытія твоего, чтобы быть тебѣ долгодѣтнимъ на землѣ, которую дастъ тебѣ Господь Богъ твой (Исх. 20, 12). Братьевъ своихъ и сродниковъ своихъ не презирай (Ис. 58, 7). Царя бойся, зная, что избраніе—Господне. Начальниковъ его чти, какъ служителей Божіихъ, ибо они отмстители всякой неправды. Оброкъ, пошлину и всякій вѣзносъ уплачивайте имъ благомысленно. Въ день злобы своей не приступай къ молитвѣ своей, пока не освободишься отъ горечи своей (ср. Мишна Берехотъ 5, 1). Воъ путь жизни!

ГЛАВА V.

А путь смерти слѣдующій: прежде всего онъ злой и исполненъ проклятія; (здѣсь) убійство, прелюбодѣяніе, похоть, блудъ, воровство, идолослуженіе, волшебство, хищеніе, лжесвидѣтельство, лицемѣріе, двоедушіе, коварство, гордость, злоба, высокомѣріе, алчность, сквернословіе, зависть, дерзость, заносчивость, тщеславіе; (здѣсь) гонители добрыхъ, ненавистники истины, любители лжи—не признающіе воздаянія за праведность, не прилѣпляющіеся къ добру, ни къ праведному суду, бдительные не въ добръ, но въ злѣ, которыхъ далека кротость, терпѣніе; (здѣсь же) любящіе суету, гонящіеся за мздо-воздаяніемъ, не имѣющіе состраданія къ бѣдному, не трудящіеся за утружденныхъ, не знающіе Творца своего, убійцы дѣтей, погубители образа Божія *), отвращающіеся отъ нуждающагося, притѣснители угнетеннаго, защитники богатыхъ, беззаконные судьи бѣдныхъ, грѣшники во всемъ! Берегитесь, дѣти, отъ всѣхъ такихъ людей!

ГЛАВА VI.

Берегись, чтобы кто-либо не совратилъ тебя отъ этого пути ученія, такъ какъ онъ учитъ тебя внѣ Бога. Ибо, если ты дѣйствительно можешь понести все иго Господне, то будешь совершенъ **), а если не можешь, то дѣлай то, что можешь. Относительно пищи, понеси то, что можешь, но крѣпко воздерживайся отъ идоложертвеннаго, ибо это есть служеніе богамъ мертвымъ ***).

*) Ср. талмудическое выраженіе: *מַחֲזִיק לַאֲבֹתָיִם* („уменьшаетъ образъ Божій“).

***) Т. е. если примешь на себя исполненіе всѣхъ заповѣдей (т. е. и обрѣзаніе, и законы о пищѣ), то будешь „прозелитомъ совершеннымъ“, *רַחֵם הוּא*.

***) Идоложертвенное и въ Талмудѣ называется — *עֲוֹן זָבַח* (по Пс. 106, 28). Вопросъ о пищѣ много занималъ прозелитовъ, въ томъ числѣ и христіанъ. Какъ извѣстно, послѣдніе рѣшили для язычниковъ оставить лишь запреты идоложертвеннаго, удавленныя (т. е. терефы) и крови (см. Дѣян. Ап. 15, 20). Въ „Пост. Ап.“ мѣсто относительно пищи чрезвычайно любопытно: „А о снѣдяхъ говоритъ тебѣ Господь (Ис. 1, 19): „добро земли ѣшьте“ (Быт. 9, 3), „всякое мясо ѣшьте, какъ зелень травную“ (Вт. 15, 25) „а кровь выливай на землю, какъ воду“, ибо не входящее въ уста оскверняетъ человѣка, но исходящее изъ устъ, разумѣю—хулы, оговоры и все прочее таковое; а тукъ земли ѣшь ты въ правдѣ, ибо (Зах. 9, 17) „дхлѣбъ одушевитъ языкъ у юношей и вино—у отроковицъ“ (Еккл. 2, 25), „потому что кто можетъ ѣсть, и кто можетъ наслаждаться безъ Него?“ Убѣждаетъ

На этомъ кончается „ученіе о двухъ путяхъ“. Далѣе (гл. 7) рѣчь идетъ о погруженіи, при чемъ указывается, что передъ совершеніемъ обряда должно сообщить новообращающему все вышесказанное ученіе.

III.

Если разсмотрѣть это ученіе, то можно видѣть, что оно отъ начала до конца пропитано чистымъ іудаизмомъ. Правда, христіанскій редакторъ счелъ нужнымъ прибавить къ заглавію „Ученіе Господа язычникамъ“ слова „черезъ двѣнадцать апостоловъ“ а кто-то ввелъ еще и новое заглавіе: „Ученіе двѣнадцати, апостоловъ“, но это не мѣняетъ сути дѣла. Равнымъ образомъ, христіанскому вліянію надо приписать большой пропускъ въ первой главѣ—о любви Богу. О причинѣ выпуска легко догадаться: вѣдь рѣчь шла о еврейскомъ единобожіи, что не совпадало съ христіанскимъ ученіемъ о Троицѣ.

Вся первая глава представляетъ раввинскій комментарий къ стиху (Левитъ 19, 18): „люби ближняго своего, какъ самого себя“, при чемъ самый стихъ цитируется, можетъ быть, не по Библии, а по таргуму (древнему арамейскому переводу), гдѣ значится: וְהִתְחַבַּבְתָּ לְחֵבְרֶךָ דְמֵן אִנְהוּ כְּנִי לָךְ לֹא תְעִיבֵךְ לֵיהּ. Возможно, впрочемъ, что это простое совпаденіе, такъ какъ таргумъ псевдо-Іонаана сохранилъ много весьма древнихъ частей. Но должно отмѣтить, что парафраза этой заповѣди дана отрицательная (какъ Гиллелемъ въ Талмудѣ כִּי תֵעָלֶךָ לֹא תְעִיבֵךְ и тутъ, въ таргумѣ, а не положительная (какъ въ евангеліи Мѡ. 7, 12 и Лук. 6, 31). Сравнивая эту главу съ соотвѣтствующими изреченіями Новаго Завѣта, мы замѣчаемъ полное тождество ихъ, при чемъ возможны только два рѣшенія: или что Іисусъ былъ знакомъ съ еврейскимъ

же тебя и мудрый Ездра, говоря (Неем. 8, 10): „пойдите, ѣшьте тучное и пейте сладкое“. Отъ идоложертвеннаго бѣгайте, чтобы не сдѣлаться вамъ общниками бѣсовъ“.

Сопоставляя обѣ версіи, Дидахи и „Постановленій Апостольскихъ“, можно видѣть, что авторъ въ утѣшеніе тѣмъ изъ язычниковъ, которые не могутъ понести все иго, указываетъ, что въ концѣ концовъ этические законы выше законовъ о пищѣ. Изреченіе о входящемъ въ уста и исходящемъ изъ устъ, воспроизведенное Маркомъ (7, 15) и Матѣемъ (15, 11), но еще неизвѣстное апостоламъ, спорившимъ объ обязательности законовъ о пищѣ, имѣетъ тутъ видъ посторонней вставки, такъ что нельзя положительно утверждать, что Дидаха—источникъ его.

оригиналомъ Дидахи и черпалъ въ ней матеріалъ для своихъ проповѣдей, или, что на много вѣроятнѣе, авторы евангелій вложили ему въ уста всѣ эти изреченія, обращенныя первоначально къ язычникамъ. Что твердо установлено, такъ это то, что авторъ Дидахи съ новозавѣтными Писаніями совершенно не знакомъ и стоитъ на чисто-иудаистической точкѣ зрѣнія.

Дальнѣйшее содержаніе Дидахи имѣетъ для насъ сравнительно меньшій интересъ, такъ какъ тутъ редакторъ-христіанинъ является не только „убавляющимъ“, но еще прибавляющимъ отъ себя. Въ версіи „Постановленій Апостольскихъ“ такихъ прибавленій еще больше.

Въ главѣ седьмой рѣчь идетъ о погруженіи. Какъ извѣстно, при существованіи храма, обращеніе язычника заключало въ себѣ три акта: обрѣзаніе, погруженіе и жертвоприношеніе; по разрушеніи храма послѣднее отпало. Въ Дидахѣ объ обрѣзаніи ничего нѣтъ по понятной причинѣ, за то о погруженіи есть любопытныя указанія. Погруженіе должно совершаться въ водѣ живой, т. е. родниковой; если нѣтъ живой, то въ другой водѣ; если же невозможно въ холодной, то въ теплой. Но предъ погруженіемъ пусть постятся погружающій и погружающійся и, если могутъ, нѣкоторые другіе; но обращаемый долженъ напередъ поститься день или два. По Талмуду (Левамотъ 47а6), обращающемуся должно передъ погруженіемъ сообщить часть болѣе важныхъ и часть менѣе важныхъ заповѣдей, при погруженіи должно быть три человѣка, при чемъ самое погруженіе совершается во всякой миквѣ, не только живой водѣ. О постѣ ничего не извѣстно, хотя онъ не противорѣчитъ общему характеру дѣла.

Въ десятой главѣ Дидахи находимъ еврейскую потрапезную молитву (ברכה הזמן) въ сильно передѣланномъ видѣ, гдѣ однако сохранились такія выраженія: „Благодаримъ Тебя за Твое святое имя, которое Ты вселилъ въ сердцахъ нашихъ; Ты, создавшій міръ, ради имени Твоего; всадившій законъ въ души наши (въ „Пост. Ап.“; ср. על הורהך ועל שמוך); Боже святыхъ и непорочныхъ отцовъ нашихъ Авраама и Исаака и Иакова, вѣрныхъ рабовъ Твоихъ, Боже сильный, вѣрный и истинный и не лживый во обѣтованіяхъ (въ „Пост. Ап.“); помяни, Господи, церковь Твою и собери ее, освященную, отъ четырехъ вѣтровъ въ царство Твое (ср. וקבצנו יחד מארבע כנסות הארץ).

Въ XIII главѣ излагаются еврейскіе законы о дарахъ („начаткахъ“) священникамъ и бѣднымъ, при чемъ „священники“ по понятной причинѣ замѣнены „пророками“, но версія „Пост. Ап.“ сохранила первоначальное чтеніе.

Глава XVI (последняя въ Дидахѣ) не носитъ ярко выраженного іудаистическаго характера, но если она принадлежитъ къ еврейскому оригиналу, какъ предшествующіе ей законы о „начаткахъ“ и слѣдующіе за нею (въ „Пост. Ап.“) тексты молитвъ, то мы имѣемъ въ ней источникъ множества евангельскихъ изреченій. Вотъ она:

Будьте бдительны о жизни своей; свѣтильники ваши да не будутъ погашены и чресла ваши развязаны, но будьте готовыми; ибо вы не знаете часа, въ который придетъ Господь нашъ *). Часто сходитесь вмѣстѣ, ислѣдуя то, что потребно душамъ вашимъ; ибо все время вѣры вашей не принесетъ вамъ пользы, если не будете совершенны въ послѣднее время. Въ послѣдніе дни умножатся лжепророки и губители, и овцы обратятся въ волковъ, а любовь превратится въ ненависть; ибо когда усилится неправда, то будутъ ненавидѣть другъ друга, и преслѣдовать, и предавать, и тогда явится искушитель міра, подобный сыну Божію (בר אלהים = ангелу), и сотворитъ знаменія и чудеса, и земля будетъ предана въ руки его, и сотворитъ беззаконія, какихъ никогда не было отъ вѣка. Тогда тварь человѣческая пойдетъ въ огонь испытанія, и соблазнятся многіе и погибнутъ; но пребывшіе въ вѣрѣ своей будутъ спасены отъ проклятія **). И тогда явятся знаменія истинны: во-первыхъ, знаменіе отверстія на небѣ, потомъ знаменіе звука трубнаго и третье—воскресеніе мертвыхъ,

*) Рѣчь идетъ о пришествіи Мессіи. Версія „Пост. Апост.“ болѣе странна и ближе къ евангельскому тексту: чресла ваши да будутъ препоясаны и свѣтильники горящи, и будьте подобны людямъ, ожидающимъ, когда придетъ господинъ ихъ, вечеромъ, или утрѣмъ, или въ пѣніе пѣтуховъ, или въ полночь; ибо Господь придетъ въ тотъ часъ, въ который не ожидаютъ, и если отворятъ Ему, блаженны рабы тѣ, что оказались бодрствующими (ср. Лук. 12, 36—37; Мѣ. 24, 42; Мк. 13, 35—37).

**) Версія „Пост. Апост.“ короче и ближе къ Писанію и къ евангельскому тексту: „тогда явится обольститель міра, врагъ истины, поборникъ лжи, котораго сразитъ духомъ устъ своихъ Господь Іисусъ, устами убивающій нечестиваго. И многіе соблазнятся о немъ, а претерпѣвшіе до конца спасутся“ (см. Мѣ. 24, 3—13 и паралл. мѣста).

но не всѣхъ, а какъ сказано (Зах. 14, 5): „придетъ Господь и всѣ святые съ Нимъ“. Тогда увидитъ мiръ Господа, грядущаго въ облакахъ небесныхъ.

Въ версиі „Пост. Ап.“ картина ярче и еврейская фразеология выступаетъ рельефнѣе: „И тогда явится на небѣ званіе сына человѣческаго (שמך רב, Дан. 7, 13), потомъ будетъ гласъ трубы черезъ архангела и между тѣмъ оживленіе почившихъ, и тогда придетъ Господь и всѣ святые съ нимъ, при землетрясеніи, на облакахъ съ ангелами силы своей на престолѣ царскомъ—осудитъ оболстителя мiра, діавола, и воздастъ каждому по дѣламъ его. Тогда злые отойдутъ въ вѣчное наказаніе, а праведные пойдутъ въ жизнь вѣчную, наследуя то, чего не видѣлъ глазъ, не слышало ухо, и что не приходило на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его и будутъ радоваться въ царствіи Божіемъ“.

Кто хоть немного знакомъ съ раввинской литературой, тотчасъ догадается, что это писалъ еврей, и что тутъ не можетъ быть и рѣчи о заимствованіи у Маттея (24, 29—31), такъ всѣ выраженія и всѣ идеи укладываются въ раввинскія рамки. Скорѣе наоборотъ, евангелисты заимствовали у нашего автора. Впрочемъ, эти предсказанія о послѣднихъ дняхъ предъ пришествіемъ Мессіи, основывающіяся на разныхъ библейскихъ текстахъ, были очень распространены среди евреевъ; часть ихъ попала даже въ Мишну (Сота 9, 15; русск. перев. Талмуда Ш, 334). Такимъ образомъ, Иисусъ (точнѣе евангелисты), какъ и авторъ Дидахи, могли черпать предсказанія въ общемъ источникѣ еврейскихъ вѣрованій.

IV.

На этомъ кончается Дидаха, открытая Вриенніемъ. „Постановленія“ же даютъ далѣе текстъ нѣсколькихъ молитвъ, по характеру своему совершенно гармонирующихъ съ молитвами, приведенными раньше, и поэтому несомнѣнно принадлежащихъ Дидахѣ. Редакторъ Дидахи отбросилъ ихъ, очевидно, потому, что они противорѣчатъ имъ же вставленному правилу (гл. 8): „не молитесь, какъ лицемѣры, но какъ повелѣлъ Господь въ Евангеліи, такъ молитесь: „Отче нашъ“ и проч. Редакторъ „Постановленій“, хотя воспроизводитъ это правило, тѣмъ не менѣе сохранилъ текстъ длинныхъ молитвъ „лицемѣровъ“ и при томъ почти безъ измѣненій

(только кое-гдѣ „слово“ מאמר, דבר замѣнилъ „Христомъ“). Хотя эти молитвы не имѣютъ значенія для нашей темы, но мы ихъ тутъ приведемъ, во-первыхъ, потому, что онѣ уничтожаютъ всякую тѣнь сомнѣнія въ еврейскомъ происхожденіи Дидахи, а во-вторыхъ, въ виду ихъ громаднаго интереса для исторіи еврейской литургіи: мы тутъ имѣемъ форму „Восемнадцати Славословіи“ (Шемона Эсра) болѣе древнюю, нежели дошедшая до насъ, талмудическая.

Вѣчный Спаситель нашъ, Царь боговъ, единый Вседержитель и Господь, Боже всѣхъ сущихъ и Боже Святыхъ и непорочныхъ отцовъ нашихъ, Боже Авраама, Исаака и Иакова (въ еврейскомъ оригиналѣ, очевидно, было: אלהינו ואלהי אבותינו קדושים והחמימים אלהי אברהם (רב) (אלהינו ואלהי יצחק ואלהי יעקב) милостивый и щедрый, долготерпѣливый и многомилостивый, Ему же всякое сердце обнажено зрится и всякое тайное помышленіе открывается (ср. אלהי יודע רוי עולם ותעלומות סתרי כל הי); къ Тебѣ вопіють души праведныхъ, на Тебя уповаютъ святые. Отче непорочныхъ, слушающій призывающихъ Тебя съ правостью, знающій прошенія еще не высказанныя, ибо до утробъ челоуѣческихъ проходитъ промысленіе Твое и совѣстью испытujesz произволеніе каждаго (ср. אלהי לב (חופש כל חררי בטן ובוהן כליוה ולב) и по всей странѣ вселенной чрезъ моленіе и словеса возсылается Тебѣ оиамъ. Миръ сей сдѣлавшій ристалищемъ праведности, всѣмъ же отверзающій врата милости (פתח שערי רחמים), показывающій каждому изъ людей чрезъ разумъ всажденный (דעה) и разсужденіе естественное (בינה) и законъ (תורה), что богатство не вѣчно, красота проходить, сила рушится и все это суета, и только совѣсть вѣры остается и чрезъ средину небесъ съ истиною восходитъ, будущей пици десницу приѣмлетъ и, прежде исполненія обѣтованія новаго міра (паки-бытія), сама душа, упованіемъ веселясь, радуется. Отъ начала же праотца нашего Авраама, нашедшаго путь истинны, видѣніемъ путевоидилъ Ты, поучая что есть міръ сей, и вѣрѣ его предшествовало знаніе, и завѣтъ послѣдовалъ за вѣрою, какъ сказано (Быт. 13, 16): „и сдѣлаю потомство твое какъ песокъ земли“ и проч. И Исаака ему даровалъ Ты и назвался ему Богомъ, какъ сказано (Быт. 17, 7): „буду тебѣ Богъ и

потомству твоему по тебѣ“. И отцу нашему Іакову, когда онъ шель въ Месопотамію, Ты явилъ слово Свое *), говоря (Быт. 28, 15): „вотъ, Я съ тобою“ и (Быт. 48, 4) „размножу тебя“. Такъ Ты сказалъ и Моисею, вѣрному и святому рабу твоему въ видѣніи купины (Исх. 3, 14—15): „Я есмь Сущій. Вотъ имя Мое навѣки и памятованіе о Мнѣ изъ рода въ родъ. Защититель рода Авраамова, благословенъ еси во вѣки (אברהם יצא לך פלמ תראה)“.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мы имѣемъ тутъ первое изъ „восемнадцати славословій“, навѣстное въ талмудической литературѣ подъ именемъ הַיְסוּד — о праотцахъ. Въ современномъ своемъ видѣ, въ нашихъ молитвенникахъ это славословіе сильно сокращено.

Далѣе идетъ второе славословіе.

Благословенъ еси, Господи, Царь міровъ, словомъ **) сотворившій все и имъ въ началѣ украсившій не устроенный міръ, раздѣлившій твердью воды отъ водъ и вселившій духъ живой и проч. (идетъ описаніе міроизданія по Быт. гл. 1). И въ конецъ зиждительства сотворилъ словесное животное, гражданина міра, украшеніе міра, отъ четырехъ стихій образовавъ ему тѣло, и даровавъ ему пять чувствъ и умъ — возницу души. Кромѣ всего этого, кто достойно расскажетъ ходъ облаковъ дождеточащихъ, молніи блистаніе, громовъ шумъ, снабженіе каждаго пищей и чудное благораствореніе воздуховъ? Непослушнаго же человѣка лишилъ награды жизни, но не въ конецъ истребилъ, а на малое время усыпилъ, клятвою къ будущей жизни призвалъ, предѣлъ смерти разрушилъ. (Благословенъ) воскресающій мертвыхъ מתיח המתים ***).

Великъ Ты, Господи Вседержитель, и велика сила Твоя, и разума Твоего нѣсть числа, Творецъ, Спаситель, богатый въ благодати (רב להושיע)...

*) Въ текстъ неудачная поправка: вм. „явилъ слово“—„явилъ Христа“.

**) И тутъ вм. „словомъ“ (במאמריו или בברור) текстъ имѣеть „Христомъ“.

***) Редакторъ тутъ прибавляетъ: „Іисусомъ Христомъ, упованіемъ нашимъ“. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ тутъ первоначальную форму второго изъ „Восемнадцати славословій“ (בברורות). Только начальныя слова этого славословія (אתה נבור לעולם ה) оказываются въ началѣ третьяго славословія Дидахи.

Далѣе, какъ и въ „Восемнадцати Славословіяхъ“, идетъ „кедушa“:

„И воинство ангеловъ и духи умныя, одинъ другому возглашаютъ, и серафимы святыя (שראפים) вмѣстѣ съ херувимами шестокрылыми поютъ Тебѣ побѣдную пѣснь: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣъ, полны небо и земля славы Твоей; и иныхъ чиновъ (משרתים) множество, ангелы, архангелы, престолы (כסאות), господствія, начала, власти и силы вторятъ: благословенна слава Господня отъ мѣста Его. Израиль же, наземная Твоя церковь, избранная изъ всѣхъ языковъ, соревнуетъ силамъ небеснымъ, ночью и днемъ (לילה ויום), съ сердцемъ полнымъ и душой хотящей поеть (Пс. 68, 17): „колесница Божія“ и проч.... Славный и превозносимый, невидимый и неизслѣдованный, Его же жизнь безнуждна, пребываніе непревратно и проч.

Далѣе сохранилась молитва на субботу и праздники, вставляющаяся въ „Восемнадцать“.

Господи Вседержитель, міръ создавшій словомъ *) и субботу въ память сего опредѣлившій, ибо въ нее Ты почилъ отъ дѣлъ, къ поученію Твоихъ законовъ. Ты положилъ праздники для веселія душъ нашихъ, дабы мы помнили о премудрости, Тобою созданной (ср. Притч. 8, 22)... Ты, Господи, отцовъ нашихъ вывелъ изъ земли Египетской, исхитилъ изъ печи огненной, освободилъ отъ фараона и слугъ его... законъ даровалъ, десятисловіе, Твоимъ голосомъ изреченное и Твоей рукой начертанное, субботствовать заповѣдалъ, не праздниности ради, а благочестія, для уразумѣнія Твоей силы, заключивъ ихъ въ святомъ огражденіи (ראשית השנה), для воспрепятствованія злымъ поступкамъ... Сего ради всякую субботу повелѣлъ праздновать, да никто въ субботній день не произноситъ гнѣвнаго слова, ибо суббота есть конецъ творенія, завершеніе міра для изслѣдованія законовъ, хвалы Богу благодарственной за дарованное челоуѣку...

За симъ идутъ послѣднія три изъ „Восемнадцати славословій“, при чемъ вѣтъ такъ и начинается „Благодаримъ Тебя“, а въ серединѣ упоминаются и дни Эсеири и Мардо-

*) И тутъ это выраженіе замѣнено „Христомъ“.

хея и дни Иуды Маккавея и братій его, „ибо онъ отъ меча избавилъ насъ, отъ голода исхитилъ, отъ болѣзни исцѣлилъ, отъ языка лукаваго покрылъ“. Нѣтъ еще ни звука о разрушеніи Иерусалима, перечень праведниковъ доводится до Маттаѳіи и сыновъ его. Тамъ и сямъ имѣются вставки о Христѣ, но при малѣйшей критикѣ обнаруживается рука редактора, и при томъ не совсѣмъ умѣлая, или, вѣрнѣе, весьма щепетильная, такъ какъ, несмотря на вставку или подмѣненное выраженіе, остальной текстъ оставляется неприкосновеннымъ.

Таковъ одинъ изъ еврейскихъ источниковъ, въ коемъ черпали матеріалъ жизнеописатели Христа. Другимъ источникомъ являются самыя „Постановленія Апостольскія“, къ которымъ Дидаха служитъ лишь незначительнымъ прибавленіемъ. Объ этомъ въ другой разъ.

Н. Переферковичъ.

Нью-іоркскія впечатлѣнія.

Х.

Развлеченія нью-іоркскихъ евреевъ.

Кофейни.

Когда бѣшеная волна насильнаго обрусѣнія пролилась по русскимъ „окраинамъ“, то одной изъ первыхъ мѣръ было запрещеніе театровъ, польскихъ, еврейскихъ и малорусскихъ. Кто бы ни былъ авторъ этого гениальнаго плана, ему нельзя отказать въ глубококомъ пониманіи человѣческаго характера. Этотъ гений хорошо понималъ огромное вліяніе вообще методовъ развлеченія и отдыха на человѣческую психику.

Въ Америкѣ есть не мало людей, считающихъ американизацію и, какъ можно болѣе быструю, такимъ же святымъ и необходимымъ дѣломъ, какимъ Плева и Побѣдоносцевъ считали обрусѣніе поляковъ и финляндцевъ. Есть особенно много такихъ ассимиляторовъ, среди американскихъ и нѣмецкихъ евреевъ, и попадаются они даже среди русскихъ выходцевъ, въ особенности тѣхъ, которые хорошо устроились. Правда, они не требуютъ примѣненія тѣхъ методовъ, которыми пользовались Плева и ему подобные: руки коротки! Но и они по мѣрѣ возможности брюзжаютъ противъ обособленности русскихъ выходцевъ, которые настаиваютъ на правѣ жить своей жизнью.

„Не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ“. Развлеченія играютъ крупную роль въ жизни человѣка, тѣмъ болѣе крупную, чѣмъ лучше его экономическое положеніе. И поэтому развлеченія занимаютъ въ жизни русско-еврейской массы въ Нью-Йоркѣ гораздо болѣе важное мѣсто, чѣмъ въ жизни русско-еврейской массы въ Россіи. Ибо до развлеченія ли обнищавшей массѣ въ Литвѣ или Польшѣ?

Ассимиляторы и въ развлеченіяхъ русско-еврейской массы въ Нью-Йоркѣ усматриваютъ непріятное имъ (и даже непонятное) стремленіе къ партикуляризму. Но если еще нужны какіе доводы противъ насильственной ассимиляціи, если нужны доказательства, что въ сокровищницу духовной жизни такого интернаціональнаго конгломерата, какъ американскій народъ, всякая расовая или національная примѣсь дѣлаетъ свой цѣнный вкладъ, то ихъ можно найти въ характерѣ развлеченій русскихъ евреевъ въ Нью-Йоркѣ.

Въ сущности трудно сказать, что это русско-еврейская масса привезла съ собой въ Америку свои родныя формы развлеченій, ибо дома она ихъ почти что не имѣла, а поскольку они концентрировались кругомъ еврейскихъ религіозныхъ праздниковъ, эти развлеченія, такъ сказать ритуальнаго характера, въ значительной степени исчезли подъ давленіемъ новыхъ формъ экономической жизни.

Народившіяся на новой родинѣ формы развлеченія представляютъ странную смѣсь русскаго студенческаго духа 70-хъ годовъ, еврейской трезвости, и склонность къ философствованію, нѣсколько общей эмигрантской безалаберщины—все черточки европейской богемы. Все это вмѣстѣ создало тотъ „духъ гетто“ (spirit of the Ghetto), которымъ спѣшатъ надышаться болѣе культурные и немного декатентствующие представители американской аристократіи, когда ихъ начинаетъ тошнить отъ ихъ functions. За томиліонеры-евреи продолжаютъ относиться къ этой сторонѣ жизни своихъ русскихъ кузеновъ свысока, какъ подобаешь относиться къ полудикимъ людямъ, не имѣющимъ манеръ и иногда даже ѣдящимъ съ ножа—хуже же нарушенія правилъ о деликатномъ поведеніи, какъ извѣстно, быть не можетъ.

Американское правительство никто не станетъ обвинять въ томъ, что оно спаиваетъ народъ. Тѣмъ не менѣе фактъ, что въ большихъ американскихъ городахъ, и въ особенности въ интернаціональномъ Нью-Йоркѣ—saloon (т. е. пивная, гдѣ однако продаются и всѣ болѣе крѣпкіе напитки) является главнымъ развлеченіемъ народной массы. Въ итальянской, ирландской, нѣмецкой частяхъ города saloon на каждомъ углу и перекресткѣ, и часто по три и четыре на одномъ углу.

Изъ четырехъ національностей, представляющихъ массу населенія Нью-Йорка, еврейская—единственная, которая обходится почти безъ пивныхъ и трактирныхъ заведеній. Въ еврейской

части города почти что приходится искать saloon, и тѣ, что имѣются, находятся въ жалкой обстановкѣ, показывающей, что дѣла ихъ далеко не такъ блестящи.

Правда, въ Америкѣ пресловутая сдержанность евреевъ въ употребленіи алкогольных напитковъ значительно уменьшилась, какъ нѣсколько поколебались семейные устои—но изъ того, что вся американская пресса, американская медицинская и социальная наука все еще продолжаетъ ставить евреевъ въ примѣръ всѣмъ остальнымъ національностямъ, видно, что уровень трезвости и семейственности у евреевъ все еще очень высокъ.

Сколько различныхъ движеній, связанныхъ съ церковью и школой, стремятся къ сокращенію потребленія спиртныхъ напитковъ среди другихъ элементовъ населенія—а еврейская церковь вѣкогда такими задачами не задавалась. Характерно, что прогрессивные представители большинства христіанскихъ церквей пришли къ заключенію, что съ saloon'омъ бороться невозможно. Теперь съ церковныхъ амвоновъ развиваются теоріи, что saloon—клубъ бѣднаго человѣка; что въ такомъ городѣ, какъ Нью-Йоркъ, гдѣ столько холостого, пришлаго населенія, бѣдному классу необходимо нѣчто въ родѣ saloon'a. Прогрессивные духовники, и въ томъ числѣ такая извѣстная личность какъ епископъ Поттеръ, поэтому обитаютъ пороги у миллионеровъ гдѣ вѣнчаютъ крупныя суммы „на устройство“ клубовъ для рабочихъ и подобныя филантропическія затѣи. Самъ Поттеръ дошелъ даже до того, что устроилъ благонравный saloon съ читальней, гдѣ рядомъ съ спиртными продавались и не спиртные напитки—и этотъ saloon... прогорѣлъ. Правда то, что средній рабочий не еврей въ Нью-Йоркѣ, если хочетъ провести вечеръ внѣ дома, то проводить его въ пивной.

Какой контрастъ представляетъ нью-йоркское гетто. Безъ усилій священниковъ, безъ пожертвованій филантроповъ въ нью-йоркскомъ гетто народился новый типъ saloon'a—такъ называемый coffee-saloon—кофейня. Это учрежденіе—эту комбинацію ресторана съ булочной и кофейной въ самомъ Нью-Йоркѣ имѣетъ только еврейскій районъ, хотя за предѣлами еврейскаго района имѣются тысячи ресторановъ и булочныхъ, гдѣ днемъ пьютъ кофе съ цѣлями, такъ сказать, чисто утилитарными. Но только въ еврейскомъ гетто эти кофейни открыты чуть ли не по цѣлымъ ночамъ, только тамъ онѣ служатъ мѣстами сборищъ, замѣняя клубы, и за кофе, а чаще за чаемъ, который подается по-русски, съ лимономъ и въ стаканѣ, а не чашкѣ, проводятъ завсегда цѣлыя часы.

И вотъ именно характерно, что такое учрежденіе, гдѣ самымъ

горячимъ напитокомъ является чай или кофе, — и поэтому учрежденіе, рѣзко отличающееся отъ русскаго трактира — во всѣмъ не еврейское учрежденіе, исторически — и не американское учрежденіе. Оно было создано еще въ восьмидесятыхъ годахъ, если не ошибаюсь, первыми русско-еврейскими интеллигентными элементами. И не менѣе интересно то обстоятельство, что оно проникло въ болѣе широкіе слои еврейской массы, которая на родинѣ безуміемъ считала бы готовность заплатить 5 центовъ — 10 копеекъ за стаканъ чаю. И хотя благосостояніе интеллигенціи этой за послѣднія 20 лѣтъ значительно возросло, и повысился также средній возрастъ, она значительно остепенилась, распрощалась съ идеями свободной любви, коммунъ и т. д., — словомъ, большинство ихъ зажили весьма степенной обывательской жизнью женатыхъ людей, и растеряло свои богемскія привычки, — тѣмъ не менѣе каждый мой пріѣздъ въ Нью-Йоркъ убѣждаетъ меня въ ростѣ числа кофейнъ. И не только потому онѣ растутъ, что кофейни приняли характеръ политическихъ клубовъ, и каждая политическая фракція — а имя имъ легионъ — должна имѣть свое собственное мѣсто для сборищъ, но и потому, что популярность кофеенъ и чайныхъ растетъ среди болѣе широкихъ круговъ. И въ то время, какъ на болѣе шикарныхъ Grand Street, Canal Street, East Broadway старыя кофейни набираются все большаго тона и лоску: зеркала, электричество, позолота, — даже музыка (это уже первые шаги „американизаци“), а одно или два изъ этихъ кафе уже приобрѣли свидѣтельство на продажу дѣйствительно горячихъ напитковъ — еще большая американизация — на побочныхъ улицахъ открываются новыя бѣдненькія и грязненькія coffee-saloons, очень живо напоминающія первыя кофейни лѣтъ 15—20 тому назадъ, гдѣ еще силенъ личный элементъ дружбы между содержателемъ и всѣми патронами, и гдѣ еще не считается неприличнымъ истратить пятакъ и просидѣть три часа въ разговорахъ о политикѣ, о театрахъ, о митингахъ, балахъ и вечеринкахъ. И такъ сильно стремленіе къ обществу въ душѣ всякаго европейскаго еврея, и въ особенности русскаго еврея, что даже въ delicatessen stores (т. е. гастрономическихъ лавкахъ), гдѣ за десять центовъ можно получить огромную тарелку колбасы и копченаго мяса, хлѣбъ, горчицу и огурецъ, даже въ этихъ лавкахъ, гдѣ ужинаетъ бѣдный людъ, не желающій или не имѣющій возможности платить 5 центовъ за стаканъ чая и пять центовъ за затхлое пирожное — засиживаются молодые люди за разговорами и delicatessen. Когда засѣдаетъ какое-нибудь нѣмецкое или ирландское „масонское“ или подобное общество, къ одному изъ

которыхъ принадлежитъ каждый нью-йоркецъ, то оно засѣдаетъ въ saloon'ѣ. Еврейскій же „lodge“ или society имѣетъ свою сборную комнату, за которую платятъ порядочную плату. А послѣ митинга эта еврейская толпа, можетъ быть, и зайдетъ въ пивную, но гораздо чаще въ кофейную. Въ кофейную же идетъ еврейская толпа изъ театра. Словомъ, среди учреждений для развлечения нью-йоркскихъ русскихъ евреевъ кофейня занимаетъ почетное и важное мѣсто.

Т е а т р ы .

Когда-то кофейня была чуть ли не единственнымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ цѣлью отдыхъ и развлеченіе. Но скоро рядомъ съ кофейней заняла крупное мѣсто и еврейскій театръ.

Евреи въ Россіи дожили теперь до возрожденія и расцвѣта жаргонной прессы. Вѣроятно, и расцвѣтъ жаргоннаго театра въ Россіи недолго заставитъ себя ждать. Тѣмъ болѣе интересно, что и пресса, и театръ свое первое крупное развитіе получили въ Нью-Йоркѣ.

Мы не думаемъ здѣсь писать детальной и документальной исторіи еврейскаго театра въ Америкѣ. Если не ошибаюсь, эта тема уже неоднократно разрабатывалась на страницахъ „Восхода“. Мы здѣсь поэтому намѣрены лишь отмѣтить главные моменты въ эволюціи еврейскаго театра, размѣры его роста, его наиболѣе современную и поэтому наиболѣе интересную стадію, такъ же какъ и его отношеніе къ театру американскому, такъ какъ это отношеніе является очень интересной иллюстраціей социальнаго значенія ассимиляціи и американизаціи.

Мы познаемъ сущность вещей посредствомъ контрастовъ и разницъ—такъ учитъ психологическая наука. Развитіе еврейскаго театра можетъ быть понято лишь въ связи съ русскимъ театромъ съ одной стороны, и американскимъ театромъ, съ другой. Я, конечно, не стану, отсюда поучать васъ о характерѣ театра въ Россіи. Но объ американскомъ театрѣ средній читатель въ Россіи знаетъ, надо полагать, очень мало, и онъ, надѣюсь, проститъ мнѣ въкоторое отступленіе въ сторону.

Какъ я уже указалъ въ началѣ этого письма, приверженецъ теоріи моментальной американизаціи относится весьма неодобрительно къ еврейскому театру по принципу.

„Еврейская пресса и еврейскій театръ два злѣйшихъ врага русско-еврейскаго иммигранта“, говорилъ мнѣ одинъ очень культурный русскій еврей, доцентъ на медицинскомъ факультетѣ,—

который сознавался, что уже лѣтъ 15 не бралъ въ руки еврейской газеты и никогда не былъ въ еврейскомъ театрѣ. „Эти два фактора послужили наиболѣе сильными препятствіями къ быстрому усвоенію англійскаго языка русско-еврейскими иммигрантами, и такимъ образомъ, поддерживаютъ еврейскую обособленность“.

По теоріи американизатора, поэтому, должно было произойти вотъ что: пріѣхавшій иммигрантъ долженъ воздержаться отъ развлеченій общественнаго характера научиться языку своей новой родины и тогда посѣщать англійскіе театры.

Что же такое потеряла и потеряетъ теперь еврейская масса отъ того, что замѣнила американскіе театры своими жаргонными? Что такое представляютъ собой „настоящіе“ американскіе театры. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ жаргонной газетѣ „Vorwärts“ появилась статья о необходимости помочь кружку, собиравшемуся ставить Шекспира въ еврейскомъ гетто на англійскомъ языкѣ для культурнаго воздѣйствія на массы. Статья написана была очень наивнымъ и молодымъ юношей, и редакція разумно поступила, оговорившись, что статья не выражаетъ редакціонной точки зрѣнія.

Шекспиръ, конечно, писатель весьма почтенный. „Weg wird nicht einen Klopstock loben? Doch lesen wird ihn niemand“. Это еще покойникъ Лессингъ сказалъ. Несомнѣнно, что сцена можетъ оказаться значительной культурной силой въ нью-іоркскомъ гетто. Но эту силу можно пустить въ ходъ не при помощи Шекспира, да еще на англійскомъ языкѣ, ибо любители Шекспира, знающіе англійскій языкъ, съумѣютъ знакомиться съ нимъ въ одномъ изъ сотни существующихъ въ Нью-Йоркѣ театровъ.

Въ томъ-то и бѣда, что Шекспиръ до сихъ поръ остается единственнымъ дѣйствительно литературнымъ именемъ на американской сценѣ. Крупный американскій артистъ считаетъ обязанностью пробовать свои силы на Шекспирѣ. Но кромѣ Шекспира—хоть шаромъ повати. Въ остальныхъ театрахъ царствуетъ товаръ, который только въ Америкѣ, да еще пожалуй въ Англии, находитъ себѣ мѣста на приличныхъ сценахъ. Музыкальныя комедіи, въ которыхъ нѣтъ ничего ни музыкальнаго, ни комическаго, велико-свѣтскія пьесы (society plays), въ которыхъ главной приманкой являются безчисленные, безумно дорогіе туалеты, или, наконецъ, культура женскаго тѣла—грубая, не изящная, какая по вкусу лишь высоконравственному англо-саксонскому племени. Изрѣдка пройдетъ по Америкѣ какъ-нибудь извѣстный артистъ со своимъ репертуаромъ, но публика, которая бѣжитъ смотрѣть артиста или артистку, отворачиваетъ носъ и проглатываетъ репертуаръ, какъ

горькое лѣкарство. До самаго послѣдняго времени самыя лучшія произведенія еврейскаго драматическаго искусства оставались совершенно незнакомыми американской публикѣ,—она и до сихъ поръ едва знаетъ Ибсена, Стриндберга, Бьорнсона, Гауптмана, Зудермана, Сарду, Мирбо и т. д., и т. д. Отчасти эти шедевры европейскаго искусства забраковывались американскими антрепренерами какъ не интересныя пьесы, отчасти же считались безнравственными. Это характерная иллюстрація англо-саксонскаго ханжества, которое позволяетъ переводить „Плодородіе“ Зола, или даже „Воскресенье“ Толстого лишь съ крупными урѣзками,—но ничего не имѣетъ противъ порнографіи на сценѣ, если только при этомъ никто не стремится пошатнуть нравственныхъ устоевъ. Ибо быть образцовымъ семьяниномъ и изрѣдка разрѣшать себѣ грѣшки на сторонѣ, такъ, однако, чтобы никто не зналъ—таковъ англо-саксонскій идеаль. И поэтому очень недавно, на примѣръ, запретили въ Нью-Йоркѣ представленіе пьесы Альберта Шоу, лишь за то, что мать героини—содержательница публичнаго дома.

Мы до сихъ поръ говорили лишь о лучшихъ формахъ театральнаго искусства въ Нью-Йоркѣ; о пьесахъ, которыя ставятъ въ роскошныхъ театрахъ на Бродвѣй, гдѣ самое дешевое мѣсто въ галлерей стоитъ 50 центовъ или долларъ. Въ болѣе бѣдныхъ районахъ, какъ на примѣръ, на границѣ еврейскаго гетто, на Боуэри находится около полдюжины театральнахъ зданій, гдѣ лѣтъ десять—пятнадцать тому назадъ подвизались исключительно англійскія труппы; это были такъ называемыя народные театры. Теперь ихъ вытѣснили еврейскія труппы, но „народныхъ“ театровъ въ Нью-Йоркѣ имѣется еще большое число. Правда, что вывѣска не возвѣщаетъ о томъ, что это „народный театр“, какъ въ народныхъ театрахъ въ Москвѣ или Петербургѣ, ибо американская масса протестовала бы противъ ея выдѣленія въ „народъ“ въ отличіе отъ „общества“, и слово „народъ“ въ американской терминологіи обозначаетъ весь „народъ“. Тѣмъ не менѣе американскій театръ, съ цѣнами отъ десяти до пятидесяти центовъ, имѣетъ не менѣе опредѣленный репертуаръ, чѣмъ русскій народный театръ съ его „бѣлымъ генераломъ“. Но, Боже, что это за репертуаръ! Ужаснѣйшія мелодрамы, гдѣ крушатся желѣзнодорожныя поѣзда, гдѣ проваливаются горы, гдѣ вообще случаются самыя страшныя вещи—это *серьезный* репертуаръ народныхъ театровъ. Здѣсь „злодѣй“ вѣчно стремится сотворить самыя гнусныя подлости, но герой всегда оказывается на мѣстѣ, чтобы спасти героиню, и

сыновья очень богатых родителей всегда женятся на бѣдныхъ бѣлошвейкахъ.

„Легкій репертуаръ“ народныхъ театровъ совсѣмъ мерзкій — иначе охарактеризовать его нельзя. Въ театры, гдѣ царствуетъ такого сорта легкій репертуаръ, порядочной женщины даже изъ народа пойти прямо неприлично, да и не безопасно. Здѣсь толпа ведетъ себя грубо, и отвѣчаетъ на всякую вульгарную остроту со сцены. На сценѣ царствуетъ смѣсь оперетки съ кафе-шантаномъ. Какая бы труппа ни играла (а въ американскомъ театрѣ труппа мѣняется каждую недѣлю), вездѣ тѣ же вульгарные типы: толстый и рыжий мужъ, который кутитъ съ двумя (непремѣнно съ двумя) дамами легкаго поведенія, но очень тяжелаго тѣлосложенія, пока, наконецъ, его ловитъ старая жена. Кстати или не кстати, но обязательнѣе балетъ полунагихъ женщинъ, въ видѣ апофеоза. Только эти „народные театры“ были бы по карману еврейской массѣ, если бы даже она понимала по-английски. Это было все, что американское театральное искусство могло предложить этой еврейской массѣ, въ видѣ здороваго развлечения, — и въ видѣ средства къ моментальной американизаціи.

При такихъ условіяхъ созданіе собственнаго еврейскаго театра, совершенно свободнаго отъ американскихъ традицій, было явленіемъ несомнѣнно полезнымъ. Правда, что первый еврейскій театръ, который относится къ современному еврейскому театру приблизительно такъ, какъ романы Шомера къ современной еврейской беллетристикѣ, едва ли представлялъ, съ точки зрѣнія интеллигента, высокое художественное явленіе. Нелѣпные сюжеты, якобы историческаго характера, нелѣпая разработка и обстановка, все это сохранилось въ опредѣленной части нью-іоркской еврейской сцены и до сихъ поръ. Къ этимъ прелестямъ прибавилась еще и смѣсь вульгарности и пошлости, служанки въ короткихъ юбкахъ, съ голыми ногами, и подобныя прелести, въ которыхъ понекому начинало сказываться вліяніе американскаго народнаго театра. Характерно, что за предѣлами Нью-Йорка, какъ, на примѣръ, въ Филадельфіи, существуетъ только такой еврейскій театръ. Лишь одинъ разъ въ жизни пришлось мнѣ быть при такомъ представленіи, и впечатлѣніе оставлено было въ моемъ мозгу не изгладимое. Герцогъ влюбляется въ замужнюю еврейскую женщину, арестуетъ мужа, угрожаетъ мужу смертною казнью, если жена не согласится на его предложенія, и тому подобная ерунда. Драма смѣшана съ оперой и мужъ въ тюрьмѣ, самымъ трагическимъ образомъ прикованный къ стѣнкѣ, разливается минорными пѣснями, алькомпанируе-

мый хоромъ евреевъ въ капотахъ. Но драмы съ оперой недостаточно. Нужна и комедія—и поэтому одно дѣйствіе происходитъ неизвѣстно зачѣмъ въ хедерѣ, гдѣ трое маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ мальчиками, поютъ, танцуютъ трепака, и выдѣлываютъ разные эквилибристическіе фокусы—точь въ точь настоящій хедеръ. Ко всему этому между актами à la Шекспиръ вводится балаганщина, комическая (яко бы) супружеская парочка, которая бьетъ другъ друга по мордамъ, фыркаетъ, ругается, при чемъ прекрасная половина очень старательно доказываетъ не только, что подъ платьемъ у нея бѣлыя юбки, но что подъ бѣлыми юбками есть еще бѣлье. И, выйдя съ отчаянной головной болью послѣ такого винегрета, легко придти къ убѣжденію, что еврейская сцена чрезвычайно глупое и вредное учрежденіе.

И что всего хуже, это представленіе публикѣ нравится! Но развѣ Шомеръ не продолжалъ до конца своей жизни писать романы? И развѣ значительный элементъ русско-еврейской массы въ Америкѣ не зачитывается этими романами? Это доказываетъ лишь, что эволюція еврейской драмы, литературы и еврейской публики совершается не внѣ обстоятельствъ времени.

Въ нью-йоркской русско-еврейской интеллигентной колоніи и теперь еще можно встрѣтить субъектовъ, которые разъ, много лѣтъ тому назадъ, побывавъ въ еврейскомъ театрѣ на такомъ представленіи, продолжаютъ съ тѣхъ поръ держаться въ сторонѣ отъ еврейскаго театра. Но число такихъ несомнѣнно уменьшается. Пишущій эти строки тоже принадлежалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ числу такихъ скептиковъ, и радъ теперь сознаться, что скептицизмъ былъ вызванъ главнымъ образомъ незнаніемъ происходившей перемѣны.

Эта перемѣна произошла не сама собой, не изнутри, а до извѣстной степени извнѣ. Будущій историкъ современнаго еврейскаго театра, если таковой будетъ, не преминетъ отмѣтить крупныхъ заслугъ Якова Гордина въ этой эволюціи. Въ настоящее время Я. Гординъ далеко не единственный еврейскій драматургъ, и на еврейской сценѣ уже появляются вещи, не уступающія по силѣ и таланту пьесамъ Гордина. Но это не уменьшаетъ значенія того факта, что Гординъ, который пять лѣтъ тому назадъ уже праздновалъ 10-и лѣтній юбилей карьеры еврейскаго драматурга, въ теченіе многихъ лѣтъ былъ въ Нью-Йоркѣ единственнымъ творцомъ серьезной еврейской драмы.

Литературная карьера этого талантливаго человѣка не лишена драматическаго интереса. Когда г. Гординъ пріѣхалъ въ Аме-

рику, то привезъ съ собой изъ Одессы лишь репутацію далеко не экстраординарнаго журналиста и весьма посредственнаго беллетриста. За писаніе еврейскихъ пьесъ онъ взялся въ Нью-Йоркѣ главнымъ образомъ потому, что это оказалось единственно возможнымъ для него заработкомъ. И конечно въ первые годы Гординъ былъ лишь наемнымъ рабочимъ, который находился въ полной власти театральныхъ дѣлъ мастеровъ. Первые пьесы Гордина были поэтому даже и не пьесами его, а просто переводами, и на жаргонной сценѣ, убійственнымъ жаргономъ изъ разныхъ жаргоновъ заговорили разныя историческія личности, ибо еврейская сцена, какъ и шомеровскій романъ, не могла обойтись безъ герцоговъ и принцевъ.

Но очевидно г. Гординъ понялъ скоро, чего не понимали антрепренеры,—что герцоги на еврейской сценѣ съ ея жалкой обстановкой, говорящіе на чистѣйшемъ „маме-лошень“, производили далеко не художественное впечатлѣніе. Поэтому переводамъ своимъ Гординъ сталъ придавать специфическую еврейскую виѣщность. Шекспиръ, Мольеръ и другіе драматурги появились на еврейской сценѣ въ еврейской одеждѣ. Появились еврейскіе „Короли Леры“, „Сафо“ и т. д.

Творческій духъ Гордина не позволялъ ему удовлетвориться одними передѣлками именъ, у шекспировскихъ героевъ начали появляться еврейскія черты, и Гординъ прогрессировалъ въ этомъ направленіи, пока передѣлки превратились въ почти что самостоятельныя пьесы съ заимствованными темами или фабулами. Но привычка осталась на многіе годы, и даже сравнительно новыя пьесы носятъ названія „Еврейской“ того и того-то.

Знаніе русско-еврейской жизни и умѣніе рисовать ее сказалось въ первыхъ же пьесахъ Гордина по мѣрѣ того, какъ устанавливалась его репутація, какъ улучшалось, съ ростомъ еврейскаго населенія въ Нью-Йоркѣ, финансовое положеніе еврейскихъ театровъ. Гординъ получилъ возможность менѣе торопливо писать, болѣе вдумчиво разрабатывать свои темы. Воспитанный на старыхъ здоровыхъ традиціяхъ русскаго реализма, Гординъ этотъ реализмъ внесъ въ еврейскую драму, и успѣшно боролся съ нелѣпнымъ романтизмомъ и мелодраматизмомъ первыхъ еврейскихъ пьесъ. Радикальный раціонализмъ политическихъ воззрѣній Гордина на вопросы половой этики, экономической дѣйствительности и т. д. дѣлали его пьесы цѣнными не только въ художественно-литературномъ, но и общественно-политическомъ отношеніи дѣлали ихъ цѣнными для цѣлей массоваго воспитанія нью-іоркскаго еврейства.

Правда, что у автора часто проявляется тенденція переоцѣнвать эту сторону своей дѣятельности. Онъ часто старается подчеркивать философскій элементъ своей пьесы, приписать имъ символическій характеръ, прибѣгая для этого, иногда, къ довольно грубымъ приемамъ, какъ, напримѣръ, въ его нашумѣвшей пьесѣ „Gott, Mensch und Teufel“, гдѣ философія эта преподносится въ формѣ разговора между богомъ и чортомъ, въ сопровожденіи ангельскихъ хоровъ и т. д. Въ этой пьесѣ, поскольку дѣло касается философіи, чувствуется вліяніе Фауста, но стоитъ только позабыть о прологѣ, (и дѣйствительно, когда смотришь пьесу, этотъ прологъ очень скоро забывается) и забыть, что главный герой драмы, переодѣтый Мефистофель, явившійся искушать набожнаго еврея—и „философская“ драма превращается—и, по нашему мнѣнію, съ выгодой для себя—въ великолѣпную, до послѣднихъ черточекъ вѣрную картину литовской жизни, картину нравственнаго паденія набожнаго еврея, подъ растлѣвающимъ вліяніемъ „гешефта“, картину мѣняющихся отношеній фабриканта къ рабочимъ подъ вліяніемъ роста капитализма на Литвѣ. И дѣйствительно, эволюція этого набожнаго еврея подъ вліяніемъ Мефистофеля живо напомнила мнѣ эволюцію одного моего родственника, богатѣющаго фабриканта въ Литвѣ, Мефистофелемъ котораго, помимо растущаго капитала, былъ его собственный зять, едва ли посланный Богомъ съ специальною цѣлью искушенія. Этотъ реализмъ, раціонализмъ и радикализмъ Гордина, съ одной стороны, въ связи, конечно, съ его талантомъ, устанавливали его литературную репутацію, а съ другой—создавали ему массу принципиальныхъ враговъ. Отношеніе публики къ пьесамъ Гордина скоро стало однимъ изъ симптомовъ, по которому можно было судить о растущемъ диссонансѣ между старымъ и новымъ еврействомъ, между поколѣніемъ, тянущимъ впередъ, и поколѣніемъ, тянущимъ назадъ. Понемногу стала нарождаться публика, которая признавала лишь еврейскія пьесы Гордина, но вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались нападки на Гордина съ противоположнаго лагеря. Консервативная еврейская пресса, какъ жаргонная, такъ и англійская стали обвинять Гордина въ разрушеніи основъ религіи, морали, семьи, государства и т. д. Нападки на Гордина напоминаютъ въ извѣстной степени позднѣйшія нападки на Бернарда Шоу, съ той только разницей, что нападки на Шоу, съ обывательской точки зрѣнія по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе заслужены, потому что Шоу разрушаетъ „устои“ съ гораздо болѣе смѣлостью и въ своей отрицательной работѣ, въ особенности по вопросамъ семейной морали, заходитъ гораздо дальше, чѣмъ

Гордигъ, мораль котораго, во многихъ пьесахъ, едва ли выходитъ за рамки современной рационалистической морали.

Когда рабочая и социалистическая еврейская пресса, — можетъ быть, подъ вліяніемъ этихъ нападокъ реакціонной прессы, — признала Гордина своимъ, когда она сдѣлала Гордина героемъ, и когда, наконецъ, сразу вся передовая мѣстная русско-еврейская интеллигенція какъ-то расписалась въ поклоненіи Гордину и прогрессивному еврейскому театру вообще, этимъ послѣднему несомнѣнно оказана была крупная услуга. Тѣмъ не менѣе интересно отмѣтить, что съ литературной точки зрѣнія интеллигенція нѣсколько опоздала. Гордина еще раньше открыла американская печать. Интересъ, которымъ прониклись нью-іоркскіе театральные рецензенты къ пьесамъ Гордина, хотя многіе ни слова не понимали изъ того, что происходило на сценѣ, доказываетъ, что, если не американская публика, то, по крайней мѣрѣ, рецензенты понимаютъ разницу между настоящей драмой и театральной макулатурой, и что если они продолжаютъ хвалить послѣднюю, то только по обязанностямъ службы, — ибо кто даетъ американской газетѣ объявленія, тотъ управляетъ и содержаніемъ американской газеты.

Вмѣстѣ съ пьесами Гордина американскихъ рецензентовъ заинтересовала и игра еврейскихъ артистовъ. Какъ это ни странно, но въ то время, какъ значительная часть русско-еврейской интеллигенціи съ высокоумнымъ презрѣніемъ относилась къ игрѣ невѣжественныхъ еврейскихъ актеровъ и актрисъ, американскіе театральные критики не стыдились звать американскихъ профессиональныхъ артистовъ и артистокъ идти въ грязные еврейскіе театры на Боуэри учиться настоящей реалистической игрѣ. И теперь сплошь и рядомъ читаешь въ нью-іоркскихъ газетахъ, что дѣйствительно литературная драма царствуетъ въ Нью-Йоркѣ лишь въ еврейскихъ да въ нѣмецкомъ театрѣ.

Нововременскій борзописецъ, несомнѣнно, засмѣется своимъ гаденькимъ смѣхомъ, когда я скажу, что еврейскій театръ оказалъ несомнѣнное, при томъ благотворное вліяніе на американскую сцену. Но указанные мною факты показываютъ логическій путь, по которому это вліяніе дѣйствовало. Помимо критиковъ и крупныхъ артистовъ, изъ которыхъ многіе побывали въ еврейскомъ театрѣ, и почти исключительно когда ставились пьесы Гордина, было и непосредственное вліяніе на публику. Самъ г. Гордигъ какъ-то показалъ мнѣ нѣсколько десятковъ статей въ нью-іоркскихъ журналахъ и газетахъ, посвященныхъ еврейскому театру и его пьесамъ. Уже эти статьи, сами по себѣ, являются характернымъ симптомомъ. А

еврейская игра? Самородокъ-талантъ, Яковъ Адлеръ цѣлый сезонъ игралъ Шейлока съ англійской труппой и передъ американскою публикой, хотя Адлеръ никогда не сѣмѣлъ научиться достаточно англійскому языку, чтобы пользоваться имъ на сценѣ и поэтому онъ говорилъ на жаргонѣ.

А самый послѣдній примѣръ? Извѣстный антрепенеръ Фискъ (мужъ еще болѣе извѣстной артистки г-жи Фискъ, которая имѣетъ собственную труппу и театръ въ Нью-Йоркѣ)—открылъ на одной изъ еврейскихъ сценъ талантливую артистку, любимицу еврейской публики г-жу Бертю Калишъ, ангажировалъ ее въ качествѣ звѣзды (главной артистки) для специальной труппы, и г-жа Калишъ, которая въ сравнительно короткое время овладѣла англійскимъ языкомъ, совершаетъ теперь артистическое турнэ по Соединеннымъ Штатамъ въ роли Монны Ванны и вездѣ производитъ фуроръ!

Если хотите, это ассимиляція, это американизація! Но американизація совсѣмъ другого порядка, чѣмъ тотъ, который проповѣдуютъ г-да американизаторы. Въмѣсто пошлаго, трусливаго подражанія, это культурная кооперація, благодаря которой еврейскій темпераментъ, русскій реализмъ, и, если хотите, русско-еврейскій идеализмъ оказали значительную услугу американскому театральному искусству, находящемуся пока на очень примитивной стадіи.

Теперь еврейскій театръ въ Нью-Йоркѣ достигъ уже такой стадіи развитія, когда всякіе споры о желательности его существованія были бы смѣшны. Кромѣ Гордина, имѣются такіе крупные художники слова, какъ Пинскій, Либинъ, Кобринъ. Теперь существуетъ уже постоянныхъ четыре, а иногда даже пять еврейскихъ театровъ. Не только на Боуэри еврейскія труппы постепенно изгнали англійскую мелодраму и кафе-шантанъ, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ на главной улицѣ еврейскаго гетто уже выстроился специальный, огромный современный еврейскій театръ. И хотя г. Гординъ или другіе серьезные еврейскіе драматурги и теперь еще жалуются, что публика все еще предпочитаетъ старомодныя трагедіи, комедіи, цирки, и что только незначительная часть ея воспитана до серьезной сцены, но факты противорѣчатъ такому пессимизму.

Вотъ, напримѣръ, сегодняшняя программа нью-йоркскихъ еврейскихъ театровъ. Въ одномъ ставятъ пьесу Гордина „Черный еврей“, въ другомъ пьесу Либина „Дикая“, въ третьемъ объявляется о репетированіи пьесъ Кобрина и Переца, и только въ одномъ изъ четырехъ царствуютъ „комедіи-драмы“ „творца макулатуры“ Латейнера. Еврейскій театръ въ Нью-Йоркѣ, поэтому, является

огромной культурной силой, въ то время какъ лучшіе элементы, пока очень немногочисленные, американской сцены все еще лишь мечтають о возможности сдѣлать театръ культурнымъ факторомъ въ американской жизни.

Music halls.

„И все же земля движется“. Все же американизація, или, если хотите, ассимиляція происходитъ. Надѣюсь, что вы, любезный читатель, если слѣдили за моими письмами, то поняли мою точку зрѣнія, и вы знаете, что я далеко не поклонникъ „американизаціи“, хотя я и не фанатикъ-націоналистъ. Я стараюсь наблюдать тенденціи дѣйствительности, чтобы по нимъ получить возможность судить о вѣроятной эволюціи будущаго.

Нигдѣ во всемъ мірѣ сліяніе различныхъ народностей не происходитъ такъ быстро, какъ въ Америкѣ—но такъ какъ оно происходитъ совершенно свободно, то это сліяніе приходится считать нормальнымъ, естественнымъ явленіемъ. Первое еврейское поколѣніе, пришлые евреи, можетъ быть, и оказываютъ нѣсколько болѣе сильное сопротивленіе, но слѣдующія поколѣнія уже текутъ по теченію. Пришлый элементъ вліяетъ на осѣдлый, но, конечно, болѣе многочисленный осѣдлый элементъ имѣетъ возможность вліять на пришлый быстрѣе и сильнѣе. Если не всегда это вліяніе, это сліяніе представляетъ соціальныи плюсъ, то это не измѣняетъ неизбѣжности самаго факта. Неудивительно, что это вліяніе оказывается и въ области развлеченій и отдыха. Я уже указалъ, насколько колеблется подъ американскимъ вліяніемъ еврейская трезвость. Уже замѣчается во второмъ поколѣніи евреевъ страсть къ американской игрѣ въ мячъ. Появились уже знаменитые еврейскіе боксеры. Удивительно ли, что начали появляться еврейскіе music halls. Американскій music halls—вульгарное подобіе французскаго кафе-шантана или варьете. Но въ то время, какъ въ Россіи къ Омону или въ Салонъ-де-Варьете люди шли (по крайней мѣрѣ въ мои годы) съ опаской и предпочитали не быть узнаваемыми, и среди публики преобладали студенты, гимназисты, старые холостяки да „эти дамы“, американская публика считаетъ music halls вполне приличнымъ мѣстомъ развлечения. Въ music hall'ѣ разрѣшается пить и курить, и это главное. А на сценѣ обычное меню варьете, женщины, подъ различными костюмами или совсѣмъ безъ оныхъ, всякія чудеса въ рѣшетѣ. Music halls бывають разные: болѣе аристократическіе, и болѣе демократическіе.

Всѣ одинаковы пошлы; но вторые въ добавокъ болѣе вульгарны. Въ первыхъ, въ виду присутствія женщинъ въ публикѣ, на сценѣ практикуется нѣкоторое воздержаніе въ словахъ и жестяхъ. И поэтому, помимо культивированія женщины на сценѣ, здѣсь еще появляются акробаты, фокусники, клоуны и всякіе подобные ловкачи.

На низшей ступени стоятъ такъ называемые бесплатные music halls, куда входъ былъ бесплатный, но публика *обязана* пить. Надо полагать, что эта система была антрепренерамъ выгоднѣе формальной платы. Одно время эти бесплатные музыкальные залы были чрезвычайно популярны, и тогда являлись ширмой для домовъ терпимости. Въ послѣдніе годы полиція прижала содержателей этихъ „музыкальных“ заведеній, и большинство изъ нихъ закрылось. Но самое крупное изъ этихъ дешевыхъ учреждений, сохранившее чистую репутацію, помѣщается въ сердцѣ еврейскаго гетто, рядомъ съ еврейскимъ театромъ, такъ называемый Atlantic Garden. Никакого сада здѣсь, конечно, не было, а былъ лишь огромнѣйшій залъ, гдѣ одновременно могло пить пиво съ тысячу человекъ, и небольшая эстрада, на которой то акробаты боролись, то пѣвица хриплымъ голосомъ напѣвала нѣсколько скабрёзные куплеты, или дѣвица слегка канканировала; словомъ, все происходило весьма чинно и прилично, и поэтому въ народной массѣ считалось вполне приличнымъ придти сюда съ женой и дѣтьми.

Что съ наплывомъ еврейской иммиграціи, въ девяностые годы, Atlantic Garden сталъ очень популярнымъ среди молодого еврейскаго поколѣнія, уже смѣявшагося надъ длиннородыми отцами и умѣвшаго уже говорить по-англійски, страшно неправильно; конечно, этому не приходится удивляться. Это была первая цѣна американизаціи, и съ ней трудно было бороться даже Гордину съ его пьесами и социалистическому движенію съ его лекціями.

Но скоро къ Atlantic Garden появились и старомодные, длиннородые евреи, едва понимавшіе по-англійски; правда, характеръ представленія былъ таковъ, что не нужно было много понимать—достаточно было видѣть. Однако же остроты, и скабрёзные куплеты, все это, какъ хотите, теряетъ значительно,—если вся острота и пряность пропадаютъ.

И вотъ комбинація американизаціи съ націонализмомъ вызываетъ къ жизни совсѣмъ своеобразный фруктъ, подобнаго которому навѣрно нѣтъ во всемъ остальномъ мірѣ: это „еврейскій music hall“—еврейскій не только по характеру публики, но и по оффиціальному, такъ сказать, языку сцены.

Что это явление любопытно, отрицать нельзя. Я помню, въ какое веселое настроеніе такой music hall привелъ моего брата, прїѣхавшаго навѣстить насъ въ Америку изъ сердца черноземной Россіи. Эти еврейскія шансонетки, маленькія пьески, еврейскіе парни, лихо отплясывающіе ирландскаго трепака, и вся еврейская публика, засѣдающая у столиковъ, съ шляпами, бойко закинутыми на затылокъ, за пивомъ, и съ сигарой въ зубахъ—все это довольно занимательное зрѣлище для русскаго человѣка. Но даже остроумныя еврейскія „хохмель“ не могутъ служить компенсаціей за ту вулгарность и пошлость, которую music halls вносятъ въ еврейскую жизнь. Music halls отнимаютъ публику или у театровъ, или у митинговъ и собраній. Обставленные бѣдно и располагающія лишь скверной музыкой и очень посредственными артистами, music halls приближаются къ типу самыхъ дешевыхъ англійскихъ учрежденій этого характера, и конечно они рассчитаны на болѣе бѣдную публику, потому что болѣе богатая научилась патронизировать аристократическіе американскіе music halls.

Но факта отрицать нельзя. Популярность еврейскихъ music halls растетъ, и растетъ быстрѣе даже, чѣмъ еврейскіе театры. Однимъ изъ нежелательныхъ послѣдствій этого является ростъ потребленія спиртныхъ напитковъ. Года два—три тому назадъ существовавшіе одинъ или два music hall'a еще влачили жалкое существованіе, и успѣхъ ихъ еще былъ сомнителенъ. Когда я посѣтилъ Нью-Йоркъ пришлымъ лѣтомъ, ихъ уже насчитывалось четыре, а въ послѣдній визитъ мой, текущей зимою, я убѣдился, что music halls сдѣлались такимъ же постояннымъ учрежденіемъ, какъ кофейни, ими начинала интересовываться даже интеллигенція, и если бы не экстраординарныя событія истекшей зимы, то успѣхъ ихъ былъ бы еще больше.

Новые music halls открываются каждую пару недѣль. Число этихъ акробатовъ, яко бы танцовщицъ, пѣвчихъ, и т. д. до того возрасло, что уже существуетъ „рабочій союзъ“ (трэдъ-юнионъ) еврейскихъ артистовъ music halls, который посылаетъ делегатовъ въ центральный совѣтъ еврейскихъ рабочихъ союзовъ, и образовался уже контръ-юнионъ, который обвиняетъ первый въ томъ, что онъ слишкомъ строго относится къ новымъ кандидатамъ, ищущимъ допущенія въ союзы, что старые коллеги не хотятъ признавать талантовъ молодыхъ коллегъ.

Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ „Zeit-Geist'a“ (новаго еженедѣльнаго еврейскаго журнала, о которомъ я писалъ въ моемъ

предыдущемъ очеркѣ) редакторъ его, Абрагамъ Каганъ посвятилъ нѣсколько очерковъ еврейскимъ music halls. Онъ удачно подмѣтилъ ту смѣсь „русскаго съ нижегородскимъ“, которую представляютъ всѣ эти music halls, гдѣ на еврейскомъ языкѣ поются переводы ирландскихъ и негритянскихъ неприличныхъ пѣсень. Особое вниманіе г. Каганъ обратилъ именно на этотъ неприличный характеръ пѣсень, жестикюляціи и т. д., все то, что придаетъ еврейскимъ music halls довольно низкопробный нравственный тонъ.

По поводу этого обвиненія на страницахъ „Vorwärts'a“ возгорѣлась полемика и печатались десятки писемъ отъ читателей. И изъ всей массы этихъ писемъ, несомнѣнно, наибольшій интересъ представляли нѣсколько писемъ отъ „обвиняемыхъ“, отъ пѣвичекъ въ music halls. Пѣвички съ большой искренностью бросили обвиненіе назадъ въ лицо публикѣ. „Вы сами, господа, виноваты, если music halls неприличны, — писала одна. Вамъ преподносятъ товаръ, который вамъ нравится. Многія артистки, съ дѣйствительными талантами, начинаютъ свою карьеру на подмосткахъ music halls съ твердымъ намѣреніемъ удерживаться въ предѣлахъ приличнаго. И что же? Когда она поетъ какую-нибудь вполне приличную, музыкальную пѣсню, ее провожаютъ гробовымъ молчаніемъ. А запоетъ она какую-нибудь скабрзную, пакостную вещицу, ее провожаютъ громовыми аплодисментами и вызываютъ на бисъ. А аплодисменты это для насъ долгій контрактъ, повышенное жалованіе, т. е. вопросъ о средствахъ къ существованію. И тутъ подъ рукой антрепренеръ уговаривать, сердится. Вотъ поэтому мы преподносимъ вамъ то, что вы дѣйствительно хотите. Неприличны, music halls, неприлична публика“.

Русскій театръ.

Въ текущую зиму въ еврейскомъ гетто Нью-Йорка подвизается постоянная русская труппа, существуетъ постоянный русскій театръ. Если мы не ошибаемся, это первый постоянный русскій театръ за-границей. Честь содержанія такого театра выпала на долю толпы изгнанниковъ изъ Россіи, русскихъ евреевъ. Такова иронія исторіи! И русскій театръ сдѣлался важнымъ факторомъ культурной жизни русско-еврейской колоніи въ Нью-Йоркѣ.

На темной и мрачной „4-ой улицѣ“ теперь электрическими лампочками горитъ вывѣска—Orleneff! Russian Theatre. Труппа Орленева имѣетъ свою краткую, весьма интересную исторію. Она выѣхала изъ Россіи прошлой весной съ ограниченной цѣлью позна-

комить европейскую публику съ сильной драмой Чирикова „Евреи“, съ которой Россія получила возможность познакомиться, если не ошибаюсь, очень недавно. Триумфальное шествіе этой труппы по Европѣ, ея удивительный успѣхъ въ Берлинѣ и Лондонѣ достаточно были отмѣчены во всей русской прессѣ, какъ общей, такъ и еврейской. Не только драма своей современностью и жизненной правдой увлекла европейскихъ критиковъ и публику, но и удивительная игра русской труппы. Однако, и въ Берлинѣ, и въ Лондонѣ труппа не пошла далѣе гастролей съ одной пьесой, а о спектакляхъ труппы въ Нью-Йоркѣ, который былъ главнымъ назначеніемъ, и гдѣ она осталась на нѣсколько мѣсяцевъ—въ русскую печать почему-то не проникло ни строки.

А между тѣмъ во многихъ отношеніяхъ гастролы въ Нью-Йоркѣ были наиболѣе интереснымъ. Въ Европѣ труппа играла „Евреевъ“ передъ чужими, нѣмцами, американцами, съ небольшою примѣсью русскихъ эмигрантовъ. Приблизительно передъ такъ же публикой были даны первые спектакли въ Нью-Йоркѣ, прежде чѣмъ русско-еврейская колонія разузнала о пріѣздѣ труппы,—потому что характерной русской беззаботностью и безалаберностью, которой не помогло и присутствіе въ труппѣ нѣсколькихъ евреевъ—труппа не позаботилась приготовить заранѣе Нью-Йоркъ къ своему пріѣзду.

Благодаря этой безалаберности труппа пережила многія мытарства, не находя постоянного мѣста, и наконецъ вынуждена была перекочевать въ еврейскую часть города и положиться исключительно на еврейскую публику.

По крайне досадному стеченію обстоятельствъ, мнѣ не пришлось увидѣть труппы въ „Еврейхъ“ Чирикова. Но на врядъ ли бы стоило здѣсь еще разъ описывать эту пьесу, и игру Орленева, съ его труппой въ ней, потому что это въ русскихъ газетахъ было описано уже десятки разъ. Но когда пьеса разыгрывалась на сценѣ, въ аудиторіи разыгрывались драмы.

Когда я пріѣхалъ прошлымъ лѣтомъ въ Нью-Йоркъ, то засталъ еще труппу, но „Евреевъ“ она уже ставила. Въ публикѣ однако чириковскіе „Евреи“ еще были живы, и каждый знакомый при первой встрѣчѣ спѣшилъ подѣлиться впечатлѣніями и воспоминаніями объ еврейхъ. Представьте себѣ, что должна была чувствовать толпа евреевъ, годами не видѣвшая, можетъ быть, своихъ близкихъ людей, и знавшая только, что въ Россіи подымается ужасный спектръ погромовъ! Говорили мнѣ, что истерики и обмороки были вполне ординарнымъ явленіемъ.

Рѣшивъ остаться за нѣсколько мѣсяцевъ и продолжая спектакли до конца іюля, труппа вынуждена была перейти къ другимъ пьесамъ. Къ сожалѣнію, репертуаръ былъ не изъ самыхъ удачныхъ, приспособленный отчасти къ случайному составу труппы, отчасти къ таланту Орленева, который представляетъ типъ русскаго артиста, любящаго своей игрой (несомнѣнно, великолѣпной) выматывать душу зрителя. Ставили „Преступленіе и Наказаніе“, „Братьевъ Карамазовыхъ“, ибсеновскіе „Призраки“, даже мизантропическую одноактную трагедію Стриндберга „Графиню Юлію“, но все это было, хотя и талантливо исполнено,—едва ли современно.

Тѣмъ не менѣе спектакли имѣли успѣхъ, и скоро создали свою публику, круги которой были, конечно, гораздо уже, чѣмъ публика „Евреевъ“, но за то гораздо постояннѣе. Если ядро ея составляла русско-еврейская профессиональная интеллигенція, то въ средѣ ея оказалась значительная масса еврейскихъ рабочихъ, роднымъ языкомъ которыхъ очевидно былъ не еврейскій, а русскій.

Несмотря на неудачный репертуаръ, русская труппа Орленева, несомнѣнно, оказала культурное вліяніе на жизнь русскаго еврейства въ Нью-Йоркѣ. Она заставила подтянуться и еврейскіе театры, оживила интересъ къ литературѣ и драмѣ и помогла поддерживать интересъ къ родинѣ Россіи. Въ то же время она послужила звеномъ между гетто и американскимъ населеніемъ Нью-Йорка. Какъ раньше театральные рецензенты американскихъ газетъ бѣжали смотрѣть пьесы Гордина, такъ теперь они, съ еще большей охотой, посѣщали спектакли русской труппы и притягивали къ русскимъ спектаклямъ даже американскую публику. Отъ похвалъ, которыя нью-іоркская пресса расточала игрѣ Орленева, главной артисткѣ Назимовой (еврейкѣ), и всей труппѣ, могла закружиться голова даже у самыхъ холодныхъ людей. И эта хвала была искренна, ибо совершенно не имѣла никакой финансовой подкладки. Такимъ образомъ, мы опять наталкиваемся здѣсь на иллюстрацію культурнаго воздѣйствія еврейскаго гетто, черезъ посредство русской труппы,—которую оно, гетто, содержало,—на американскую публику.

Какой энтузіазмъ Орленевъ со своей труппой вызвалъ въ русско-еврейской интеллигенціи можно судить по тому, что послѣдняя рѣшила, что ей нуженъ настоящій русскій театръ—первый постоянный русскій театръ.

И это рѣшеніе было далеко не платоническимъ. Энтузіасты

знали, что для организаціи постоянного театра нужны деньги, и большія; что нужно гарантировать труппѣ извѣстный доходъ. Надежды на меценатовъ, богатыхъ евреевъ, которыхъ думали заинтересовать русской труппой, какъ культурной силой не меньшаго значенія, чѣмъ библіотеки,—надежды эти не оправдались. Образовалось специальное драматическое общество имени Чехова, которое среди своей же братіи сѣумѣло собрать по подпискѣ порядочную сумму въ нѣсколько тысячъ долларовъ. Орленевъ отправился въ Россію для подбора труппы и аксессуаровъ. Когда онъ вернулся, возникъ вопросъ о театральномъ зданіи. Хотя ихъ было въ Нью-Йоркѣ около ста, нанять театръ вблизи еврейскаго квартала оказалось невозможнымъ; и когда я посѣтилъ Нью-Йоркъ въ декабрѣ, то нашелъ русскую труппу въ мизерномъ маленькомъ залѣ, который съ затратой крупныхъ суммъ былъ перестроенъ изъ music hall'a.

Финансовые расчеты на успѣхъ русской труппы не оправдались. Оттого ли, что исчезъ интересъ новизны, оттого ли, что кругъ энтузіастовъ, нуждавшихся въ русскомъ театрѣ, былъ не великъ, оттого ли, наконецъ, что событія въ Россіи отвлекли вниманіе наиболѣе русской части гетто отъ театра, и гнали ее чуть ли не ежевечерно на митинги, но послѣ нѣсколькихъ удачныхъ вечеровъ театръ опустѣлъ. И только на дняхъ я читалъ, что дѣла труппы приняли совсѣмъ критическое положеніе. Къ счастью ея, на помощь пришли дамы-патронессы—изъ высшаго нью-йоркскаго общества—(не еврейскаго!)—какъ Вандербильды и т. д.) устроили имъ два утренника въ одномъ изъ аристократическихъ театровъ въ Нью-Йоркѣ, давшіе имъ два великолѣпныхъ сбора. Ставили въ оба утренника опять чириковскихъ „Евреевъ“.

Въ послѣдній мой кратковременный визитъ въ Нью-Йоркъ мнѣ посчастливилось. Если на одной изъ еврейскихъ сценъ ставили въ еврейскомъ переводѣ „Евреевъ“ Чирикова, которыхъ я не пошелъ смотрѣть, то Орленевъ ставилъ русскій переводъ еврейской драмы Пинскаго—„Семейство Цви“. И я этого спектакля не пропустилъ, несмотря на дождь, слякоть, вѣтеръ—комбинацію, которая въ декабрѣ обѣщаетъ часто окончиться воспаленіемъ легкихъ.

Читатели „Восхода“ знакомы уже съ этой пьесой по напечатанному пространному разбору. Такая комбинація, какъ пьеса Пинскаго, талантъ Орленева, который игралъ дѣдушку Цви съ неменьшимъ искусствомъ, чѣмъ Раскольникова и царя Федора, и

по октябрьскія событія на югѣ Россіи—такая комбинація создаетъ силу, противъ которой трудно устоять самому черствому человѣку. Въ первый разъ въ теченіе 15-ти лѣтъ (со времени выѣзда изъ Россіи) пишущій эти строки не могъ удержаться отъ слезъ въ театрѣ.

Пьесу Пинскаго „Семейство Цви“ невозможно не сравнивать съ пьесой Чирикова. Въ обѣихъ стремленіе охарактеризовать различныя стремленія въ русскомъ еврействѣ: ассимиляторовъ, сіонистовъ, социалистовъ,—оба черпаютъ свое вдохновеніе въ послѣдней погромной стадіи исторіи русскаго еврейства. Оба несомнѣнно задумали свои пьесы послѣ перваго кишиневскаго погрома. То, что эти пьесы написаны на разныхъ языкахъ, не должно смущать, ибо мы теперь имѣемъ русскій переводъ „Семейства Цви“, и еврейскій переводъ чириковскихъ „Евреевъ“.

Несомнѣнно, что у Чирикова больше литературнаго опыта, и его драма получила лучшую отдѣлку. Пьесу Пинскаго одинъ рецензентъ въ нью-йоркскомъ „Vorwärts“ назвалъ „великолѣпной, но одинокой колонной недооконченнаго зданія“. Разница, можетъ быть, именно въ томъ, что Пинскій—еврей, а Чириковъ—не еврей. Чирикову, какъ не еврею, понятны и интересны только новѣйшія теченія духовной жизни,—различныя „измы“. Еврейское прошлое его не интересуетъ, и онъ не можетъ относиться къ нему поверхностно. Пинскій знаетъ, конечно, и самыя радикальныя теченія, да и самъ принадлежитъ къ радикальнымъ элементамъ. Но какъ художника, его интересуетъ въ этой пьесѣ, главнымъ образомъ, трагедія банкротства стараго еврейства, представленнаго въ лицѣ дѣдушки. Къ промежуточной, капиталистической стадіи, обрисованной въ лицѣ отца, банкира и даже сына банкира онъ относится съ заслуженнымъ презрѣніемъ. Для новѣйшихъ тенденцій въ драмѣ не остается мѣста, и онѣ очерчены поверхностно. Въ сущности это драма не „Семейства Цви“, а лишь дѣдушки Цви. И зато что художникъ рѣшилъ сконцентрировать свое вниманіе на одной драмѣ—драмѣ „честнаго еврея“—его попрекать не приходится. Но въ осуществленіи этой задачи у Пинскаго есть несомнѣнныя длинноты и повторенія, которыя являются результатомъ недостатка литературнаго опыта. Послѣ перваго акта вся остальная пьеса представляетъ, какъ вагнеровская опера, развитіе и варіаціи одной темы. Человѣку, хорошо знающему еврейскую жизнь, это медленное развитіе драмы, это постепенное сгущеніе красокъ съ одного акта до другаго понятны и интересны; въ особенности, по нынѣшнимъ временамъ, тому, кто

слѣдить за перипетіями борьбы внутри еврейства. Постороннему же драма не может не казаться слишкомъ сконцентрированной.

Но за то дѣйствительнаго художественнаго чутья Пинскій показалъ въ своей пьесѣ больше, чѣмъ Чириковъ. Какая нужна была сила характера, чтобы избѣжать искушенія вывести на сцену настоящій погромъ съ хулиганами, красными рубашками, выпусканіемъ перьевъ, револьверными выстрѣлами и т. д. Какое впечатлѣніе можно произвести на публику, и въ особенности еврейскую! Мелодраматическій матеріалъ такой сцены прямо неисчерпаемъ. Даже такой крупный художникъ, какъ Чириковъ, не избѣжалъ этого искушенія, поддался ему. А Пинскій сумѣлъ спастись и съ художественной, литературной точки зрѣнія. Спасибо ему за это настоящее литературное чутье таланта. Погромъ происходитъ во все время пьесы. Онъ начинается уже во время перваго акта, и камень погромщика, убивающій дѣдушку, кончаетъ пьесу. Но погромъ происходитъ за сценой: на сцену же не выступаетъ ни одинъ погромщикъ. Поэтому на сценѣ развертывается не драма кулаковъ и мордобитія, а болѣе тяжелая драма въ душѣ дѣдушки—крушеніе вѣрованій и старозавѣтныхъ убѣжденій.

Игра Орленева прямо удивительна. Вчерашній „лакей“ въ „Графинѣ Юліи“ Стриндберга, или чертъ „Призраковъ“, или царь Федоръ, или Раскольниковъ—онъ беретъ за роль дѣдушки, и проводитъ ее правдиво и трагически. Его гримъ великолѣпенъ, и даже русскій говоръ въ этой пьесѣ отзывается еврейскимъ произношеніемъ. Такъ какъ настоящій сезонъ для Орленева не особенно успѣшный, то онъ вѣроятно вернется въ Россію. Пожелаю, чтобы русская публика познакомилась съ талантливой пьесой Пинскаго въ его исполненіи.

И. Рубиновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ иностранной литературы.

Еврей въ новомъ романѣ *Рудольфа Штраца*.

...Это очень интересный, живо написанный, мѣстами—полный неподдѣльнаго драматизма романъ, лишній разъ показывающій, что въ лицѣ Рудольфа Штраца современная нѣмецкая беллетристика располагаетъ, дѣйствительно, яркимъ и сильнымъ дарованіемъ... Если въ самомъ началѣ его литературной дѣятельности могло показаться, что онъ слишкомъ разбрасывается, пробуетъ свои силы во всѣхъ жанрахъ, иногда старается только привлечь вниманіе публики чѣмъ-нибудь необычайнымъ и эксцентричнымъ, то съ теченіемъ времени онъ сдѣлался вполне опредѣленною, цѣльною и безусловно интересною фигурою въ германскомъ литературномъ мірѣ, заявивъ себя убѣжденнымъ реалистомъ, подчасъ даже съ извѣстнымъ тяготѣніемъ къ натурализму. Прекрасный изобразитель столичной жизни, воздѣлывавшій „романъ изъ берлинскихъ нравовъ“ почти какъ особый литературный жанръ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, способенъ воссоздавать и жизнь провинціи, съ ея разнообразными теченіями. Онъ знакомитъ насъ и съ политическими нравами или предвыборной агитаціей („Die letzte Wahl“), и съ военнымъ міромъ, и съ міросозерцаніемъ клерикально-феодалныхъ круговъ провинціи („Die ewige Burg“), и съ бытомъ актеровъ („Die kleine Elten“). Все это изображено очень живо, правдиво, безъ всякой чопорности или боязливаго умолчанія о тѣхъ или другихъ житейскихъ явленіяхъ; въ иныхъ случаяхъ Штрацъ больше подходитъ къ своимъ французскимъ собратьямъ по перу, чѣмъ ко многимъ нѣмецкимъ литераторамъ. Нѣкоторыя главы изъ романа „Die letzte Wahl“ можно сопоставить съ картинами французской политической жизни въ „Парижѣ“ Золя и „Опорѣ семьи“ Додэ.

Новѣйшій романъ Штраца—„Gieb mir die Hand“—можетъ быть

поставленъ наравнѣ съ наиболѣе содержательными и талантливо написанными произведеніями того же автора. Для русскаго читателя онъ представляетъ, сверхъ того, особенный интересъ, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ Одессѣ, и шумная, разнообразная жизнь южно-русскаго города довольно ярко отразилась въ немъ. Романистъ, видимо, самъ бывалъ въ Одессѣ, знаетъ хорошо планъ города, названія улицъ, общій характеръ окрестностей, составъ разноплеменной толпы, наполняющей наиболѣе людныя мѣста, нравы портовыхъ рабочихъ, но въ особенности дѣятельность коммерческаго міра, занятаго грандіозными спекуляціями, вмѣщающаго въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ національностей, — русскихъ, евреевъ, грековъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, — кишащаго, точно муравейникъ и постоянно охваченнаго лихорадочнымъ возбужденіемъ. Сюжетъ романа связанъ съ вопросомъ о хлѣбномъ экспортѣ, столь важномъ для коммерческихъ круговъ Одессы. Если бы не безусловный талантъ автора, ему едва-ли удалось бы заинтересовать мало подготовленнаго читателя перипетіями тѣхъ тревогъ, которыя приходится выносить мѣстнымъ фирмамъ, въ чьихъ рукахъ находится вывозъ русскаго хлѣба за границу, — въ такую пору, когда, въ виду недорода, возникаетъ вопросъ о полномъ воспрещеніи подобнаго вывоза, вслѣдствіе чего иные торговые дома, въ особенности тѣ, которые запродали впередъ русскій хлѣбъ, могутъ раззориться въ нѣсколько дней. Но Штрацъ такъ живо и талантливо изображаетъ всю эту суматоху, опасенія, тревожное ожиданіе телеграммъ изъ Петербурга, съ особымъ, скрытымъ смысломъ, панику въ экспортныхъ конторахъ, въ гавани, въ кабинетахъ крупнѣйшихъ негоціантовъ, отчаянныя попытки что-нибудь спасти и поправить хоть нѣсколько свои дѣла, впечатлѣніе, произведенное окончательною телеграммою о воспрещеніи, влекущую за собою самоубійство нѣкоторыхъ купцовъ, — что даже лица, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ торговому міру и мало знакомыя съ нимъ, прочтутъ инныя сцены съ громаднымъ интересомъ, не ослабѣвающимъ до самаго конца.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы русская жизнь вполне отразилась въ „Gieb mir die Hand“. Прежде всего, здѣсь затронуты не всѣ слои мѣстнаго общества, — на примѣръ, совершенно отсутствуетъ интеллигенція; затѣмъ всѣ главныя дѣйствующія лица все же — нѣмцы, — хотя многіе изъ нихъ уже въ значительной степени обрусѣли; въ одномъ случаѣ авторъ переноситъ даже мѣсто дѣйствія въ нѣмецкую колонію, расположенную среди степи, недалеко отъ Одессы, и набрасываетъ довольно любопытную картину жизни

этихъ колонистовъ. Но все, что онъ сообщаетъ о русскихъ нравахъ, выгодно отличается отъ многихъ другихъ произведеній нѣмецкой, французской или англійской литературы, авторы которыхъ изъясляли притязанія на близкое знакомство съ русскою дѣйствительностью. Извѣстно, что иные романы и пьесы этой категоріи нельзя было читать безъ улыбки,—такъ много было въ нихъ всевозможныхъ ошибокъ, фантастическихъ деталей, путаницы, анахронизмовъ, которые тотчасъ же бросались въ глаза русскому читателю. Въ этомъ отношеніи романъ Штраца стоитъ неизмѣримо выше; если нѣкоторыя явленія могли бы быть освѣщены по другому, если въ народной массѣ авторъ видитъ, на примѣръ, только невѣжественную чернь, способную устраивать погромы, и новыя теченія какъ бы ускользаютъ отъ его вниманія, — то, въ общемъ, мы все же не найдемъ у него грубыхъ ошибокъ, смѣшенія понятій, безцеремоннаго обращенія съ собственными именами, произвольнаго освѣщенія народной психологіи — словомъ, всего того, что такъ часто попадалось раньше въ мнимо-этнографическихъ романахъ изъ русской жизни.

Изображая разноплеменное, космополитическое населеніе Одессы, Штрацъ, естественно, долженъ былъ остановиться и на еврейскомъ элементѣ, на его роли въ мѣстной жизни, на его отношеніи къ другимъ національностямъ. И въ этомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы авторомъ была вполне исчерпана затронутая имъ тема, чтобы всѣ теченія, сказывающіяся въ современномъ еврействѣ, были имъ отмѣчены; напротивъ, — многихъ сторонъ еврейской жизни онъ не касается вовсе, и существованіе еврейскаго пролетаріата почти игнорируется имъ. Въ его оправданіе можно только сказать, что главною его задачей было изображеніе купеческаго міра, быта спекулянтовъ, маклеровъ, скупщиковъ, торговыхъ агентовъ и т. д. Но, отмѣчая извѣстные пробѣлы, нельзя все же не воздать должнаго Штрацу, какъ писателю, съумѣвшему говорить объ евреяхъ вполне спокойно, трезво и безпристрастно. Въ противоположность Кларѣ Фибигъ, которая въ своемъ романѣ „Das schlaffende Heer“ не могла все же удержаться отъ нѣкоторыхъ юдофобскихъ нотокъ, изображая положеніе дѣлъ въ Познани *), — Штрацъ, обрисовывая несимпатичныя стороны нѣкоторыхъ евреевъ, отнюдь не хочетъ, однако, утверждать, чтобы это были какія-нибудь „національныя“ свойства, и

*) См. нашу статью: „Изъ иностранной литературы: Евреи въ новомъ романѣ Клары Фибигъ“ („Книжки Восхода“, 1904 г., XI).

чтобы представители другихъ племенъ и народовъ стояли неизмѣримо выше. Основа романа—характеристика міра спекуляцій, отчаянной борьбы за существованіе или погони за наживою; въ большомъ количествѣ это производитъ удручающее впечатлѣніе, — но въ этой „пляскѣ вокругъ золотого тельца“ принимаютъ участіе, являясь безусловными единомышленниками, евреи наравнѣ съ итальянцами, греки—съ такимъ же рвеніемъ, какъ французы!.. Совсѣмъ какъ въ романѣ Золя „Деньги“, гдѣ люди различныхъ національностей, иногда желающіе даже прикрыться извѣстною идеей, въ сущности, почти ничѣмъ не рознятся другъ отъ друга, такъ какъ у нихъ есть только одна сильная страсть, поглощающая всѣ ихъ интересы и стремленія: желаніе разбогатѣть; они хотятъ одержать верхъ надъ соперникомъ, осуществить свои планы и комбинаціи, чего бы это ни стоило, рисковать всѣмъ, въ надеждѣ на конечный успѣхъ, иногда испытывая даже что-то въ родѣ опьянѣнія или находя, подобно Саккару, извѣстную поэзію въ добычаніи милліоновъ.

Въ романѣ Штраца передъ нами проходитъ нѣсколько евреевъ—представителей коммерческаго міра, по большей части принадлежащихъ, однако, къ числу второстепенныхъ дѣятелей этого міра, которымъ распоряжаются немногіе крупные воротилы. Таковъ, на примѣръ, Мовша Мицмахеръ, служащій въ хлѣбной конторѣ „Зандбауеръ и сынъ“, молодой человекъ, необыкновенно дѣятельный, подвижной, ловкій, до извѣстной степени уже деморализованный окружающей средою, быстро идущій впередъ и оправдывающій надежды своихъ учителей, которые тоже провели всю свою жизнь въ атмосферѣ спекуляцій, борьбы, риска, конкуренціи... Рядомъ съ нимъ показывается фигура маклера по продажѣ хлѣба, Вольфа Шрейермана, человека, съ которымъ должны, волей-неволей, считаться всѣ тѣ, кто имѣетъ отношеніе къ хлѣбной торговлѣ, въ виду того, что онъ является очень важнымъ и желательнымъ посредникомъ. Вотъ Янкель Авербухъ, повѣренный и главный совѣтникъ милліонера Чешенко, который, при всемъ своемъ хитроуміи и житейскомъ опытѣ, постоянно прибѣгаетъ къ его услугамъ, желаетъ знать его мнѣніе, полагаясь на его практическое чутье, знаніе людей и умѣніе обращаться съ ними: правда, то довѣріе, оказываемое милліонеромъ Авербуху, въ иныхъ случаяхъ не избавляетъ послѣдняго отъ униженія, отъ необходимости выслушивать иногда сердитый окрикъ или—играть роль паразита при богатомъ милостивцѣ... Приверженецъ трезваго реализма не останавливается передъ изображеніемъ самыхъ непріятныхъ

подробностей, романистъ остается вѣрнымъ себѣ и при характеристикѣ еврейскаго міра; насъ не удивитъ поэтому, если мы встрѣтимъ въ одномъ случаѣ описаніе спора двухъ маклеровъ, обсуждавшихъ вопросъ о предстоящемъ воспрещеніи вывоза хлѣба и мало-по-малу дошедшихъ, подъ вліяніемъ общаго возбужденія, разлитаго въ воздухѣ, до взаимныхъ колкостей, брани, чуть не побоевъ... Вотъ окончаніе этой печальной, томительной сцены, которую мы приводимъ въ подлинникѣ, чтобы сохранить особенности рѣчи дѣйствующихъ лицъ:

— Wellt'r mich efscher betriegen? Wellt'r mich machen mechulle?

— Ha-schem jischweraini! Das sen faule Drasches! Ihr seid ungeizwaafelt schicker!

— Und Ihr meschügge!

— Chüzpe!

— Asses ponim!

— Chost a Cheischik uf Makkes?..

— Jach schabber der alle Bein im Guff“...

Эта удручающая сцена прекращается только благодаря вмѣшательству посторонняго лица, убѣждающаго спорящихъ опомниться, постыдиться своего гнѣва, не привлекать вниманія публики своимъ столкновеніемъ на улицѣ... „Habt busche! was sind das für Mochloikes fen jidische Balbossim?“ Чтобы вполне справедливо отнестись къ подобной сценѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что авторъ отнюдь не дѣлаетъ изъ нея никакихъ выводовъ, оскорбительныхъ для евреевъ, какъ цѣлаго народа; онъ отбѣиваетъ тотъ фактъ, что здѣсь спорятъ просто — два человѣка, охваченныхъ тревогою за завтрашній день, страшащихся раззоренія, наконецъ, задѣтыхъ за живое. Мы вскорѣ увидимъ, что въ томъ же самомъ кругу онъ нашелъ и свѣтлый, положительный образъ идеалиста-мечтателя.

Картина одесской жизни и въ частности — быта еврейскаго населенія была бы, конечно, далеко не полна, если бы романистъ не коснулся такой печальной стороны мѣстной дѣйствительности, какъ еврейскіе погромы. Главная героиня романа, Лиза Зандбауеръ, жена одесскаго коммерсанта-иѣмца, занимающагося продажей пшеницы, сталкивается съ этимъ ужаснымъ явленіемъ въ самомъ началѣ романа, когда она возвращается въ грустномъ и тревожномъ настроеніи изъ-за границы, зная, что ей предстоитъ снова встрѣтиться съ мужемъ, который ее не любитъ, не понимаетъ, подчасъ возмущаетъ своею черствостью, эгоизмомъ и распущенностью. По дорогѣ съ вокзала, куда онъ счелъ все же нужнымъ выѣхать, чтобы ее встрѣтить, Зандбауеръ очень спокойнымъ и не-

возмутимымъ тономъ рассказываетъ ей о недавнемъ погромѣ, который въ его глазахъ представляетъ собою явленіе совершенно неизбежное, періодически повторяющееся, почти нормальное...

Въ одномъ мѣстѣ г-жа Зандбауеръ сама видитъ ужасную, томительную картину и тотчасъ воссоздаетъ въ своемъ умѣ все то, что здѣсь произошло.

„Здѣсь жили, по большей части, мелкіе торговцы - евреи въ жалкихъ, грязныхъ лавочкахъ и каморкахъ. Ни одного куска стекла тутъ не осталось. Даже деревянные рамы были разрушены камнями, которые бросали босяки и хулиганы изъ гавани. Только тамъ, гдѣ въ окна поставленъ былъ крестъ или икона, громили перескакивали черезъ одинъ домъ, чтобы въ слѣдующемъ приняться съ удвоеннымъ усердіемъ за грабежъ... Отдѣльные бѣлые хлопья носились по воздуху: это были остатки растерзанныхъ перинъ! Въ одномъ мѣстѣ на мостовой видны были два коричневыхъ пятна, каждое -- величиною съ тарелку; люди проходили по засохшей крови, не обращая на нее вниманія, или же стояли, бесѣдуя между собою, передъ магазинами, которые снова открылись... Вообще улица опять приняла свой обычный видъ...

— Что же, много евреевъ было при этомъ ранено? — съ тревогою спросила Лиза.

Ея мужъ пожалъ плечами. Онъ не зналъ этого. *Къ тому же, это очень мало интересовало его!..*

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Штрацъ касается подобныхъ погромовъ, равнодушнаго отношенія значительной части общества къ страданіямъ евреевъ, попустительства властей, онъ вполне оправдываетъ наши ожиданія, стоя на почвѣ гуманности, протестуя противъ нетерпимости и человѣконенавистничества.

* * *

На фонѣ шумнаго, пестраго, суетливаго, кишашаго точно муравейникъ, коммерческаго міра Одессы рельефно выдѣляется симпатичная и оригинальная фигура еврея-мечтателя, Сруля Фрейдкинда, о которомъ авторъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ романа рассказываетъ намъ много интереснаго, видимо считая его заслуживающимъ особаго вниманія и сочувствія, хотя онъ принадлежитъ къ второстепеннымъ дѣйствующимъ лицамъ и не играетъ выдающейся роли въ фабулѣ. „Gieb mir die Hand“. Фрейдкиндъ служитъ бухгалтеромъ у фирмы „Зандбауеръ и сынъ“ и неоднократно обнаруживаетъ рѣдкую преданность своимъ хозяевамъ и готовность отстаивать ихъ интересы, какъ свои собственные. Онъ служилъ еще при отцѣ теперешняго владѣльца фирмы, прекрасно изучилъ

всѣ ея дѣла и является самымъ надежнымъ оберегателемъ ея благосостоянія, способнымъ подавать хорошіе совѣты, во время предостерегать, въ виду своего долгодѣтнаго опыта, отъ неосторожныхъ, рискованныхъ шаговъ. Когда старикъ Зандбауеръ умираетъ, и его сынъ беретъ на себя завѣдываніе всѣми дѣлами, Фрейдкиндъ остается на своемъ посту, вѣрный памяти того, кому онъ всегда былъ преданъ, — несмотря на то, что далеко не всѣ мѣропріятія молодого хозяина ему симпатичны и кажутся цѣлесообразными. Онъ, въ значительной степени, является добрымъ гениемъ торговаго дома, и всѣ инстинктивно опасаются того момента, когда онъ, наконецъ, уйдетъ на покой, и на сцену выступятъ новыя лица, быть можетъ, очень дѣятельныя, но не отличающіяся такою безукоризненною честностью и порядочностью.

Но все же не эта сторона жизни и дѣятельности Фрейдкинда дѣлаетъ его особенно интереснымъ для насъ, выдѣляя его изъ толпы разнообразныхъ представителей одесскаго коммерческаго міра, выведенныхъ въ романѣ. Если бы онъ былъ только честнымъ, безкорыстнымъ служащимъ, его духовный міръ едва ли привлекъ бы въ такой степени вниманіе автора. Но дѣло въ томъ, что Фрейдкиндъ, занимаясь сухою практическою дѣятельностью, повидимому, всецѣло погруженный въ денежные расчеты, выкладки, итоги, въ то же время, въ глубинѣ души тяготится всѣмъ этимъ и лелѣетъ завѣтную мечту, не имѣющую ничего общаго съ процвѣтаніемъ или упадкомъ одесской хлѣбной торговли и спекуляціями Зандбауера—сына. Передъ нами—одинъ изъ тѣхъ мечтателей новаго гетто, которыхъ охотно выводятъ современные нѣмецкіе беллетристы, изображающіе еврейскую жизнь *). Въ самой прозаической обстановкѣ, въ сутолокѣ будничной жизни, окруженные людьми, которые неспособны ихъ понять, эти мечтатели, повидимому, заняты тѣмъ же, чему отдаютъ свои силы и всѣ окружающіе, создаютъ себѣ извѣстный миражъ, заманчивый и чарующій, и съ его помощью легче переносятъ всѣ житейскія невзгоды, всѣ удары судьбы. Въ дѣловой атмосферѣ купеческой конторы или лавки, въ узкихъ, длинныхъ улицахъ прежняго еврейскаго квартала, въ водоворотѣ биржи или въ сыромъ, темномъ подвалѣ, гдѣ ютится бѣдность, для этихъ мечтателей не все кажется безотраднымъ, сырымъ или томительнымъ, потому что среди

*) См. нашу статью „Мечтатели и идеалисты современнаго германскаго еврейства“ („Книжки Восхода“, 1902 г., IX—X).

мрака и прозы ихъ манить къ себѣ блуждающій огонекъ мечты и фантазіи, скрашивающій будничную жизнь...

У Фрейдкинда тоже есть своя мечта, отъ которой онъ никогда не отрѣшается, хотя и занимается усердно практическою дѣятельностью и поневолѣ долженъ откладывать надолго существованіе своихъ грезъ. Всѣ, кто его ближе знаетъ, невольно преклоняются передъ его сосредоточенностью и убѣжденностью, передъ этимъ умѣніемъ жить мечтами, хотя бы и связанными всецѣло съ прошлымъ, не имѣющими ничего общаго съ идеалами современнаго человѣчества... Въ первый разъ мы узнаемъ о Фрейдкиндѣ изъ словъ Николая Зандбауера, который тоже относится къ нему съ невольнымъ уваженіемъ, хотя и не вполне понимаетъ его натуру. Зандбауеръ рассказываетъ своей женѣ о томъ, что ихъ бухгалтеръ можетъ въ ближайшемъ будущемъ скрыться съ горизонта. „Вѣдь онъ только и мечтаетъ о томъ, чтобы отрѣшиться отъ всей мірской сцены и, поселившись гдѣ-то тамъ, въ Галиціи, въ своемъ родномъ мѣстечкѣ, между Пшемыслемъ и Тарнополемъ, сдѣлаться ученымъ талмудистомъ“.

Вотъ, какъ описываетъ Штрацъ, первое появленіе этого своеобразнаго, угрюмаго и замкнутаго на видъ человѣка:

„Вскорѣ послѣ этого на порогъ показался Сруль Фрейдкиндъ, длинный и худой, точно привидѣніе, нарочно сгибавшій свое туловище; надъ узкими, покатыми плечами виднѣлось длинное, некрасивое лицо,—съ поразительными по красотѣ, печальными глазами. Фрейдкиндъ всегда былъ печаленъ! Онъ тосковалъ по жалкому мѣстечку въ Галиціи, гдѣ его отецъ и дѣдъ были раввинами, и онъ самъ уже готовился къ тому, чтобы сдѣлаться знатокомъ Писанія. Но для этого не хватило средствъ! Онъ долженъ былъ отправиться на чужбину, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ, но страстно ждалъ той минуты, когда у него будетъ достаточно денегъ, чтобы поселиться, вернувшись въ родное мѣстечко, въ маленькой комнатѣ, точно отшельникъ въ своей кельѣ, и проводить цѣлые дни надъ Талмудомъ и его толкованіями, сдѣланными, много вѣковъ тому назадъ, такими лицами, какъ Kaz ben Salomo или Gerschom ben Ellieser, для еврейской общины Вормса или Праги,—да и самому быть, если не раввиномъ, то, по крайней мѣрѣ, основательнымъ знатокомъ закона, Talmid-Chachochim и Val-Toire“.

Рудольфъ Штрацъ неоднократно называетъ Фрейдкинда „Ага-сферомъ“; ему представляется, что этотъ высокій, худой, блѣдный отъ постоянного сидѣнія въ душной комнатѣ человѣкъ, съ узкою,

впалою грудью и задумчивыми, печальными глазами, является какъ бы олицетвореніемъ всего еврейскаго народа, съ его скитаніями, страдальческою участію, борьбою за существованіе, склонностью къ мечтательной экзальтаціи. Когда кто-нибудь отваживается подтрунивать надъ Фрейдкиндомъ или хочетъ заставить его выйти изъ своей обычной замкнутости и загадочности и поговорить о текущихъ дѣлахъ, это обыкновенно кончается полною неудачею. „Ну, господинъ Фрейдкиндъ,—спрашиваетъ его въ одномъ случаѣ родственникъ Зандбауеровъ, Гаазъ, нѣмецъ-коммерсантъ, жившій раньше въ Сибири,—что вы скажете о томъ, что теперь происходитъ?“ Онъ ожидаетъ отвѣта, но бухгалтеръ-мечтатель отвѣчаетъ именно такъ, какъ можно было предполагать, зная его натуру...

Фрейдкиндъ на секунду закрылъ свои чудные, грустные глаза...

— Я ничего не скажу... У насъ есть пословица: Schtike is a toiwe Sach'vor a Chochem,—молчаніе - хорошая вещь для мудреца.

— Это вѣрно,—произнесъ своимъ медвѣжьимъ басомъ сибирякъ.

— ...un mehr noch von a Schoite,—а тѣмъ болѣе—для глупца, закончилъ бухгалтеръ...

— Съ этимъ взглядомъ вы не далеко уйдете въ свѣтъ, господинъ Фрейдкиндъ!

— Свѣтъ!—говоря это, Агасферъ приподнялъ, въ знакъ глубочайшаго презрѣнія, свои покатыя плечи и затѣмъ снова опустил ихъ.—Объ этомъ тоже сказано въ Писаніи: Der Oilom is bi-de Schoitim! Свѣтъ въ рукахъ глупцовъ!.. Мнѣ лично онъ внушаетъ отвращеніе. Когда я еще былъ маленькимъ ученикомъ въ Пшемсляѣ, я всего охотнѣе разбиралъ буквы на могильныхъ памятникахъ того владѣльца, гдѣ похоронены мои предки.—и мать моя часто говорила: „Сруль, золотой мой... правда, у меня все—благочестивыя еврейскія дѣти, благодареніе Господу... но ты самый благочестивый изъ всѣхъ! Ты долженъ сдѣлаться Talmud-Chachoschim, раввиномъ!“ Я отвѣтилъ на это: „Omen szelo, Mammeleben! Пусть будетъ такъ!“ Но этому не суждено было совершиться!...

Одинъ изъ героевъ романа, носящій странное имя Робы Ролова, бывшій помѣщикъ-жуиръ, потомъ раззорившійся, попавшій „на дно“, прошедшій черезъ полосу изнурительной работы и невозможныхъ условій жизни, чтобы затѣмъ снова выбиться на болѣе широкую дорогу и стать однимъ изъ служащихъ фирмы „Зандбауеръ и сынъ“,—неволью обращаетъ вниманіе на своеобразную натуру Фрейдкинда. Характеръ самого Ролова совершенно другой; у него совсѣмъ нѣтъ никакой склонности къ мечтамъ и воздушнымъ зам-

камъ; но онъ опѣнилъ стремленіе сумрачнаго, молчаливаго еврея — найти цѣль въ жизни, не удовлетворяясь повседневною дѣйствительностью. Онъ указываетъ на него женѣ Зандбауера, убѣждая ее — не сдаваться, не допускать и мысли о примиреніи съ своимъ ненормальнымъ существованіемъ, стремиться къ возрожденію и новой жизни. „Взгляните на Фрейдкинда: вотъ вамъ еще одна *ищущая душа*... Онъ тоже хотѣлъ бы скрыться куда-нибудь въ глубину отъ этой поверхностной жизни, — какъ ныряетъ на дно утка, въ которую стрѣляетъ охотникъ, чтобы затѣмъ снова „вынырнуть“ въ какомъ-нибудь еврейскомъ мѣстечкѣ, въ качествѣ прославленнаго за святость жизни талмудиста или раввина-чудотворца“.

Заслуга автора, „Gieb mir die Hand“ состоитъ въ томъ, что, оставаясь вѣрнымъ здоровому реализму, онъ отнюдь не изображаетъ Фрейдкинда оторваннымъ или обособленнымъ отъ окружающей среды, не идеализируетъ его, заставляетъ его принимать участіе, хотя бы противъ воли, въ пестрой и шумливой сутолокѣ коммерческаго міра Одессы, обнаруживать при этомъ несомнѣнныя способности дѣловаго человѣка, хорошо знакомаго съ практическою жизнью, хотя, въ то же время, принципиально отвергающаго ее! Благодаря этому, его образъ вышелъ гораздо болѣе живымъ, реальнымъ, правдивымъ... Но Фрейдкиндъ отнюдь не способенъ, конечно, ни на какія сдѣлки съ совѣстью, плутни, компромиссы: все это противорѣчитъ честной, неподкупной натурѣ! Въ иныхъ случаяхъ онъ вступаетъ даже въ споръ съ отдѣльными своими единовѣрцами, если ему кажется, что они идутъ неправильнымъ и нечестнымъ путемъ и держатъ сторону сильныхъ міра, забывая о нравственномъ долгѣ. Очень любопытна въ этомъ отношеніи принимающая вскорѣ весьма бурный характеръ бесѣда между нимъ и Янкелемъ Авербухомъ, о которой авторъ, въ сожалѣнію, сообщаетъ намъ довольно мало. Въ самую горячую минуту, когда запрещеніе вывозить русскій хлѣбъ уже состоялось, и Зандбауеръ занятъ новыми спекуляціями, которыя, какъ онъ воображаетъ, должны принести ему большой доходъ, честный бухгалтеръ случайно сталкивается съ Авербухомъ и остается съ нимъ наединѣ, вслѣдствіе чего имъ приходится невольно заговорить о дѣлахъ. И мы чувствуемъ, что передъ нами — представители двухъ міросозерцаній, двухъ моральныхъ кодексовъ, — которые не могутъ столкнуться и понять другъ друга... Они не могутъ скрыть обоюднаго отвращенія, безотчетной антипатіи, невольно отражающейся на ихъ лицахъ; они взаимно исключаютъ другъ друга и говорятъ на раз-

личныхъ языкахъ... Молчаливый и сосредоточенный, Фрейдкинъ на этотъ разъ измѣняетъ даже своимъ обычнымъ приемамъ, своей излюбленной тактикѣ: онъ горячится, выходитъ изъ себя, повидимому, близко принимаетъ къ сердцу чисто мірскія, суетныя дѣла, изъ-за которыхъ онъ принципиально не считалъ возможнымъ волноваться, забывая о болѣе высокихъ, завѣтныхъ стремленіяхъ и задачахъ...

Но и эта вспышка должна вскорѣ пройти, уступивъ мѣсто обычной сосредоточенности и порывамъ куда-то вдаль онъ жизни... Черезъ нѣсколько времени Фрейдкину кажется уже страннымъ, непонятнымъ, что онъ могъ выйти изъ себя, вести ожесточенный споръ. Основныя свойства его натуры берутъ верхъ, и онъ снова производитъ впечатлѣніе бездомнаго, тоскующаго скитальца Ага-сфера...

„Бухгалтеръ былъ уже совершенно безучастенъ. Послѣ горячаго спора и перебранки съ Янкелемъ Авербухомъ имъ внезапно овладѣло — какъ это часто съ нимъ случалось за послѣднее время, — раскаяніе, отвращеніе къ суетѣ купеческаго міра и пляскѣ вокругъ золотого тельца... Его длинное, печальное лицо казалось умершимъ для окружающаго міра. Оно ясно показывало, что мысли Фрейдкинда снова витали отнюдь не въ мірѣ корабельныхъ фрахтъ и векселей подъ сахаръ. Главная мечта всей его жизни, стремленіе къ удаленному отъ міра изученію Талмуда, снова охватила его... Въ своихъ мечтахъ онъ унесся на родину, въ благословенную Галицію, въ одно изъ тѣхъ хорошо ему знакомыхъ мѣстечекъ, въ узкихъ, тѣсныхъ улицахъ котораго обитаютъ тысячи его единовѣрцевъ, одѣтыхъ не въ одинаковое се всѣми другими платье, а въ такой костюмъ, который внѣшнимъ образомъ отличаетъ ихъ отъ Gójim, въ длинный кафтанъ съ поясомъ, цилиндръ стариннаго фасона... Ему живо представились — многочисленныя вывѣски на всѣхъ домахъ, съ еврейскими надписями; въ темныхъ лавкахъ, существующихъ для населенія окрестныхъ деревень, — черноокія женщины, дѣвушки, дѣти, сплошь правовѣрные евреи b'nê Iisrobell... всѣ они окружаютъ синагогу, гдѣ находится онъ самъ, какъ мудрецъ, свѣтлыиикъ для всей общины, знающій и способный истолковывать Тору, вѣчный законъ“...

Мы чувствуемъ все время, что не далека тотъ часъ, когда Фрейдкинъ окончательно отрясетъ прахъ отъ ногъ своихъ и, порвавъ съ Одессою, съ фирмою „Зандбауеръ и сынъ“ и съ своею дѣятельностью, какъ бухгалтера, отправится, наконецъ, въ родные края, чтобы осуществить свою давнишнюю мечту. Но до

этого онъ долженъ оказать своимъ хозяевамъ еще нѣсколько услугъ... Тщетно пытается онъ высказать свое мнѣніе и предостеречь отъ возможной ошибки,—видя, какъ Зандбауеръ собирается дать вексель на громадную сумму, которую онъ, по всей вѣроятности, не будетъ въ состояніи впоследствии уплатить. Слыша его вздохи, поражаясь печальнымъ, встревоженнымъ выраженіемъ его лица, патронъ его желаетъ узнать причину этого разстройства и волненія: развѣ это—первые векселя, которые ему приходится держать въ рукахъ? „Нѣтъ, не первые, но самые высокіе по цѣнѣ“, отвѣчаетъ Фрейдкинъ. „Простите, мнѣ невольно вспоминается наша пословица: вексель, это—ножь, а Chillef is a Chalief... да, это острый ножь!“ Тѣмъ не менѣе, Фрейдкиндю приходится не только примириться съ фактомъ существованія этихъ убійственныхъ векселей, но даже принять, противъ своей воли, извѣстное активное участіе во всемъ этомъ дѣлѣ. Хитроумный миллионеръ-малороссъ Чешенко, въ виду того, что дѣла Зандбауера нѣсколько пошатнулись, отказывается удовольствоваться одною его подписью на векселѣ и требуетъ поручительства его богатаго родственника, крупнаго овцевода и богача Фуртванга, въ это время находящагося вдали отъ Одессы, въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, расположенныхъ за Волгою. И вотъ, тоскующему Агасферу приходится экспромтомъ собраться въ путь, чтобы разыскать Фуртванга и добиться его согласія на эту комбинацію... Но этого мало: онъ принужденъ на этотъ разъ дѣйствовать противъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, такъ какъ выѣхать приходится въ пятницу вечеромъ, и онъ лишень возможности встрѣтить праздникъ у себя дома, совершить традиціонные обряды, благословить вино, соль и хлѣбъ, при яркомъ сіяніи семи праздничныхъ свѣчей, и долженъ провести эту ночь въ набитомъ публикою вагонѣ, отправляясь куда-то вдале, въ поискахъ денегъ и кредита...

Наконецъ, Фрейдкинъ скрывается съ горизонта, отказываясь имѣть отнынѣ какое-либо дѣло съ міромъ коммерческихъ расчетовъ, выкладокъ и спекуляцій; онъ удаляется въ родное захолустье, чтобы уже не покидать его вплоть до самой смерти... „Фрейдкинъ уѣхалъ“, говоритъ Гаазъ въ концѣ романа, обращаясь къ г-жѣ Зандбауеръ. „Онъ никогда не вернется. *Только не пугайся: кассу онъ съ собою не захватилъ*... Нѣтъ, онъ все передалъ въ строгомъ порядкѣ... даже отказался отъ недоплаченнаго ему жалованья!... Онъ оказалъ, что теперь не хочетъ имѣть никакого отношенія къ міру, гдѣ все—одна суета!.. Сундузъ его былъ уже уложенъ, паспортъ готовъ. Теперь онъ уже перебрался черезъ австрійскую

траницу и, конечно, находится въ своемъ родномъ мѣстечкѣ. Тамъ онъ и останется, и никто изъ насъ его больше не увидитъ. До самой смерти будетъ онъ сидѣть надъ Талмудомъ, а когда онъ умретъ, община, пожалуй, еще признаетъ его святымъ, способнымъ творить чудеса, подобно его отцу и дѣду!“...

На г-жу Зандбауеръ, одинокую, страдающую, ни въ чемъ не нашедшую успокоенія женщину, рассказъ этотъ производитъ очень сильное впечатлѣнiе. „Онъ правъ“, печальнымъ, усталымъ голосомъ произноситъ она, — и мы чувствуемъ, что она, въ глубинѣ души, завидуетъ навсегда скрывшемуся „мечтателю гетто“, по своему разрѣшившему для себя проблему жизни, ставшему выше повседневной пошлости, тогда какъ ей не удалось этого сдѣлать... Но какъ характерны для сытыхъ, грубоватыхъ и самодовольныхъ людей вродѣ Ганза эти слова: „не пугайся,—кассу онъ съ собой не захватилъ“... Даже имѣя дѣла съ такими личностями, какъ Фрейдкиндъ, они не могутъ отрѣшиться отъ обычныхъ антисемитскихъ замашекъ, отъ традиціоннаго недовѣрiя, и считаютъ возможнымъ относиться покровительственно или пренебрежительно даже къ тѣмъ „мечтателямъ современнаго еврейства“, которые стоятъ неизмѣримо выше ихъ...

Юрiй Веселовскiй.

Библиографія.

אהבה ציון וירושלים ממני בער ראמנער. מסכת שביעית.

Б. Ратнеръ. *Варианты, разночтенія и пополненія текста Іерусалимскаго Талмуда. Трактатъ Шевіитъ*. Вильна 1905.

Давно-ли мы дали отчетъ о предшествующемъ выпускѣ колоссальнаго труда г. Ратнера (трактаты Терумоть и Халла), и вотъ предъ нами лежитъ еще одинъ выпускъ, трактатъ Шевіитъ! Душа радуется такой энергіи и работоспособности одного человѣка, не отступившаго предъ грандіозной задачей,—собрать варианты ко всему Іерушалми изъ сотенъ древнихъ сочиненій, цитирующихъ этотъ талмудъ случайно, отдѣльными словами и отрывочными предложеніями.

Въ Талмудѣ есть любопытный отвѣтъ Акибы людямъ, изумлявшимся, какъ это онъ, сорокалѣтній мужчина, принялся на старости лѣтъ за азбуку, надѣясь еще стать ученымъ. Видь еврейская наука такъ обширна, почти безгранична, а онъ, жалкій пастухъ, еще ничего не знаетъ! На это Акиба отвѣтилъ слѣдующей притчей. На берегу Іордана стояла высокая гора. Однажды къ этой горѣ пришелъ маленькій человѣчекъ съ киркой и лопатой, сталъ откалывать куски камня и бросать въ рѣку. Когда прохожіе спрашивали, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: хочу спихнуть эту гору въ Іорданъ, она мнѣ мѣшаетъ. Прохожіе со смѣхомъ уходили, считая его сумасшедшимъ. Но онъ не смущался и продолжалъ свою работу. Проходитъ мѣсяць, другой,—большого куска горы какъ не бывало: онъ въ Іорданѣ; проходитъ еще полгода, еще годъ,—глядь: половины горы и слѣдъ простылъ, а черезъ пятокъ лѣтъ и всей горы не стало. Мораль этой исторіи та, что пугаться грандіозныхъ задачъ нечего, медленнымъ, геологическимъ трудомъ можно довести до благополучнаго конца величайшія предпріятія.

Г. Ратнеръ также взялся сдвинуть гору, и двигаетъ ее, если

можно такъ сказать, уже шесть лѣтъ, двигаетъ усердно, съ большою энергіей и съ видимымъ, несомнѣннымъ успѣхомъ: изъ 261 листа Іерушалми (по Краковскому изданію) онъ прошелъ уже ровно 50, т. е. почти пятую часть. Если припомнить, что чѣмъ дальше, тѣмъ работа будетъ спориться быстрѣе, и что все это сдѣлано урывками, на досугѣ отъ обычныхъ занятій, то виды получаются самые утѣшительныя: черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ трудъ будетъ законченъ и тогда можно будетъ приступить къ полному критическому изданію Іерушалми. Г. Ратнеръ своимъ чрезвычайно кропотливымъ трудомъ вполне подготовилъ почву для такого изданія. Сличая цитаты изъ Іерушалми, встрѣчающіяся въ разныхъ сочиненіяхъ, съ дошедшимъ до насъ текстомъ, онъ устанавливаетъ истинныя чтенія, указываетъ даже, какимъ путемъ могли образоваться тѣ или другія ошибки въ разныхъ изданіяхъ Іерушалми. Но онъ не ограничивается своей прямой задачей, установленіемъ текста, онъ попутно передаетъ объясненія наиболѣе трудныхъ мѣстъ, найденныя имъ въ просматриваемыхъ сочиненіяхъ, благодаря чему трудъ г. Ратнера много выигрываетъ, становясь рѣшительно необходимымъ для всякаго изучающаго Іерушалми. Начало предпринятаго Лунцемъ въ Іерусалимѣ новаго изданія Іерушалми, обѣщаннаго имъ (въ послѣднемъ выпускѣ его календаря) на мѣсяцъ Кислевъ, до сихъ поръ почему-то не появился; въ какой мѣрѣ будетъ использованъ въ этомъ изданіи трудъ г. Ратнера, мы своевременно читателю доложимъ.

Н. Переферовичъ.

מכילה ררבי שמעון בן יוחאי על ספר שמות מאת רוד צבי האשכנזי.
Д. Гофманъ. *Мехильта рабби Симона сына Юхая къ книгѣ Исходъ*. Фрайфуртъ на М. 1905.

Г. Гофманъ задался симпатичной цѣлью возстановить недошедшій до насъ мидрашъ Симона сына Юхая, о которомъ говорятъ средневѣковые писатели и который ими неоднократно цитируется. Возстановить этотъ древній мидрашъ можно по такъ называемому „Великому Мидрашу“ (Мидрашъ га гадолъ), имѣющемуся въ рукописи во всѣхъ главныхъ еврейскихъ книгохранилищахъ. Авторъ „Великаго Мидраша“ собралъ массу толкованій на Пятикнижіе Моисеево изъ Бавли, Іерушалми, древнихъ мидрашимъ и другихъ произведеній еврейской письменности безъ указанія источниковъ. Когда онъ жилъ, въ точности неизвѣстно, но такъ какъ онъ приводитъ много мѣстъ изъ Маймонида, то ясно, что онъ жилъ послѣ Маймонида (въ Аравіи, откуда списки „Ве-

ликаго Мидраша“ и пришли въ Европу, авторомъ его называютъ Авраама сына Маймонидова). Что въ этомъ Мидрашѣ приведено много мѣстъ изъ Мехильты Симона сына Юхаева доказано еще въ 1889 г. Бреславльскимъ профессоромъ И. Леви, и задача Гофмана состояла въ томъ, чтобы всѣ эти мѣста, нерѣдко видоизмѣненные авторомъ для связности изложенія, выбрать и представить отдѣльно. Мѣста изъ этой Мехильты, приводящіяся другими авторами, крайне немногочисленны и большой помощи дѣлу оказать не могли. Послѣ того, какъ книга была уже готова, случилось событіе, давшее возможность судить, насколько работа г. Гофмана удачна: найдено было въ Каирѣ 12 листовъ настоящей, подлинной Мехильты рабби Симона сына Юхая. Въ общемъ, предположенія г. Гофмана оказались правильными; различія орографическія не могутъ считаться серьезными противоположеніями, такъ какъ переписчики видоизмѣняли орографію по своему; что же касается текста, то лишь въ очень немногихъ мѣстахъ Гофманъ приписалъ Мехильтѣ то, что взято „Великимъ Мидрашемъ“ изъ другихъ источниковъ.

Идея использовать средневѣковые Мидрашимъ для восстановленія недошедшихъ до насъ древнихъ памятниковъ,—не нова. Эта работа требуетъ не только колоссальной эрудиціи, чтобы не приписать произведенію, до насъ недошедшему, то, что ясно значится въ произведеніи дошедшемъ, но требуетъ и большого критическаго дара, можно сказать, даже чутья, ибо твердыхъ критеріевъ для разграниченія памятниковъ наукой не установлено. И при всемъ томъ, вся эта эрудиція, и весь критическій даръ, и все остроуміе можетъ въ одинъ прекрасный день разлетѣться въ прахъ, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда: достаточно открыться древней рукописи, содержащей подлинный текстъ восстанавлиаемаго сочиненія, что, какъ показали событія послѣднихъ двадцати лѣтъ, далеко не лежитъ за предѣлами возможнаго. При такихъ условіяхъ работать въ томъ направленіи, въ какомъ работаетъ г. Гофманъ,—задача крайне неблагоприятная, хотя для науки такіе труды весьма полезны. Воздадимъ должное беззавѣтному трудолюбію г. Гофмана!

Н. Переферновичъ.

תורה נביאים וכתובים. *Еврейская Библия, издаваемая проф. Киттелемъ при участіи Беера, Буля, Дальмана, Драйвера. Лера, Новака, Ротштейна и Русселя. Часть I, Лейпцигъ 1905.*

Первая часть этого новаго изданія Библии обнимаетъ Пяти-

книжнѣ, книги Иисуса Навина, Судей, Самуила и Царей. Это критическое изданіе Библии не идетъ такъ далеко, какъ „Цвѣтная Библия“ американскаго изданія, гдѣ мнѣніе издателя играетъ слишкомъ большую роль при установленіи текста: Киттель даетъ безъ всякихъ измѣненій принятый, масоретскій текстъ Библии и только въ примѣчаніяхъ подъ каждой страницей указываетъ другія чтенія, имѣющіяся въ разныхъ рукописяхъ, таргумахъ и прочихъ древнихъ переводахъ, а также даетъ *советы* изучающимъ, какъ исправить то или другое, очевидно, неправильное слово, пользуясь при этомъ изслѣдованіями новѣйшей критики. Понятно, это самое благоразумное, что могли сдѣлать издатели: они даютъ только совѣтъ, и дѣло читателя—принять этотъ совѣтъ, или остаться при старомъ чтеніи, или же придумать собственное объясненіе труднаго мѣста. Никакого насилія тутъ быть не должно.

Что касается внѣшности изданія, то она безукоризненна. Корректурa исполнена въ высшей степени тщательно, что для такого изданія весьма важно, критическій аппаратъ даетъ, при помощи цѣлаго ряда знаковъ и сокращеній, на каждой страницѣ въ двухъ трехъ строчкахъ результатъ громаднаго и чрезвычайно кропотливаго ученаго труда, о размѣрѣ котораго могутъ судить лишь тѣ, кому приходилось часами прослѣживать какое-нибудь одно слово по десяткамъ рукописей и книгъ для того, чтобы, въ концѣ концовъ, отмѣтить краткимъ знакомъ, напр. >G, что въ греческомъ переводѣ семидесяти толковниковъ этого слова нѣтъ, или же вовсе ничѣмъ не отмѣтить, чтобы показать, что это слово никакихъ вариантовъ не имѣетъ; кому приходилось для установленія какого-нибудь чтенія, помимо собственной работы, рыться въ десяткахъ изслѣдованій, прослѣживать всю литературу вопроса въ новѣйшей наукѣ.

Изданіе Киттеля представляетъ новую ступень въ прогрессѣ библейской науки и даетъ все то, что надо свободомыслящему читателю.

По своей цѣнѣ (4 марки за 1 часть) оно вполне общедоступно.

Н. Переферновичъ.

Hebräische Büchertitel. Eine Literarische Causerie von Prof. A. Berliner. Frankfurt a. M. 1905. („Еврейскія заглавія. Литературная беседа“ проф. Берлинера. Франкфуртъ на Майнѣ. 1905).

Профессоръ Берлинеръ,—соотвѣтствующимъ образомъ справивъ

семидесяти-лѣтній юбилей жизни и нынѣ готовясь къ пятидесяти-лѣтнему юбилею научной дѣятельности, протекшей въ архивахъ и библиотекахъ, посреди ветхихъ книгъ и могильныхъ надписей, вполне заслуженно составивъ себѣ репутацію чрезвычайно серьезнаго и даже суроваго ученаго,—позволили себѣ на старости лѣтъ немножко пошалить. Это было, разумѣется, на хануку въ кругу молодыхъ семинаристовъ берлинской раввинской семинаріи, которымъ профессоръ прочиталъ Causegie о еврейскихъ заглавіяхъ. Но тутъ-то и умѣстно вспомнить талмудическое изреченіе о *שיחה חולין של חכמים*—„даже простые слова ученыхъ учительны“, потому что рефератъ Берлинера, хотя и облеченный въ юмористическую форму, представляетъ въ сущности серьезное ученое произведеніе о заглавіяхъ.

Въ глубокой древности книги совсѣмъ не получали заглавій, онѣ назывались по первымъ словамъ, которыми начинались. Этимъ объясняется названіе Мидрашъ Рабба: мидрашъ начинался словами *בראשית, רבי אושעיה רבה פהח*, поэтому его назвали *בראשית רבי אושעיה רבה פהח*, что впоследствии сокращено въ *בראשית רבה*. Вотъ почему Раши приводитъ этотъ мидрашъ къ книгѣ *ויקרא* подѣ тѣмъ же именемъ *בראשית רבה*. Одно агадическое произведеніе называется „Теламдену“ („Пусть учитъ насъ“) по начальнымъ словамъ *ילמדנו רבנו*. Мидрашъ „Танхума“ получилъ свое названіе отъ того, что начинается формулой *כך פהח ר' תנחומא*. Мидрашъ „Шохеръ Товъ“ отъ начальныхъ словъ *שוחר טוב יבקש רצון*, а Зогаръ отъ стиха *והמשכילים יזהירו כוהר הרקיע* во введеніи. Есть сочиненіе, называющееся *ע"ג גהלים*—„Мясо на угольяхъ“.

Болѣе изысканнымъ является заглавіе мидраша *אבכיר*, составляющее, какъ полагаютъ, инициалы пяти заключительныхъ словъ *אמן ברוך כן יהי רצון*. Книги, трактующія о 613 заповѣдяхъ, получили заглавія, равняющіяся по гематріи (по числовому значенію буквъ) 613-ти. Таковы *לְקוּשֵׁי אִוְרוֹת*, гдѣ *אִוְרוֹת* = 613, или *כְּתַר הַוֵּרָה*, гдѣ *כְּתַר* = 620, т. е. 613 заповѣдей Торы + 7 заповѣдей раввинскихъ. Очень распространена среди еврейскихъ авторовъ мода давать такіа заглавія, въ которыхъ намѣчалось бы „гематрически“ имя автора, а иногда и имя его отца, жены и дѣтей. Такъ, Элеазаръ, сынъ Іуды (*אלעזר בן יהודה*) называлъ своей ритуально-этической трудъ *רקח*, какъ онъ самъ говорить въ предисловіи, по многихъ причинахъ: во-первыхъ, потому, что его книга, какъ нѣкая аптека, содержитъ лѣкарства отъ всякихъ болѣзней души; во-вторыхъ, потому, что *רקח* по гематріи равняется *אלעזר*, и, въ-третьихъ, потому, что *רקח* сино-

нимъ слова שמן, а שמן по гематріи בן יהודה; кромѣ того, заглавіе должно всегда соотвѣтствовать имени автора, ибо такъ мы находимъ: мидрашъ הנא רבי אליהу начинается словомъ ויגד, гематрическимъ эквивалентомъ автора; мидрашъ חדשא начинается такъ потому, что שמח гематрически значитъ בן יאיר, רבינו פנחס בן יאיר, רבינו פנחס בן יאיר начинаются словами מי ימלל גבורות ה' составляющими по гематріи בן הורקנוס... Съ тѣхъ поръ и пошла мода давать книгамъ заглавія, ни малѣйшаго отношенія не имѣющія къ содержанію и только гематрически или какъ-нибудь иначе содержащія имя автора. Рапопортъ въ біографіи литургическаго поэта Калира сдѣлалъ „поразительное“ открытіе: онъ нашелъ, что въ нѣкоторыхъ піютахъ Калиръ обозначилъ свое имя не обычнымъ акростихомъ, а гематрически; такъ אנסיכה מלכי לפניו дають числовое значеніе קליר; начало другого піюта אלו קליר מקריה ספר זכר החלה כל מעש אשר בכל שנה נעש Луццато и Цунцъ воспользовались въ своихъ работахъ этимъ открытіемъ и нашли множество произведеній Калира, въ которыхъ имя автора обозначено гематрически. Особенно далеко зашелъ Луццато, который открывалъ такія подписи: מני אלו קליר מקריה ספר הוק или даже אלו קליר מקריה ספר הוק. Но и Цунцъ не отставалъ въ этомъ направленіи, и Богъ знаетъ, до чего дошло бы, если бы не нашелся какой-то неизвѣстный авторъ, который опрокинулъ весь этотъ карточный домикъ: онъ доказалъ, что то же мѣсто, которое по числовому значенію (1164) давало אלו קליר יערב בירבי יערב קליר можетъ съ такою же точностью дать:

אני שלמה יהודה ליב הכהן רפאפורט
или אני ליפמאן דאקטור צונץ מברלין
или הקמן הלוי משה לאנדא מרפסין מפראא.

Также выходило, что первое слово Библии בראשית (913) можетъ означать מני הקמן אלו קליר, и первыя два слова Талмуда מאימתי קורין (867) равняются אלו ברבי הקליר. Луццато и Цунцъ послѣ этого оставили игру въ гематрію, только Рапопортъ остался вѣрнѣ себя до конца жизни, и доказывалъ, что имя составителя библейской книги איכה, приписываемой уже въ Талмудѣ пророку Іереміа, скрывается въ словахъ אני הובר=רמיהו (271). Рапопортъ, въ сущности говоря, никакой Америки не открылъ: обнаруживать анонимныхъ авторовъ умѣли давно, и по одной іерусалимской легендѣ, редакторъ Мишны, Іуда Святой, скрывается въ первомъ словѣ Мишны מאימתי, гдѣ сокращенно

обозначено не имя его, а главнѣйшая добродѣтель, за которую онъ удостоился своего прозвища: מימי און ירו מכנים חזק יריכו.

Чаще всего въ качествѣ заглавія выбиралось какое-нибудь библейское или талмудическое выраженіе, напоминающее либо о содержаніи, либо объ авторѣ, либо о томъ и другомъ вмѣстѣ. Такъ свои добавленія къ словарю ערוך разные авторы называли: הפלאה שבערכין, מעריך שריד שבערכין, כיצד מעריכין. Особенно остроумныя заглавія встрѣчаемъ у Исаи Берлина: свои примѣчанія къ הניוך онъ озаглавилъ קמן שהניה להינוך (съ измѣненіемъ на שהניע на שהנית); свои дополненія къ Шулханъ Аруху (законы, забытые Шулханъ Арухомъ) онъ озаглавилъ אומר השכה (съ измѣненіемъ אומר въ עומר); сочиненіе о таргумѣ онъ назвалъ מיני תרגומא (звучитъ какъ талмудическое מיני תרגומא), комментарий къ שאילתות назвалъ שאילה שלום (другой Берлинъ, Воложинскій раввинъ, назвалъ свой комментарий къ тѣмъ же Шеэлтотъ — העמק שאלה, по стиху Ис. 7, 11); отмѣтки на поляхъ Талмуда названы יחל פחר יצחק (читать надо: *цшонъ*, а не *цшонъ*). Словарь פחר יצחק названъ такъ по имени автора (Исаакъ). Переводчики стараются подыскать созвучіе: Отелло Шекспира озаглавленъ — איחואל הכוש, Mystères de Paris — מסתרי פאריז, Ромео и Джульета — רום ויעל. Одинъ поэтъ (и далеко не изъ послѣднихъ, Израиль Нагара) изложилъ въ стихахъ всѣ правила еврейскаго убоя скота (שחיטה), при чемъ изложеніе ведется такъ популярно, что и дѣти могутъ по этой книжкѣ научиться искусству рѣзать; авторъ не нашелъ для своей книжки болѣе умнаго заглавія, какъ שוחטי היקרים. Просматривая заглавія еврейскихъ книгъ, иногда кажется, что авторы нарочно старались скрыть содержаніе ихъ. Такъ, имѣется книга הלכות יו"ט, гдѣ нѣтъ ни звука о правдникахъ, а названа она такъ по имени автора יום טוב אל גאון; сочиненіе Натана Спиро מצה שמורים трактуетъ вовсе не о пасхальныхъ опрѣсновахъ, а о הפלין וציצית, מוזה, (инициалы этихъ словъ и даетъ מצה); въ ס'גירוшין рѣчь идетъ не о разводахъ это — каббалистическія проповѣди, произнесенныя авторомъ во время своего скитанія. Книга עשרה למאה названа такъ потому, что содержитъ 10 проповѣдей изъ 100, произнесенныхъ авторомъ.

Любопытны заглавія полемическихъ сочиненій. На книгу הורה הבית возраженія содержитъ сочиненіе בדק הבית, а отвѣтъ на בדק הבית названъ משמרת הבית. Назидательная книга для женщинъ „Цезанна в-реенна“ названа такъ по вводу стиху צאנה וראנה בנוח ציון. Мордехай Яфе назвалъ свои לבושים

по стиху מרכוז יצא... ומרדכי יצא и т. д. Другіе носители имени Яфе давали своимъ сочиненіямъ заглавія: יפה הואר, יפה מראה, יפה קול יפה ענה, יפה עינים, יפה מראה. יד יוסף ויד שאול. Іосифъ Саулъ Натансонъ увѣковѣчилъ оба свои имени въ заглавіи יוסף ויד שאול. Авторы, носящіе имя „Вольфъ“ (ואב) давали своимъ сочиненіямъ זאב ררישה זאב; носящіе имя נפחלי обозначаютъ свое имя (צבי) въ заглавіяхъ: צבי קודש, צבי הפארה, צבי מודה. Цви противъ Саббатая Цви озаглавлено צבי מודה. Іосифъ Каспи (изъ Argentières) вводитъ свое прозвище (כסף) въ заглавіяхъ: עמודי כסף, קביצה כסף, משכיות כסף. Луццато далъ своему сыну, родившемуся при окончаніи книги גר אוהב גר, имя Филоксенъ; самая книга названа такъ потому, что трактуетъ о גר אוהב גר לחם לו לחם, по стиху: וזאתה גר לחם לו לחם, а добавленія къ комментарий къ таргуму ושמלה לשמלה, а добавленія къ комментарий לשמלה לשמלה. Натанъ Адлеръ свой трудъ о таргумѣ называлъ לגר נחונה, обозначивъ, такимъ образомъ, и собственное свое имя.

Еврейскіе авторы видѣли, да и доселѣ еще видятъ, въ заглавіи только имя книги для отличія ея отъ другихъ; они и не догадывались, что заглавіе можетъ служить еще другой цѣли—привлечь, заинтересовать читателя. Такая цѣль и преслѣдуется обыкновенно заглавіями современныхъ европейскихъ сочиненій, и, увы! сколько въ этомъ отношеніи мы видимъ злоупотребленій, какъ часто содержаніе не соответствуетъ общаемому въ заглавіи!

Н. Переферковичъ.

К. Pollak. Rabbi Nathans System der Ethik und Moral. Frankfurt a. M. 1905. (К. Поллакъ. Система этики и морали рабби Наэана. Франкфуртъ на М. 1905).

Подъ именемъ „Системы этики и морали р. Наэана“, г. Поллакъ издалъ на 70-мъ году своей жизни нѣмецкій переводъ трактата „Авотъ рабби Наэана“, снабдивъ его краткимъ предисловіемъ. Въ предисловіи, авторомъ этого трактата, безъ всякихъ обиняковъ объявляется танна Наэанъ, родившійся въ Вавилонѣ, гдѣ онъ занималъ постъ эксиларха (!), но потомъ переселившійся въ Палестину, гдѣ сталъ учителемъ двухъ патриарховъ, Симона сына Гамалиила и Іуды Наси, будущаго редактора Мишны. Г. Поллакъ присоединяется къ мнѣнію, высказанному впервые Рапопортомъ, что трактатъ Авотъ, попавшій въ

Мишну, есть не что иное, как „Хрестоматія изъ Авотъ р. Наэана“, что сочиненіе Наэана есть оригиналь, изъ котораго редакторъ Мишны выбралъ извѣстныхъ изреченія и соединилъ вмѣстѣ, образуя трактатъ Авотъ. Все это вопросы крайне спорные, о которыхъ не принято да и нельзя высказываться категорично, ибо данныхъ для этого чрезвычайно мало. Въ древности книги, особенно передававшіяся устно, претерпѣвали до окончательной фиксаціи на письмѣ, самыя неожиданныя и разнообразныя метаморфозы, и остроумнѣйшіе изслѣдователи часто теряются въ догадкахъ, кто былъ авторъ данной книги, когда онъ жилъ и каково отношеніе этой книги къ другимъ памятникамъ древней письменности. Изъ одного мѣста совершенно ясно выходитъ, что авторъ зналъ Мишну и черпалъ изъ нея или не соглашался съ нею, изъ другого выходитъ, что онъ зналъ не только Мишну, но и сочиненія, составленныя долго спустя послѣ Мишны, изъ третьяго выходитъ, что онъ про существованіе Мишны совершенно не зналъ, а изъ четвертаго видно, что сама Мишна черпала изъ данной книги. И въ довершеніе всего, эти четыре мѣста и по языку, и по связи составляютъ несомнѣнно одно цѣлое, не поддающееся дифференціаціи! Вотъ и опредѣлите, когда же жилъ авторъ этой книги? Въ такихъ случаяхъ осторожныя ученые говорятъ, что книга составлялась сотнями лицъ на протяжении вѣковъ, что каждый, при передачѣ ученику или при перепискѣ вносилъ въ книгу свое, въ видѣ ли измѣненія какого-нибудь слова, казавшагося ему неудачнымъ, или въ видѣ прибавленія новаго, стараясь сохранить характеръ и тонъ оригинала.

Что касается самого перевода г. Поллака, то онъ довольно близокъ къ подлиннику. Такъ какъ цѣль автора дать своей цаствѣ (г. Поллакъ—раввинъ въ Будапештѣ) назидательное чтеніе, то онъ на научныхъ вопросахъ не останавливается и въ смыслѣ или происхожденіе изреченій не углубляется. Вторую версію „Авотъ рабби Наэана“, опубликованную проф. Шехтеромъ, и доставившую ему всемірную извѣстность, онъ совершенно игнорируетъ, горделиво заявляя, что „не обратилъ никакого вниманія на появившіяся въ послѣднее время апокрифическія изданія Авотъ, потому что въ обыкновенныхъ изданіяхъ Талмуда печатается лишь одна версія этого трактата“. Замѣчаніе чрезвычайно характерно для раввина стараго закала: „въ послѣднее время“ еврейская литература обогатилась чрезвычайно цѣнными находками, перевернувшими вверхъ дномъ исторію еврейской ли-

тературы, но для него это все—апокрифы, которымъ читатель „обыкновенныхъ изданій“ не можетъ „дарить свое вниманіе“.

Русскій переводъ „Авотъ рабби Наана“, въ которомъ впервые сдѣлана попытка разграниченія матеріала (различными шрифтами) и въ которомъ впервые дана опубликованная Шехтеромъ вторая версія, имѣющая громадное научное значеніе, остается, такимъ образомъ, и послѣ выхода въ свѣтъ перевода г. Поллага единственнымъ полнымъ и научнымъ переводомъ „Авотъ рабби Наана“ на европейскій языкъ.

Н. Переферковичъ.

A. Rosenzweig. Kleidung und Schmuck im biblischen und talmudischen Schrifttum. Berlin 1905. (*А. Розенцвейгъ. Платье и украшенія въ библейской и талмудической письменности.* Берлинъ 1905).

Берлинскій раввинъ Розенцвейгъ собралъ изъ всей библейской и раввинской письменности свѣдѣнія объ одѣяніи и украшеніяхъ у древнихъ евреевъ и предпослалъ своему изслѣдованію небольшое введеніе объ этическомъ, практическомъ, символическомъ и эстетическомъ значеніи одежды и о взглядѣ на одежду у древнихъ евреевъ. Отдѣльныя главы книги разсматриваютъ верхнюю одежду, нижнюю одежду, пояса, обувь, головные уборы, умашеніе и косметику, драгоценные камни и прочія украшенія.

Легко понять значеніе подобныхъ монографій: сопоставляя различныя мѣста, говорящія о той или другой сторонѣ древняго быта, мы получаемъ яркую картину, бросающую свѣтъ на такія подробности, которыя для насъ порой не совсѣмъ понятны, ибо чужды современному намъ обиходу. А между тѣмъ, иногда въ этихъ подробностяхъ и заключается самая суть разсказа или изреченія. Кромѣ того, и для установленія текста, очень часто терпящаго искаженія именно въ такихъ не всѣмъ понятныхъ мѣстахъ, чрезвычайно важно сопоставленіе различныхъ извѣстій.

Г. Розенцвейгъ въ общемъ прекрасно справился со своей задачей, требующей не столько работы мышленія, сколько усидчиваго, кропотливаго труда. Изложеніе ведется очень связано, при чемъ источники указываются въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ. Нерѣдко примѣчанія представляютъ отдѣльныя маленькія изслѣдованія по разнымъ вопросамъ. Вотъ одинъ любопытный примѣръ. Какъ извѣстно, Гейгеръ доказалъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Талмуда (напр. Сангедринъ 106 б) подъ עובד разумѣтся

Иисусъ Христосъ. Есть масса мѣстъ, гдѣ рядомъ съ בלעם фигурируетъ нѣкій „философъ“ Авнимосъ אבנימוס הגרדי при чемъ вокругъ этихъ лицъ, по одной легендѣ въ Мидрашъ Рабба, группируются все народы міра. По предположенію г. Розенцвейга, אבנימוס הגרדי — это не философъ Нумений, какъ думалъ одно время Грець, и не циникъ Эномай изъ Гадары, какъ онъ думалъ впоследствии, и какъ думаютъ обыкновенно теперь, а апостоль Павелъ, который по профессіи былъ ткачъ (גרדי). при чемъ אבנימוס (иногда просто נימוס) надо понимать исторически. Больше того, такъ какъ מרסי тоже значитъ „ткачъ“, то возможно, что Павелъ вовсе не былъ родомъ изъ Тарса, какъ переводится въ Евангеліи еврейское המרסי. Любопытно было бы прослѣдить все мѣста раввинской письменности, гдѣ фигурируетъ эта загадочная личность, то обращающаяся съ вопросомъ къ Гамалиилу (Авогъ р. Наэана, верс. 2, гл. 24), то пользующаяся дружбой Меира. Уже не разъ поднимались голоса, что Авнимосъ долженъ быть христіанинъ.

Что касается введенія г. Розенцвейга о значеніи одежды и взглядъ на нее древнихъ евреевъ, то это не столько ученое освѣщеніе вопроса, сколько синагогальная проповѣдь на тему (Бытія 3, 7): „и открылись глаза ихъ, и увидѣли, что они наги, и ошили фіговые листья и сдѣлали себѣ опоясанія“, проповѣдь, построенная по всемъ правиламъ синагогальнаго краснорѣчія: со ссылками на стихи св. Писанія, мудрыми мнѣніями и сужденіями, назидательными соображеніями и подобающими заключеніями. Раввинская, какъ и всякая другая профессія, налагаетъ на людей извѣстный отпечатокъ, который нерѣдко сказывается тамъ, гдѣ онъ менѣе всего умѣстенъ. Слушать много достопочтеннаго оратора тошно, а читать цвѣтистую риторику чернымъ на бѣломъ въ большомъ количествѣ прямо невыносимо. Разбираемая книга ничего не потеряла бы и безъ раввинскаго „взгляда на значеніе одежды“.

Н. Переферковичъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Февраль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

«Центральная» Типо-Лит. М. Я. Минкова, 3-я Рождественская, 26.

1906.

Годы скитаній.

Новый міръ.

Продолженіе *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Итакъ я водворился, или скорѣе меня водворили у тетки Леи, которая со всей своей семьей, состоящей изъ пяти душъ, не считая старшей дочери съ мужемъ, жила въ одной полутемной кухнѣ.

Тетя Лея была вдовою уже лѣтъ семь-восемь и вынуждена была сама прокармливать свою семью. Ея покойный мужъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ за свой большой умъ, крупныя талмудическія познанія и благородный характеръ, не оставилъ ей ничего, кромѣ добраго, славнаго имени, составлявшаго гордость и украшеніе семьи. Избалованная мужемъ, который ее сильно любилъ и отдалялъ отъ нея всякія заботы, тетя Лея почувствовала себя придавленной вдругъ упавшей на нее непосильной тяжестью. И это наложило сильную печать на ея характеръ и на все ея отношеніе къ другимъ и къ самой себѣ.

Говорили, что она была очень красива и отличалась большою живостью ума, такъ что постоянно принимала участіе въ бесѣдахъ мужа, у котораго всегда были избранные друзья изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей. Всего этого какъ будто не осталось и слѣда. Потерявъ мужа, она вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла или же глубоко запрятала всю свою женственность, всю свою живость и даже какъ

*) См. «Кн. Восх.» Январь.

будто свой умъ, блестя котораго очень рѣдко проявлялись. Не имѣя еще полныхъ сорока лѣтъ, она глядѣла старухой, угрюмой, обрюзгшей. И это дѣлало не столько ея лицо, сохранившее еще нѣкоторую свѣжесть, сколько крайняя небрежность во всей виѣшности, доходившая до неряшливости. Можно было думать, что она систематически уродовала себя. Та же неряшливость замѣчалась во всей обстановкѣ дома: Квартира производила впечатлѣніе какого то склада продавца старыхъ вещей, всѣ углы были буквально завалены старымъ, никогда не употреблявшимся и Богъ знаетъ для чего сохранившимся тряпьемъ, накопившимся въ теченіе многихъ годовъ.

Еврейская женщина прежняго строя, когда этотъ строй былъ еще собственный, а не взятый напрокатъ у перваго встрѣчнаго изъ окружающихъ, когда идеалы жизни черпались въ собственныхъ образцахъ нравственной чистоты, въ которыхъ не было никогда недостатка, — жила въ большинствѣ случаевъ только для мужа, черпая все свое личное счастье только въ немъ, жила только для него, имѣя задачей и цѣлью своей жизни давать счастье и радость только ему. Она для него украшала себя, для него, украшала и свой домъ. Но какъ только этотъ источникъ ея радости и ея счастья, для котораго она въ свою очередь служила источникомъ радости и счастья, исчезалъ, для нея немедленно исчезалъ всякій интересъ личной жизни, она теряла въ глазахъ своихъ всю свою цѣнность, все свое значеніе и считала лишнимъ и почти преступнымъ посвящать себѣ какія бы то ни было заботы, она какъ бы переставала существовать какъ личность; ея жизнь теперь принадлежала дѣтямъ, которымъ она отдавала всѣ свои силы.

Еврейская женщина не украшала себя траурнымъ костюмомъ, не привязывала себѣ къ головѣ черныхъ хвостовъ въ двадцать парсанговъ длины въ знакъ своего горя, а сама представляла собой воплощеніе вѣчнаго траура, живой мавзолей, живую плакучую иву.

Такова была моя мать, такова была и тетя Лея.

Но между тѣмъ какъ у матери извѣстныя эстетическія инстинкты брали верхъ надъ ея горемъ, не давая ей опускаться до неряшли-

вости и крайней небрежности, которыя она, по примѣру отца, даже считала тяжкимъ грѣхомъ,—тетя Лея дошла въ этомъ отношеніи до нѣкоторыхъ крайностей. И эти крайности опять объясняются тѣмъ, что у нея къ чувству глубокаго безконечнаго горя присоединилось какое то озлобленіе.

Все это сдѣлало ее почти совершенно, равнодушной къ себѣ самой, а также и къ чужому горю, чужимъ страданіямъ. Между тѣмъ съ матерью произошло прямо противоположное: ея безконечное горе и страданія сдѣлали ее въ высшей степени чуткою къ чужому горю и чужимъ страданіямъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ раньше.

Тетя Лея, кромѣ того, вся погрузилась въ заботы о добываніи хлѣба для дѣтей, и эти заботы всю ее поглощали до того, что она ни о чемъ другомъ, пожалуй, и не могла бы думать, еслибы и хотѣла. И эти заботы, эти мелкіе грошевые интересы въ свою очередь какъ то иссушили ея душу, очерствили ея сердце, сдѣлали ее очень мелочной. Правда, въ ней не все совершенно заглохло и очень часто сердце ей напоминало, что она «дочь ребѣ Леба», какъ она сама говорила иногда. Но доводами, что она, молъ, горькая вдова, которая должна пещись только о сиротахъ своихъ, она заглушала часто эти напоминанія сердца.

Одинъ изъ друзей ея покойнаго мужа, нѣкій ребѣ Азикъ-Лебѣ, имѣвшій свою небольшую паровую мельницу, человѣкъ довольно состоятельный и очень порядочный, передалъ ей мелочную продажу муки, платя ей столько то съ пуда. Кромѣ того, ей была предоставлена исключительная продажа такъ называемыхъ «записокъ» или билетовъ на рѣзку птицъ. Всякій, кому нужно было рѣзать птицу, уплачивалъ установленную «таксу» и получалъ овальной формы металлическую бляшку, на которой по древнееврейски была выбита соответствующая надпись, съ изображеніемъ данной птицы. Эти бляшки или «квитель» надо было представить шохату, который ихъ потомъ возвращалъ въ «контору» бааль-таксе. Прямого дохода эта продажа записокъ не давала.

Вся польза получалась отъ «промѣна». Въ то время за промѣну бумажнаго рубля на мелкую монету платили до пятнадцати копѣекъ за мѣдъ, а за серебро еще и того больше. Отъ продажи же записокъ накоплялось много мелкихъ, особенно въ кануны субботы и праздники. И вотъ это давало извѣстный доходъ, довольно приличный.

Все это вмѣстѣ богатства не давало, но доставляло ей средства, болѣе или менѣе достаточныя, чтобы прокормить и одѣвать семью и платить старъ-лимудъ ¹⁾ мелаamedу.

У тетки былъ единственный сынъ, которому тогда было около тринадцати съ чѣмъ то лѣтъ и на котораго она перенесла всю свою любовь, всѣ свои заботы, а также всѣ свои упованія и надежды. Ея слабость къ нему совершенно не имѣла границъ и она доходила до того, что этимъ вызывала явное неудовольствіе дѣтей, даже Ханеле, всегда выражавшей свое возмущеніе несправедливостью и пристрастіемъ тетки къ сыну.

Для этого Буриха она «держала» лучшаго мелаameda, у котораго было всего трое учениковъ первѣйшихъ богачей города. И чтобы не заставлятъ мальчика краснѣть передъ своими богатыми товарищами, она одѣвала его почти такъ же богато, какъ одѣвали этихъ «гвирскихъ» дѣтей. Бурихъ въ будни носилъ красивый сатендловый сюртукъ или «капоту», суконный картузь и суконный бурнусъ на ватѣ. Для субботы и праздничныхъ дней онъ имѣлъ атласную «капоту» и бархатный картузь. Какова бы ни была нужда въ домѣ, Бурихъ долженъ былъ имѣть все лучшее. И не даромъ дѣти жаловались, что весь «добрый мазоль» ²⁾ уходитъ на Буриха. За его ученіе мелаamedъ получалъ сорокъ руб. за зманъ ³⁾, что для того времени составляло огромную сумму.

Весьма естественно, что мое положеніе у тетки оказалось далеко не блестящимъ.

¹⁾ Правоученіе.

²⁾ Все добро.

³⁾ Семестръ—полугодіе.

Я уже не говорю о томъ, что сама эта обстановка меня, выросшаго среди простора и мира, привыкшаго съ первыхъ минутъ сознанія видѣть вокругъ себя безграничныя степи и луга, глубоко отталкивала. Тутъ не только земли, но и неба нельзя было видѣть.

Окна тетки, какъ я уже говорилъ, выходили на галерею, такъ что предъ глазами постоянно торчали забрызганныя грязью колонны; если же я задиралъ голову, то дѣйствительно видѣлъ надъ собою сводъ, но далеко не небесный и не лазуревый, а грязный сводъ, поддерживавшій второй этажъ. За галереей тянется дворъ въ видѣ правильнаго четырехугольника, плотно застроеннаго со всѣхъ сторонъ двухъ-этажными флигелями, въ которыхъ ютились десятки семействъ. За этимъ дворомъ, позади передняго флигеля, находился еще одинъ, такъ называемы «черный» дворъ, совершенно темный даже днемъ. Тутъ находились: отливъ или помойная, «сметникъ», куда всѣ обитатели бросали весь накопившійся соръ, и «нужники», при одномъ воспоминаніи о которыхъ у меня даже теперь переворачиваются всѣ внутренности.

Ничего болѣе зловоннаго, чѣмъ этотъ черный дворъ, міръ создать не могъ. При одномъ приближеніи туда спиралось дыханіе и что-то остро вонючее пронизывало тебя насквозь и ошеломяло. Нельзя было ступить шагу, чтобы не попасть въ кучу отбросовъ, покрывавшихъ тутъ сплошь все пространство, ибо не у всякаго хватало мужества забраться въ самые «нужники», гдѣ зловоніе могло довести до удушья. И тѣмъ не менѣе въ этомъ «черномъ дворѣ» находился флигель и тамъ жило нѣсколько семействъ. И даже надъ самыми «нужниками» находилась небольшая квартирка, въ которой жилъ несчастный сапожникъ изъ Бердичева.

По количеству населенія дворъ этотъ могъ сравниться съ любымъ мѣстечкомъ. Тамъ жило не меньше шестидесяти семействъ, изъ которыхъ многія еще отдавали въ наемъ комнаты цѣлымъ семьямъ. Тутъ жили все мелкіе торговцы, имѣвшіе свои «рундуки» или лавочки въ мясныхъ рядахъ, и ремесленники.

Когда бывало всѣ дѣтки, которыхъ была добрая сотня, высы-

пять во дворъ по возвращеніи изъ хедеровъ или въ субботній день, гулъ подвигался такой, что въ квартирахъ нельзя было слышать другъ друга. И даже когда на дворѣ никого не было, все кругомъ было постоянно наполнено криками, плачемъ и визгомъ дѣтей, доносившимися изъ всѣхъ оконъ и дверей.

Такова была внѣшняя обстановка, въ которой я очутился.

Какъ задыхался я въ этомъ зловоніи, въ этомъ омерзительномъ чистилищѣ!

Не многимъ лучше было и внутри.

Я очутился у тетки, какъ узелъ съ бибехами, который прѣзжіи деревенскій житель бросаетъ у добрыхъ знакомыхъ на короткое время. Его запикиваютъ въ какой-либо темный уголъ или же, если онъ мѣшается, швыряютъ съ одного мѣста на другое.

Уже съ первыхъ дней меня во время ѣды стали сажать на землѣ и заставляли ѣсть изъ одной тарелки съ «калѣкою», одинъ видъ которой мнѣ внушалъ неодолимое отвращеніе. Помимо своего уродства, она была чрезвычайно грязна и нечистоплотна, ѣла съ жадностью свиньи и совала свои грязныя лапы, которыми она постоянно держалась за землю, когда ползала, въ самый супъ, вылавливая картофель, фасоль и т. д. Вообще она походила больше на болотное пресмыкающееся, чѣмъ на человѣка. Все въ ней глупо меня отталкивало. Къ тому, какъ всѣ калѣки, она была чрезвычайно злобна и хитра. Каждый разъ, какъ мнѣ приходилось усаживаться около нея, меня охватывала какая-то дрожь.

Это было самое тяжелое, самое обидное и унижительное, что я долженъ былъ выносить въ домѣ тетки Лей. И не одинъ разъ я глоталъ слезы вмѣстѣ съ пищею.

Особенно сильно это униженіе, въ которомъ меня держали, подействовало на мать и Бейлу.

Когда онѣ однажды вечеромъ пришли и увидѣли меня ужинающимъ на полу вмѣстѣ съ калѣкою, онѣ сейчасъ ушли, не попрощавшись съ теткою, а потомъ цѣлую ночь и цѣлый день пропла-

кали. Бейла поклялась никогда больше не входить въ домъ тетки Леи и даже никогда не взглянуть на ея «циру» ¹⁾).

Нельзя, конечно, сказать, чтобы тетка это дѣлала со спеціальной цѣлью меня унижить. Она вообще мною мало занималась и не обращала на меня никакого вниманія. Я отъ нея никогда не слышала ни ласки, ни брани, и она въ очень рѣдкихъ случаяхъ называла меня даже просто по имени.

Само собою разумѣется, что именно въ этомъ пренебреженіи и заключалось самое обидное, такъ какъ этимъ она явно выражала, что я ей въ тягость. Впрочемъ, она въ этомъ отношеніи не ограничивалась одними намеками.

Вообще жизнь въ домѣ тетки Леи представляла мало привлекательнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и она мнѣ была бы крайне неприятна даже при лучшихъ отношеніяхъ ко мнѣ.

Въ теченіе дня все почти сосредоточивалось въ лавкѣ, гдѣ оставались почти всѣ и куда выползала даже калѣка. Главною сидѣлицей въ лавкѣ была, правда, Песя, которой, несмотря на ея молодость (ей было всего семнадцать лѣтъ), тетка довѣряла вполне. И, дѣйствительно, на нее можно было вполне положиться. Она, такъ сказать, съ увлеченіемъ отдавалась лавкѣ и вполне обладала необходимымъ для этого купеческимъ духомъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ тетка, которая иногда все-таки проявляла несоотвѣтствующую для дѣловаго человѣка мягкость и снисходительность по отношенію къ бѣднымъ покупателямъ. Песя всегда же удерживалась на своей недосыгаемой высотѣ и не поддавалась никакимъ сентиментальностямъ.

Иногда, довольно впрочемъ рѣдко, Песю замѣняла двѣнадцатилѣтняя Табель, бойкая умная дѣвчонка, на которую тоже вполне можно было положиться, и которая, какъ по внѣшности, такъ и по характеру, представляла почти копію своей старшей сестры.

Такимъ образомъ вся почти семья была, такъ сказать, пропитана

¹⁾ Рожу.

лавкой, жила ею и ее интересами. Тутъ было все, главный источникъ существованія, главный нервъ и двигатель жизни. Тутъ и веселѣе было: кругомъ люди, движеніе.

Домъ же находился въ полномъ пренебреженіи, а домашняя жизнь занимала очень мало мѣста и тоже была больше связана съ лавкой и ее средой. Въ домъ заходили только вечеромъ ѣсть и спать. Ибо цѣлый день не ѣли, а только «перехватывали». Вечеромъ же ужинали. Тогда были всѣ свободны, тогда возвращался изъ хедера Бурихъ. Не удивительно поэтому, что о домѣ такъ мало заботились, такъ мало имъ занимались.

Лавка находилась на самой людной, самой шумной и самой торговой улицѣ, въ самомъ центрѣ густо населеннаго еврейскаго квартала, носившаго названіе «Еврейскія рѣзницы». Этотъ кварталъ состоялъ изъ нѣсколькихъ не очень большихъ, но очень грязныхъ улицъ, гдѣ ютилась преимущественно бѣдность и толтыба и мелкіе торговцы и ремесленники.

Противъ лавки тетки тянулся рядъ еврейскихъ мясныхъ, давшихъ названіе кварталу, который собственно составлялъ часть болѣе обширнаго еврейскаго квартала, носившаго названіе «Бараки». Происхожденіе этого названія мѣстные историки объясняли тѣмъ, что тутъ когда то находились деревянные бараки, въ которыхъ помѣщались большіе склады деревяннаго угля, доставлявшагося изъ глыбины бессарабскихъ лѣсовъ.

Не у всякаго еврея хватало мужества признаться, что онъ живетъ въ «Баракахъ», на которые жители другихъ кварталовъ почему то смотрѣли съ высокомернымъ презрѣніемъ. Если одинъ еврей ссорился съ другимъ, онъ непременно крикнетъ ему: позвольте-ка, фетерь¹⁾, не изъ «Бараковъ»-ли вы. О неприятной женщинѣ говорили: Это какая-то баракская еврейка (а barakir Jüdine). И надо признаться, что относительно опрятности баракскія женщины были далеко не безъ грѣха.

¹⁾ Дядя.

Нѣкоторые переулки были буквально непроходимы и своимъ смрадомъ и вонью даже превосходили вышеописанный «черный дворъ». Тутъ въ буквальномъ смыслѣ были приложимы слова святаго отца церкви: *Inter feces et urinas nascimur*. Тутъ все утопало въ экскрементахъ и отбросахъ. Тутъ все откровенно совершалось на улицѣ, куда все и вываливалось.

Но я забѣгаю нѣсколько впередъ.

Весь тротуаръ передъ упомянутыми мясными лавками былъ занятъ такъ называемыми «мѣстами», гдѣ по преимуществу женщины и молодыя дѣвушки сидѣли въ два ряда другъ противъ друга со своими корзинами съ лукомъ, картофелемъ, фасолями, горохомъ, бѣлыми маленькими хлѣбчиками, коржиками, бубликами, яблоками, гнилыми апельсинами и лимонами, мелкимъ галантерейнымъ товаромъ и т. п.

Къ мяснымъ лавкамъ подъ прямой уголъ прилегали по обѣ стороны ряды бакалейныхъ магазиновъ съ колоннами и галлереями впереди, довольно широкими.

Эти галлерей въ свою очередь, во всю длину, были заняты двумя рядами рундуковъ, гдѣ женщины и мужчины торговали преимущественно молочными и разными болѣе тонкими печеніями. Тутъ на большихъ желѣзныхъ четырехъугольныхъ сковородахъ выставлялись: «медовый» или «сахарный» пряникъ, миндальные бублички, миндальные коржики, медовые коржики съ орѣхами, разнаго рода сухарики, молочныя печенія и т. д. Тутъ же продавались масло, сыръ, качкавалъ, какіе-то литовскія «гомелькисы» изъ сыра и всякіе другіе еврейскіе молочные продукты, доставлявшіеся изъ окрестныхъ городковъ и мѣстечекъ. Продавцы молочнаго были большею частью почтенные евреи, пользовавшіеся довѣріемъ. Рядомъ съ печеніями и молочнымъ продавался хлѣбъ половинками и четвертями, разрѣзанная селедка, «лакырда» и т. п. Торговцы и торговки тутъ тѣсно были прижаты другъ къ другу, и такъ какъ тутъ постоянно двигались толпы, то трудно было найти проходъ между ними. Подъ сводами этихъ галлерей вѣчно царилъ оглушительный

гуль отъ разговоровъ покупателей и перекликиваній и зазываній продавцевъ.

Передъ галереями, у самыхъ колоннъ, за своими зелеными столиками и прибитыми къ нимъ сверху рѣшетчатыми ящиками, сидѣли мѣнялы и мѣняльщицы, держа передъ собой горшки съ горящимъ углемъ, чтобы обогрѣть окоченѣвшіе и распухшіе отъ холода пальцы, каждый разъ когда приходится считать деньги, разложенныя въ видѣ мѣдныхъ и серебряныхъ колоннъ правильными рядами.

Непосредственно противъ лавки тетки, заслоняя собой ряды сидѣвшихъ на тротуарахъ торговыхъ, стоялъ длинный рядъ еврейскихъ ломовыхъ извозчиковъ съ ихъ круглыми телѣжными ящиками, служивавшими сзади и носившими специальное названіе «повозокъ». А передъ рядами бакалейныхъ лавокъ стояли другого рода ломовые извозчики со своими телѣгами безъ ящиковъ, называвшимися «биндюгами». Тутъ же на тротуарѣ стояли такъ называемые «штыперы» со своими ручными телѣжками, ожидая работы.

Словомъ, мѣсто было самое бойкое, самое шумное и самое людное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое смрадное, самое зловонное не только теперь, когда весь этотъ несчастный людъ буквально утопалъ въ грязи, но и въ самое лучшее время года.

Шумъ и гамъ тутъ начинались съ ранняго утра и кончались только поздно вечеромъ. Весь воздухъ непрерывно былъ наполненъ гуломъ оглушительныхъ смѣшанныхъ криковъ: «Горячіе, горячіе бублики, евреи».

— Коржики горячіе, женщины, коржики горячіе! Сюда, сюда, женщины! Грошъ бубликъ на яйцахъ, грошъ, евреи, грошъ!

— Два апельсина три копѣйки, женщины, покупайте, покупайте на субботу.

— Дайте слѣпому калѣкѣ, евреи, имѣйте состраданіе, еврейскія дѣти.

— Ой булочки, ой булочки! Хоть царю подавай, только что изъ печи.

— Ко мнѣ, ко мнѣ, женщины! Вотъ рябая фасоль на цимесь—
золото и серебро.

— Чтобъ ты такъ дожила до завтра, старая клипше!

— Ой, винныя сливы! Райскій вкусъ.

— Десять тебѣ болячекъ, паршивка ты этакая!

— Моченныя яблоки. Кислые огурцы съ рассоломъ.

— Къ твоей головѣ, къ твоему тѣлу и душѣ, паскуда!

— Пускай все на твою голову и голову твоихъ дѣтей!

— Книши горячіе, книши горячіе!

— Легкія и печенки съ чеснокомъ! Хватайте, хватайте же—осты-
неть!.. Покупайте же, покупайте, женщины!

— Такой годъ на тебя!..

— Такой годъ на тебя, такой мазоль ¹⁾ на тебя, мое темное
сердце на тебя!

— Сжальтесь надъ бѣдною вдовою съ пятью дѣтьми!..

— По копѣйкѣ печеніе на маслѣ, по копѣйкѣ!

— Пуговицы, иголки, головныя булавки. Дешево, женщины,
дешево!.. Гребенки, миндальное масло...

— Руки и ноги сломай себѣ, стерва!.. Сорокъ тысячъ тебѣ бо-
лячекъ на языкъ, на легкія, на печенки...

Тутъ-же происходитъ драка между извозчиками, которые тѣснымъ
кольцомъ окружили нанимателя и галдятъ такъ, что бѣдняга заты-
каетъ уши.

— Ко мнѣ первому подошелъ!—кричитъ рыжій Азріэль съ коз-
линой бородкой и сильно весноватымъ лицомъ.

— Чтобъ ты такъ шелъ на ногахъ, рыжій индюкъ, in dein
tatens taten harein! ²⁾.

— A ruch dir in der mamen in der sedechе ³⁾!—кричалъ ему
другой, маленький, болѣзненно желтый Сендеръ, съ рѣденькой черной
бородкой и очень хриплымъ голосомъ.

¹⁾ Судьба.

²⁾ Въ отда твоего отца.

³⁾ Чтобы чортъ вселился въ твоей матери, чертовкѣ.

Наконецъ кто-то выставляетъ вверхъ батожище, мозолистыя, смолой и дегтемъ испачканныя руки охватываютъ его по очереди. Чья рука на самомъ верху окажется, тотъ ѣдетъ.

— Вотъ и правда показалась!—кричать ликующій Азриэль.

— Чтобъ тебѣ живымъ не доѣхать съ твоею правдою!—кричить ему вслѣдъ хриплый озлобленный Сендеръ, которому никогда не везетъ.

И опять эти никогда не прекращающіяся выкрикиванія: «Juden volvel, katift volvel, volvel¹⁾» и большею частью это не простыя выкрикиванья или зазыванія съ цѣлью привлечь покупателя, а какія-то жалобы или стоны, чтобы отвести душу, заглушить тоску. Всякій имѣетъ свою грустную мелодію, свой печальный напѣвъ, которымъ онъ сопровождаетъ свои зазыванія и которые суть не что иное, какъ крикъ ихъ измученной души. Даже въ самой брани звучать часто накипѣвшая горечь и отчаяніе, заглушенные рыданія...

Первые дни я со всѣми вмѣстѣ проводилъ въ лавкѣ съ утра до вечера. Удержаться въ этой мрачной, тѣсной и къ тому всѣми оставленной берлогѣ не было возможности.

Особенно непривѣтливый, отталкивающій видъ представляло жилище тетки утромъ при пробужденіи. Весь полъ былъ устланъ спящими, такъ какъ въ домѣ тетки была всего одна постель, въ которой спала она сама.

Повсюду въ беспорядкѣ разбросана одежда, лишнія подушки, перины, которыхъ безчисленное множество. Около печи, въ углу, лежитъ куча сору, который накопился въ теченіе дня; въ другомъ углу, около дверей, стоитъ огромная зловонная лохань, стѣнки которой на два пальца облѣплены жиромъ и грязью.

Первая обыкновенно пробуждается тетка, такъ какъ лавку открывала обычно она. Песа же любила утромъ немного побаловаться въ постели.

Вотъ стоитъ тетка надъ лоханью въ нижней юбкѣ на ватѣ, съ тщательно обязанной грязнымъ капоромъ головой, и умывается.

¹⁾ Еврей, покупайте дешево, дешево.

— Можно было бы сегодня уже вынести помойницу,—говорить она.—Право, не подобаеъ сказать «брухе» ¹⁾ даже при ней и при томъ она уже переполнена.

Умывшись и вытирая немного раскрасившееся лицо очень грязнымъ общимъ полотенцемъ, она подходитъ къ спящей на землѣ Табель и, толкнувъ ее слегка ногой, говоритъ:

— А ну-ка, Табель, встань скорѣе; вынесемъ ее вмѣстѣ.

Табель, которая только что глядѣла во все глаза, вдругъ исчезаетъ вся съ головой подъ изодраннымъ ватнымъ «полтисакомъ» матери, которымъ она укрывается, и начинаетъ нѣсколько преувеличенно храпѣть...

Лежащая рядомъ съ нею на землѣ калѣка начинаетъ хихикать и, хихикая, доносить матери о притворствѣ Табель.

— Темная калѣка, темные годы на тебя,—не выдерживаетъ Табель и ударяетъ ее сильно ногой.

— Ты ругаться и драться будешь потомъ. Теперь пойдемъ скорѣе—вынесемъ. Скорѣе, скорѣе. Нельзя хорошаго слова ²⁾ сказать при этомъ паскудствѣ.

— Отчего это всегда я, всегда я,—плаксиво начинаетъ Табель.—Какъ только помойница, такъ ужъ я. Все я, все я. Что Бурихъ—боленъ? Ничего. Чортъ его не возьметъ! Пускай онъ хоть разъ вынесетъ. Что! Ему не прилично, что-ли?

— Идешь или нѣтъ,—сердито уже говоритъ тетка.—Каждое утро я должна себя съѣсть сердце изъ-за этой помойницы. Мало у меня горя... Сейчасъ набрось на себя юбку и идемъ.

— Пускай твой кадишъ ³⁾ идетъ,—опять огрызается Табель.—Ничего, онъ здоровъ какъ быкъ. Смотри, какъ она дрожитъ надъ нимъ. Шутка-ли такая цаца, чтобъ онъ тебѣ пошелъ въ землю.

¹⁾ Утреннюю молитву при пробужденіи почему-то называютъ «брухе»—благословеніе.

²⁾ Т. е. молитвеннаго слова.

³⁾ Такъ какъ сынъ послѣ смерти родителей читаетъ по нимъ молитву, кадишъ, то его называютъ этимъ именемъ.

Тутъ тетка уже совсѣмъ теряетъ терпѣніе, сдираетъ полтисакъ съ Табель и, схвативъ ее за волосы, грозитъ ей поднять ее такимъ образомъ, если она не встанетъ немедленно.

Бѣдная дѣвочка съ плачемъ и причитываніями поднимается, быстро одѣваетъ юбку и мимоходомъ босою ногою опять отпускаетъ энергичный пинокъ въ спину злорадствующей калѣкѣ, которая смотритъ на всѣ эту сцену съ чувствомъ удовольствія и удовлетворенія. Ее вообще все забавляетъ, все занимаетъ и за всѣмъ она слѣдить своими острыми кошачьими глазами съ полуоткрытымъ ртомъ.

Возвратившись со двора, тетка говоритъ «брухе» и потомъ, набросивъ свой ветхій полтисакъ съ потертымъ и общипаннымъ заячьимъ воротникомъ и захвативъ ключи, она отправляется открывать лавку, приказавъ всѣмъ встать и приготовить чай.

Сейчасъ вслѣдъ за теткой поднимается Бурихъ, который держится въ домѣ какъ маленькій «хозяинъ» и взрослый еврей. Умывшись, онъ безъ сюртука, въ длинномъ талескотенѣ, расхаживая по комнатѣ, читаетъ «переднія молитвы», какъ это дѣлаютъ настоящие евреи.

Всякій его шагъ, самый безобидный, вызываетъ насмѣшливыя замѣчанія сестеръ, которыя за баловство и поклоненіе матери ненавидятъ его, какъ братья ненавидѣли Іосифа за пеструю туніку. И всякое замѣчаніе съ ихъ стороны сопровождается ироническимъ хихиканіемъ, которое выводитъ его изъ терпѣнія.

— Убирайся отсюда, тинефъ! ¹⁾—кричитъ онъ, бросаясь на Табель, которая чаще всего мечетъ въ него мѣткія стрѣлы.—При тебѣ нельзя совершать молитву.

— Развѣ падику можно гнѣваться,—спокойно встрѣчаетъ та его ярость.—И какъ это чистыя уста такого святого небеснаго мужа, какъ ты, произносятъ такіа словечки, которыя подобаютъ извозчику Азріаю.

¹⁾ Навозъ, нечистота. При всякой нечистотѣ запрещается совершать молитву.

— Чтобъ ты уже пошла въ землю съ головой!—кричать обезсиленный отъ гнѣва Бурихъ плаксивымъ голосомъ.

— Опять таки великому падигу не слѣдуетъ выходить изъ себя. Ты же самъ говорилъ,³ что въ книгахъ сказано, что гнѣвъ все равно, что идолопоклонство,—замѣчаетъ уже Песа, лѣниво зѣвая и вытягивая вверхъ свои голыя, красивыя руки, которыя спѣшить закрыть.

И бросивши свое ядовитое замѣчаніе несчастному «падигу», она подкладываетъ обѣ руки подъ затылокъ, потягивается и зѣваетъ.

Повалывшись такимъ образомъ еще съ четверть часа, она наконецъ медленно начинаетъ подниматься, потомъ опять ложится и потягивается. Намерзнувшись цѣлый день въ лавкѣ, она находила отдыхъ и теплоту только въ постели и съ большимъ трудомъ съ нею разставалась и, уже одѣваясь, она все еще потягивается, зѣваетъ и все повторяетъ: «Вставать, идти въ лавку—надоѣло это мнѣ какъ грязь».

Между тѣмъ, уже очутившись въ лавкѣ, она мгновенно сбрасываетъ съ себя всю свою дѣвическую ибгу, все баловство и превращается въ истую по призванію лавочницу.

Вотъ уже всѣ встали и умылись. Табель набрасываетъ на себя шаль матери, сѣрую въ темносинихъ полосахъ по краямъ, беретъ большой жестяной чайникъ безъ ручки и, получивъ въ лавкѣ полторы копѣйки на воду, отправляется «парить чай» въ трактиръ, который находится въ слѣдующемъ домѣ, гдѣ занимаетъ весь второй этажъ.

Чаепитіе происходитъ при полномъ безпорядкѣ и неубранныхъ на полу валяющихся постеляхъ, ибо Песа спѣшить въ лавку, а Буриху надо идти въ хедеръ, а потому убранство откладывается и среди этого безпорядка и хаоса огромнымъ паукомъ по полу ползетъ «калѣка», передвигаясь съ мѣста на мѣсто, соорясь то съ однимъ, то съ другимъ, пискливо крича и ругаясь.

Чай представляетъ собой желтую водичку, не всегда даже достаточно горячую, которую пьютъ въ прикуску. Пьютъ его тѣмъ же

менѣ съ величайшимъ наслажденіемъ и съ какою то нѣгою. И почти всѣ, особенно же старшіе, при каждомъ глоткѣ выражаютъ громко испытываемое наслажденіе.

— А, согрѣваетъ всѣ члены, «живить душу»,—выражаетъ свое удовольствіе тетка.

И обычное выраженіе жестокости на ея лицѣ нѣсколько смягчается, и она глядитъ нѣсколько привѣтливѣе.

«Калѣка» хлебаетъ чай изъ блюдца, сидя по обыкновенію на полу и приговаривая: «ахъ, а-а-охъ—живить!» Любя очень все сладкое, она большей частью чай выхлебываетъ безъ всего, а полученный кусочекъ сахару прячетъ, чтобы его потомъ съѣсть съ хлѣбомъ или безъ хлѣба.

Вотъ свѣтлымъ лучомъ на болотномъ фонѣ на порогѣ изъ своей комнаты появилась Ханеле, красивая, стройная, съ свѣжимъ, какъ вишня на деревѣ, лицомъ, съ чудной улыбкой на устахъ. У нея въ рукахъ стаканъ.

— Еще горячій чай?—спрашиваетъ она своимъ пѣвучимъ, милымъ, ласкающимъ голосомъ.

Ея Фипель «вертится около рыбы». Его отецъ, живущій въ прибрежномъ городѣ, гдѣ совершается рыболовля въ большихъ размѣрахъ, присылаетъ рыбу въ О. Рыба прибываетъ очень рано и потому Фипель еще до свѣта долженъ быть на «рыбной». Онъ такимъ образомъ встаетъ очень рано и уходитъ, а послѣ его ухода Ханеле снова засыпаетъ. Вотъ почему она встаетъ нѣсколько позже. Къ тому же она не выходитъ изъ своей комнаты, пока не приведетъ все въ порядокъ.

Когда Бурихъ кончаетъ чай, мать ему завязываетъ въ бѣлую тряпочку пару маленькихъ булочекъ съ масломъ или сыромъ, а то кладетъ туда печеное яйцо или апельсинъ. И забравъ это и положивъ подъ мышку свой большой фоліантъ Талмуда, онъ отправляется въ хедеръ.

Буриху уже минуло тринадцать лѣтъ. Онъ хорошаго, коренастаго сложения, широкоплечій, бѣлолицый, съ пухлыми полными щеками,

свѣжими, какъ яблоко, съ очень красивыми темно-синими глазами, бѣлымъ прямымъ лбомъ, не выражающимъ большого ума, котораго у него на самомъ дѣлѣ не ахти какъ много, въ противоположность прочимъ членамъ семьи, очень щедро надѣленнымъ въ этомъ отношеніи. Зато онъ отличался прямою и безхитростностью, которая всѣми сестрами, за исключеніемъ Ханеле, ставится ему въ укоръ какъ величайшая глупость и ограниченность. Вообще онъ малый не злой и съ добрыми, педантически честными наклонностями. Онъ совершенно незаслуженно вызываетъ къ себѣ злобу, платясь за слабость къ нему матери.

Это баловство привило ему нѣкоторыя привычки бѣлоручки, но не испортило его характера. Онъ очень вспыльчивъ и когда вспылить становится злымъ. Но гнѣвъ его быстро тухнетъ.

Способности у него тоже далеко не блестящія и его познанія въ Талмудѣ ограничены, хотя онъ учится у лучшаго меламеда. Тѣмъ не менѣе онъ сравнительно много знаетъ, ибо у него огромное желаніе знать и невѣроятное трудолюбіе и прилежаніе. Всѣмъ этимъ однако все-таки въ Талмудѣ далеко не уѣдешь. Тутъ нужны «острый мозгъ», острая голова. И вотъ, тамъ, гдѣ доходитъ до чего-нибудь сложнаго, до «терпкаго куска», гдѣ надо примирить противорѣчія различными остроумными сопоставленіями, бѣдный Бурихъ напрасно потираетъ свой большой, но плоскій лобъ, на которомъ отъ потугъ образуется множество морщинъ. Мозгъ только еще больше тупѣетъ и понять все усложняющійся «тируцъ»¹⁾, онъ никакъ не въ состояніи. «Его голова представляетъ складъ, гдѣ много товару, но которымъ онъ не умѣетъ пользоваться». Такъ о немъ говоритъ его ребе, ребъ Мордхе, человекъ съ огромной эрудиціей и очень крупнаго ума. И въ этомъ заключается глубокая драма, какъ для него самого, такъ особенно для бѣдной матери, для которой онъ составляетъ всю гордость и которая связываетъ съ нимъ всѣ упованія въ будущемъ. Она вполнѣ увѣрена, что онъ истый

¹⁾ Отвѣтъ, объясненіе.

«илуд» ¹⁾, что по своимъ знаніямъ онъ превосходитъ всѣхъ, и такъ какъ «ихустъ» ²⁾ у него блестящій, то его подхватитъ какою-нибудь важной «гвирь», который «осыплетъ его золотомъ».

Самъ Бурихъ очень часто неизмовѣрно страдаетъ, вида, какъ трудно ему даются многія вещи; онъ себя лучше знаетъ, чѣмъ мать, хотя и не лишентъ нѣкотораго самомиѣнія, которое невольно должно было ему внушать отношеніе къ нему матери.

Въ присутствіи матери никто не заикался объ ограниченныхъ способностяхъ Буриха. Это тщательно отъ нея скрывается. Это для нея было бы страшнымъ ударомъ. Знать объ этомъ хорошо Фишель и Ханеле, а другіе въ семьѣ хотя и считаютъ его многознающимъ, но тоже не очень высокаго миѣнія ни о способностяхъ, ни особенно объ его умѣ, и они такъ и говорятъ о немъ, что онъ, «platziglich» — туповатъ.

Какъ я уже говорилъ, къ Буриху всѣ относились очень пристрастно и рады были находить въ немъ недостатки. Фишель же, который, какъ увидимъ ниже, уже былъ охваченъ нѣкоторымъ вольнодумствомъ и за это страдалъ, особенно его не долбилъ и относился къ нему почти что съ презрѣніемъ. Ко миѣ Бурихъ, особенно вначалѣ, относился свысока, съ полнымъ пренебреженіемъ, не потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такъ высокомиѣренъ, а потому, что какъ юноша, уже изучающій Талмудъ и Тосфосъ и Маршого ³⁾, онъ иначе не можетъ относиться къ какому-то мальчугану, который не достигъ еще полныхъ десяти лѣтъ и который ходитъ «бутель» ⁴⁾.

Тѣмъ не менѣе онъ исполнялъ по отношенію ко миѣ долгъ гостепріимства и въ первую субботу взялъ меня съ собой въ синагогу, а потомъ показывалъ достопримѣчательности города.

Нивогда не забуду этого перваго посѣщенія синагоги мясни-

1) Геній.

2) Родъ, происхожденіе.

3) Извѣстные комментаріи къ Талмуду.

4) Не учится.

ковъ въ пятницу вечеромъ. Синагога находилась противъ насъ во второмъ этажѣ надъ рядомъ бакалейныхъ магазиновъ.

Поднялись мы со стороны вышеописанныхъ галлерей, которыя тогда въ виду наступленія субботы уже опустѣли и все замерло кругомъ. Адь улегся и исчезъ на тридцать шесть часовъ—до воскресенья.

Деревянная лѣстница, по которой мы поднимались, была чрезвычайно узка и напоминала собою входъ въ наше микве. Но когда я вошелъ въ самую синагогу, я былъ совершенно ослѣпленъ множествомъ свѣчей, свѣтъ которыхъ дивными радужными цвѣтами игралъ въ блестящихъ хрустальныхъ люстрахъ, двумя рядами спускавшихся изъ разрисованнаго потолка. Это мнѣ показалось какимъ-то волшебствомъ и я оцѣмѣлъ отъ восторга. Я не рѣшался сдѣлать шагъ дальше порога.

Какой-то еврей въ мѣховомъ картузѣ въ очкахъ, который расхаживалъ по синагогѣ, читая установленный псаломъ, подошелъ къ Буриху, ласково ущипнулъ его въ щеку и спросилъ, кто я.

Когда тотъ отвѣтилъ, онъ меня тоже поласкалъ и, покачивая печально головой, сказалъ:—Такъ это мизинникъ ребъ Янкеле. Я отлично зналъ твоего отца. Мы съ нимъ вмѣстѣ тутъ учились въ бесъ-гамедрешѣ послѣ его свадьбы.

— Это былъ свѣсъмъ съ золотого знамени. Тонкая, тонкая матерія. Такихъ нѣтъ теперь.

И онъ глубоко вздохнулъ.

Я былъ тронутъ и взволнованъ до слезъ. Я выросъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ собственныхъ глазахъ.

Этого еврея звали ребъ-Гершонъ. Это былъ добрый другъ всей нашей семьи.

Возвращаюсь къ дому тетки.

Когда Бурихъ уходитъ въ хедеръ и чаепитіе кончено, комната пустѣетъ: всѣ уходятъ въ лавку. Табель начинаетъ убирать: застилаетъ постель, сваливаетъ въ одну кучу на лежанку валяющееся на полу тряпье, которое прикрываетъ большимъ рядомъ,

подметывает соръ, собираетъ его на метлу и выбрасываетъ во дворъ. Покончивъ убранство, которое дѣлается небрежно, лишь бы устранить вѣшній беспорядокъ, Табель тоже уходитъ въ лавку. Тамъ она усаживается на порогъ съ чулкомъ въ рукахъ, зорко слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ, заговариваетъ съ покупателями, часто сама отпускаетъ муку, торгуется, настаиваетъ, совсѣмъ какъ большая.

Калѣка, забившись въ темную половину, гдѣ подъ рукой имѣется обширный матеріалъ изъ всякой битой посуды, ломанной мебели и всякихъ тряпокъ, устраиваетъ обширный домъ и лавку, гдѣ продается все, что хотите. Она сама продавщица и покупательница, и непрерывно между двумя этими особами происходятъ діалоги, составляющіе копію того, что происходитъ тутъ же въ другой половинѣ лавки. Вообще бѣдная калѣка очень подвижна и дѣятельна и никогда безъ дѣла не сидитъ. Вѣчно у нея происходятъ бесѣды, то съ воображаемыми посѣтителями, то съ покупателями, то создаетъ себѣ сварливую сосѣдку, съ которой безпощадно ругается.

Рѣдко, очень рѣдко, къ ней присоединяется Табель, любящая корчить большую, а потому въ рѣдкія минуты удостаивающая своимъ вниманіемъ игры, къ которымъ питаетъ, однако, неодолимую слабость, несмотря на свои двѣнадцать лѣтъ.

Она, дѣйствительно, очень рослая и красивая и уже глядитъ взрослою дѣвицей, и всѣ ея манеры и приемы не только взрослой, но уже совсѣмъ солидной женщины.

Она себя очень хорошо чувствуетъ въ этой роли большой и крайне довольна, когда ей дѣлаютъ комплименты и говорятъ, что она совсѣмъ «какъ старая». Она, поэтому, если и присоединяется къ играмъ Шендель, то это дѣлаетъ съ видомъ нѣкоторой небрежности, показывая, что это она снисходитъ къ ней. Шендель, какъ всѣ калѣки, чертовски умная и проницательная, лукаво тогда улыбается, зная отлично ея съ трудомъ одолаваемую страсть къ играмъ.

И дѣйствительно, какъ только Табель начнетъ, она увлекается совсѣмъ и входитъ въ азартъ до того, что лѣзетъ въ драку за вся-

кую не по ея вкусу разставленную «мебель» и т. п. Шендель же упорно настаивает на своемъ и за нарушение ея установленнаго порядка или за обиду царапается какъ кошка или же кусается какъ собака.

А зубы у нея мелкіе бѣлые и чрезвычайно острые. Ея поэтому избѣгаютъ всѣ. Она, впрочемъ, ни въ комъ не нуждается и отлично удовлетворяется своею собственною особою, съ которою можно дѣлать что угодно и въ которой находятъ неизсякаемый источникъ для полнаго удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей общественныхъ и душевныхъ. Никакое одиночество ея не тяготитъ; она никогда не скучаетъ, не хнычетъ, не обнаруживаетъ унынія. Ее въ этомъ отношеніи можно было бы вполнѣ назвать блаженною. Такое блаженство достигается, когда становишься выше человѣка или падаешь до животнаго.

Бень-Ами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На родинѣ.

I.

Саша Годосарская или, какъ ее теперь называли, d-r. phil. Alexandra Godossarsky только что принялась за свои утреннія занятія когда горничная доложила ей, что какой-то русскій студентъ хочетъ видѣть ее по очень важному дѣлу. Саша знала эти «важныя дѣла», которыя всегда начинались съ коммунистическаго многословія и кончались просьбой о пожертвованіи, но надо было все-таки приходиться на помощь своимъ соотечественникамъ и она со вздохомъ отложила свои книги.

Студентъ входитъ. Какъ есть русско-еврейскій студентъ, длинный, блѣдный и худой, съ взлохмаченною головою, съ длиннымъ небритымъ лицомъ и длинными стучащими шагами. Не снимая шапки, суетъ ей свою руку, называетъ свою фамилію и въ какомъ-то дикомъ смущеніи начинаетъ ходить по комнатѣ.

Саша холодно проситъ садиться.

— Спасибо, не беспокойтесь, спасибо.

Онъ садится, потомъ вскакиваетъ какъ ужаленный и опять начинаетъ бѣгать по комнатѣ.

— Собственно говоря, я къ вамъ по дѣлу, по очень важному дѣлу

— Да, я вижу, Чѣмъ могу служить?

Онъ все не перестаетъ суетиться. Подходитъ къ письменному столу, беретъ какую-то статуэтку, вертитъ ее въ рукахъ, потомъ

останавливается передъ лампой, передъ картинами, передъ цвѣтами, передъ портьерой, потомъ красится и вздыхаетъ и начинаетъ изподтишка оглядывать Сашу, ея прическу, платье и кольца. Саша понимаетъ всѣ его маневры. Она знаетъ, что вся «колонія» возмущена извѣстиемъ ея обстановки, культурностью ея жизни, даже тѣмъ, что она сдала докторскій экзаменъ, даже тѣмъ, что она работаетъ такъ много надъ наукой, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что отличаетъ ее отъ всей этой общей некультурной массы русскаго студенчества и что дѣлаетъ ее полезнымъ, дѣльнымъ членомъ человѣческаго общества. Она знаетъ, что этому молодому человѣку очень хочется сказать ей, что она должна отдать «колоніи» все свое имущество и бросить науку для «общаго дѣла» вечеринокъ и студенческихъ собраній; ей некогда спорить; къ тому же она давно перестала надѣяться на то, что ей удастся внушить когда-нибудь положительные идеалы этимъ людямъ, и она торопится скорѣе избавиться отъ своего гостя.

— Я попросила бы васъ скорѣе изложить свое дѣло. Вы видите, я занята...

— Да, я знаю, знаю.—Онъ снимаетъ съ головы шапку и нервно мнетъ ее въ рукахъ.—Вы собственно, вы... Вы—а! ну да, я не за этимъ собственно пришелъ. Вы не слыхали про меня въ N.?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Я изъ N... я оттуда... Я знаю вашу сестру и вашего родственника... Ахъ, да онъ собственно не вашъ родственникъ, а родственникъ вашей... Такъ вотъ... я получалъ сегодня письмо отъ Рувима Нехемова.

Студентъ волнуется все больше и больше. Его жидкіе, русые волосы прилипли къ большому, бѣлому лбу, а большіе сѣрые глаза ни на чемъ не могутъ остановиться.

— Простите, ради Бога, я не виноватъ,—говоритъ онъ:—я, право, никогда бы не зашелъ, если бы мнѣ не было поручено...

Саша все это прекрасно знаетъ. «Колонія» поручила, отказать нельзя, и молодой человѣкъ вмѣсто того, чтобы учиться, губить

все свое время въ исполненіи всѣхъ этихъ безцѣльныхъ, скучныхъ порученій. Но вотъ, попробуй Саша ему это сказать, попробуй она съ нимъ заговорить о тѣхъ обязанностяхъ, которыя онъ имѣетъ по отношенію къ себѣ самому и своему человѣческому достоинству, и сейчасъ же посыплются фразы о человѣчествѣ, и братствѣ и равенствѣ и обо всемъ томъ, изъ чего онъ не можетъ вывести ни одного положительнаго результата.

— Итакъ, что вамъ поручено?...

Студентъ собираетъ всѣ свои силы. Отъ напряженія его худые пальцы начинаютъ дрожать и голосъ ежеминутно осѣбается.

— Это дѣло... мнѣ поручилъ... это очень важно... касается васъ. Саша смотритъ на часы.

— Я никогда не сталъ бы... Это ужасно... но Рувимъ Нехемовъ...

Студентъ опять вскакиваетъ съ мѣста и взволнованно начинаетъ бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ну, пожалуйста, не думайте только, я знаю, вы заняты, но это что-то такое, вы ничего не знаете?... Вы... Анна Владиміровна, ваша сестра... нѣтъ, я не могу больше!

Онъ отчаянно махаетъ рукой. Саша никогда не могла подозрѣвать такой болѣзненной застѣчивости у этихъ дикарей!

— Я все еще не понимаю васъ. Вы говорили уже о томъ, что знаете мою сестру.

— Да, я знаю ее, т. е. я знаю ее. Понимаете я *знаю* ее.

Онъ дѣлаетъ отчаянное удареніе на *знаю* и останавливается передъ ней съ вытаращенными глазами.

— Ну, и что же?

— И что же? То, что... Ахъ, Господи, она вѣдь ничего не знаетъ!.. Рувимъ Нехемовъ просилъ меня вамъ передать...

Его голосъ становится рѣшительнѣе, и громче и тѣмъ рѣшительнѣе и громче звучитъ его голосъ, тѣмъ растеряннѣе становится его лицо. Потомъ онъ вдругъ начинаетъ говорить такъ комически таинственно и тихо, что Саша невольно улыбается.

— Понимаете?.. Рувимъ Нехемовъ просилъ меня...

— Это я уже слыхала...

— Онъ просилъ меня... Анна Владиміровна... ваша сестра... вотъ что, вы... вы давно не получали отъ нея письма?

— Нѣтъ... да... Но, позвольте, при чемъ тутъ вы?

Студентъ становится совсѣмъ багровымъ и бормочетъ что-то непонятное.

— Подготовить... Нехемовъ просилъ... Нѣтъ, я лучше въ другой разъ приду!—вскрикиваетъ онъ вдругъ и хватается за шапку.

— Нѣтъ, пожалуйста, разъ вы уже отняли у меня столько времени, то я попросила бы васъ...—все еще улыбаясь, начинаетъ Саша.

— Ахъ, но вѣдь съ вашей сестрой случилось несчастье!—съ отчаяньемъ кричитъ студентъ и оглядывается по сторонамъ съ такимъ видомъ, точно ищетъ мѣста, гдѣ бы спрятаться отъ нея.

Саша блѣднѣетъ, хотя забытая улыбка все еще продолжаетъ шевелить углы ея губъ.

— Вамъ пишеть объ этомъ Нехемовъ?

— Да.

— И просить меня подготовить?

— Ну, да! ну да!

— Я понимаю... ее, вѣрно, скомпрометировали. Я знаю, у нея были такіе знакомые...

— Что?—хриплымъ голосомъ спрашиваетъ онъ.—Знакомые? Вы думаете *это*? Но вѣдь это въ тысячу разъ хуже... Это, это... Не пугайтесь, не пугайтесь, это ничего, ничего... Она, понимаете, очень больна, т. е. собственно она совсѣмъ не больна, но это хуже, понимаете уже? Это хуже... Она... она ум... ла.—Его губы беззвучно шевелятся. Онъ не можетъ произнести это ужасное слово. Саша тронута... Она подходитъ къ студенту и подаетъ ему руку.

— Благодарю васъ, вы исполнили тяжелую обязанность.

— Ахъ!—Онъ быстро пожимаетъ ея похолодѣвшіе пальцы и уходитъ, весь изгибаясь, точно совершилъ тяжелое преступленіе. Саша

видить, что чужое несчастье такъ глубоко его волнуетъ, и ей становится жалко за этого человѣка, въ которомъ такъ много чуткости и котораго колонія ужъ, вѣрно, окончательно засосетъ.

Но черезъ секунду она вспоминаетъ, что дѣло вовсе не въ коловѣ, не въ студентѣ, не въ его оцѣнкѣ, что вотъ только что принесли ей ужасную вѣсть, что Аня, ея сестра, умерла... умерла...

Она начинаетъ ходить по комнатѣ и машинально останавливается у письменнаго стола предъ листами начатой работы, машинально беретъ въ руки исписанный листъ, и мозгъ, привыкшій къ систематической работѣ, машинально заканчиваетъ начатую мысль.

«Если мы станемъ обуславливать понятіе о долгѣ—понятіемъ о чемъ-нибудь другомъ, не выражающемъ сбойи сущности долга, то понятіе это будь оно Богъ, человѣчество или счастье, никогда не сможетъ служить абсолютнымъ масштабомъ для опредѣленія нравственнаго качества человѣческихъ поступковъ».

И опять она вдругъ вспоминаетъ, что теперь вовсе не время приниматься за работу, что что-то ужасное, неожиданное ворвалось вдругъ въ ея жизнь и требуетъ отъ нея печали и слезъ. Аня умерла, умерла...

Она повторяетъ это слово, и еще оно не вызываетъ въ душѣ ея никакихъ представлений. Слово говорить, что все вдругъ измѣнилось, а кругомъ все такъ же, какъ было до сихъ поръ: все такъ же торжественно и строго смотреть дубовый письменный столъ, все такъ же мягко стелются портьеры и ковры, все такъ же нѣжны и величавы фигуры на ея картинахъ, все такъ же весело посмотреть въ окно зеленая даль кудряваго Шварцвальда. Тамъ, на этой горѣ, она вчера еще гуляла съ приватъ-доцентомъ докторомъ фонъ-Анкеръ, онъ говорилъ съ ней о ея работѣ, и голосъ его звучалъ такъ сдержанно и нѣжно, точно онъ объяснялся ей въ любви. Но, Боже мой! какъ это она только можетъ улыбаться и думать о такихъ вещахъ теперь, когда она узнала, что умерла ея сестра?

Она старается воспроизвести въ воображеніи черты этой сестры, которой она не видала ужъ три года; ей хочется разстроить себя,

вызвать въ себѣ грусть и печаль, но въ голову идутъ не образы, а слова, и слова ничего въ душѣ не вызываютъ.

Она вспоминаетъ N, грязную улицу еврейскаго губернскаго городка, покойнаго мужа сестры, и всѣхъ этихъ скучныхъ и вялыхъ людей, среди которыхъ она жила. И почему-то Аня никогда ни за что не хотѣла ѣхать за границу. Саша столько разъ говорила съ ней объ этомъ, она такъ уговаривала ее ѣхать за границу, она общалась ей ввести ее въ высококультурную среду своихъ академическихъ знакомыхъ, въ ту атмосферу, гдѣ она можетъ найти такую серьезную поддержку во всѣхъ своихъ работахъ, гдѣ сможетъ принести еще такъ много пользы въ музыкѣ и въ жизни, она увѣряла ее, что она обязана сдѣлать, наконецъ, что-нибудь изъ себя. И почему это Аня такъ упорно, такъ тупо упорно отказывалась что-нибудь сдѣлать?

И вдругъ Саша чувствуетъ, что мучительная грусть охватываетъ ея душу. Она вспомнила, какое у сестры ея было измученное и отчаянное лицо, когда она ей говорила о поѣздкѣ за границу. Она стояла у печки, золоживъ за спину руки, темная шаль мягкими складками спадала съ ея горестной фигуры, и ея влажные глаза съ какимъ-то отчаяньемъ слѣдили за движеніями Сашиныхъ губъ, точно она боялась, что слова эти сдвинутъ ее съ мѣста, унесутъ отъ этого клочка пространства, въ которомъ она спряталась отъ жизни, и заставить показывать всему міру всю себя со всею своею пустотою. И она вспомнила, что къ сестрѣ ея послѣ смерти мужа стали приходять какіе-то странные люди, послѣ ухода которыхъ она по цѣлымъ часамъ угрюмо и мрачно молчала; она вспомнила, какъ уныло и грустно влачились потомъ дни въ ея маленькой одинокой квартирѣ, она вспомнила ея хриплый надтреснутый голосъ, ея усталую походку и блѣдное и грустное лицо и все то, что было для нея такъ дорого и близко, и что навсегда ушло теперь изъ ея жизни.

Она вспомнила, что Ани нѣтъ, нѣтъ и Саша никогда уже больше ея не увидитъ; когда она пріѣдетъ снова въ N, въ ея квартиркѣ

будутъ жить чужіе люди, и никто не будетъ больше обнимать ее съ такою преданной, отчаянной любовью. И Саша чувствуетъ, что слезы рвутся, рвутся у нея изъ глазъ, и все кругомъ исчезло въ порывѣ безутѣшнаго горя.

II.

На другой день студентъ пришелъ снова и попросилъ горничную передать Сашѣ письмо, которое онъ получилъ для нея отъ Рувима Нехемова. Рувимъ послалъ на адресъ студента, такъ какъ боялся, что Саша еще не подготовлена, и вотъ онъ принесъ это письмо; къ Сашѣ онъ не зашелъ,—вѣтъ, у нея теперь такое... и вообще... впрочемъ, горничная плохо разобралась въ его ломаной нѣмецкой рѣчи.

Письмо отъ Рувима было все въ чернильныхъ пятнахъ, все въ помяткахъ и въ поправкахъ, и Саша съ трудомъ могла въ немъ разобраться. Отчего она умерла? «Ахъ, это такая таинственность; такая таинственность!» Она просто растаяла у всѣхъ на глазахъ. Можетъ быть у нея былъ порокъ сердца, можетъ быть, чахотка, а можетъ быть, какая-нибудь другая болѣзнь. И не все ли равно, отчего она умерла, если ея нѣтъ, и «можетъ быть Богъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ», но онъ, Рувимъ Нехемовъ, ничего этого не знаетъ и не понимаетъ. Но что онъ навѣрное знаетъ, такъ это то, что Аня умерла, какъ святая. «И вы уже понимаете, что она всѣ свои деньги оставила на «ту исторію». Къ письму его было приложено письмо отъ самой Ани, которое она начала писать за нѣсколько дней до смерти и которое такъ и не успѣла кончить.

Аня знала очевидно, что она умираетъ; она хотѣла сказать что то Сашѣ; она чувствуетъ, что должна была оказать это ужъ давно, но тогда у нея не было силы. И она пишетъ много, много все объ этихъ странныхъ людяхъ, которыхъ Саша встрѣчала у нея и которые теперь кажутся Анѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ, великимъ, блестящимъ, чѣмъ-то, отчего вся жизнь ея вдругъ перемѣнилась бы, если бы она знала ихъ раньше. И вотъ если Саша

хочетъ предохранить себя отъ одиночества и пустоты, отъ раскаянья за себя и близкихъ, за прошлое и настоящее, отъ всего того, что такъ угнетало и пригибало къ самой землѣ всю жизнь Ани,— если Саша хочетъ жить, пускай она идетъ туда, къ этимъ людямъ, въ эту работу, въ это дѣло.

Аня пишетъ это теперь, потому что она какъ разъ сегодня закончила свое завѣщаніе въ ихъ пользу; Саша останется почти безъ всякихъ средствъ, Аня оставляетъ ей только небольшую сумму на первое время, но вѣдь для того, чтобы идти къ тѣмъ людямъ, вовсе не нужно богатства. И ничего, ничего не нужно для того, чтобы жить безъ пустоты и мученій; нужно только имѣть простое человеческое сердце, нужно видѣть передъ собою глубокое синее небо, нужно влить слезы и смѣхъ въ безчувственные клавиши рояля, нужно только понять, что послѣ насъ будутъ жить десятки тысячъ поколѣній, нужно чувствовать свое право на жизнь, на все, что она создаетъ, на все, что можешь ей дать. И не думаетъ ли Саша, что если бы кто-нибудь когда-нибудь сказалъ это Анѣ, не думаетъ ли она, что тогда она можетъ быть никогда, никогда не умирала бы такой одинокой безпріютной смертью, какой умираетъ теперь, можетъ быть жилъ бы тогда ея мужъ, котораго она погубила своей тоскливой пустотою, можетъ быть надъ ней рыдала бы молодая жизнь, и она сама рыдала бы надъ своей молодой отходящей жизнью. Можетъ быть, она имѣла бы тогда право на это рыданье, на это синее небо, на эту весну. Можетъ быть, тогда она осмѣлилась бы сказать, что она не хочетъ умирать, не хочетъ, что она хочетъ жить, жить... дышать воздухомъ земли, каждый день дышать воздухомъ... какъ бы плоха ни была жизнь...

Письмо такъ и осталось неоконченнымъ, и отрывочныя безсвязныя фразы быстро переносили Сашу въ одинокую грустную жизнь ея сестры, которой она никогда уже больше не увидитъ и которой никогда уже больше не сможетъ сказать ласковаго слова. Эти странные люди, которые ничего общаго не имѣли съ ея сестрой и которымъ она въ минуту одиночества довѣрила, очевидно, все, что было

на ея душѣ, эти странные посмертные совѣты, въ которыхъ не было ни одной логической мысли, и вся эта атмосфера безцвѣтной, бездѣтельной жизни—все это находилось въ такомъ контрастѣ со всей разумной и спокойной жизнью Саши, такъ далеко отъ нея, такъ чуждо и въ то же время такъ неразрывно связано съ самымъ близкимъ человѣкомъ, съ самымъ острымъ личнымъ горемъ! И вмѣстѣ съ сестрой она оплакивала цѣлую человѣческую жизнь, погибшую безъ пользы и труда, безъ счастья, будущности и успѣха, безъ всего того, чего удалось добиться самой Сашѣ, и что давало столько смысла и содержанія всему ея существованью.

Только, когда черезъ нѣсколько дней Саша зашла къ своему профессору, и жена его, ея близкая пріятельница, узнавъ про смерть ея сестры, спросила ее, не собирается ли она теперь въ Россію, Саша вдругъ въ первый разъ поняла, что смерть сестры не только причинила ей громадное острое горе, но и должна будетъ совершенно измѣнить всю ея правильно-распределенную, культурную и дѣятельную жизнь.

— Да, я поѣду въ Россію,—блѣдная отвѣтила она, и вереница темныхъ блѣдныхъ городовъ развернулась вдругъ въ ея воображеніи. Въ Россію? Вѣдь ея работа здѣсь, въ Германіи, вѣдь она должна окончить «Вліяніе критическаго идеализма на современную педагогику», вѣдь она общалась д-ру фонъ Анкеру помочь ему разсмотрѣть корректурные листы его новой работы. А лекціи? а семинарія? а библиотеки? а рефераты?

— Да, я поѣду въ Россію,—особенно твердо повторила она.

— Но я надѣюсь, что вы скоро вернетесь,—кроткимъ мягкимъ ласковымъ голосомъ замѣтилъ Негг Профессор.—У васъ здѣсь много работы, и это будетъ для васъ большимъ утѣшеніемъ въ вашемъ горѣ.

Да, она знаетъ: работа это ея единственное утѣшеніе. Но она осталась безъ всякихъ средствъ... странное завѣщаніе!.. Она, вѣрно, вовсе не вернется за границу.

— И вы думаете достать у себя на родинѣ занятіе, которое вамъ будетъ по душѣ?

Саша блѣднѣетъ еще больше. Значить, она въ самомъ дѣлѣ должна ѣхать въ Россію, и онъ, профессоръ Lahr, какъ бы подтверждаетъ это. Она работала у него 7 лѣтъ, и теперь онъ находитъ вполне естественнымъ, что она должна уѣхать изъ Германіи, бросить университетъ, искать работы, нуждаться..

— Все равно, найду ли я занятія по душѣ или не по душѣ, все равно, что бы со мной ни случилось, Негг Professor, я всегда буду помнить ваши уроки, я всегда буду помнить великія творенія нѣмецкой философіи, и они дадутъ мнѣ силы и опору во всякой борьбѣ.—Саша переводитъ духъ и смѣло поднимаетъ голову.

— Да, съ такими убѣжденіями вы не пропадете.

Frau Professor смотритъ на нее своимъ нѣжнымъ материнскимъ взоромъ, и профессоръ ласково и грустно качаетъ своей сѣдѣющей и умной головой. Изящная комната, вся цѣльная и стройная въ художественныхъ краскахъ мебели, ковровъ и картинъ, тоже смотритъ на нее и ласково и грустно, точно отстраняя ее невидимымъ и мягкимъ движеніемъ. И Сашѣ становится грустно, безконечно грустно, точно ей нѣтъ уже мѣста въ этой знакомой гостиной, гдѣ она привыкла такъ свободно двигаться, среди этихъ людей, которыхъ она такъ любила и которые считались ея близкими друзьями, въ этой странѣ, въ которой она такъ много узнала и стала взрослымъ и культурнымъ человекомъ... Все вдругъ оборвалось, и надо ѣхать далеко, далеко, въ самую глушь забытой родины, искать неизвѣстныхъ занятій. Но все равно, все равно, что бы съ нею ни случилось, она всегда останется вѣрна себѣ и тѣмъ великимъ идеаламъ, которые она здѣсь научилась понимать и цѣнить выше личной жизни и личного счастья.

— Оставайтесь съ нами обѣдать,—проситъ Frau Professor,—у насъ будетъ тихо. Мы ждемъ сегодня моего брата, д-ра фонъ Anker'a... Вы знаете, онъ принимаетъ въ насъ близкое участіе, и онъ будетъ очень, очень огорченъ...

Frau Professor вздыхаетъ. Dr. von Anker всегда какъ то особенно относился къ Сашѣ; это всѣ замѣчали, и Frau Prof. очень серьезно

намекнула ей однажды на то, что она очень рада была бы, если бы, Саша согласилась выйти за него замужъ. Саша отвѣтила, что она не могла бы вступить въ ея очень религіозную лютеранскую семью, не измѣнивши вѣрѣ отцовъ своихъ, и Frau Prof. согласилась съ нею и поняла ее. Но Dr. von Anker все еще не терялъ надежды, и всякій разъ, когда онъ говорилъ съ Сашей, его голосъ дрожалъ такъ взволнованно и нѣжно, что Саша ждала объясненія въ любви, и она такъ привыкла ожидать этого объясненія, что ожиданье это стало однимъ изъ атрибутовъ ея жизни, неотдѣлимымъ отъ нея, какъ ея работа, какъ всѣ ея занятія и всѣ ея познанія. И опять Саша чувствуетъ, что что-то оборвалось въ ея жизни, и что все, что до сихъ поръ регулировало ее и наполняло ее содержаниемъ и смысломъ, должно будетъ безвозвратно исчезнуть.

Въ прихожей позвонили, потомъ раздался голосъ д-ра фонъ Анкеръ. Профессоръ вышелъ въ переднюю; изъ гостиной слышно, какъ онъ рассказывалъ о несчастіи, которое случилось съ ихъ общимъ другомъ, и о томъ, что у нихъ сегодня будетъ очень, очень грустно. Очень, очень грустно! Это звучитъ такъ задушевно и серьезно, точно всѣ страданія міра исчерпываются грустными часами въ обществѣ несчастныхъ друзей.

Dr. Anker, очень блѣдный, вошелъ въ комнату. Онъ низко поклонился Сашѣ и крѣпко пожалъ ея руку, и въ его нѣжномъ и опечаленномъ взорѣ Саша прочла то же самое, что было въ ея профессорѣ, въ его женѣ и во всей ихъ обстановкѣ; точно онъ съ молчаливымъ и грустнымъ отреченьемъ отстранялъ ее отъ себя въ далекую глушь ея родной страны. И Сашѣ стало еще грустнѣе прежняго; она не любила доктора Анкера, нѣтъ, онъ для нея только другъ, но все-таки какъ это было бы хорошо, если бы у нея былъ теперь такой мужъ, если бы онъ раздѣлялъ ея горе, если бы онъ вмѣстѣ съ нею плакалъ надъ Аней, а потомъ сталъ бы успокаивать ее и говорить съ ней объ ихъ общей работѣ. И никому бы не пришло въ голову говорить ей, что она должна теперь ѣхать въ Россію и искать занятій... Да, но судьба не справляется съ на-

шими вкусами, и не въ этомъ дѣло, а дѣло въ томъ, чтобы всегда и во всемъ стоять выше своей судьбы, чтобы всегда и во всемъ сохранять свою нравственную свободу.

Послѣ обѣда Anker подсѣлъ къ Сашѣ и, улучивъ минуту, когда ихъ никто не слышалъ, сталъ съ ней говорить. Онъ не объяснялся ей въ любви, то, что онъ говорилъ, могъ слышать любой посторонній человѣкъ, но въ выраженіи лица его было столько горестнаго отреченія и столько преданной любви! И, когда онъ уходилъ и прощался съ ней, онъ говорилъ, что никогда не забудетъ ея; никогда, никогда.

Граф Prof. съ грустной нѣжностью перевела глаза съ Саши на брата. Она знала, что они оба не такіе люди, которыхъ можетъ сломить судьба.

Да, они оба не такіе люди. Когда von Anker уходитъ, Негг и Граф-Professor еще долго говорятъ съ Сашей о томъ, что они вѣрятъ въ нее, что она всегда куда бы ни забросила ее судьба, сохранить чистоту души и останется вѣрной себѣ и своимъ идеаламъ. И когда Саша уходитъ, на душѣ у нея становится торжественно и грустно, точно она готовится на великій жизненный подвигъ.

III.

Да, такъ она бѣдна... Бѣдна, совсѣмъ бѣдна, какъ эти русскіе студенты, какъ вонъ эта стриженная барышня, которая въ разстегнутой кофточкѣ и съ ободраннымъ подоломъ бѣжитъ прямо на встрѣчу горамъ и веснѣ и напѣваетъ про себя какую-то запрещенную русскую пѣсню съ такимъ видомъ, точно эта пѣсня даетъ ей ключъ ко всему простору міра и ко всѣмъ мірскимъ загадкамъ. Бѣдна такъ, что если она черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не достанетъ работы, ей придется продавать платья, кольца, часы, придется бѣгать и суетиться и голодать, голодать...

Проходятъ дни, она опять сидитъ въ той самой комнатѣ, въ которой принимала студента, извѣстившаго ее о смерти сестры. Все кругомъ нея такъ же изящно, какъ было, но на всемъ лежитъ ужъ

штемпель ея бѣдности, мысли о голодѣ и о томъ, что всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ надо оставаться вѣрной себѣ и своимъ идеаламъ. Въ эту комнату вложено было столько вкуса и мысли; Граф Lahn такъ заботливо и внимательно помогала ей при покункѣ вещей, а вотъ для этой портьеры набросилъ рисунокъ знакомый художникъ, а вотъ эту картину прислалъ ей Dr. Anker, а эту недописанную работу «Вліяніе критическаго идеализма на современную педагогикѣ» она думала еще въ этомъ семестрѣ представить факультету. Теперь эти исписанные листы пойдутъ бродить по городамъ Россіи; кто знаетъ, гдѣ они будутъ продолжены? Кто знаетъ въ какомъ углу ея родины будутъ закончены начатыя мысли?

Россія? Родина? Она знала нѣмецкую гимназію въ Петербургѣ, куда опредѣлила ее покойная тетка, знала домъ этой тетки, въ которомъ она жила когда-то изъ милости и о которомъ она давно ужъ разучилась вспоминать, знала губернский городъ, гдѣ умерла теперь ея сестра, и еще какіе-то еврейскіе города, гдѣ каждый своею семьею жили ея мать и отецъ. Но родина? Самое это понятіе было создано въ ней здѣсь, подъ сводами нѣмецкой школы, гдѣ познавался глубокий смыслъ государства и человѣческихъ общеній. Только здѣсь, въ величавой глубинѣ философскихъ системъ она узнала, что такое общественныя обязанности и гражданскій долгъ. И теперь, когда судьба вырываетъ ее отъ этихъ дорогихъ занятій, эти великія системы должны будутъ пойти за ней и дать ей наставленіе и направленіе въ ея новомъ положеніи и ея новыхъ обязанностяхъ.

Граф Lahn часто приходитъ къ ней, и все, что она говоритъ ей, укрѣпляетъ ее въ сознаніи необходимости этихъ новыхъ обязанностей. Конечно, отъ научной дѣятельности придется ей пока что отказаться, это мучительно больно, но это все-таки необходимо, ей придется заниматься практической работой, и можетъ быть только когда-нибудь въ свободные часы, въ какой-нибудь длинный зимній вечеръ она будетъ въ состояніи отдохнуть надъ произведеніями Великихъ мыслителей. Но ея собственныя обязанности теперь другія, она принуждена искать себѣ занятій, но ея долгъ позаботиться о томъ,

чтобы занятія эти приносили пользу окружающей средѣ. Саша со вздохомъ признается, что ея соотечественники и единовѣрцы, среди которыхъ ей придется работать, далеко еще не доросли до европейскихъ понятій и европейской культуры. Она указываетъ на рускую молодежь, на русскія колоніи при нѣмецкихъ университетахъ, вспоминаетъ еврейское общество въ N, которое она старалась просвѣщать во время своихъ пріѣздовъ къ покойной сестрѣ. «Да, вамъ предстоятъ тяжелыя обязанности», говоритъ Frau Professor: «но вѣдь это васъ не испугаетъ». И Саша увѣряетъ ее, что у нея хватитъ силъ исполнить эти обязанности. Великія нравственнаго долга абсолютны и категоричны, они не считаются съ тѣмъ, легко ли ихъ исполнить или нѣтъ. Du kannst—denn du sollst, цитируетъ Саша. Frau Professor грустно и ласково улыбается. Она многое пережила и многое видала на своемъ вѣку, она знаетъ, что человѣкъ можетъ сдѣлать все, если только это нужно. У нея была подруга, избалованная, богатая дѣвушка, привыкшая къ роскоши и бездѣлю, и вдругъ отецъ ея внезапно умираетъ, дѣла оказываются совершенно разстроенными, и эта самая дѣвушка продаетъ всѣ свои драгоценности и тряпки, ликвидируетъ дѣла отца, спасаетъ остатки имущества и вмѣстѣ съ больной матерью снимаетъ квартиру гдѣ-то въ пятомъ этажѣ, добываетъ себѣ средства рукодѣльемъ и въ то же время готовится сдать учительскій экзаменъ; теперь она учительница, содержитъ на свой счетъ больную мать и прекрасно ведетъ свое дѣло. Другая подруга Frau Lahr, тоже дочь разоренныхъ родителей, стала дѣтской садовницею и получила должность при какомъ-то католическомъ учрежденіи, гдѣ дѣтей весь день оставляли голодными и заставляли распѣвать молитвы; она рѣшила во что бы то ни стало поставить это дѣло сообразно великимъ идеямъ Фребеля и Песталоцци, и вотъ ей приходится вести многолѣтнюю борьбу со своимъ начальствомъ, съ сослуживцами, съ благотворительницами, поддерживающими шею, съ родителями дѣтей, пока ея старанія не увѣнчались успѣхомъ, и ея учрежденіе стало однимъ изъ образцовыхъ дѣтскихъ садовъ Германіи. Саша молча киваетъ головой. Тамъ, въ этихъ еврейскихъ

городахъ, куда ей придется теперь ѣхать, условія еще труднѣе, культура народа въ тысячу разъ ниже, и долгъ такъ же категориченъ и такъ же непреклоненъ.

И Саша видитъ ужъ себя среди русскихъ равнинъ, среди грязныхъ городовъ, гдѣ ей придется прививать полудикому народу свои культурныя понятія и убѣжденія. Тамъ, среди одиночества, страданія и борьбы ей на помощь придетъ одно только сознаніе своего долга, одна только ея нравственная свобода.

Ночью ей снится далекая зимняя равнина, настоящая русская равнина съ снѣжными сугробами и дикимъ завываньемъ метели; она стояла подъ деревомъ, бури рвали съ нея платье, въ темнотѣ горѣли волчьи глаза, кругомъ не слышно было ни одного человѣческаго звука, и она одна стояла подъ деревомъ, отстаивая отъ кого-то свои нравственныя убѣжденія...

IV.

Еще двѣ недѣли проходятъ, и семь лѣтъ университетской жизни, научной работы и философской мысли становятся однимъ воспоминаньемъ. Мебель ея квартирки продана, въ послѣдній разъ она смотритъ изъ окна на убѣгающую даль зеленого Шварцвальда, и уже ея багажъ ташать внизъ, и извозчикъ везетъ ее по знакомымъ улицамъ—въ послѣдній разъ. Въ послѣдній разъ она ѣдетъ по улицѣ, по которой каждый день ходила въ университетъ, въ послѣдній разъ оглядывается на мягкія линіи горныхъ вершинъ, въ послѣдній разъ выѣзжаетъ на липовую аллею, ведущую къ вокзалу. Вонъ на велосипедѣ летитъ къ ней на встрѣчу знакомый студентъ и весело машетъ ей шапкой «all Heil», какъ онъ могъ это сдѣлать вчера и могъ бы сдѣлать и завтра и послѣзавтра и черезъ годъ. Вокзалъ переполненъ учащимся народомъ: воскреснѣе—кто можетъ ѣдетъ въ горы встряхнуться и отдохнуть до вечера. Саша вспоминаетъ и своя прогулки и туры въ горахъ, и ей кажется страннымъ, что тотъ самый поѣздъ, который уноситъ ее отсюда навсегда, можетъ захватить съ собою и просто веселящихся людей. Вонъ знакомые,

милые люди, Prof. Lahr, его жена, D-г von Anker, нѣсколько коллегъ, нѣсколько представительницъ мѣстнаго кружка учащихся женщинъ, все лица, къ которымъ она привыкла какъ къ каждому дню своей жизни, и которыхъ не станетъ съ первымъ свисткомъ пароваго воза. Но разстоянне не измѣнитъ ихъ добрыхъ отношеній, ихъ духовной близости—никогда, никогда! И всѣ прощаются съ ней медленно, торжественно, почти безъ словъ; кратко, безъ излишнихъ увѣреній, какъ клятва, дается обѣщаніе писать, и просьба не забыть произносится тихимъ сдвоеннымъ голосомъ и долго и грустно звучитъ потомъ въ ушахъ. Въ послѣдній разъ Саша протягиваетъ всѣмъ руку изъ окна своего купе, D-г Anker первый беретъ ее, съ неожиданной быстротой пѣлуетъ ее и быстро, не глядя ни на кого, уходитъ. И всѣ присутствующіе опустили глаза и вздохнули какъ вдыхаютъ о разбитомъ счастьѣ любимаго друга. Свистокъ—вдали еще можно различить молчаливую группу ея друзей, съ грустью слѣдящую за удаляющимся паровозомъ—и вотъ уже мелькаютъ горы, мелькаютъ долины, мелькаютъ города, пестрѣютъ села и нѣжно-розовыя кущи миндальныхъ деревьевъ. Еще нѣсколько станцій, еще нѣсколько тысячъ разъ повернулись колеса—и нѣтъ уже горъ, исчезъ добродушный баденскій говоръ, передъ окномъ вагона тянутся равнины, и вагонъ наполняется корректно-холодною прусскою рѣчью. Прощай, Шварцвальдъ, прощай!

Да, она была тамъ счастлива, въ этомъ Шварцвальдѣ; въ гармоничной связи сочетались тамъ ея долгъ и влеченне, всякая ея обязанность была для нея пріятнымъ и радостнымъ дѣломъ; теперь все это прошло, прошло навсегда. Все, что ждетъ ее впереди, наполняетъ ея душу чувствомъ одиночества и горя, ея милые друзья будутъ только грустно кивать ей изъ глубокой дали, гармонія разрушена, и все, что будетъ теперь ея долгомъ, будетъ требовать отъ нея однихъ только жертвъ и лишеній. Она знала вѣдь всегда, что личное удовлетвореніе безразлично для безусловныхъ требованій долга, что нравственный поступокъ независимъ отъ личныхъ ощущеній, сопровождающихъ его исполненне, что долгъ не даетъ никакихъ на-

градъ, что единственный его смысл—это его собственное категорическое выраженіе. И при новыхъ такъ грустно измѣнившихся условіяхъ жизни надо будетъ такъ же безусловно подчиняться своимъ тяжелымъ обязанностямъ, какъ она это дѣлала тогда, когда каждая обязанность была связана для нея съ радостью и съ личнымъ удовлетвореньемъ.

И вотъ ужъ запахло Россіей. Небо все покрыто оѣрыми тучами, надъ крышами благоустроенныхъ прусскихъ стоянокъ уныло качаются почти голыя ветлы; весна исчезла, въ платформы вагона врывается холодный рѣзкій вѣтеръ. Вечерѣтъ, приближается граница, въ воздухѣ вѣтъ чѣмъ-то тихимъ, роднымъ и остро-знакомымъ. Вагонъ скоро наполняется жандармами и носильщиками въ бѣлыхъ фартукахъ, проходятъ шумъ и гамъ и толкотня таможни, и далеко позади остается Германія со всѣми ея воспоминаніями. Унылая дождливая картина съ пластами талого снѣга, разбросанными среди черной равнины, унылый грохотъ колесъ среди безбрежной тишины полей, унылыя подавленные рѣчи. Саша садится, она устала отъ долгаго путешествія и безсонныхъ ночей, легкая заграничная кофточка не грѣетъ ее въ плохо протопленномъ вагонѣ, и она чувствуетъ, что то несчастье, къ которому она все время готовитъ себя и среди котораго она должна будетъ сохранить свою нравственную свободу, начинаетъ подходить къ ней все реальнѣе и ближе.

Въ вагонѣ много евреевъ, они говорятъ по русски, по нѣмецки, по польски и по еврейски, и въ каждомъ изъ этихъ языковъ слышится Сашѣ что-то специфически еврейское, какая-то безтолковая суета, какое-то лихорадочное, никому не нужное волненье, которое напоминаетъ ей еврейскихъ студентовъ и, какъ эти самые студенты, наводитъ на мысль о значеніи полезной положительной работы. Противъ нея на диванъ садятся два еврея. Горячо размахивая руками, они съ увлеченьемъ рассказываютъ о томъ, какъ можно устроиться въ Петербургѣ безъ правъ, и какъ они наловчились «благодарить» дворниковъ и паспортястовъ.

Саша, блѣднѣя и сжимаясь отъ холода, подходитъ къ окну. Попадъ съ неумолимой быстротою мчится все дальше и дальше въ глубину «черты», скоро ей придется высадиться на какой-то маленькой станціи и въ дилижансѣ протолкаться до того мѣстечка, гдѣ живеть теперь ея отецъ, и кто знаетъ, что она найдетъ тамъ у отца? Вѣрно, и онъ занимается такими же грязными дѣлами, какъ всѣ эти евреи, подкупаетъ, обходитъ законы и съ наивной улыбкой рассказываетъ объ этомъ, какъ объ обыденномъ дѣлѣ. И сестры и матиша безтолково проводятъ свой день, не зная, что такое трудъ, не зная, что такое порядокъ, не зная, что такое долгъ. Поймутъ ли они ее, когда она начнетъ имъ говорить объ ихъ обязанностяхъ передъ собой и передъ нравственной свободой? Захотятъ ли они понимать ее и слушать? Ахъ, она никогда не жила съ ними, никогда не думала, что придется съ ними жить; она не помнитъ—можетъ быть, они все-таки лучше, но надо быть готовой ко всему, ко всему. Ея рѣшеніе ясно и непоколебимо; судьба ее связала съ судьбой еврейскаго народа, и здѣсь она должна будетъ неустанно проводить свои идеи правды и добра. Всюду, куда она ни попадетъ, она будетъ говорить имъ о значеніи безусловной правды и честнаго труда: если старики ее не поймутъ, она пойдетъ къ молодымъ, если молодые не поймутъ, она возьмется за дѣтей, и что бы ни случилось, у нея хватитъ силъ и сознанія долга...

Теперь евреи, которые сидѣли противъ нея, уже говорили о политикѣ и о еврейскихъ дѣлахъ.

— А! а! а!—не то ужасался, не то удивлялся сѣдой, благообразный старикъ.—Когда теперь даже простой рабочій—такъ у него изо рта смола и пепель сыплются. Откуда это онъ только беретъ? Откуда онъ это только знаетъ? Когда правду сказать—они настоящіе разбойники; они откроютъ только ротъ, какъ вы уже убиты, вотъ какъ ножомъ убиты. Когда что вамъ говорить: одинъ разъ они стали со мной говорить, стали со мной говорить—такъ они чуть даже меня самого не уговорили—такъ они говорятъ.

— Что-то такая распушенность! такая распушенность!—съ

ужасомъ протанулъ другой, маленькій рыжій еврейчикъ.—Сынъ не слушается, дочь не слушается, рабочіе навѣрно не слушаются, каждый дѣлаетъ что хочетъ,—что изъ этого выйдетъ, что изъ этого выйдетъ.

Саша не можетъ больше удержаться и оборачивается къ своимъ спутникамъ. Она не хочетъ брать подъ свою защиту молодежь, она по опыту знаетъ, на сколько молодежь эта чужда всякой положительности, всякой культуры, но она должна сказать... она плохо говоритъ по еврейски, но она все-таки должна имъ сказать, что они сами сдѣлали все возможное, чтобы воспитать въ дѣтяхъ своихъ неуваженіе ко всякимъ обязанностямъ, ко всякимъ положительнымъ убѣжденіямъ. Вотъ... она слышала ихъ разговоръ; они обманываютъ, подкупаютъ, обходятъ законы... Саша знаетъ, что безправіе евреевъ безчеловѣчно и несправедливо, но вѣдь тѣмъ, что они обходятъ законы хитростью и обманомъ, они только санкціонируютъ самую возможность подобныхъ законовъ.

Маленькій еврей искоса посмотрѣлъ на нее, подперевъ рукою бокъ.

— Эхъ! хотя бы я понялъ одно слово!—замѣтилъ онъ, презрительно отворачиваясь отъ нея.

— Тутъ нечего понимать,—продолжаетъ Саша.—Законъ отказываетъ вамъ въ простомъ человѣческомъ правѣ, вѣдь этой системою обмановъ вы только доказываете, что не доросли до сознанья униженности такого положенія.

— Что вы тамъ слушаете ее?—небрежно прерываетъ ее сѣдой еврей, обращаясь къ своему сосѣду.

Тотъ совершенно отворачивается отъ Саши и подсаживается снова къ своему собесѣднику.

— Таки въ самомъ дѣлѣ какая-то сѣмаспедшая,—скороговоркой замѣчаетъ онъ, и они снова продолжаютъ начатый разговоръ. И опять Саша стоитъ у окна, дожди искръ рвутся ей на встрѣчу въ клубкахъ локомотивнаго дыма и таютъ въ мокромъ туманѣ.

И поѣздъ мчится все дальше и дальше. Вотъ маленькій уѣзд-

ный городъ, въ которомъ надо пересаживаться въ дилижансъ. Въ дилижансной конторѣ шумно, грязно, тѣсно. Саша устала, голова болитъ, въ ногахъ ноетъ; она голодна, но не рѣшается взять обѣдъ въ невѣроятно грязномъ буфетѣ; отъ голода и духоты къ горлу подступаетъ тошнота, въ головѣ назойливо вертятся старыя и скучныя картины, унылый домъ отца, унылыя растеряныя лица близкихъ, евреи, съ которыми она вѣхала въ вагонѣ, евреи, которыхъ она не могла себѣ представить иначе, какъ въ тинѣ невѣжества и тупой апатіи и лѣни... евреи, евреи, евреи...

Скоро дилижансъ подпрыгивалъ съ ней по неровному шоссе, далеко кругомъ все тянутся опустѣлыя поля, отъ холода и усталости у Саши зубъ на зубъ не попадаетъ... Нѣтъ, но все это ничего, ничего, все это одна случайность; вѣчно и безусловно только одно: *Ach! du kannst denn du sollst.*

Поздно вечеромъ дилижансъ приходитъ наконецъ въ мѣстечко Гробойскъ, среди шума и возгласовъ чей-то испуганно-радостный голосъ называетъ ее по имени, какой-то худенькій маленькій чело-вѣчекъ, лицо котораго Саша съ трудомъ узнаетъ въ темнотѣ, начинаетъ запыхавшись покрывать лицо ея быстрыми и мокрыми по-цѣлуямъ. Рядомъ съ нимъ изъ темноты ночи выглядываютъ три робкія молчаливыя женскія фигуры, которыя скоро тоже начинаютъ тихо и медленно цѣловать ее, словно дѣлаютъ какое-то обяза-тельное дѣло.

Черезъ нѣсколько минутъ Саша засыпаетъ подъ кровлею отчого дома, кругомъ нея стужается и крѣпнетъ тишина мѣстечка, и тихо, тяжело дремлетъ та жизнь, съ которой ей придется жить и которая ничего еще не знаетъ о привезенныхъ Сашею великихъ истинахъ и постулатахъ.

V.

Саша не напрасно готовилась ко всему; оказалось, что жизнь ея отца была еще безсмысленнѣе и хуже, чѣмъ она могла себѣ представить. Изъ русскаго губернскаго города, гдѣ онъ жилъ раньше, его выселили, и онъ до поры до времени поселился въ мѣстечкѣ

Гробойскѣ, гдѣ все еще надѣялся достать себѣ какія-нибудь «права» и гдѣ онъ былъ обреченъ на самое ужасное, что Саша могла себѣ только представить: на непрерывную, безвыходную праздность. Весь день тянулась эта праздность; съ утра до ночи ходилъ онъ съ нею по дому, по двору, по безлюднымъ улицамъ мѣстечка. Когда приходило время обѣда, онъ садился за столъ противъ жены и дочерей, и ихъ вялыя, безжизненные лица, съ застывшимъ выраженьемъ испуга и тупого недоумѣнія, одинаково поворачивались къ нему и сегодня и вчера и позавчера. Покончивъ съ обѣдомъ, они долго сидѣли другъ противъ друга за неубраннымъ столомъ; тяжелое молчанье ихъ длилось какъ весь этотъ праздный и сѣрый мѣстечковый день; и когда кто-нибудь начиналъ говорить, то слышно было какъ языкъ поминутно прилипаетъ къ нѣбу, и въ горлѣ лопаются накопившаяся отъ долгаго молчанья мокрота. Часы въ длинномъ и мрачномъ футлярѣ, и низкія гладкія окна безъ подоконниковъ и занавѣсокъ, и неуклюжая убогая мебель,—все было уныло, безцвѣтно, и сѣро и праздно... И Годосарскій снова уходилъ бродить по дому, по двору, по пустыннымъ улицамъ мѣстечка.

Иногда встрѣчался знакомый; можетъ быть такой же праздный, такой же придавленный праздностью еврей, какъ и онъ; иногда они останавливались и бродили вмѣстѣ, засунувъ руки за полы сюртука и толкуя о газетныхъ новостяхъ, которыя вмѣстѣ съ почтой приходили разъ въ недѣлю, о еврейскихъ дѣлахъ, о синагогѣ, о партіяхъ, которыя предлагали его дочерямъ, о томъ, какъ хорошо было бы, если бы евреямъ дали «права». Потомъ они расходились такъ же случайно, какъ и встрѣтились... И Годосарскій шелъ домой, думая о томъ, что все на свѣтѣ устроено какъ то не такъ, и не понимая, отчего у него могли явиться подобныя мысли.

Дома на столѣ шумѣлъ уже мѣдный, почернѣвшій самоваръ. Онъ наливалъ себѣ стаканъ жиденькаго чая, откусывалъ кусочекъ сахара и потомъ пилъ стаканъ за стаканомъ, не замѣчая сколько онъ выпилъ; самоваръ остывалъ, его уносили разогрѣть на кухню и опять онъ наливалъ себѣ чаю и разсѣянно пилъ стаканъ за стаканомъ.

Надвигались сумерки, черезъ окна прокрадывался въ комнату двойной неясный полумракъ, и голова начинала устало кружиться. Въ домѣ поздно все не зажигалась лампа, и три молчаливыя женскія фигуры бродили по комнатѣ уныло и праздно, какъ тѣни умирающаго дня. День кончался, день прошелъ, и скоро все должно было начаться снова.

И опять Годосарскій начиналъ бродить по дому, по двору, по пустымъ безлюднымъ улицамъ мѣстечка. По вечерамъ Гробойскъ не освѣщался, и Годосарскій бралъ съ собой фонарь; желтые круги свѣта падали на темную поверхность немощеныхъ улицъ, и отголосокъ его собственныхъ шаговъ словно гнался за нимъ по нѣмому пространству. Становилось жутко, Годосарскій уходилъ домой, разбитый безцѣльной прогулкой, и при свѣтѣ желѣзной висячей лампочки все кругомъ казалось еще голѣй и скучнѣе. Обѣ дѣвушки, облокотившись о столъ и запустивъ пальцы въ свои густыя растрепанные волосы, въ десятый разъ перечитывали какой-то растрепанный романъ; жена перебирала какія то тряпки и методично вздыхала. Вѣтеръ, свистающій въ трубѣ, стукъ маятника въ черномъ футлярѣ часовъ—все вызывало тоску и жажду изліянья. Онъ начиналъ спрашивать дочерей, о чемъ онѣ читаютъ, но онѣ односложно и апатично отвѣчали на его вопросы, недовольно отрываясь отъ книги; онъ пробовалъ заговаривать съ женой о какихъ то несбыточныхъ планахъ, въ которые онъ самъ никогда не вѣрилъ, и она отвѣчала ему вздохомъ и недоумѣвающимъ вопросомъ; онъ бралъ бумагу и начиналъ писать письмо къ какой-нибудь изъ старшихъ дочерей, но перо привычно строчило по давно избитому шаблону, и ничего изъ его чувствъ не оставалось на бумагѣ. И, когда наступала ночь, всѣ эти чувства, которымъ онъ не зналъ выраженья, доводили его до такого тяжелаго и смутнаго безпокойства, что онъ не могъ заснуть и бессильно ворочался въ своей жесткой узенькой постелькѣ, съ тоскою вглядываясь въ тяжелую ночную темноту, и тихо вздыхалъ, не слыша собственного стона.

Ну да, вѣдь въ сущности его жизнь не была хуже жизни дру-

гих простыхъ евреевъ. Конечно, было бы лучше, если бы Рувимъ Нехемовъ могъ достать ему «хорошенькое» дѣло; если бы удалось выдать замужъ дочерей; если бы получить «права». Потомъ—Боже мой! что же ему потомъ еще надо будетъ, и вообще что онъ можетъ знать, онъ простой бѣдный еврей, что можетъ онъ! знать о смыслѣ этой жизни?

Иногда онъ садился къ окну... такъ, посмотрѣть что дѣлается на дворѣ; это не было его виною, что при этомъ какія-то странныя безсвязныя мечтанья начинали беспомощно биться и рваться въ его истомленной душѣ. И потомъ что же было особеннаго въ томъ, что онъ представлялъ себѣ? Вѣдь онъ могъ бы быть богатъ—что въ этомъ невозможнаго? Ну, и онъ былъ бы еще къ тому же молодъ, красивъ; тогда ужъ, конечно, онъ могъ бы взять себѣ молодую, красивую жену, и она любила бы его, какъ любятъ герои въ театрѣ... Нѣтъ, это онъ такъ только вспомнилъ, что ходилъ когда-то въ театрѣ. Конечно, онъ совсѣмъ простой, совсѣмъ обыкновенный еврей; онъ никогда ничего другого и не думалъ о себѣ; но все-таки у него были вѣдь двѣ такія удивительныя, такія замѣчательныя дочери; у совсѣмъ простыхъ это было бы, кажется, невозможно... Подумайте, одна музыкантша, красавица, и въ нее влюбился одинъ богатъ и взялъ ее совсѣмъ безъ денегъ... А! а! а! и она умерла, Аничка умерла, онъ ее больше никогда не увидитъ.—Годосарскій всхлипываетъ и вытираетъ слезы.—Но подумайте, какъ замѣчательно! Она оставила всѣ свои деньги на какое-то благотворительное дѣло; онъ, Годосарскій, правда, ничего почти не случилъ, но подумайте только, вѣдь это все равно какъ въ сказкѣ, и это его Вельвела Годосарскаго, дочь. А если бы видали только его вторую дочь: какая она ученая! она даже сама написала цѣлую книгу, и по вѣмецки, вотъ честное слово. И вдругъ онъ вспоминалъ, что эта самая Саша скоро пріѣдетъ къ нему, что она будетъ съ нимъ каждый день, что можно будетъ спросить ее обо всемъ. Господи! но вѣдь она все понимаетъ, она понимаетъ вѣдь, что жизнь должна быть немного веселѣе и лучше?.. «Га? что? что ты спрашиваешь, Двейра?

Гдѣ твой гребень? Откуда мнѣ знать гдѣ твой гребень? Развѣ я причесывался твоимъ гребнемъ? Га? ты не знаешь? Я тоже не знаю—что ты пристала ко мнѣ? Боже мой! Боже мой! что ты мнѣ жить не даешь, всѣ вы мнѣ жить не даете—мое сердце лопнетъ отъ васъ, вотъ какъ я еврей!» Онъ кричалъ и бѣгалъ по комнатамъ, чувствуя себя приговореннымъ на какое-то безконечное томленье безъ помощи, безъ права на лучшую участь; иногда попадалась ему подъ руку его маленькая, почти дѣтская скрипка—о-ох! ну пусть же она хоть его успокоитъ! Онъ хваталъ ее, онъ рвалъ на ней струны, она должна была дать ему всѣ свои бѣдные плачущіе звуки.

Итъ, ну вотъ видите: онъ тоже умѣетъ играть; это ничего, что онъ учился одинъ только мѣсяць, это ничего, что учитель его былъ самоучка; но вотъ что случается не съ каждымъ: учитель совѣтовалъ ему бѣжать изъ отцовскаго дома учиться. Положимъ, что онъ не бѣжалъ, потомъ онъ женился на Сашиной матери, жена ругала его вмѣстѣ съ его скрипкой, потомъ онъ развелся, потомъ было то, потомъ было другое, но подумайте если бѣ онъ тогда бѣжалъ? Подумай, Сима, если бѣ я тогда бѣжалъ,—можетъ быть я бы теперь совсѣмъ давалъ концерты; положимъ, что не концерты, но такъ... Положимъ, я зашелъ бы къ полиціймейстеру... «ахъ, Вульфъ Соломоновичъ, сыграйте что-нибудь», и я бы еще, можетъ быть, говорилъ по французски... ахъ! и все было бы совсѣмъ, совсѣмъ не такъ... Боже мой!.. Онъ рвалъ и терзалъ свои безотвѣтныя струны, которыя ничего уже больше не могли ему дать.

Наканунѣ пріѣзда Саши онъ играетъ, играетъ весь день. Его молчаливая, покорная няня и та взмолилась, со стономъ увѣряя его, что скрипка рветъ ея сердце. Онъ махнулъ на нее рукой—какое ему дѣло до нея? Подъ страстнымъ напоромъ смычка его скрипка стонетъ; ахъ, знаешь, Сашенька, вѣдь все, вѣдь все могло бы быть совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, и кто знаетъ?—можетъ быть все это еще можетъ перемѣниться, какой-нибудь волшебный случай, блестящее сказочное счастье, у Саши будетъ все, о чемъ онъ не смѣлъ бы

мечтать для себя, и что внесетъ вдругъ смыслъ и цвѣтъ во всю его непроглядную безкрасочную жизнь. Его бѣдный смычокъ дрожалъ и бился въ воздухѣ; въ его скрипкѣ ужъ не было больше звуковъ для всѣхъ его мечтаній, и обѣ дочери его, объявшись на убогой кровати своей полутемной каморки, тихо слушали его, и слезы неслышно катились по ихъ тоскливымъ недоумѣвающимъ лицамъ.

VI.

Саша проснулась поздно; изъ сосѣдней комнаты ужъ доносились монотонные голоса ея домашнихъ, и солнце бросало въ комнату яркіе снопы лучей. На сосѣдней кровати, гдѣ ночью спала ея мачиха, теперь въ безпорядкѣ валялась ея подушка, бѣлье и брошенная юбка. Саша оглянулась кругомъ. Вчера она ничего не замѣтила, она такъ устала съ дороги, хотѣлось только заснуть и согрѣться, и теперь вдругъ сразу предстала передъ нею вся убогая, неприглядная обстановка отцовскаго дома. Двѣ узенькія деревянныя кровати, сходящіяся подъ угломъ, огромный сундукъ съ грязнымъ бѣльемъ, заслоняющій какую-то низенькую закопченную дверь, на некрашеной табуреткѣ глиняная миска, наполненная грязною водою; на полинявшемъ, обгорѣломъ столикѣ позеленѣвшій изогнутый шандалъ и желѣзный гребень съ оставленными въ немъ волосами, и эти безмысленно-пестрые оборванные обои и это угнетающее окошечко о четырехъ рамахъ безъ занавѣсокъ—все сѣро, все грязно, все неудобно, все нескладно; человекъ, здѣсь жившій, не осмѣлился внести въ свою жизнь ничего живого, и на всѣхъ этихъ разрозненныхъ, разбросанныхъ предметахъ не осталось ни одного влеченія человѣческой души, ни одного человѣческаго желанья. Да, правда, отецъ совершенно разорился съ тѣхъ поръ, какъ она его не видала. Саша вспоминаетъ теперь, какой у него вчера ночью былъ ободранный засаленный сюртукъ, но никакая бѣдность не можетъ оправдать этой ужасающей запущенности, этой дикой некультурности. И вотъ уже сегодня, уже въ тѣсномъ кругу домашнихъ начинается ея культурная миссія! Саша встаетъ и торопливо начинаетъ одѣваться.

Между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ ее ждутъ съ замирающимъ нетерпѣніемъ. Отецъ самъ обѣгалъ въ булочную за сдобными сухарями и озабоченно осматриваетъ чайный столъ, потирая свои озябшія руки; босоногая растрепанная Хьенка, третій разъ ужъ бѣжитъ на кухню съ остывшимъ самоваромъ, мачиха растерянно суетится вокругъ привезеннаго Сашей багажа, который заслоняетъ цѣлую стѣну; обѣ сестры облокотились о столъ и съ какимъ-то пугливымъ благоговѣніемъ дѣлятся другъ съ другомъ впечатлѣніемъ, которое произвела на нихъ Саша.

— Ну, что? какъ она спала?—въ десятый разъ громкимъ шопотомъ спрашиваетъ Годосарскій жену.

— Кажется, хорошо было спать,—бѣлье я ей приготовила чистенькое какъ золото; кажется хорошо.

— Я думаю! Вѣдь три ночи, кажется, оттуда ѣдутъ, три ночи... а? Лиза? ты не помнишь, сколько ночей туда ѣдутъ?

Лиза зѣваетъ и откашливается.—Три... Кажется ты мнѣ сказалъ тогда,—вило отвѣчаетъ она.

Роза, болѣе живая изъ сестеръ, вдругъ оборачивается къ ней.— Ты слыхала, Лиза? Мама говоритъ, что она спитъ въ какой-то совсѣмъ особенной рубашкѣ, съ рукавами...—заявляетъ она.

— Съ рукавами, съ кружевомъ... полное платье,—прибавляетъ мать, которая устала уже суетиться вокругъ Сашиныхъ вещей и въ изнеможеньи опустилась на сундукъ.

— Ну?—удивляется Лиза, широко раскрывая свои сонные выпуклые глаза.

— Ну что ты тутъ удивляешься? Тамъ у нихъ за границей все чудно... я знаю, какъ чудно? Уже по крайней мѣрѣ не такъ какъ у насъ,—разводя руками говоритъ отецъ.

— Шляпку ея ты видѣла?—продолжаетъ съ увлеченьемъ Роза:— ты видѣла? У нея совсѣмъ тамъ длинный трауръ, какъ у русскихъ.

— Это, вѣрно, по Аничкѣ...—моргая глазами, поясняетъ отецъ. Всѣ вздыхаютъ.

— Ай-ай-ай! какъ это все-таки Аня ей ничего не оставила, ничего-таки именно ей?..—горестно шепчетъ мачиха.

— Шш! кажется, она уже встала!—прерываетъ ее отецъ и съ волненьемъ подходитъ къ двери.

— Въ самомъ, дѣлѣ, она уже встала,—воскликаетъ Роза и почему-то тоже вскакиваетъ и тоже подходитъ къ двери. Лиза медленно слѣдуетъ за нею, но по дорогѣ задумывается и останавливается у стола.

У Голосарскаго сердце начинаетъ замирать, отъ тысячи мыслей и чувствъ ему въ голову даже бросается кровь... Онъ думаетъ о томъ, что Саша теперь весь день будетъ съ нимъ, и онъ сможетъ сказать ей такъ много, такъ много!

— Ай, Роза, знаешь что? Зайди къ ней... можетъ быть ей что-нибудь тамъ надо... вѣдь она привыкла къ разному тамъ... зайди, Розочка!

Роза съ рѣшительной медлительностью открываетъ дверь и прямо входитъ къ Сашѣ. Саша вздрагиваетъ отъ ея внезапнаго появленія.

— Что тебѣ нужно, Роза?

— Нужно? мнѣ ничего не нужно!—Роза закрываетъ спиною дверь и съ любопытствомъ оглядываетъ Сашины вещи.

— Саша, Сашенька, она думаетъ, что можетъ быть *ты* что-нибудь хочешь, можетъ быть *тебѣ* что-нибудь нужно,—кричитъ изъ сосѣдней комнаты отецъ.

Ахъ, нѣтъ, ей нужно только нѣсколько мелочей. Ей нужно, чтобы ей вычистили юбку и ботинки, нужна миска, въ которой она могла бы умыться, нуженъ хоть кусочекъ мѣста, куда она могла бы поставить свой дорожный несессоръ, такъ какъ по столу ползутъ волосы изъ гребня, нужна кипяченая вода для зубовъ, нужно, наконецъ, чѣмъ-нибудь завѣсить окно, такъ какъ прохожіе на улицѣ все видятъ, что дѣлается въ ея комнатѣ.

— Ну, кто тутъ проходитъ? простые евреи!—замѣчаетъ Роза, пожимая плечами и бросая лѣнивый взглядъ на окно.

Но все-таки окно завѣшивается, Хъенна стремглавъ вбѣгаетъ въ комнату и съ сердцемъ хватается юбку и ботинки, мачиха убираетъ вещи, отецъ готовить суррогатъ кипяченой воды изъ сырой съ примѣсью кипятка изъ самовара. Въ то время, какъ они возятся и суетятся, Саша замѣчаетъ, что работа у нихъ валится изъ рукъ, что все дѣлается неряшливо, вяло, лѣниво, что никто здѣсь, очевидно, не привыкъ къ порядку и труду, и она понимаетъ, что придется останавливаться на каждой мелочи ихъ обыденной жизни для того, чтобы привести въ ихъ сознание связь между каждой обязанностью дня съ великими постулатами абсолютныхъ идеаловъ.

Наконецъ, она выходитъ къ чаю. Отецъ, возбужденный долгимъ ожиданіемъ, готовъ броситься къ ней на шею и покрыть поцѣлуями все ея лицо, но не рѣшается и только съ растерянной улыбкой семенить вслѣдъ за нею къ чайному столу. Въ головѣ у него роятся какія-то мысли, которыя онъ рѣшаетъ высказать ей непременно сегодня же, но пока что онъ хватается со стола стаканъ и наливаетъ ей чай, стаканъ дрожить въ его тонкой жилистой рукѣ, солнце бросаетъ косые лучи на его растерянное вытянутое лицо и золотить его желтые волосы, и что-то въ высшей степени трогательное и жалкое появляется въ его худой, согнувшейся фигурѣ.

— Отецъ, зачѣмъ же ты самъ?—замѣчаетъ Саша, съ удивленіемъ оглядываясь на мачиху. Кругомъ все неуютно и непріятно. На столѣ нѣтъ скатерти, на ободранной клеенкѣ валяются куски и крошки хлѣба, и праздничный мѣшокъ съ сухарями сиротливо и убого выглядываетъ среди чайной посуды. Самоваръ стоитъ на кривомъ столикѣ въ углу, и отецъ, щурясь отъ солнца, доливаютъ чайникъ кипяткомъ; мачиха сидитъ сложа руки и методично вздыхаетъ, Лиза, какъ-то безвольно свѣсивъ руки, смотритъ черезъ окно въ грязный, просторный, заваленный мусоромъ дворъ, Роза мурлычетъ какую-то пѣсенку и не сводитъ глазъ съ вязанныхъ Сашинныхъ вещей. Обычная атмосфера бездѣйствія и тягучей праздности уже образовалась и собиралась занять собой весь день. Часы со стономъ и гуломъ бьютъ десять.

— Господи! да неужели же вы весь день такъ-таки ничего не дѣлаете?—Саша встаетъ и начинаетъ разбирать свои вещи.

— Ничего, Сашенька, ничего, что намъ дѣлать? Въ Рассей была у насъ лавка, такъ гдѣ взять теперь «права»?—У отца голосъ дрожить и глаза усиленно моргаютъ. Ему кажется, что теперѣ именно будетъ очень кстати, если онъ расскажетъ свое то задушевное, про которое никто еще не зналъ, но вмѣсто этого на языкъ лѣзутъ обыкновенныя, простые слова. Мачиха и сестры горько вздыхаютъ.

— Когда было у насъ дѣло, такъ я весь день помогали,—словно оправдываясь въ чемъ-то, заявляетъ мачиха.

Саша быстро оборачивается къ ней.—Но вѣдь женщина всегда можетъ найти себѣ работу! Ваше хозяйство такъ запущено, такъ неряшливо; въ той комнатѣ, гдѣ я спала, было все такъ беспорядочно, такъ грязно, — извините, но я всегда всѣмъ привыкла говорить правду...

— Кажется, я сама положила вамъ чистое бѣлье.—Мачиха не то обидѣлась, не то испугалась.—Впрочемъ, если вы говорите, значить, это правда. Хьенка! Хьенка! Что это барышня говоритъ, что у ней было нечисто?

Хьенка показывается на порогѣ комнаты съ большимъ кухоннымъ ножомъ въ рукѣ и сердито изподлобья смотритъ на Сашу.

— Я ни о чемъ не знаю,—обиженно ворчитъ она и тутъ же исчезаетъ.

— Прислуга тутъ не при чемъ, вѣдь это дѣло хозяйки.—Саша начинаетъ мягко, но мало по малу тонъ ея становится все серьезнѣе и строже.—Напротивъ, это ваша обязанность приучать ее къ порядку и труду; дѣвочка у васъ на попеченіи, а вы ее только и можете научить что неряшливости и лѣни. Что за примѣръ вы можете подать ей? Вотъ вы сидите сложа руки, точно это время нельзя употребить на что-нибудь полезное, ну, хоть бы въ это время шили что-нибудь; посмотрите, какъ разорванъ вашъ рукавъ...—Мачиха растерянно поджимаетъ локоть.

— Сашенька, мы же вѣдь бѣдные!—взмолился отецъ. Онъ тя-

жело вздыхаетъ. Онъ вспоминаетъ, что Сашенька совсѣмъ не привыкла къ этой бѣдности! У нея такое чудное платье, какая богатая корзина... Откуда ей было до сихъ поръ знать что такое копѣйка? У Годосарскаго сердце сжимается отъ состраданія и боли.

Саша между тѣмъ, не полняя голову съ своей корзины, продолжаетъ убѣдительно доказывать свое. Она знаетъ, что они бѣдны, она вѣдь не требуетъ отъ нихъ, чтобы они жили роскошно. Но чистота не стоитъ денегъ. И потомъ есть извѣстный *minimum* культуры, который необходимо удовлетворить, какъ бы ни былъ бѣденъ человѣкъ, какого бы это ни требовало труда. И напрасно отецъ думаетъ, что ее, Сашу, испугаетъ бѣдностью: какъ ей ни было тяжело разставаться со всѣмъ тѣмъ, къ чему она привыкла и что она любила, она все-таки всюду будетъ исполнять свой долгъ; она будетъ работать изо всѣхъ силъ, и она надѣется, что ей удастся и имъ доказать, что никакія внѣшнія обстоятельства и препятствія не могутъ оправдать ихъ безсмысленной праздности.

— Уй, Саша, куда ты положишь *остатъ этихъ вещей?*—вдругъ прерываетъ Роза, подходя совсѣмъ близко къ Сашѣ и съ какимъ то восторженнымъ ужасомъ глядя на картины и статуетки, которыя Саша доставала изъ корзины.

— Всѣ эти вещи, Роза: развѣ ты не знаешь грамматики,—поправляетъ ее Саша. Роза отворачивается и сердито молчитъ.

— Ты сама хотѣла, чтобы мы были лучше швейки,—обиженно объявляетъ все время молчавшая Лиза, медленно и вяло произнося слова.

Саша вспоминаетъ. Дѣйствительно, когда они жили еще въ губернскомъ городѣ и Саша пріѣзжала къ нимъ, она замѣтила, что у сестеръ ея плохія способности и совѣтовала отца научить ихъ какому-либо ремеслу. Но она увѣряетъ Лизу, что никогда не хотѣла этимъ сказать, будто въ занятіи ремесломъ есть что-нибудь унижительное. Напротивъ, ремесленникъ имѣетъ полное право на общее образованіе и тогда только онъ является полезнымъ членомъ об-

щества; но, конечно, раньше всего онъ долженъ знать свое дѣло и добросовѣстно къ нему относиться.

— Въ самомъ дѣлѣ, куда бы можно было помѣстить всѣ эти вещи?—озабоченно и робко прерываетъ ее мачиха.

И опять Сашѣ приходится организовать ихъ работу. Для всѣхъ вещей, дѣйствительно, въ домѣ нѣтъ мѣста, и Роза съ грустью видитъ, какъ всѣ статуетки и картины снова исчезаютъ въ сундукѣ. Въ шкафу для платьевъ Саши тоже нѣтъ мѣста, приходится прибавать къ стѣнѣ бумагу и гвозди и, такъ какъ ничего этого нѣтъ дома, то приходится за всѣмъ бѣжать въ лавку. Затѣмъ Саша замѣчаетъ, что надо вообще убрать лучше комнаты. И надо стереть пыль, надо почистить подсвѣчникъ, надо вымыть миску. Опять оказывается, что въ домѣ нѣтъ ничего, что нужно: ни пыльных тряпокъ, ни порошка. Саша достаетъ изъ сундука свои собственные тряпки, порошокъ замѣняется мѣломъ. Благодаря той настойчивости и добросовѣстности, съ которой Саша принимается за дѣло, всѣ женщины, начиная съ мачихи и кончая Хьенкой, безпрекословно исполняютъ ея наставленья и Саша внимательно слѣдитъ за ихъ работой и спокойно, настойчиво дѣлаетъ имъ замѣчанья. Такъ какъ при такомъ внимательномъ контролѣ работа идетъ страшно медленно, такъ какъ все запущено, и все должно быть снова приведено въ порядокъ, то работа идетъ до поздняго вечера, и еще остается достаточно дѣла на завтра. Годосарскій безъ дѣла ходитъ вслѣдъ за женщинами, уныло теребитъ свою бородку и рѣшаетъ отложить свой разговоръ съ Сашей на болѣе удобное время. И когда всѣ разбрелись по всѣмъ угламъ, онъ долго не могъ заснуть: онъ все ворочался на жесткомъ диванчикѣ столовой и думалъ о томъ, какъ трогательна и прелестна была Саша, когда она сама чистила подсвѣчникъ или показывала Хьенкѣ, какъ выжимать половую тряпку; ему хочется плакать при мысли о томъ, что она должна теперь дѣлать такую грубую работу и вмѣстѣ съ тѣмъ какое то сладкое чувство безпричинной надежды охватываетъ его, когда онъ вспоминаетъ, что ей теперь такъ же плохо, какъ и ему, и что она теперь пойметъ все, все, что онъ ей скажетъ.

Саша тоже поздно не можетъ заснуть. Она вспоминаетъ свой милый, далекій Шварцвальдъ—что тамъ дѣлаютъ теперь? Вѣрно, всё спать, отдыхая для завтрашнихъ трудовъ; можетъ быть, одинъ только Анкег не можетъ заснуть, все вспоминая про нее и дѣлая невозможныя усилія надъ собою, чтобы заставить себя думать о своей работѣ. И она, Саша, она тоже будетъ думать о тѣхъ обязанностяхъ, которыя начались для нея съ сегодняшняго дня. Завтра же она напечатаетъ объявленіе о томъ, что ищетъ занятій, а пока что необходимо сдѣлать все возможное для окружающей среды. Все, что она видѣла, ужасно; этой праздности необходимо положить конецъ, и, засыпая, Саша не перестаетъ думать о томъ, какими средствами можно будетъ привлечь всѣхъ домашнихъ къ полезной и честной работѣ.

Роза между тѣмъ громкимъ шопотомъ рассказываетъ Лизѣ о томъ, какія у Саши чудесныя вещи. Столько статуэтокъ! столько картинъ! и вообще все такъ красиво—даже на этихъ салфеточкахъ, которымъ она вытираетъ пыль, нарисована женщина со щеткой въ рукѣ. И Роза вздыхаетъ—она все надѣялась, что Саша подаритъ имъ хоть какую-нибудь картину, хоть ту маленькую, на которой нарисованъ такой красивый мужчина съ книгою въ рукахъ. Она повѣсила бы ее сюда на стѣнку, потомъ бы она попросила одну знакомую научить ее дѣлать цвѣты изъ паниральной бумаги и повѣсила бы на противоположную стѣну цѣлую гирлянду. Ихъ крошечная каморка вдругъ стала бы такой красивой. Лиза молча слушаетъ ее и ничего не отвѣчаетъ. Она вспоминаетъ, что Саша сегодня ни разу не похвалила ея работу, хотя она такъ старалась, и что она десять разъ заставляла перетирать одну и ту же вещь, хотя на ней, кажется, совсѣмъ не было пыли; потомъ она вспоминаетъ, что Саша хочетъ, чтобы она стала швейкой, и тихія слезы тупой, едва лишь доходящей до сознанія обиды, медленно катятся по ея щекамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Р.

Иммануэль Римскій и Данте.

Историко-литературный очеркъ.

(Продолженіе *).

III.

Первый вопрос—вопрос о вліяніи Иммануэля на Данте, къ сожалѣнію, самъ собою, отпадаетъ такъ какъ никакихъ указаній на это нѣтъ ни у Данте, ни у Иммануэля, ни у ихъ современниковъ. Но если-бы даже такія указанія и были, то они могли-бы относиться только къ послѣднимъ годамъ жизни Данте, къ 1316—1319 г., т. е. къ тому времени, когда онъ жилъ при дворѣ Скалигера и гдѣ, какъ можно предположить, они и встрѣтились. Но въ это время «Божественная Комедія» уже была вся написана, Данте уже почитался великимъ поэтомъ Италіи, вторымъ послѣ Виргилія, и Болонья уже готова была увѣнчать его сѣдую голову лавровымъ вѣнкомъ. Конечно, религіозно настроенная натура Данте могла-бы и теперь многому научиться у Иммануэля, который уже тогда былъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ экзегетическихъ трудовъ, который, пройдя черезъ школу великихъ еврейскихъ раввиновъ съ Маймунию главѣ, понималъ не только букву, но и духъ, сущность религіознаго закона.

Правда, одинъ развивался на почвѣ христіанства, другой на почвѣ юдаизма—что и выработало въ нихъ различныя міровоззрѣнія, но одинаковая почти жизнь и симпатія должны были создать между ними общность интересовъ, а встрѣтившись зрѣлыми людьми, они могли, конечно, дать другъ другу очень много. То, что Данте вліялъ на Иммануэля,—мы знаемъ; стоитъ намъ только остановиться на «Адѣ и Раѣ» Иммануэля, чтобы рѣшить это въ утвердительномъ смыслѣ. Объ обратномъ-же вліяніи, за неизмѣнимъ данныхъ, мы можемъ только догадываться. Но одно несомнѣнно—это то, что юдаизмъ, его исторія, его литература и его носитель—самъ еврейскій народъ—имѣли вліяніе и, должно быть, большое на пѣвца «не-

*) См. «Кн. Восхода», январь.

исповѣдимой пѣсни». Вспомните его обращеніе къ христіанамъ, обращеніе, вложенное имъ въ уста высшей человѣческой мудрости—самой Беатриче, въ которомъ онъ выразилъ квинтъ-эссенцію всего испытаннаго имъ въ горнилѣ страданій—обращеніе, котораго одного было-бы достаточно, чтобы создать цѣлый кодексъ нравственнаго и религіознаго общежитія. Вспомните одну изъ его послѣднихъ терцинъ, звучащую такъ чудно для нашего національнаго самолюбія:

O christi

U omini siate e non pecore matte,

Si ch'il giudei tra voi di voi non rida...

Данте, обновившій міръ своими воззрѣніями на природу и сущность человѣка, Данте, нашедшій современную ему нравственность недостаточной и испорченной и давшій міру кругъ новыхъ обязанностей по отношенію къ себѣ и другимъ—этотъ Данте не нашелъ въ мірѣ лучшаго критика для человѣческой души и поступковъ, какъ еврея. Онъ, такъ страстно искавшій Бога и справедливости, проливавшій горячія слезы надъ своимъ личнымъ несовершенствомъ и грѣховностью всего человѣческаго рода—онъ только въ лицѣ еврея видѣлъ силу, способную стать средствомъ для достиженія всѣхъ этихъ благъ и совершенства. «Смѣхъ» еврея могъ служить предупреждающимъ и поправляющимъ началомъ на тернистомъ пути человѣческаго совершенствованія. «Бойтесь еврея!» но не его кулака и грубой силы, а его насмѣшки, ибо насмѣшка мудреца колетъ больнѣе всякаго жала, причиняетъ большія страданія, чѣмъ ядъ скорпіона.

Но мы знаемъ и отношеніе Данте къ социальному положенію евреевъ. Разъ онъ видѣлъ въ нихъ такую громадную умственную и нравственную силу, то онъ, конечно, не могъ равнодушно взирать на вѣковыя гоненія этого народа, гоненія, вызванныя, между прочимъ, тѣмъ-же христіанствомъ, противъ котораго онъ такъ ополчается. Народъ—носитель правды не мож етъ, по его мнѣнію, влечить жизнь подневольнаго, гонимаго, и его скорбное чувство по поводу извѣчнаго страданія еврейскаго народа—страданія, основаннаго на какомъ то роковомъ недоразумѣніи, находитъ себѣ выраженіе въ XXIII пѣснѣ его «Ада». Съ глубокимъ сожалѣніемъ и грустью взираетъ онъ въ 6 вертепѣ VIII круга на распятаго Каяфу, котораго онъ считаетъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій еврейскаго народа, и совѣты котораго . . . fu per li giudei mala sementa. (Inf. XXIII).

Но какимъ-же, спрашивается, образомъ это случилось? Какимъ образомъ христіанинъ Данте ставитъ еврейскій умъ и духъ такъ высоко въ то самое время, какъ его братья—христіане не перестаютъ придумывать все новыя орудія пытки, чтобы истерзать тѣло этого народа? Откуда у него взялось это признаніе превосходства еврейскаго народа, признаніе, которое могло только еще больше ухудшить его, Данте, положеніе, такъ какъ признавать заслуги и права народа-изгнанника значило прослыть несомнѣннымъ еретикомъ? Отвѣтъ даетъ исторія. Евреи, игравшіе въ то время въ западной Европѣ выдающуюся роль въ качествѣ коммерческихъ дѣятелей, опытныхъ врачей и посредниковъ между мусульманскимъ и христіанскимъ мірами, были еще болѣе необходимы и цѣнны для возрождавшагося духа Европы своей переводческой философской дѣятельностью, своими большими познаніями во всѣхъ областяхъ тогдашней науки. По справедливой оцѣнкѣ Ренана, въ средніе вѣка люди, желавшіе получить образованіе, «не испытывали никакого неудобства въ томъ, что дѣлались въ философіи учениками учителей, принадлежавшихъ къ другимъ религіямъ» *).

То было время, когда, по выраженію того же Ренана, «наука было чѣмъ то среднимъ и общимъ для всѣхъ» **). Разбитые на отдѣльныя группы въ своей государственно-политической и социальной жизни, народы яли, вѣрнѣе, нѣкоторые слои различныхъ народностей дѣлались космополитами тамъ, гдѣ дѣло касалось науки, чистыхъ знаній. Тогда именно еврейство признавалось, ибо оно обладало тѣмъ цѣннымъ бальзамомъ, который приносилъ исцѣленіе изъязвленной, умирающей христіанской Европѣ отъ социальныхъ несправедливостей и духовнаго убожества. И именно въ это время, когда пульсъ жизни начиналъ особенно биться передъ новымъ разсвѣтомъ, когда разныя культуры съ востока, запада и юга широкимъ теченіемъ стали заливать дремлющія общества средневѣковой Европы, выше всѣхъ поднялъ свое знамя еврейскій народъ и всѣхъ повелъ за собой. Греческій духъ, вліявшій черезъ Аристотеля; латинскій, царившій въ умахъ всѣхъ благодаря возрожденному Вергилію, IV вѣка котораго, воспѣвавшая будущій золотой вѣкъ, при-

*) Renan, E.: Averroés et Averroisme II p. Averroisme dans la philosophie scolastique, cap. II.

***) Ibid.

знавалась всѣми средними вѣками за великое пророчество о появленіи Христа еще задолго до его рожденія; арабскій духъ, носившійся въ воздухъ благодаря Аверроэсу—всѣ они, но главнымъ образомъ греческій и арабскій, сочетались въ одномъ еврейскомъ духѣ и дѣлали его единственнымъ толкователемъ цѣннаго содержанія этихъ міросозерцаній. Неудивительно поэтому, что Данте такъ считался съ евреями. Онъ единственный почти постигалъ величавый образъ этого скитальца, разбивавшаго своей упорной и плодотворной мыслью всѣ препятствія, ставившіяся ему на пути его современниками. И, постигнувъ, онъ долженъ былъ глубже и теплѣе отнестись къ нему самому, къ его культурѣ—продукту его духовнаго творчества и такъ или иначе запечатлѣть это отношеніе въ своей Божественной Комедіи. И дѣйствительно, Божественная Комедія носитъ на себѣ слѣды этого вліянія, скажемъ больше—слѣды изученія еврейскаго языка и знакомства съ еврейской религіозной терминологіей, что для человѣка не духовнаго званія въ то время значило не мало.

Внимательно изучая Божественную Комедію, уже старинные критики останавливались въ недоумѣніи предъ нѣкоторыми фразами и словами, которыя не поддавались никакому переводу. И дѣйствительно, двѣ фразы, вложенныя въ уста Плутона (Адъ, VII п.) и Немврода (Адъ XXXI), звучали слишкомъ странно и непонятно, чтобы не возбудить вниманія и удивленія читателей, въ недоумѣніи останавливавшихся предъ ними. Фразы, вродѣ: «Pape, sathan pape, sathan, aleppe» или „Rafel mai amesh izabi almi“, темныя и на первый взглядъ бессмысленныя, вначалѣ только смущали. Полагая, что это просто таинственная абракадабра, ихъ оставляли безъ перевода, не задумываясь надъ тѣмъ, что слишкомъ необычная форма взята была Данте для нея, форма, требовавшая разгадки. Но благодаръ тому, что кромѣ этихъ фразъ, приводившихъ изслѣдователей въ отчаяніе, въ комедіи встрѣчаются еще отдѣльныя слова, вродѣ „El“, „Eli“ „shalasoth“, болѣе доступныя для изученія, то позднѣйшіе ученые стали склоняться къ той мысли, что и тутъ долженъ скрываться извѣстный смыслъ. Понятно, слова „El“, „Eli“, означающія по еврейски: „Богъ“, „Богъ мой“, должны были первыя натолкнуть на эту мысль, такъ какъ они многимъ, несомнѣнно, были извѣстны какъ слова еврейскія. Исходя изъ этого, т. е. признавъ за этими словами чисто еврейское происхожденіе, можно было пойти дальше и постараться отыс-

каты смыслъ и въ вышеуказанныхъ фразахъ, разсматривая ихъ именно какъ еврейскія и такимъ образомъ завѣса, такъ долго скрывавшая ихъ смыслъ, спаала бы. Но этого сдѣлано не было. Критика, правда, предполагала, что Данте зналъ нѣсколько еврейскихъ словъ и употреблялъ ихъ въ данномъ случаѣ для большей торжественности. Такъ Гейгеръ находилъ, что «Dante sich über einzelne hebraische Worte Mittheilungen machen liess» *), а Паур думалъ, что фразы эти взяты или изъ еврейскаго языка или арабскаго, а то, быть можетъ, они и совсѣмъ «zu einer anderen orientalischen Mundart angehören» **). Но только римскій ориенталистъ Ланчи рѣшительно утверждалъ, что это еврейскія слова и даже пытался перевести первую фразу: «Pape, satan, pape satan, aleppe» словами: «Splendi, aspetto di satana, splendi aspetto di satana primaio» — «возстанъ, сатана, возстанъ во всемъ своемъ блескѣ, сюда князь тьмы», но переводъ оказался неправильнымъ. Вторую же фразу и онъ отказался перевести. И только на съѣздѣ ориенталистовъ въ Римѣ въ 1894 г. проф. Серви представилъ вѣрнѣйшій, по нашему мнѣнью, переводъ этихъ фразъ, который мы и приводимъ. Транскрибируя каждое слово въ отдѣльности, мы получимъ слѣдующія фразы: «!לי פה, פה פה פה, פה, פה, פה» и «!למי פה פה פה פה פה פה פה פה», которыя поддаются точному и весьма осмысленному переводу. Обращаясь къ безднѣ, гдѣ находится сатана, Плутонъ зоветъ его: «Сюда, сатана, сюда, сатана, скорѣе сюда!», такъ какъ онъ, повидимому, хотѣлъ испугать имъ неожиданныхъ гостей ада, Виргилія и Данте, на что указываютъ дальнѣйшія успокоительныя слова Виргилія: «Non ti possia la tua paura» и т. д. Точно такъ же понятна рѣчь Немврода, подвергающагося на послѣднихъ почти ступеняхъ ада тяжкимъ мукамъ за свою титаническую гордость предъ Богомъ: «Исцѣли, о Боже! о, какъ глубока моя вѣчная скорбь», что, несомнѣнно, соответствовало мукамъ и болямъ этого титана, изъ-за котораго, по выраженію Виргилія «pure un linguaggio nel mondo non s'usa» Относительно же «malacoth» (Рай, 7) существуетъ еще разногласіе и понятиѣ. Гейгеръ совѣтуетъ лучше читать «malcijoth» ***). Delitzsch же въ своей не-

*) Geiger: «Immanuel, Freund Dante's». Jüdische Zeitschrift für Wissenschaft und Leben, V Jahrg. s. 299.

**) Pauc. «Manoello und Dante». IV Jahrbuch der deutschen Dante-Gesellschaft. s. 451.

***) См. вышеуказанную статью его, стр. 299.

большой брошюрѣ: «Zwei kleine Dante-studien» читаетъ вмѣсто «malacoth»—mahaloth или maaloth—מלכות—т. е. іерархія ангеловъ и блаженныхъ, относя это слово къ известной фразѣ изъ молитвы объ упокоѣ души—מלכות הקדושים והטהורים. Тогда фраза: «Felices ignes horum maaloth» получаетъ дѣйствительное и глубокое значеніе. Наряду съ этимъ мы встрѣчаемъ въ VI п. Purgatorio выраженіе, относящееся, правда, ко Христу, но звучащее нѣсколько странно для того времени, по крайней мѣрѣ; «O sommo Giove». Известный знатокъ Данте и его критикъ Филалетесъ переводитъ это восклицаніе: «Höchster Jove», другіе-же критики относятся къ этому отрицательно, считая невозможнымъ приписывать Христу—Богу-Сыну имя Бога-Отца—Егова. Во всякомъ случаѣ, если даже согласиться съ тѣми критиками, которые утверждаютъ, что въ то время слово «Егова» еще не существовало, такъ какъ оно болѣе поздняго происхожденія, то и тогда мы должны предположить, что оно взято изъ еврейскаго языка, ибо перевести слово «Giove».—Юпитеръ, какъ это дѣлаютъ дикціонеры, не позволяетъ намъ выраженіе: «Che fosti'n terra per noi crucifisso», слѣдующее за словами: «O sommo Giove!».

Такимъ образомъ становится несомнѣннымъ тотъ фактъ, который на первый взглядъ можетъ показаться мало вѣроятнымъ, а именно,—что Данте зналъ еврейскій языкъ. До сихъ поръ историки литературы, соприкасаясь съ этимъ вопросомъ, отвергали даже мысль о чемъ-либо подобномъ. Нѣкоторые даже съ трудомъ допускали, что Данте вообще могъ знать еврея, какъ мы это видѣли выше у М. Krauss'a и въ сонетѣ Cino da Pistoja. Но даже такіе историки, какъ Гюдеманъ, Кауфманъ, Раугъ и др. находятъ, что Данте не зналъ еврейскаго языка. Но если-бы мы и согласились съ Рауг'омъ *), что слова: «Osanna» и «Sabaoth» Данте могъ знать изъ Вульгаты, Маттея—XXI, 9, Марка—XI, 9, 10 и т. д., а слово «malacoth» взято изъ нѣкоторыхъ рукописей св. Іеронима, какъ думаетъ и De-Witte **), то все-же остается нерѣшеннымъ вопросъ, какимъ образомъ могъ онъ воспользоваться тѣми двумя фразами и такъ часто употреблять слова: «El», «Eli». Не забудемъ еще, что ни Раугъ, ни Witte, писавшіе въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ го-

*) Jahrbuch der Dante-Gesellschaft, B. IV, 451.

**) Jahrbuch der Dante-Gesellschaft. I B. s. 261.

довь не только не знали перевода этихъ фразъ и словъ, но даже не догадывались о языкѣ, на которомъ онѣ написаны. Такимъ образомъ мы стоимъ передъ вопросомъ: зналъ-ли Данте еврейскій языкъ? Надо отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Мы уже видѣли изъ хода тогдашняго историческаго развитія и изъ нѣкоторыхъ цитатъ Ренана, какое важное мѣсто въ тогдашнемъ мирѣ занималъ еврейскій языкъ, единственный, на которомъ передавались научныя и философскія изысканія изъ одной части свѣта въ другую. Мы знаемъ, какую выдающуюся роль игралъ еврейскій языкъ въ сѣверной Испаніи и южной Франціи въ XI и XII вв. и какое громадное значеніе придавали ему христіанскіе учителя церкви, вродѣ св. Иеронима, св. Августина, Θ. Аквината, Альберта Кельскаго и др. То было время, когда въ еврейскомъ языкѣ видѣли не только языкъ Христа и Новаго Завѣта, но и громадное культурное средство для приобщенія къ цѣннымъ благамъ философіи и знаній съ арабскаго востока. Итальянскіе евреи, къ которымъ, какъ-бы по наслѣдству, перешла гегемонія изъ Испаніи, высоко держали свой культурный стягъ. Уже въ промежуткѣ времени между XI и XIV вв. почти во всей южной Европѣ «среди тишины и покоя культурной и умственной жизни христіанскаго населенія царить живая духовная дѣятельность евреевъ» *). Бывали въ то время моменты, когда наука и философія въ западной Европѣ концентрировалась только въ рукахъ евреевъ. Югъ Франціи и сѣверъ Испаніи кипѣли тогда такой жизнью, какой эти страны не знали ни до, ни послѣ этого. Къ XIII ст. Италія и Римъ стали для евреевъ въ полномъ смыслѣ центромъ, куда стекалось, по свидѣтельству Иммануэля **), интеллигентное еврейство даже изъ Франціи и Германіи. Только тутъ, у еврейскихъ ученыхъ, можно было поучить лучшее энциклопедическое образованіе, начиная съ богословія и кончая высшей математикой. Спрашивается: при такомъ громадномъ значеніи еврейскаго языка, при той роли, какую онъ игралъ въ то время, могъ-ли Данте, знавшій дѣйствительно все, что возможно было въ то время знать, проявлявшій одинаковый интересъ къ математикѣ, философіи и богословію, могъ-ли Данте не знать еврейскаго языка — того языка, на которомъ дошли до него

*) Vogelstein und Rieger: Geschichte der Juden in Rom B. I. s. 211.

**) Makamen, XXIII.

всѣ идеи, особенно трогавшія и волновавшія его? Въ XXVI пѣснѣ своего «Purgatorio» Данте устами провансальскаго поэта Арнольдо Даниелло произноситъ 8 рифмованныхъ терцинъ на провансальскомъ нарѣчїи. Возникнетъ-ли въ комъ нибудь сомнѣніе въ томъ, что онъ зналъ провансальское нарѣчїе на столько, чтобы употреблять его въ разговорѣ и писать на немъ стихи? Вѣдь иначе намъ пришлось-бы предположить, что для написанія этихъ терцинъ Данте принужденъ былъ обратиться къ кому-нибудь за помощью. Могутъ возразить, что провансальское нарѣчїе—не еврейскій языкъ, что онъ, какъ поэтъ, долженъ былъ знать языкъ труверовъ и миннезенгеровъ, тѣмъ болѣе, что провансальское нарѣчїе, какъ и итальянскій языкъ, принадлежитъ къ романской вѣтви, и изучить его для Данте не представляло особенной трудности. Это, конечно, такъ. Но почему-же изъ любви къ поэзіи онъ могъ изучить провансальское нарѣчїе, хотя самъ онъ въ Провансѣ никогда не былъ, какъ онъ признается въ своемъ «Convito», а изъ любви къ философіи и чистому познанію не могъ изучить еврейскаго языка? Вѣдь было-бы странно предположить, что Данте обратился къ кому-нибудь съ просьбой написать вышеприведенные еврейскіе стихи, ибо слишкомъ ужъ они у мѣста, слишкомъ звучна рѣима въ терцинахъ, гдѣ они помѣщены, смыслъ въ нихъ слишкомъ ясенъ и понятенъ. Наконецъ, если-бы мы признали, что тутъ передъ нами не фразы съ осмысленнымъ содержаніемъ, а наборъ словъ, какъ полагаютъ нѣкоторые историки литературы, то ужъ лучше всего было ему обратиться къ арабскому языку, бѣдность въ гласныхъ звукахъ котораго *) дала-бы ему возможность создать такую, бьющую по барабанной перепонкѣ, какофонію, которая, дѣйствительно, соответствовала бы зычнымъ голосамъ Неврода и Плутона. Могъ-же онъ, если бы зналъ арабскій языкъ, вложить въ уста Магомета, называемаго имъ «сѣятелемъ соблазна и раскола»—«*seminator di scandalo l di sci-pa*» **)—рассказъ о своихъ страданіяхъ не на итальянскомъ языкѣ, а на арабскомъ, чтобы въ однообразныхъ, мучительно-тягучихъ звукахъ арабскаго языка излить мучительный стонъ и жалобу этого грѣшника. Развѣ-же Данте, этотъ гениальный художникъ, изобразительное искусство котораго достигаетъ высшихъ ступеней совершенства,

*) Въ арабскомъ языкѣ существуютъ только 3 гласныхъ звука: а, у, и.

**) Адъ, XXVIII.

не прибѣгнулъ бы къ такому средству, которое ярче и рельефнѣе представило бы намъ тѣнь мучающагося грѣшника Магомета? Однако онъ этого не дѣлаетъ, такъ какъ не знаетъ арабскаго языка, а прибѣгнуть къ чужой помощи считалъ, повиднмому, для себя невозможнымъ. Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе эпоху Данте, когда евреи и еврейскій языкъ играли такую выдающуюся и благородную роль посредника въ наукѣ и философіи, и глубокой интересъ самого Данте къ философіи, а также осмысленность фразъ, несомнѣнно, относящихся къ еврейскому языку—мы можемъ съ увѣренностью сказать, что еврейскій языкъ не былъ чуждъ Данте.

IV.

Переходя затѣмъ къ пункту, весьма для насъ важному—къ заимствованію Иммануэлемъ у Данте идеи «Ада и Рая», мы не можемъ однако не остановиться на вопросѣ: «Почему-же Иммануэль не упоминаетъ ни единымъ словомъ о Данте? Почему ихъ взаимныя отношенія, несомнѣнно, какъ мы видѣли выше, существовавшія, не проявились ни въ одномъ мѣстѣ ихъ «комедій»? Здѣсь мы вступаемъ въ область догадокъ. Во всякомъ случаѣ выяснить этотъ вопросъ возможно только въ связи съ эпохой Данте и Иммануэля.

Иммануэль не упоминалъ о Данте, такъ какъ писалъ на еврейскомъ языкѣ, слѣдовательно, предназначалъ свои новеллы исключительно для еврейскаго народа. При нетерпимомъ настроеніи, царившемъ въ массѣ, его «комедія», если бы содержала имя великаго изгнанника и, главнымъ образомъ, христіанина, подверглась бы жесточайшей анаемѣ и не имѣла бы читателей. Если ужъ одинъ характеръ его новеллъ, свободный, отчасти фривольный и сатирический, встрѣтилъ достаточно сильный отпоръ со стороны нѣкоторыхъ раввиновъ, руководителей еврейскаго общественнаго мнѣнія, какъ напримѣръ, раввина Моисея изъ Rieti *) и знаменитаго творца «Шулханъ Аруха», Иосифа Каро **), то какое же значеніе имѣла бы его «Человѣческая комедія» въ глазахъ массы, воспитанной этими самими раввинами, если бы онъ удѣлилъ Данте, какъ своему учителю и примѣру, почетное мѣсто въ своемъ раю, назвавъ его еще

*) Въ своемъ произведеніи «Mikdasch meat», p. 106.

***) Въ произведеніи «Ogach shajm».

при томъ по имени. Однако, нѣкоторые указанія на это мы все-же можемъ найти въ его «комедіи» Въ своемъ «Раѣ» Иммануэль въ сопровожденіи Даніила, проводника его по раю и аду, осматриваетъ троны, предназначенные для великихъ людей. И вотъ одинъ изъ нихъ, особенно прекрасный, привлекаетъ его вниманіе и на вопросъ, кому-же онъ предназначенъ, получаетъ отъ своего проводника отвѣтъ, что онъ принадлежитъ Даніилу. Тогда Иммануэль вспоминаетъ объ этомъ Даніилѣ, который руководилъ имъ и направлялъ по истинному пути и который сблизился съ нимъ во время его бѣгства и т. д. Дальнѣйшая-же характеристика этого Даніила, данная проводникомъ, выдвигаетъ передъ нами личность, сильно похожую на Данте. «Знай, говоритъ проводникъ, какъ велико его значеніе и какъ широко распространилась слава о немъ по землѣ. Тебѣ някогда не сравнятся съ нимъ, ибо онъ на себѣ вынесъ грѣхи многихъ людей и за нихъ молился Творцу, такъ какъ зналъ высшую мудрость». Далѣе онъ указываетъ на ихъ совмѣстную жизнь и дружбу, а Иммануэль заканчиваетъ свое обозрѣніе трона славословіемъ Творцу за то, что «Онъ не оставилъ своей милостью его *господина*» *). Если вникнуть въ вышеприведенную цитату, то, какъ намъ кажется, слѣдуетъ придти къ заключенію, что здѣсь рѣчь идетъ именно о Данте. Прежде всего имя «Даніилъ», которое такъ близко по созвучію съ именемъ «Данте». Затѣмъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ указаній біографическаго и иного свойства. Онъ называетъ этого Даніила—*УГК*—, что, конечно, должно понимать не въ прямомъ смыслѣ, а въ смыслѣ—«родственный по духу, близкій по идеѣ». Признаніе Иммануэля, что этотъ Даніилъ имъ руководилъ и направлялъ на истинный путь, указываетъ на то сильное вліяніе, какое имѣлъ на него Данте, что собственно, такъ ярко доказывается всей его «комедіей». Указаніе же Иммануэля на то, что они облизидились во время его (Иммануэля) изгнаніи, служить еще большимъ, какъ намъ кажется, подтвержденіемъ справедливости нашего предположенія. Мы во всякомъ случаѣ отказываемся видѣть въ этомъ Даніилѣ его родственника Даніила, помогавшаго ему во время его скитальчества, какъ это полагаютъ нѣкоторые критики**). Иммануэль едва-ли посвятилъ-бы по-

*) Макамен, 231.

***) См. Naschachar, t. III, сп. Миллера.

добный диэирамбъ ничѣмъ не прославившемуся человѣку, тѣмъ болѣе своему родственнику, вся заслуга котораго заключалась лишь въ томъ, что онъ помогалъ ему и поддерживалъ во время изгнанія. Ибо даже такому несомнѣнному крупному человѣку, какъ Messer Leon (Гегуда бенъ Моисей Романо), извѣстному на протяжении полгихъ вѣковъ подъ высокимъ именемъ philosophus divinus, учителю Неаполитанскаго короля Роберта и знаменитому переводчику христіанскихъ схоластовъ, чрезъ котораго Иммануэль и познакомился съ ихъ трудами,—даже ему посвящаетъ Иммануэль въ своей комедіи лишь нѣсколько словъ. Такъ неужели-же онъ окружилъ бы такимъ поразительнымъ и блестящимъ почетомъ личность, ничѣмъ не проявившуюся, ничѣмъ не замѣчательную? Точно также намъ кажется *только* «остроумной гипотезой *) то предположеніе Гейгера, которое видитъ Данте въ самомъ праведникѣ Данилѣ**). Ибо для подтвержденія подобной «гипотезы» нѣтъ ни одного указанія, хотя бы приблизительнаго, во всей «Комедіи» Иммануэля, кромѣ развѣ того, что имена Данте и Данилъ весьма близки другъ къ другу по созвучію.

Болѣе вѣроятнымъ представляется, на нашъ взглядъ, то, что самого Данте слѣдуетъ видѣть во второмъ Данилѣ, Данилѣ-анонимѣ. Проводникъ Иммануила говоритъ объ этомъ Данилѣ, какъ о человѣкѣ, славой котораго полонъ весь міръ, что могло отнестись ни къ кому иному, какъ только къ Данте. Не забудемъ, что въ это время Данте уже былъ извѣстенъ не только въ Италіи, Провансѣ и Испаніи, какъ гениальный поэтъ своего отечества, но и былъ знаменитъ, какъ побѣдитель на философско-богословскомъ турнирѣ въ Парижѣ (1309 г.). Поэтому намъ кажется, что только о немъ, а не о комъ либо другомъ, могла итти рѣчь въ вышеупомянутой цитатѣ Иммануэля.

Теперь является вопросъ: почему-же у Данте нѣтъ упоминанія объ Иммануилѣ, развѣ они были такъ дружны при жизни? Это отчасти можетъ быть объяснено тѣмъ же, чѣмъ мы выше объясняли скрытность Иммануэля. Въ жизни Данте могъ быть дружнымъ съ эвреемъ, что въ то время не являлось даже исключеніемъ, но выставить свои симпатіи на показъ въ своемъ произведеніи, которое уже при его жизни имѣло значеніе чуть-ли не божественнаго от-

*) Г. Карпелесъ. Исторія еврейской литературы, стр. 676.

**) Ozar. nechmad, t. III.

кровенія и сдѣлалось Новѣйшимъ Завѣтомъ, причѣмъ на самого автора масса смотрѣла, какъ на человѣка, постигнѣ побывавшаго въ загробномъ мірѣ *)—было бы слишкомъ опрометчиво и вызвало-бы только раздраженіе фанатически настроенной толпы. Ревностный христіанинъ и католикъ, въ религіозныхъ столкновеніяхъ ставовившійся нетерпимымъ, какъ самый ярый фанатикъ—онъ съ большою неохотой, по необходимости вводитъ въ Рай патріарховъ и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ Ветхаго Завѣта только потому, что они не крещены. Какъ же онъ могъ дать почетное мѣсто въ Чистилищѣ или въ Раю некрещенному еврею Иммануэлю, который былъ только его другомъ, но особенной святостью не отличался? Помѣстить-же его въ своемъ Аду онъ, конечно, не могъ, потому что не считалъ его грѣшнымъ философомъ, какъ, напр., Аристотеля, Платона, которыхъ онъ помѣщаетъ въ первомъ, еще свѣтломъ, кругѣ Ада. Правда, нѣкоторые критики, на основаніи весьма, впрочемъ, темнаго указанія Cino da Pistoja въ его сонетѣ къ Fosca послѣ смерти Иммануэля, ищутъ его въ томъ вертепѣ Ада, куда Данте бросилъ насмѣшниковъ. Но какъ бы то ни было, прямыхъ указаній на Иммануэля, какъ на друга или близкаго знакомого, въ произведеніяхъ Данте мы напрасно пытались-бы искать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. Красный.

Изъ Мориса Розенфельда.

На кладбищѣ.

сонъ.

Упали дрожащія, лунныя нити
На морѣ, на темныя кущи.
По тихой долинь забвенья и смерти
Ведеть меня Сонъ всемогущій.
Найдется мѣстечко на старомъ кладбищѣ
И счастью и скорби великой.
Спять рядомъ хозяинъ съ наемникомъ трустнымъ
И рабъ съ своимъ гордымъ владыкой.
Какъ призраки стали плакучія ивы,
Какъ смутныя тѣни былого.
Душа моя внемлетъ молчанью, молчанью...
Ни вздоха средъ мертвыхъ, ни слова.
Лишь вѣетъ зефиръ надъ долиною смерти,
Какъ братъ надъ сестрицею нѣжной:
«Миръ косточкамъ сырымъ, миръ бѣдному праху—
Покойтесь въ гробу безмятежно!»
— «Ты видишь—спросилъ меня Духъ сновидѣній —
Лежать два холма передъ нами:
Одинъ изъ нихъ голой чернѣетъ землю,
Другой же усѣянъ цвѣтами».
— «Какъ странно!—сказаль я:—великаа Матерь
Вскормила ихъ грудью одною,
Одинъ ихъ ласкаетъ зефиръ тихоструйный...»
— «Всю правду тебѣ я открою
О, знай-же: въ могилѣ, поросшей цвѣтами,
Спять ловчій изъ свары жестокой;

Въ тенетахъ его извивался рабочій
Съ разсвѣта до ночи глубокой.
Кровь теплую дѣтокъ, воркующихъ дѣтокъ,
Онъ пилъ ненасытнымъ вампиромъ,
И кости его оттого побѣлѣли,
И свѣтлымъ одѣлися жиромъ:
Изъ пышнаго тѣла теперь поднялися
Душистыя, алыя розы,
Но это цвѣты не его, а рабочихъ, —
То потъ ихъ кровавый и слезы!»
Тутъ всталъ изъ могилы рабочій и крикнулъ
(Жила въ немъ великая злоба!)—
«Мои здѣсь не только цвѣты на могилѣ,
На доски, но гвозди изъ гроба!
Отдайте мнѣ саванъ, и прочный, и бѣлый
Отдайте мнѣ *Талесъ* богатый!
Они моимъ потомъ и кровью добыты,
Изъ сердца, изъ печени взяты!»
И взвился высоко порывомъ могучимъ.
«Все это пройдетъ ли вамъ даромъ?»
Онъ поднялъ кулакъ свой... онъ міръ уничтожить
Оцнимъ безпощаднымъ ударомъ...
Проснулся я... Въ сердцѣ, какъ бурныя волны,
Росли и тоска и участие.
И слышу я голосъ: «Цвѣты развѣ только?
Онъ радость укралъ у насъ, счастье!»

К. Бархинъ.

Автономныя права и стремленія австро-венгерскаго еврейства.

Въ одномъ изъ своихъ обзоровъ жизни нашихъ единоплеменниковъ въ Австро-Венгрии, я обѣщала отдѣльно поговорить объ автономныхъ стремленіяхъ венгерскаго еврейства ¹⁾. Эту тему я хочу теперь распространить и коснуться автономныхъ правъ и стремленій не только венгерскаго, но и австрійскаго еврейства. Русско-еврейскому читателю врядъ ли извѣстенъ тотъ, на мой взглядъ, весьма интересный фактъ, что въ одной изъ австрійскихъ областей, въ Моравіи до сихъ поръ сохранилось около полсотни еврейскихъ общинъ съ весьма распространеннымъ автономнымъ управленіемъ, которое могло бы развиться въ весьма широкую національно-политическую автономию, если бы использовано было съ большимъ интересомъ и заботливостью, чѣмъ это дѣлаютъ моравскіе евреи.

Лично меня этотъ вопросъ интересуеть уже нѣсколько лѣтъ; но именно вслѣдствіе отсутствія къ нему всякаго интереса и со стороны современнаго австрійскаго, даже націоналистки-настроеннаго еврейства, вопресь этотъ еще совершенно не разработанъ, да и источники для его детальной разработки весьма скудны и, что весьма характерно, собраны преимущественно не евреями. Въ прилѣчаніи я указываю нѣкоторые, мнѣ извѣстные источники, которыми можно пользоваться при изслѣдованіи этого вопроса. Тутъ же я считаю своимъ долгомъ отдать дань заслуженной признательности вѣнскому студенту Іосифу Майзелю, который первый коснулся въ современной нѣмецко-еврейской печати этого интереснѣйшаго эпизода изъ исторіи австрійскаго еврейства ²⁾.

¹⁾ См. «Книжки Восхода» за іюнь 1904 г.

²⁾ *Литература*: 1) *D-r Ludwig Osser*, Archiv für oesterreichische Geschichte, Bd. 31. 2) *D'Elvert*, Geschichte der Juden in Mähren. 3) Statis-

Моравскій историкъ Дудикъ констатируетъ пребываніе евреевъ въ Моравіи уже въ началѣ X вѣка. Число ихъ въ этомъ краѣ было тогда весьма незначительное, они составляли преимущественно средній городской классъ Hausierer'овъ, торговцевъ, посредниковъ и т. п. и играли большую роль въ экономической жизни страны. Безъ нихъ одинаково не могли обходиться ни дворянство, ни крестьянское населеніе края. По выраженію другого историка, „они въ національно-экономическомъ отношеніи составляли силу въ обществѣ, ибо они олицетворяли вѣчно могущественное вліяніе денегъ“. Но этой же ролью евреевъ, какъ носителей „власти денегъ“, опредѣлялось и ихъ положеніе въ краѣ, положеніе въ высшей степени презрѣнное, тяжелое и полное рѣзкихъ противорѣчій. Безъ нихъ не могли обходиться ни сельское населеніе, ни дворянство, и даже правительство; сами царственные особы нуждались въ нихъ и въ критическое время прибѣгали къ ихъ помощи. Тѣмъ не менѣе народъ ненавидѣлъ евреевъ, аристократія ихъ презирала, а правительство и верховные регенты смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ безправныхъ рабовъ, какъ на фискальное имущество исключительно, какъ на неисчерпаемый источникъ государственныхъ, королевскихъ или маркграфскихъ доходовъ. Евреи то совершенно безпричинно и произвольно изгонялись изъ страны, при чемъ имущество ихъ конфисковалось въ пользу государственной или княжеской казны, то опять приглашались въ страну и даже получали особыя льготы и привилегіи; во всякомъ случаѣ ихъ существованіе въ краѣ всегда оплачивалось непомѣрно высокими денежными налогами. Но несмотря на такое свое безправное положеніе въ государствѣ, а можетъ быть, именно вслѣдствіе такого своего положенія, моравское еврейство въ дѣлахъ своего внутренняго управленія пользовалось полнѣйшей автономіей и сравнительно широкими корпоративными правами. Правительство, используя евреевъ въ своихъ финансовыхъ выгодахъ, больше не желало принимать на себя никакихъ заботъ по устройству и урегулированію внутренней

tische Monatsschrift, XIII Jahrgang. 4) *Willibald Muller* „Urkündliche Beiträge zur Geschichte der mährischen Judenschaft im 17 und 18 Jahrhundert Olmütz 1903. 5) *Mährisch-schlesischer Correspondent*, Jahrgang, 1887, № 104 6) *Scari*, Systematische Darstellung der Judengesetze, Brünn 1835. 7) *Polizeiordnung*, art. II und III. 8) *Joseph Meisl*, Die politischen Judengemeinden in Mähren, „Judisches Volksblatt“ 1904.

жизни еврейскихъ общинъ, предоставивъ имъ управляться и устраивать свою внутреннюю культурно-экономическую жизнь на свой собственный рискъ и страхъ. Общины еврейскія управлялись старостами изъ евреевъ же, *sajores natu Judaei*, и общимъ законамъ страны не подчинялись. Наоборотъ еврейскія дѣла, миновавъ всѣ существовавшія тогда для всего остального населенія административныя и судебныя учрежденія, находились въ непосредственномъ вѣдѣннн областного намѣстника (*Landesherr*). Такъ нацрнмѣрь, охранительная грамота отъ 29 марта 1254 г., купленная евреями за крупную сумму у короля Оттокара II, постановляетъ: „евреи въ Богеміи и Моравіи будутъ отнынѣ имѣть свой особый судебный трибуналъ; не общій городской судья, а областной намѣстникъ (*Landeskämmerer*) или король или маркграфъ сами рѣшаютъ болѣе важные споры евреевъ между собой; менѣе же важныя дѣла подлежатъ вѣдѣнню назначаеомыхъ регентомъ страны (*Landesfürst*) еврейскихъ судей и избираемыхъ общиной присяжныхъ“. Евреямъ удалось пріобрѣсть себѣ за деньги еще и другія привилегіи. Такъ, указомъ того же Оттокара II запрещалось въ еврейскіе праздничные дни являться къ нимъ за выкупомъ залога; а кто насильно овладѣвалъ заложенной имъ вещью, подлежалъ наказанію, какъ „разрушитель королевской камеры“. Еврейскіе дома были освобождены отъ расквартированія въ нихъ солдатъ и т. п. Городскимъ управленіямъ воспрещалось налагать на евреевъ, весьма тяжелыя, спеціальныя повинности: — это право всегда монополизировалось регентами страны. Вообще, евреи въ городахъ были въ отношеніи повинностей и налоговъ уравниены съ остальными гражданами. Также и не всѣ евреи были закрѣпощены помѣщиками или городами своего жительства. Это право закрѣпощенія евреевъ, или какъ это называлось, право сдѣлать евреевъ своими „каммеръ-кнехтами“, покупалось помѣщиками и городомъ у регентовъ, и этими послѣдними продавалось лишь постольку, поскольку государственная казна отъ этого не бывала въ убыткѣ. Такъ D'Elvert приводитъ, что самая многочисленная еврейская община Никольсбургъ находилась въ такой „каммерной“ крѣпостной зависимости у княжескаго рода Дитрихштейнъ. Но и эти пере-закрѣпощенныя городамъ или помѣщикамъ еврейскія общины въ дѣлахъ своего внутренняго управленія пользовались широкими автономными правами, которыя отъ времени до времени вновь подтверждались королевскими указами. Такъ, у

того же D'Elvert'a приведенъ законъ о евреяхъ изданный въ 1268 г. тѣмъ же королемъ Оттокаръ для города Брюнна: „христiанинъ самъ, безъ еврея, не вправѣ давать свидѣтельскихъ показанiй противъ еврея. Если христiанинъ утверждаетъ, что онъ что-нибудь заложилъ у еврея, а этотъ послѣднiй отрицаетъ это или заявляетъ, что заложенная вещь украдена, сгорѣла или похищена у него, то онъ (еврей) долженъ оправдаться присягой по своему закону (т. е. по своему религиознаму закону), и право на его сторонѣ. Заложенную вещь, не выкупленную къ опредѣленному году и дню, еврей можетъ продать. Въ праздничный у нихъ день нельзя выкупать заложенныхъ вещей. Кто насильно отбираетъ эти вещи или совершаетъ насилie надъ домою еврея, подвергается наказанiю, какъ за сопротивленiе княжеской камерѣ. Взятыя займы деньги должны быть возвращены съ процентами подъ страхомъ присужденiя къ уплатѣ двойныхъ процентовъ. *Евреи могутъ быть судимы только въ своихъ синагогахъ, князь можетъ сдѣлать исключенiе изъ этого правила. Присягу надъ Торой или Талмудомъ еврей обязанъ приносить только предъ княземъ. Споры евреевъ между собой рѣшаетъ не городской судья, а только король или герцогъ или высшiй намѣстникъ области (der oberste Landeskämmerer). Но если еврей апеллируетъ къ князю, то процессъ приостанавливается. Нельзя ихъ заставлятъ принимать въ свои дома чужихъ. Насильственное поврежденiе ихъ кладбищъ наказывается смертною казнью, и имущество преступника конфискуется въ пользу княжеской камеры; злонамѣренное разрушенiе ихъ синагогъ наказывается штрафомъ въ два таланта. Кто похититъ еврейскаго ребенка (для крещенiя) наказывается, какъ воръ. Убийство еврея, нанесенiе ему смертельнаго удара или причиненiе раны наказываются смертною казнью, отбиченiемъ руки или большимъ денежнымъ штрафомъ“.*

Приблизительно такiя же законодательныя установленiя, съ большими или меньшими уклоненiями, существовали и для еврейства другихъ городовъ этихъ областей. Уплата податей, налагаемыхъ королевской камерой и начальствомъ, производилась подъ круговой порукой всей общины; раскладка же общей суммы налоговъ на отдѣльныхъ членовъ общины предоставлялась общинному правленiю. Общины пользовались самостоятельностью не только въ своихъ отношенiяхъ къ общимъ государственнымъ учрежденiямъ, но и въ

отношеніяхъ отдѣльныхъ общинъ между собой. Хотя и бывали случаи, когда экархи посылали въ города своихъ уполномоченныхъ для контроля преимущественно религіозной жизни общинъ, — бывали также случаи назначенія оберъ-раввина надъ всѣми общинами цѣлаго края, а отъ времени до времени общины Польши и Моравіи устраиваютъ также сѣзды для совмѣстныхъ совѣщаній по дѣламъ, — однако о кодифицированномъ союзѣ всѣхъ общинъ съ централизаціей управленія и власти не было никогда рѣчи, — и каждая отдѣльная община за себя совершенно автономно и независимо вѣдала религіозную, частную и гражданскую жизнь своихъ членовъ.

На эту самостоятельность общинъ въ дѣлахъ внутренняго управленія никогда не посягали. Въ XV и XVI вв. королевскіе города Моравіи: Иглау, Брюннъ, Ольмюцъ, Цнаимъ, Мейритъ-Нейштадтъ и Градишъ получили разрѣшеніе на изгнаніе евреевъ и дѣйствительно изгнали ихъ. Коренное населеніе этихъ городовъ считало себя тогда уже достаточно окрѣпшимъ, чтобы обходиться безъ „еврейскихъ процентовъ“ и изгнало евреевъ подъ предлогомъ ихъ „развращающаго вліянія на христіанъ“. Еврейскія общины этихъ городовъ были совершенно разсѣяны, и по сіе время не возстановлялись больше въ качествѣ политически-автономныхъ гемейндъ.

Изгнанные изъ королевскихъ городовъ, евреи расселились по маленькимъ частно-владѣльческимъ и муниципальнымъ городамъ, по деревнямъ и мѣстечкамъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія число моравскаго еврейства еще увеличивается притокомъ единовѣрцевъ, изгнанныхъ въ 1670 г. изъ Вѣны, и въ общемъ достигаетъ около этого времени довольно высокой цифры. Такъ напримѣръ, въ Никольсбургѣ, гдѣ жило тогда 10501 католикъ въ 638 домахъ, еврейская община состояла изъ 620 семействъ, составлявшихъ всѣ вмѣстѣ 3520 душъ и жившихъ въ 168 домахъ. Коренное населеніе не переставало тогда жаловаться на увеличеніе числа евреевъ, — и тутъ мы впервые какъ будто встрѣчаемся съ вмѣшательствомъ государства во внутреннія дѣла евреевъ: къ этому времени относятся законы, ограничивавшіе вступленіе евреевъ въ бракъ. Однако, и тогда евреи образовали самостоятельныя, строго обособленныя общины, — правда съ строго опредѣленнымъ числомъ домовъ, но подъ управленіемъ собственныхъ старостъ. Изъ этихъ то общинъ развивается затѣмъ особая организація всего моравскаго еврейства съ

областнымъ раввиномъ, областными старостами (Landesrabbiner, Landesälteste), областнымъ сборщикомъ податей и солицираторомъ, съ собственными еврейскими судами, съ специальнымъ и самостоятельнымъ правомъ наложенія податей.

Основаніемъ всей этой организаціи послужилъ институтъ областныхъ старость и областного раввинатства. Тому, что именно моравское еврейство выработало этотъ институтъ, между тѣмъ, какъ гораздо болѣе многочисленное еврейство Богеміи не имѣло ни областныхъ старость, ни областного раввинатства, Майзель объясняетъ такъ. Во первыхъ, въ Моравіи сплоченіе еврейскихъ общинъ произошло весьма рано, между тѣмъ какъ богемскія общины были гораздо болѣе отдалены одна отъ другой. Кромѣ того, повліяло еще вѣроятно и то, что въ Моравіи присяжные еврейскіе судьи составляли первую судебную инстанцію, на приговоръ которой въ спорахъ между евреями или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ спорахъ между евреемъ и христіаниномъ возможна была апелляція. И вотъ установился обычай, что въ этихъ спорныхъ случаяхъ, когда стороны не были довольны приговоромъ судей, апеллировали къ раввину. Областной раввинъ, который назначался сперва маркграфомъ, а позже королевскимъ трибуналомъ и жилъ въ Никольсбургѣ, исполнялъ такимъ образомъ и функцію апелляціонной судебной станціи въ спорахъ между отдѣльными общинами. Позднѣйшими установленіями, въ особенности рескриптомъ отъ 30 января 1720 г., судейскія функціи областного раввина были значительно сужены. Ему оставлено было только право юрисдикціи въ первой инстанціи. Затѣмъ его государственныя функціи теперь сведены были преимущественно на административную дѣятельность и въ особенности на обязанности третейскаго судьи въ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ по дѣламъ общины, напримѣръ, при выборахъ въ общинное правленіе. Не подлежали юрисдикціи еврейскихъ судей и областныхъ раввиновъ моравскіе евреи лишь по преступленіямъ, совершеннымъ въ королевскихъ городахъ, или по заключеннымъ въ этихъ городахъ контрактамъ. По всемъ остальнымъ правонарушеніямъ, какъ по уголовнымъ, такъ и гражданскимъ, они должны были „предъ своимъ ординарнымъ начальствомъ держать рѣчь и отвѣтъ“ (Рескриптъ отъ 30 августа 1708 г.). Однако и въ тѣхъ случаяхъ, когда еврей не подлежалъ своему общинному суду, истецъ, по своему личному усмотрѣнію, могъ предпочесть этотъ судъ суду

коронному и къ нему обратиться со своей жалобой. Но „весьма важное или караемое“ обязательно оставлять юрисдикціи королевскаго областного правленія или королевскаго областного намѣстничества.

Въ областные старосты, по старому уставу общинъ, выбираются „шесть благоразумныхъ, благочестивыхъ мужей“, т. е. по два изъ cadaго изъ трехъ округовъ, на которые тогда раздѣлялась Моравія. Обязанности старость по тому же уставу опредѣляются такъ: „наказывать должниковъ и непослушныхъ, слѣдовательно съ достоинствомъ исполнять свою должность“. Въ 151 параграфахъ этотъ уставъ излагаетъ правила производства выборовъ областныхъ старость и опредѣляетъ кругъ ихъ дѣятельности. Старосты выбирались депутатами отъ общинъ, но только тѣ общины пользовались правомъ посылать своихъ депутатовъ, которыя уплачивали извѣстную цифру налоговъ. Выборы производились на одно трехлѣтіе и всегда 18-го тамуза. Областной раввинъ выбирался областными старостами. Областные сборщики податей наблюдали за сборомъ налоговъ и вносили собранныя суммы въ казну. Собирались налоги каждой общиной за себя и подъ круговой порукой всѣхъ ея членовъ,—и затѣмъ собранныя суммы препровождались областнымъ сборщикамъ. Всѣ обращенія евреевъ, т. е. вѣроятно, всѣ коллективныя обращенія, должны были имѣть подписи областныхъ сборщиковъ, областныхъ старость и солицитаторовъ. Въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ общины не подчинялись государственнымъ чиновникамъ. Лишь на постройку синагоги требовалось сперва разрѣшеніе ольмюцкой консисторіи, затѣмъ королевская грамота; на перестройку или расширеніе синагоги требовалось разрѣшеніе королевскаго трибунала. Воспитаніе дѣтей было вполнѣ предоставлено вѣдѣнію общинъ и находилось въ крайне печальномъ состояніи, лишь одинъ Никольсбургъ составлялъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе.

Съ теченіемъ времени еврейскія общины все болѣе и болѣе подчиняются контролю правительственной бюрократіи и магистратовъ, они уже не занимаютъ болѣе прежняго привилегированнаго положенія въ качествѣ *servi camerae regalis*,—и все-таки ихъ исключительно неблагопріятное положеніе въ смыслѣ несенія специальныхъ и обременительныхъ налоговъ не прекращается, пока наконецъ при Маріи Терези и Иосифѣ II не послѣдовала реорганизация еврейскихъ общинъ и урегулированіе старыхъ еврейскихъ судовъ.

въ Моравіи. Относящіеся сюда государственные акты,—это: патентъ о сборахъ съ евреевъ отъ 1752 г. и еврейскій обще-полицейскій и коммерческій регламентъ отъ 1754 г.

II.

Какъ цѣль учрежденія особыхъ еврейскихъ общинъ въ этихъ актахъ указывается: «вѣдѣніе спеціальныхъ интересовъ еврейскихъ подданныхъ, какъ таковыхъ, сборъ общинныхъ налоговъ и завѣдываніе общиннымъ имуществомъ, попеченіе о еврейскихъ бѣдныхъ, соблюденіе порядка въ регистраціи еврейскихъ семействъ, обезпеченія и облегченія поступленийъ налоговъ съ евреевъ въ пользу правительства».

Во главѣ каждой общины стоитъ старшина (Vorsteher), который, по § 5 полицейскаго регламента, избирается ежегодно въ октябрѣ. Правомъ выбора пользуются всѣ члены общины, въ предшествовавшемъ году правильно уплатившіе свои подати. Но избирателямъ предоставляется также право избирать изъ своей среды по жребію уполномоченныхъ, которые потомъ большинствомъ голосовъ выбираютъ старшину гемеинды. Эти уполномоченные не должны состоять между собой ни въ кровномъ, ни въ брачномъ родствѣ. Кто состоитъ съ мѣстнымъ раввиномъ въ кровномъ или въ брачномъ родствѣ до второй степени включительно, не можетъ быть избираемъ ни еврейскимъ судьей, ни присяжнымъ, роль котораго мы сейчасъ узнаемъ.

Судья, старшины и присяжные, вмѣстѣ засѣдающіе въ «Совѣтѣ», не должны также составлять постоянную «торговую компанію». Всегда только половина членовъ общиннаго правленія могутъ быть въ родствѣ другъ съ другомъ. Для маленькихъ общинъ число членовъ правленія составляетъ четыре, для большихъ отъ восьми до восемнадцати. Если живущій въ данной мѣстности областной старшина, бывший еврейскій судья и уплачивающій наибольшую цифру налоговъ не облечены еще никакой другой должностью въ общинѣ, то имъ принадлежатъ первыя три мѣста въ общинномъ правленіи.

Одновременно съ выборами старшины производятся также выборы «Еврейскаго Совѣта», состоящаго изъ судей и присяжныхъ. Въ маленькихъ общинахъ въ «Совѣтѣ» должны засѣдать одинъ судья и двое присяжныхъ; Совѣтъ большихъ общинъ состоитъ изъ

пяти лицъ. Правила выборнаго производства такія-же, какъ и при выборѣ старшины. Избиратели обязаны принести предварительную присягу въ томъ, что она подадутъ свои голоса «не изъ корыстолюбія, не изъ расположенія или нерасположенія, а исключительно по способностямъ и доброму поведенію». Выборы утверждаются начальствомъ. Новоизбранные до вступленія въ должность приносятъ присягу въ синагогѣ. Выборы не могутъ быть утверждены: 1) если избиратели подавали свои голоса изъ корыстолюбія или изъ нерасположенія или по другимъ нечистымъ соображеніямъ, 2) если выбраны не самыя способныя и благонравныя лица, 3) если выбраны лица, не уплатившія своихъ налоговъ за предшествовавшій годъ или состоящіа между собой въ родствѣ второй степени или участвующія въ одной торговой компаніи. Совѣтъ и общинное правленіе рѣшаютъ дѣло общины по своему усмотрѣнію и большинствомъ голосовъ. Ихъ рѣшенія имѣютъ для общинъ обязательную силу. Разбирательство дѣлъ происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ. Старшины еврейскихъ общинъ въ пользованіи своей должностной властью разсматриваются, какъ правительственные чиновники, — и могутъ поэтому за взятки подвергнуться отвѣтственности, какъ за злоупотребленіе должностною властью.

Каждая община должна имѣть своего раввина, своего рѣзника, своего синагогальнаго кантора и своего казначея. Раввинъ долженъ быть австрійскимъ подданнымъ и выдержать извѣстный экзамень у областного раввина или у исправляющаго его должность. Первѣйшая и главная обязанность общиннаго раввина — это преподаваніе закона еврейской вѣры. Къ его функціямъ относится также: участіе при обрядахъ обрѣзанія и вѣнчанія, веденіе метрическихъ книгъ и т. д. О каждой освободившейся вакансіи общиннаго раввина немедленно должно быть доведено до свѣдѣнія областного раввина, который немедленно же сносится съ данною общиной, предлагая ей назвать своего кандидата на освободившееся мѣсто. Если же община въ теченіе четырехъ недѣль сама не избересть себѣ раввина, областной раввинъ вправѣ по своему личному усмотрѣнію замѣстить освободившуюся вакансію.

Областной раввинъ Landesrabbiner вообще игралъ чуть-ли не самую важную роль во всей этой автономной организаціи моравскаго еврейства. Въ кругъ его обязанностей входило: удержаніе единства и умиротвореніе спорныхъ вопросовъ религіознаго характера между членами

еврейскихъ общинъ, а также бдительное попеченіе о развитіи и сохраненіи религіозности у евреевъ. Мѣстопробываніемъ областного раввина назначенъ былъ Никольсбургъ. Во время отсутствія областного раввина его замѣщаетъ «товарищъ», назначавшійся на эту должность областнымъ государственнымъ правленіемъ по представленію самого областного раввина.

Только областному раввину или его товарищу предоставлено право два раза въ годъ, а именно: къ праздникамъ Пасхи и Кущей, возводитъ каждый разъ по одному кандидату въ званіе «двойного раби» (даритъ титулъ «морейну»). Званіе это означало вдвойнѣ ученаго, такъ сказать, ученѣйшаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовало также о спеціальной юридической подготовкѣ кандидата. Званіе же обыкновеннаго раввина можетъ быть присвоено уже совѣтомъ двухъ общинныхъ раввиновъ, но лишь въ томъ случаѣ, если эти раввины имѣютъ по крайней мѣрѣ по десяти студентовъ въ своемъ обученіи и воспитаніи. Такой совѣтъ двухъ общинныхъ раввиновъ можетъ удостоить званія «обыкновеннаго раввина» любого члена общины; но кандидатъ долженъ былъ не только выдержать извѣстное испытаніе учености, но также не меньше двухъ лѣтъ состоять въ бракѣ.

Областной раввицъ выбирался шестью областными старостами и восемнадцатью депутатами (т. е. по два старосты и по шести депутатовъ изъ cadaго изъ трехъ моравскихъ округовъ). Всего такимъ образомъ въ выборахъ участвовало 24 избирателя. Областные старосты избирались на одно трехлѣтіе и не должны были находиться ни между собой, ни съ областнымъ раввиномъ въ кровномъ, или въ брачномъ родствѣ до третьей степени. Выборы областныхъ старостъ также производились депутатами общинъ, собиравшимися въ Брюннѣ. Правительство всегда обнаруживало тенденцію къ тому, что бы имѣть несмѣняемыхъ старостъ и производить выборы на пожизненный срокъ. Общины же настаивали на системѣ частой смѣняемости старостъ, и въ концѣ концовъ между правительствомъ и евреями достигнуто было соглашеніе въ томъ смыслѣ, чтобы старосты избирались на шестилѣтній срокъ службы. Въ то же самое время старое дѣленіе моравскаго еврейства на три округа было замѣнено дѣленіемъ на шесть «политическихъ округовъ», такъ что каждый округъ выбиралъ отдѣльно по одному областному старостѣ и производство выборовъ старостъ было также нѣсколько

видоизмѣнено. Староста отнынѣ выбирался уже не депутатами своего округа, какъ прежде, а всѣ восемнадцать депутатовъ (по три отъ cadaго округа) сообща выбирали всѣхъ кандидатовъ. Для выбора областного раввина областные старосты вмѣстѣ съ уже упомянутыми нами специальными делегатами для производства этихъ выборовъ собирались къ опредѣленному сроку въ Брюннѣ. Выборами руководили областные старосты, которые также препровождали потомъ въ губернію все выборное производство со своимъ заключеніемъ о результатахъ выборовъ. Изъ губерніи выборные акты вмѣстѣ съ заключеніемъ областного начальства препровождались въ Вѣну.

Въ концѣ января 1788 г. упраздняется институтъ областныхъ старостъ и въ связи съ этимъ модифицируются выборы областного раввина. Каждая еврейская община во всѣхъ шести округахъ избираетъ изъ среды своихъ членовъ одного уполномоченнаго, руководствуясь при этихъ выборахъ правилами, установленными для выборовъ общиннаго правленія. Эти депутаты прибываютъ къ назначенному дню въ главный городъ своего округа и предъявляютъ мѣстной окружной управѣ свои полномочія на право избранія «выборныхъ людей», которымъ подлежить окончательное избраніе областного раввина. Окружная управа назначаетъ затѣмъ день, когда уполномоченные большинствомъ голосовъ выбираютъ въ «выборные люди» отъ своего округа одного изъ раввиновъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ представляемыхъ депутатами-уполномоченными общинахъ. «Выборные люди» за три дня до срока, назначеннаго для выборовъ областного раввина, собираются въ Брюннѣ, предъявляютъ тамошней окружной управѣ свои полномочія и большинствомъ голосовъ избираютъ изъ своей среды предсѣдателя и секретаря для веденія выборнаго производства. Предсѣдатель предъявляетъ участникамъ выборовъ всѣ поступившія въ губернское правленіе прошенія кандидатовъ на должность областного раввина вмѣстѣ съ необходимыми приложеніями и документами. Самые выборы производятся въ присутствіи окружнаго правительственнаго выборнаго комиссара. По вызову предсѣдателя, каждый «выборный» долженъ представить свое мотивированное предложеніе, которое заносится въ протоколъ выборовъ; послѣднимъ подаетъ свой голосъ предсѣдатель; рѣшаетъ большинство голосовъ. Если ни одинъ кандидатъ не получилъ большинства, тогда созываются «запасные» выборные люди, избираемые одновременно съ «выбор-

ными», и при участіи этихъ кандидатовъ выборы производятся вновь. Запечатанный протоколъ выборовъ препровождается бринскимъ окружнымъ начальникомъ придворной канцеляріи на ея окончательное утвержденіе.

Расходы по производству выборовъ покрываются изъ суммъ моравскаго еврейскаго областного фонда. Изъ этихъ же суммъ областной раввинъ получаетъ годичное жалованье въ шестьсотъ флориновъ. Такса въ 500 флориновъ, которая по старому уставу уплачивалась государственной казнѣ новоизбраннымъ областнымъ раввиномъ, въ новомъ регламентѣ не получаетъ новаго подтвержденія, но и не отиѣняется. Опреѣленіе мѣстожителства областного раввина отнынѣ представляется усмотрѣнію правительственнаго начальства.

III.

Податное обложеніе для покрытія необходимыхъ расходовъ и платежей въ еврейскихъ общинахъ также регулировалось специальными законами, которыми предусмтрѣно было главнымъ образомъ:

1) Составленіе и контроль ежегодныхъ смѣтъ государственныхъ, земскихъ и другихъ налоговъ, а также расходовъ на мѣстныя общинныя нужды; 2) раскладка на отдѣльныхъ членовъ общины случайно оказавшихся въ смѣтѣ приходовъ дефицитовъ противъ произведенныхъ расходовъ, и 3) взысканіе сборовъ и податей съ членовъ общины и правильное завѣдываніе общественными суммами.

Предварительныя смѣты съ утвержденіемъ начальства,—что онѣ «соотвѣтствуютъ условіямъ мѣста и времени»,—въ двухъ экземплярахъ должны были посылаться ежегодно окружному правленію не позже шестинедѣльнаго срока послѣ Пасхи. Присяжная оцѣночная коммиссія для раскладки недостающихъ суммъ или недоимокъ на отдѣльныхъ, болѣе состоятельныхъ членовъ общины должна состоять изъ пяти членовъ, выбираемыхъ по жребію изъ разныхъ общественныхъ классовъ съ слѣдующимъ разчетомъ: богачи выбираютъ двухъ представителей, средней классъ тоже двухъ, и бѣднота—одного представителя. Какъ смѣта сборовъ, такъ и составленные оцѣночной коммиссіей раскладки въ теченіе четырнадцати дней остаются вывѣшенными въ синагогахъ къ свѣдѣнію и для контроля всей общины, каждому члену которой предоставляется обжаловать эти рас-

кладки въ мѣстную хозяйственную управу или, по своему усмотрѣнію, и въ окружное правленіе. Каждый плательщикъ или плательщица податей ведутъ сама особую свою податную книжку, въ которой сборщиками или начальствомъ дѣлаются соответствующія отмѣтки о послѣдовавшемъ взысканіи податей. Общинѣ вмѣнялось въ обязанность вести подворныя книги всѣхъ своихъ членовъ; изоляція еврейскаго населенія отъ христіанскаго была при этомъ проведена строжайшая—до того даже, что христіанамъ воспрещалось нанимать квартиры у евреевъ, какъ и евреямъ строго воспрещалось даже только временно пріютить у себя христіанина. Еврейская община была такимъ образомъ, въ силу закона, подъ семью замками и строжайше оберегалась отъ всякаго общенія съ нееврейскимъ населеніемъ.

Въ 1798 г. въ Австріи было 52 локализованныхъ еврейскихъ общины, автономно управлявшихся на основаніи уже знакомаго намъ регламента и этотъ регламентъ оставался въ силѣ и безъ измѣненій до 1848 года.

Ровно годъ спустя послѣ мартовскихъ событій, а именно 17 марта 1849 г., былъ изданъ новый временный королевскій указъ общиннаго устройства для всего государства,—и еврейство Моравіи и Богеміи тоже стало вновь организоваться въ автономныя политическія общинныя единицы. Такихъ еврейскихъ общинъ сохранилось еще къ тому времени пятьдесятъ одна. Однако, бюрократія воспротивилась автономнымъ стремленіямъ еврейства,—и всѣми силами желала препятствовать ихъ политической общинной организаціи. Прибѣгли къ казуистическимъ толкованіямъ временнаго королевскаго указа для того, чтобы принуждать еврейскія общины соединяться съ христіанскими. Бюрократія ссылалась особенно на пунктъ 1-й указа, по которому право политической организаціи предоставлялось только общинамъ, зарегистрированнымъ въ качествѣ самостоятельныхъ общинныхъ единицъ, между тѣмъ какъ прежнія еврейскія общины не вели правильно своихъ реестровыхъ посемейныхъ списковъ; основывались также на § 4 того же закона, по которому необходимымъ условіемъ автономной политической организаціи являлась способность данной общинной единицы самостоятельно нести всѣ свои платежныя податныя обязательства. Используя оба эти параграфа, бюрократія успѣла принудительными распоряженіями уничтожить двадцать пять еврейскихъ общинъ, присоединивъ ихъ къ хри-

стианскимъ, несмотря на горячіе протесты съ одной и съ другой стороны,—пока наконецъ, въ 1850 г. удалось добиться министерскаго указа-разъясненія, по которому еврейскимъ общинамъ разрѣшено было безпрепятственно организоваться въ автономныя и полноправныя политическія единицы. Съ тѣхъ поръ присоединеніе къ христіанскимъ общинамъ встрѣчалось лишь въ единичныхъ случаяхъ и носило добровольный характеръ.

Но вмѣстѣ съ измѣнившимися, послѣ событій 1848 г., общегосударственными теченіями и отношеніями отдѣльныхъ гражданскихъ и національныхъ группъ между собою, измѣнилось и внутреннее устройство еврейскихъ общинъ, которое потеряло свой прежній характеръ замкнутой обособленности. Съ одной стороны, значительная часть еврейскаго населенія, преимущественно богатое и интеллигентное еврейство, покидаетъ свою «черту», не будучи въ ней болѣе удерживаемо насильственными бюрократическими ограниченіями и запрещеніями,—и переходитъ въ болѣе крупныя городскіе центры и вообще въ мѣстности съ нееврейскимъ населеніемъ; съ другой стороны, и въ прежнюю исключительную «черту» еврейскихъ общинъ совершается притокъ свѣжаго христіанскаго населенія, преимущественно бѣднаго, пролетарскаго, ищущаго заработковъ и скромнаго матеріальнаго существованія. Такимъ образомъ даже сохранившіяся до сихъ поръ «еврейскія автономныя общины» заслуживаютъ этого названія лишь съ извѣстными оговорками. Они «еврейскія», въ виду своего преимущественно еврейскаго населенія, и въ особенности потому, что мѣстное общинное самоуправленіе находится въ рукахъ евреевъ; но нынѣшнія политически-автономныя еврейскія общины не занимаютъ уже обособленной отъ нееврейской населенности территоріи; еврейскіе дома въ одиночку или группами разбѣяны между нееврейскими домами,—и единственнымъ ихъ отличительнымъ признакомъ служитъ нумеровка ихъ римскими цифрами, что показываетъ, что данный домъ принадлежитъ къ еврейской общинѣ. Еврейскія общины, за исключеніемъ двухъ изъ нихъ, не ведутъ даже своихъ особыхъ реестровыхъ списковъ.

Попытки оспаривать законность существованія автономныхъ еврейскихъ общинъ повторялись областной бюрократіей и позже, но въ концѣ концовъ опять безрезультатно. Такъ, въ 1876 и 1877 гг. даже т. наз. административно-судебная палата двумя своими постановленіями уже признала было существованіе еврейскихъ общинъ

незаконнымъ, основывая свое заключеніе опять таки на той же, извѣстной намъ придркѣ, что общины эти не ведутъ своихъ особыхъ реестровыхъ списковъ, но кромѣ того еще на одномъ новомъ крючкотворномъ обстоятельстве,—а именно: признаваніе политически автономнаго устройства еврейскихъ общинъ означаетъ—де присвоеніе нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ группами лицъ одной извѣстной религіи, между тѣмъ какъ, въ силу основныхъ требованій конституціи, всѣ вѣроисповѣданія, представленныя въ странѣ, равноправны предъ закономъ. Нечего однако и говорить,— оно и безъ того ясно до очевидности—что моравская бюрократія пеклась въ данномъ случаѣ не о соблюденіи безупречной чистоты конституціи, а о томъ, какъ бы свести на нуль дарованныя евреямъ хотя бы и той же конституціей права. Но, несмотря на всю авторитетность постановленій такого важнаго государственнаго учрежденія, какъ административно-судебная палата (Verwaltungsgerichtshof), юдофобскіе планы областной бюрократіи и на этотъ разъ потерпѣли пораженіе, натолкнувшись на сопротивленіе болѣе справедливой и непоколебимой высшей администраціи страны. Штатгалтерство признало существованіе еврейскихъ политическихъ автономныхъ общинъ законнымъ,—и съ 1881 года никто больше этой законности не оспаривалъ.

Такимъ образомъ по настоящее время существуютъ въ Австріи (Моравіи) слѣдующія двадцать пять официально зарегистрированныхъ политически автономныхъ еврейскихъ общинъ: Аустерлицъ съ 444 еврейскими членами, Бизенцъ съ 482 жителями, Восковицъ съ 1105 жит., Эйзгрубъ съ 161 жит., Эйбеншицъ съ 587 жит., Гаѣа съ 307 жит., Гевичъ съ 164 жит., Голлешау съ 913 жит., Каницъ съ 349 жит., Костель съ 374 жит., Коейтейнъ съ 415 жит., Лейпникъ съ 1003 жит., Ломницъ съ 318 ж., Митлицъ съ 479 жит., Никольсбургъ съ 2109 жит., Погорлицъ съ 659 жит., Претау съ 217 жит., Просницъ съ 1680 жит., Ней-Раусницъ съ 587 жит., Шаффа съ 508 жит., Тобичау съ 180 жит., Требитъ съ 1420 ж., Унгаришъ-Броды съ 634 ж., Унгаришъ-Остра съ 216 ж. и Веселый на рѣкѣ Мархъ съ 24 жит.,—всего такимъ образомъ во всѣхъ еврейскихъ общинахъ 15.325 жителей. До весьма недавняго времени существовали еще двѣ общины: Аусзее и Альтгартъ, въ новомъ официальномъ реестрѣ уже вычеркнутыя, очевидно добровольно прекративъ свое существованіе въ качествѣ самостоятель-

ныхъ еврейскихъ общинъ. Но и въ удѣльвшихъ еврейскихъ общинахъ количество еврейскихъ жителей съ теченіемъ времени все уменьшается по уже приведеннымъ причинамъ перехода членовъ этихъ общинъ въ иногороднее или инообщинное гражданство. Самая большая по населенности община—это Никольсбургъ, самая меньшая—Веселый на Мархъ. Только въ 5 изъ всѣхъ 25 общинъ населенность превышаетъ 1000 жит. Что касается «родного» языка этихъ общинъ, т. е. того, какой языкъ еврейское населеніе этихъ общинъ считаетъ своимъ роднымъ, разговорнымъ,—интересно, что при переписи 1890 г. 11.305 евреевъ этихъ общинъ считали своимъ роднымъ языкомъ нѣмецкій и 4446 евреевъ разныя мѣстныя славянскія нарѣчія. Пять изъ еврейскихъ общинъ принадлежатъ къ типу мѣстечекъ, всѣ остальные причисляются къ городамъ. Лично посѣтившіе эти мѣста говорятъ о крайнемъ внутреннемъ неблагоустройствѣ общинъ: узкія, плохо мощенныя, грязныя улицы, маленькіе, плохо и тѣсно построенные домишки, скверная канализація—вообще, впечатлѣніе застоя во всемъ. Впрочемъ, и христіанскія общины той области рисуются одинаково неблагоустроенными.

Свой интересный очеркъ автономныхъ правъ австрійскихъ евреевъ Майзель заканчиваетъ слѣдующимъ весьма правильнымъ резюме о принципиальномъ значеніи этой «автономіи» и о тѣхъ бюрократическихъ несуразностяхъ, которыя, съ характерной для бюрократіи косностью, до сихъ поръ удержались въ уставахъ «общинъ».

«Весь этотъ институтъ еврейскихъ политическихъ общинъ»—говоритъ Майзель—«есть обломокъ весьма несовершенной законодательной дѣятельности. Мы видимъ, что удержались совсѣмъ устарѣвшія установленія, для нашего правосознанія являющіяся прямо чудовищными, какъ напримѣръ, порядокъ выборовъ президента общиннаго правленія. Что лицу, избираемому *по жребію*, вѣряется столь отвѣтственный постъ, облакающій его правомъ не только вѣдать религіозную жизнь членовъ его общины, но и правомъ исполненія различныхъ государственныхъ функцій,—что такой постъ до стается *по жребію*, является такимъ абсурдомъ, что положительно поражаетъ, какъ по наше время удержался модуль, зиждущійся на совершенно непригодныхъ болѣе традиціяхъ. Значенія политическихъ общинъ моравскіе евреи никогда не постигали. Подумать только, какая сравнительно сила передана въ руки общиннаго

правленія, назначающаго учителей еврейскаго Закона Божьяго, устанавливающаго школьныя учебныя программы, опредѣляющаго допустимость учебниковъ и т. д. Чего бы тутъ не могли проводить сознательные люди, въ дѣлѣ воспитанія, безъ всякаго риска даже хотя бы малѣйшихъ столкновеній съ начальствомъ! Но извѣстная боязнь использовать свои права *въ качествѣ евреевъ*, отсутствіе всякаго пониманія еврейскихъ вопросовъ, вся политическая незрѣлость моравскихъ евреевъ,—все это сдѣлало еврейскія политическія общины тѣмъ ничто, какимъ они являются нынѣ. Такъ и институтъ «областнаго раввинства» выродился и сталъ совершенно мертвымъ. Правительство всегда умѣло пользоваться этимъ институтомъ, какъ посредникомъ между нимъ (правительствомъ) и моравскимъ еврействомъ и назначать на этотъ постъ послушные правительству элементы. Единственный достойный упоминанія остатокъ изъ организаціи моравскаго еврейства, удержавшійся до настоящаго времени,—это моравско-еврейскій «областной фондъ» (Landesmassafonds) ¹⁾. Такое нынѣшнее положеніе дѣлъ есть предостереженіе отъ того, до чего могутъ довести дѣло общественные вожди, въ которыхъ никогда не говорилъ внутренній голосъ ихъ національной совѣсти, которыми попираются всѣ естественные законы, кромѣ одного—закона косности».

¹⁾ Кстати, нѣсколько словъ объ упоминающемся въ этой статьѣ моравско-еврейскомъ „областномъ фондѣ“ (Landesmassafond). Фондъ этотъ, соответствующій приблизительно нашему коробочному сбору, значительно превышаетъ теперь сумму въ два милліона кронъ,—и уже даже въ силу своего давнишняго, первоначальнаго устава, датирующаго отъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, могъ бы быть использованъ въ дѣлахъ самой широкой и плодотворной культурно-просвѣтительной и хозяйственно-экономической дѣятельности среди моравскаго еврейства. Кромѣ того, уставъ могъ бы, разумѣется, быть и измѣненъ соответственно условіямъ времени. Но и тутъ, какъ и во всемъ, сказывается великая сила „закона косности“, во власти которой находятся еврейскія общества и еврейскіе общественные дѣятели, въ которыхъ вѣковымъ, непробуднымъ своимъ спитъ „внутренній голосъ національной совѣсти“. Въ теченіе почти полувѣка существованія этого фонда и по настоящее время имъ завѣдуетъ осыпанная чинами и титулами плутократія моравскаго еврейства, которая и въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ общественнаго служенія, видитъ лишь источникъ новыхъ чиновъ, титуловъ, общественнаго вліянія и почестей, но преступно равнодушно относится съ самой сущности и истинному смыслу своего дѣла. Многотысячные доходы съ этого огромнаго фонда изъ года

IV.

Совершенно иного характера автономныя права евреевъ въ Венгріи. Правами политическаго автономнаго управленія венгерскіе евреи не пользуются, но за ними на бумагѣ числится «религіозная» автономія, т. е. право автономнаго вѣдѣнія и устройства своихъ церковныхъ дѣлъ. Историческое прошлое и настоящее этой автономіи представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Господствующими въ Венгріи считаются католицизмъ и католическая церковь, уже въ силу того, что императоръ исповѣдуетъ эту религію и является ея коронованнымъ «апостольскимъ королемъ». Однако и другія исповѣдуемая въ странѣ христіанскія религіи, начиная еще съ 1608 года, постепенно получили признанное законодательными актами полноправное положеніе. Относительно еврейской религіи дѣло подвигалось гораздо медленнѣе, и «декларация правъ» этой религіи, начавшись еще въ 1840 г., до сихъ поръ не получила вполне опредѣленной формулировки.

Еще въ 1840 году венгерское законодательство признало за евреями страны право повсемѣстнаго жительства, (за исключеніемъ горныхъ городовъ), какъ и право свободнаго занятія всѣми профессіями. Отнынѣ венгерскіе евреи могли свободно сдѣлаться купцами, фабрикантами, ремесленниками, учеными, художниками и т. п. Въ 1867 году евреямъ даровано было равноправіе. Однако, соответствующимъ

въ годъ, въ теченіе вотъ уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, расходуются на совершенно безполезныя и ненужныя субсидіи канторамъ, учителямъ, раввинамъ и разнымъ другимъ общественнымъ шнорерамъ, между тѣмъ какъ на какое-либо полезное общественное начинаніе не ассигнуется ни одинъ геллеръ. Лишь въ послѣдніе три-четыре года пробудившаяся еврейская общественная мысль объявила войну и этому печальному пережитку изъ жизни еврейскихъ общинъ. Однако я вонтели еще слишкомъ слабы и безпомощны качественно и количественно, и позиція, занимаемая въ австрійскомъ еврействѣ его баронами и крезами, еще слишкомъ сильна, такъ что трудно разсчитывать, чтобы война хотя бы и въ нессобенно близкомъ будущемъ, привела къ какимъ-нибудь выгоднымъ для еврейскихъ общинъ результатамъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ эта борьба дала лишь немногіе, весьма кроткіе и совершенно незначущіе протесты, брошенные изъ лагеря вонтелей въ лагерь плутократіи, попрежнему прочно занимающей свои позиціи и рѣшительно не обнаруживающей намѣренія повидать свои позиціи и дать въ нихъ мѣсто новымъ теченіямъ или новому курсу.

пцій законодательный актъ говорилъ лишь о «равноправіи евреевъ въ гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ», тенденціозно замалчивая «еврейскую религію», еврейскую «церковь», и вообще трактуя евреевъ не какъ отдѣльную національность, а лишь какъ «еврейскихъ жителей» страны. Наконецъ, лишь въ 1895 году венгерское законодательство сдѣлало еще одинъ шагъ впередъ по пути либерализма, и новымъ законодательнымъ актомъ за еврейской религіей произнано полное право гражданства наравнѣ со всѣми другими представленными въ странѣ религіями. Въ силу четырехъ небольшихъ параграфовъ этого законодательнаго акта венгерское еврейство получило возможность требовать примѣненія къ нему, еврейству, какъ признанной закономъ религіозной группѣ, извѣстнаго 20-го § закона 1848 г., согласно которому государство обязано ввести во всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе законовъ вѣры признанныхъ закономъ страны религій и кромѣ того субсидировать конфессіональныя школы, открываемыя отдѣльными религіозными группами для своихъ членовъ. Затѣмъ, еврейство, ставъ признанной религіозной группой, получило право требовать, чтобы правительство предоставило еврейству одно представительское мѣсто въ палатѣ господъ или, какъ она въ Венгріи называется, въ «палатѣ магнатовъ», ибо правомъ такого представительства пользуются всѣ представленныя и признанныя въ странѣ религіи.

Но провести свои требованія венгерскому еврейству потому уже особенно трудно, что въ его собственной средѣ существуетъ расколъ и старинный споръ между ортодоксами и реформаторами или такъ называемыми неологами, споръ, какъ извѣстно, столь серьезный и непримиримый, что еврейство Венгріи распалось на двѣ совершенно отдѣльныхъ группы, изъ которыхъ каждая живетъ своей особой жизнью, имѣетъ свое отдѣльное управленіе, свои интересы и т. д. Правительство и разныя партіи, являющіяся противниками расходованія государственныхъ суммъ на специально еврейскія нужды, имѣютъ въ этомъ внутреннемъ спорѣ въ средѣ самаго еврейства прекрасный предлогъ игнорировать законныя требованія еврейства: неизвѣстно, которую изъ обѣихъ еврейскихъ группъ, ортодоксальную или неологическую, считать законной представительницей еврейской религіи, чьи школы субсидировать, кого призвать въ «домъ магнатовъ», ортодокса или неолога. И даже самыя либе-

ральным партиі, признающія принципиальную справедливость еврейскихъ требованій, совѣтуютъ все-таки евреямъ не настаивать на субсидированіи правительствомъ еврейскихъ конфессіональныхъ школъ, ибо субсидированіе имѣло бы прямымъ послѣдствіемъ вмѣшательство правительства въ дѣла внутренней религіозной жизни еврейскихъ общинъ.

Еврейству поэтому, по совѣту ихъ либеральныхъ друзей, лучше всего сохранить свое автономное управленіе, — *что лишь въ религіозныхъ дѣлахъ*; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ, въ дѣлахъ политической и гражданской жизни, еврейству рекомендуется строго держаться пути ассимиляціи съ мадьярами и вѣрности венгерскому правительству. На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ и главари неологовъ-евреевъ, отстаивающіе автономныя стремленія венгерскаго еврейства.

Ясно, что автономныя стремленія, столь робко и нерѣшительно формулированныя, заключающія однѣ только просьбы о субсидіи и о мѣстѣ въ домѣ магнатовъ подъ гарантію полнѣйшей ассимиляціи съ мадьярами, нисколько не удовлетворяютъ представителей національной мысли среди австро-венгерскаго еврейства, и на примѣръ вѣнская «Jüdisches Volksblatt», по поводу автономныхъ стремленій венгерскихъ неологовъ, восклицаетъ: «лучше уже совсѣмъ никакой автономіи, чѣмъ такую, которая должна способствовать ассимиляціи!»

V.

Я хочу еще вкратцѣ познакомить читателя съ содержаніемъ автономныхъ стремленій той группы австрійскихъ еврейскихъ націоналистовъ, которая такъ или иначе примыкаетъ къ безызывѣстной уже читателямъ «Восхода» австрійской «еврейской народной партиі».

Исходнымъ и основнымъ пунктомъ программы этой партиі, какъ извѣстно, всегда было твердое убѣжденіе въ томъ, что еврейство должно свое главное вниманіе и свои главныя силы концентрировать на «реальной политикѣ», цѣлью которой должно быть завоеваніе евреями въ странахъ ихъ нынѣшняго пребыванія полноправнаго гражданскаго и политическаго положенія, улучшеніе экономическаго и культурнаго положенія еврейства и т. п. Сіонизмъ этой партией вначалѣ совсѣмъ отвергался, какъ движеніе, не имѣющее подъ собой никакой твердой

почвы и не соответствующее даже истиннымъ стремленіямъ еврейскаго народа. Когда же впоследствии, подъ вліяніемъ успѣховъ, достигнутыхъ сіонистскимъ движеніемъ, благодаря необыкновеннымъ организаторскимъ дарованіямъ покойнаго д-ра Герцля, «народная партія» вынуждена была признать за своимъ противникомъ серьезное значеніе, члены ея пошли на компромиссъ и согласились включить съ свою программу и полестинофильскую, вообще колониаторскую дѣятельность,—однако не какъ самый основной пунктъ, а лишь какъ одинъ изъ пунктовъ ихъ еврейско-національной программы.

Если еще есть страны въ Европѣ,—говорятъ теперь дѣятели этой партіи—гдѣ евреи, какъ во времена средневѣковья, лишены самыхъ элементарныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ,—если въ этихъ отсталыхъ странахъ, благодаря различнымъ правовымъ ограниченіямъ евреевъ, матеріальная и культурная нужда еврейства—рождаетъ неотложную необходимость въ выселеніи избытка еврейства Lumpenproletariat'a на новое, специально для него созданное правоохраненное убожище,—если наконецъ среди восточнаго еврейства, продолжающаго жить традиціями своего историческаго прошлаго дѣйствительно сохранились элементы, въ которыхъ, по утверженію вождей сіонизма, жива еще историческая связь съ Палестиной и не угасло стремленіе возвратиться въ эту давно забытую родину,—то для этой части еврейства сіонизмъ имѣетъ свой *raison d'être*. Но нельзя забывать, что и страна для основанія убожища, будь то Палестина или даже другая страна, не такъ легко и не такъ близко достижима, и само проведеніе массовой колонизаціи неподготовленнаго народа связано съ непреодолимыми трудностями,—и что наконецъ—а это самое главное—подавляющее большинство европейскаго и американскаго еврейства ничуть не склонно ни смотрѣть на Палестину, какъ на свою настоящую и единственную историческую родину, ни видѣть свой идеалъ въ новомъ перенесеніи своего отечества изъ Европы или Америки въ древнюю Палестину или въ другую подобную, мало обитаемую и мало культурную страну. Эта часть еврейства, наоборотъ, твердо настаиваетъ на своемъ правѣ считаться коренными и полноправными обитателями всѣхъ тѣхъ странъ гдѣ они хотя и терпѣли всегда преслѣдованія и угнетенія, но гдѣ они поселились по крайней мѣрѣ не позже, чѣмъ нынѣшнія, господствующія народности. И вотъ для этого то значи-

тельного большинства еврейства, не обнаруживающего ни малѣйшаго намѣренія признать себя побѣжденными или отказаться отъ дальнѣйшей борьбы за свои права,—для этой то части еврейства вообще и австро-венгерскаго еврейства въ частности «народная еврейская партія» и рекомендуетъ программу активной политической борьбы въ мѣстахъ изгнанія.

Другимъ не менѣе важнымъ пунктомъ программы, на которомъ партія основываетъ свое убѣжденіе въ цѣлесообразности и успѣшности рекомендуемой ею еврейской политики,—это есть убѣжденіе партіи въ томъ, что настоящіе политическіе устои австро-венгерскаго государства,—устои, зиждущіеся главнымъ образомъ на поработеніи болѣе сильными націями народностей слабыхъ и немногочисленныхъ,—что эти устои, поведшіе и ведущіе лишь къ расовому шовинизму и антисемитизму,—не могутъ ни въ какомъ случаѣ долго удержаться, и непременно должны рухнуть, уступая могучему напору времени.

Но тогда Австро-Венгрія,—какъ это впрочемъ предсказываетъ не одна лишь «еврейская народная партія», но и многіе лучшіе австрійскіе и вообще нѣмецкіе политики—тогда Австро-Венгрія изъ страны отсталой, реакціонной, управляемой абсолютизмомъ правительственной бюрократіи и господствующихъ націй,—превратится въ дѣйствительно конституціонную страну, управляемую на строгихъ національно-демократическихъ началахъ. Въ областныхъ сеймахъ и въ парламентѣ, въ гражданской и политической жизни страны національныя меньшинства будутъ дѣйствительно пользоваться полнымъ равноправіемъ и не будутъ больше находиться въ кабалѣ у парламентскаго большинства. Руководящими принципами государственнаго управленія будутъ не только конституціонно-демократическія начала, но и начала свободнаго національнаго самоопредѣленія и внутренняго самоуправленія каждой отдѣльной, хотя бы самой немногочисленной народности. Въ рукахъ центральнаго государственнаго управленія останутся лишь дѣла общегосударственнаго значенія и интереса.

По вопросу о томъ, должна ли автономія національностей быть территоріальной, связанной съ количественнымъ преобладаніемъ той или иной націи на извѣстной территоріи,—или же культурно-національной,—«еврейская народная партія» склоняется въ пользу втораго рѣшенія вопроса. Давно прошло то время,—утверждаетъ она,

—когда націей или народомъ признавались исключительно группы людей, случайно владѣвшія землей въ продолженіе извѣстнаго періода лѣтъ. Права національной жизни и національнаго самоопредѣленія должны быть предоставлены всякой національности, хотя бы и не владѣющей собственной землей, но сохранившей другія, болѣе характерные признаки національности, а именно: духовное родство своихъ членовъ, общность культурныхъ интересовъ и стремленій, національный языкъ, національную литературу, прессу и т. п.

Съ наступленіемъ этого исторически неизбѣжнаго переворота государственнаго строя Австро-Венгрии — надѣются представители «еврейской народной партіи» — и за еврейскимъ населеніемъ страны утвердится дѣйствительное, фактическое равноправіе, еврейство получитъ тогда, наравнѣ съ другими націями, полную возможность національно-культурнаго самоопредѣленія и самоуправления.

Но изъ логической неизбѣжности наступленія такого государственнаго правопорядка нельзя, по мнѣнію главарей партіи, сдѣлать вывода, что въ ожиданіи этого золотого вѣка австро-венгерское еврейство вправѣ сидѣть сложа руки, безучастно взирая на кровавую борьбу національностей и политическихъ партій, спокойно выжидая у будущей стихіи наступленія свѣтлой, тихой погоды. Именно наоборотъ: австро-венгерское еврейство обязано отказаться отъ своей пассивной роли — «воздержанія» отъ участія въ политической жизни страны (замѣчу въ скобкахъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ политика «воздержанія» рекомендовалась еврейству самой народной партіей) и активно вмѣшаться въ политическую борьбу національностей и партій за реформированіе австро-венгерскаго государственнаго строя на началахъ національно-демократическаго управленія страной, децентрализаціи власти и управленія, съ предоставленіемъ отдѣльнымъ національностямъ правъ внутренняго самоуправления.

Что касается спеціально еврейства Австро-Венгрии, то первые зачатки его національной автономіи — утверждаетъ «народная партія» — уже даже даны въ нынѣшнемъ институтѣ «еврейскихъ общинъ» (Cultusgemeinden) вообще и въ особенности въ институтѣ уже знакомыхъ читателю «еврейскихъ политическихъ общинъ» (politische Judengemeinden) въ Моравіи. Законодательству остается лишь страны расширить эту автономію, признавъ за «общинами» болѣе

распространенныя прерогативы власти и правъ, а еврейству—болѣе разумно использовать уже представленныя и впредь могущія быть завоеванными автономныя права. Известно, что всѣ вообще «еврейскія общины» въ Австро-Венгріи, уже въ силу ихъ настоящаго устава, и въ особенности «еврейскія политическія гмины» въ Моравіи, въ дѣлахъ культурно-религіозной жизни своихъ общинъ и теперь пользуются почти неограниченнымъ автономнымъ управленіемъ; «общинныя правленія» облечены правомъ облагать членовъ своихъ общинъ спеціальными податями на нужды общины, принимать административныя мѣры для взысканія этихъ податей и расходовать ихъ, по своему усмотрѣнію, на нужды общинъ.

Расширьте еще лишь немного эти права включите сюда еще и права выбора общинами изъ своей же среды депутатовъ въ областныя сеймы и въ общегосударственный парламентъ — мечтаютъ представители „народной партіи“ — и желанный идеалъ національной автономіи для австро-венгерскаго еврейства фактически осуществленъ. И во имя этого-то желаннаго идеала еврейству страны рекомендуется вести упорную, энергичную политическую борьбу. Такъ какъ, однако, уже и нынѣшняя Австро-Венгрія, при всѣхъ несовершенствахъ ея государственнаго строя, все-таки конституціонная страна въ современномъ европейскомъ смыслѣ этого слова, съ ландтагами, съ парламентомъ, со свободой печати, слова, собраній, союзовъ, со свободной борьбой политическихъ убѣжденій и партій,—то и политическую борьбу рекомендуется вести не терроромъ и обычными противодѣйствіями злу и насилію, а исключительно на парламентской почвѣ, пользуясь парламентарскими средствами: агитируя въ печати, на собраніяхъ, отстаивая свои требованія въ областныхъ сеймахъ и парламентѣ черезъ своихъ депутатовъ тамъ, гдѣ количественное превосходство еврейскихъ избирателей позволяетъ посылать евреевъ въ ландтаги и парламентъ, или объединяясь съ другими партіями, представляющими интересы нынѣшнихъ угнетаемыхъ національныхъ и социальныхъ „меньшинствъ“ и склонными признать начала національно-демократическихъ автономій вообще и полнѣйшую фактическую равноправность еврейской національности въ частности.

Я. Воловскій.

Научныя бесѣды.

„Zurück zum Talmud!“

I.

«Назадъ къ Талмуду!» — вотъ новый лозунгъ, выдвинутый въ самое послѣднее время нашими націоналистами въ Германіи, извѣрившимися въ культурныхъ идеалахъ арійскихъ народовъ. «Zurück zum Talmud!» вторятъ имъ и въ восточной Европѣ, не успѣвшей еще хорошенько усвоить и провести въ жизнь упомянутые идеалы.

Посмотрите на эту вѣчную и жестокую борьбу за національность, за языкъ, за эмблему, за миражъ, поглядите на это вѣчное и ни съ чѣмъ несообразное идеализированіе внѣшности, грубой силы и самыхъ животныхъ инстинктовъ, особенно же инстинкта продолженія рода, которому литература арійцевъ удѣляетъ прямо чудовищное мѣсто, взвѣсьте всю эту суету суетъ, которою они, какъ дѣти, наполняютъ свою жизнь, — и вы поймете корень еврейскаго разочарованія въ арійскихъ идеалахъ, уразумѣте генезисъ раздавагося лозунга: «zurück zum Talmud!»

Въ Талмудѣ, какъ воплощеніи іудаизма, и находится въ большомъ количествѣ то, чего не хватаетъ арійцамъ: душа человѣческая. Подъ густой сѣтью схоластическихъ разсужденій, которыми Талмудъ покрылъ и защитилъ Библию, вы легко различаете эту душу, вы явственно слышите біеніе этого сердца, видите людей чувствующихъ, любящихъ, съ чистымъ взглядомъ на жизнь, внимательныхъ къ человѣческимъ слабостямъ и несовершенствамъ. Крикъ о справедливости, о всеобщемъ правѣ на счастье, впервые раздавшійся на берегахъ Иордана, повторялся, какъ эхо, всюду, куда ни заходили евреи. И міръ воспринималъ эту справедливость и это право на счастье, какъ непреложный догматъ, какъ красивое знамя, но увы

воспринялъ только наружнымъ образомъ, виѣшними чувствами, душою же, нутромъ усвоили ихъ только евреи. Посмотрите, во что превратился Исламъ, это чисто семитическое ученіе, у арійцевъ-персіанъ, или, еще лучше, поглядите, какъ исковеркали ученіе Христа европейскіе народы. Вѣдь буквально камня на камнѣ не осталось отъ этого еврейскаго ученія, все шиворотъ навыворотъ, все загажено! Чѣмъ занимались эти люди полторы тысячи лѣтъ? Они душили умственный прогрессъ, боролись съ мыслью, пытали, жгли, рубили, всячески искореняли самую лучшую, ибо мыслящую, часть человѣчества, они пролили океанъ крови, загубили миллионы людей, и все это—съ благословенія и во имя религіи любви и всепрощенія, во славу кроткаго Христа. Они придумали разные догматы—объ искушенія, освобождающемъ вѣрущихъ отъ отвѣтственности за содѣянное, о первородномъ грѣхѣ и крещеніи, раздѣлившемъ запятнанное отъ рожденія человѣчество на людей, очищенныхъ Духомъ Святымъ, крещеныхъ, чаютелей будущаго блаженства и на нехристей, пребывающихъ въ своей нечисти и подлежащихъ адскому огню, нехристей, относительно которыхъ правосѣрному христіанину простительны всякія гадости; они поставили вѣру выше дѣлъ и при оцѣнкѣ людей руководствуются не нравственными качествами оцѣнваемыхъ, а ихъ вѣрою, умѣниемъ убивать въ себѣ мысль, способностью слѣпо повторять любой абсурдъ; они разложили единаго Бога на три лица, понявъ буквально еврейскія выраженія «сынъ Божій», «Отецъ Небесный» и пристегнувъ для симметріи имѣющее вполне опредѣленный смыслъ еврейское понятіе «духъ святой» (שׁרׁתׁ הַקׁדוּשׁ), а когда идея о «Троицѣ», вызвавшая большіе споры среди христіанъ, восторжествовала, они стали истреблять огнемъ и мечомъ аріанъ, оставшихся вѣрными единому Богу; они ввели культъ Богородицы и иконъ, придумали праздники, основанные на невѣжественныхъ легендахъ, возвели на степень божества скромнаго ремесленника, отказавшагося даже отъ титула «добрый учитель». И все это прикрывается маской ученія Христова, всему этому ищутъ подтвержденія въ словахъ Христа, все это—«христіанская» культура! Отъ такой культуры убѣжишь, пожалуй, не только къ Талмуду, но и къ кодексу Гаммураби, и къ болѣе древнимъ формамъ человѣческой морали *).

*) Отъ талмудистовъ не укрылось это кощунственное извращеніе за вѣтовъ Христа уже его ближайшими послѣдователями. Безконечной грустью

Нѣкоторые мыслители, съ Вольтеромъ во главѣ, виняты во всемъ еврейство,—это оно, подъ именемъ христіанства, засорило мозги народовъ разными нелѣпостями, это оно убило въ нихъ нравственное чувство. Но тутъ явное заблужденіе: мозги этихъ народовъ были всегда сорными, и процессъ засоренія совершался какъ разъ въ обратномъ омыслѣ. Еврейская исторія свободна отъ міровыхъ преступленій христіанства, наоборотъ—она на себѣ испытала и доселѣ испытываетъ всю тяжесть этихъ преступленій. Въ Талмудѣ все есть, но безнравственныхъ догматовъ, оправданія пытокъ и убійствъ, идеализированія челоѡконенавистничества подъ маской челоѡколюбія,—этого тамъ нѣтъ!

II.

Итакъ, «назадъ къ Талмуду!» Но это легко сказать, а каково осуществить на дѣлѣ, когда этотъ Талмудъ остается книгой за семью печатами? Познакомиться съ нимъ въ подлинникѣ безъ помощи учителя—вещь совершенно невозможная. Если мы и видимъ въ бесъгамидрашѣ людей, изучающихъ Талмудъ какъ будто бы самостоятельно, то вѣдь это—обманъ зрѣнія: они изучаютъ не Талмудъ, а комментарий Раши: отнимите у нихъ этотъ комментарий, и они будутъ какъ въ лѣсу, ибо Раши—тотъ же учитель, переводящій и объясняющій каждое слово текста, а изучать Талмудъ безъ учителя невозможно.

Между тѣмъ современная наука стремится къ общедоступности, къ возможной легкости усвоенія, мы теперь считаемъ хорошо составленнымъ лишь тотъ учебникъ, гдѣ истины выводятся шагъ за шагомъ, одна изъ другой, такъ что ученикъ не нуждается ни въ какой посторонней помощи. Составители или редакторы Талмуда едва-ли представляли себѣ такое время, когда между учителемъ и ученикомъ не будетъ непосредственнаго общенія, не будетъ ׀׀׀׀ какъ они выражались *), они едва ли представляли себѣ возмож-

звучать слова Іуды сына Навосы (конецъ II в.), которыя онъ сказалъ ученикамъ своимъ послѣ ожесточеннаго диспута съ христіанами: «помогите за Того Челоѡка (׀׀׀׀ ׀׀׀׀—обычное прозвище Іисуса у древнихъ евреевъ, ср. Дѣян. 5, 28): его ученіе представляло сосудъ съ драгоценными камнями, а теперь это сосудъ углей» (Котелетъ Рабба 1, 8).

*) ׀׀׀׀ значитъ «прислуживаніе»: ученикъ обязанъ былъ прислуживать учителю въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова.

нымъ, чтобы учитель могъ обращаться при помощи книги сразу къ тысячамъ учениковъ, которыхъ онъ не видитъ и не знаетъ, которые ни о чемъ не могутъ его спросить. Этимъ объясняется полное игнорированіе талмудистами главнаго условія всякаго рационально составленнаго научнаго руководства: постепеннаго перехода отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, безъ скачковъ и повтореній.

Талмудъ съ перваго же слова предполагаетъ извѣстнымъ читателю все содержаніе Талмуда, и на первой же страницѣ вы найдете разсужденія и доводы, основывающіеся на такихъ явленіяхъ, о которыхъ будетъ рѣчь лишь много страницъ спустя.

Чѣмъ же помочь горю? Самымъ радикальнымъ способомъ снять съ Талмуда печать недоступности было бы, конечно,—передѣлать весь Талмудъ: тотъ же матеріалъ изложить систематически согласно требованіямъ рациональной педагогики. Мысль не новая и даже приведенная уже въ исполненіе: это, какъ извѣстно, сдѣлалъ Маймонидъ, который въ своемъ кодексѣ систематизировалъ на чистомъ еврейскомъ языкѣ всю законодательную часть Талмуда. Но въ такой работѣ слишкомъ силенъ субъективный элементъ, всегда будетъ опасеніе, что составитель передаетъ не мысли подлинника, а свои собственные. Къ этому, дѣйствительно, и сводились всѣ возраженія противъ Маймонида, и его кодексъ, несмотря на большія достоинства, никогда не получилъ того распространенія и той авторитетности, на которыя рассчитывалъ самъ авторъ.

Болѣе удачной и, какъ показала исторія, болѣе жизнеспособной оказалась система Раши. Сохранивъ Талмудъ такимъ, какъ онъ есть, и по расположенію матеріала и по языку, Раши объясняетъ каждое слово, стараясь собственнымъ чутьемъ предугадать, что можетъ остановить или затруднить изучающаго. Изученіе Талмуда, въ сущности говоря, его работой облегчилось не на много: онъ, правда, замѣнилъ учителя, но не современнаго, методически подготовленнаго учителя, который дѣйствительно уменьшаетъ время и трудъ, полагающіеся для усвоенія той или другой науки, а учителя древняго, восточнаго. Какъ извѣстно, еще и доселѣ во всей Азіи господствуетъ допотопный методъ преподаванія: изучивъ азбуку, дѣти тотчасъ же садятся за священное писаніе, напримѣръ Коранъ, и начинаютъ съ первой страницы. Никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о законахъ языка и общемъ содержаніи книги (т. е. того, что педагогъ называлъ бы «введеніемъ въ Коранъ») они не получаютъ, а прямо перево-

дять слово за словомъ, слѣпо заучивая наизусть какъ подлинныя выраженія Корана и комментаторовъ, такъ и традиціонный переводъ ихъ, передаваемый учителемъ. При этомъ дѣти перенимають у учителя и мотивъ, и жесты, и всѣ тѣлодвиженія.

Вотъ такого учителя и замѣнилъ своимъ комментариемъ Раши. Понятно, что при настоящихъ требованіяхъ этого мало: для того чтобы осмысленно относиться къ изучаемому, надо уже въ самомъ началѣ обладать немалыми познаніями и не только лингвистическими: надо знать *содержаніе Талмуда* хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Къ сожалѣнію, ни на одномъ языкѣ такого руководства нѣтъ, если не считать, разумѣется, вышеупомянутаго труда Маймонида, труда слишкомъ обширнаго и громоздкаго, чтобы служить средствомъ для ознакомленія съ Талмудомъ. Существуетъ не малое количество «Введеній въ Талмудъ», изъ коихъ самое извѣстное составлено въ XI вѣкѣ Самуиломъ Нагидомъ (Ибнъ Нагдила, ошибочно: Нагрела) *), но всѣ они отвѣчаютъ не на тотъ вопросъ, который насъ интересуетъ. Они даютъ свѣдѣнія о числѣ, названіи и содержаніи трактатовъ Мишны и другихъ произведеній талмудической литературы, даютъ перечень и краткія характеристики ученыхъ, упоминающихся въ Талмудѣ, касаются терминологіи и методологіи Талмуда, даютъ библіографію о Талмудѣ на всѣхъ языкахъ, и, если, по прочтеніи такого «Введенія», вы не вправѣ сказать, что остались «so klug wie zuvor», то все-таки вы съ этими свѣдѣніями приступить къ Талмуду еще не можете.

Издавая свою книгу «Талмудъ, его исторія и содержаніе» (1897 г.), мы немного расширили обычныя рамки «Введенія» включеніемъ новыхъ отдѣловъ: о внутреннемъ строѣ еврейскаго государства въ эпоху Мишны, о религіи, о занятіяхъ евреевъ, о мѣрахъ и календарѣ и т. д. При этомъ имѣлся въ виду именно такой читатель, который захочетъ самъ открыть Талмудъ хотя бы въ переводѣ.

Для еврея, выросшаго въ атмосферѣ еврейской религіи и талмудической обрядности, многое знакомо и безъ «Введенія». Советѣмъ другое дѣло—человѣкъ, чуждый еврейству: онъ въ Талмудѣ совершенно какъ въ лѣсу и безъ путеводаителя никакъ не выберется. Съ этой цѣлью и даны нами свѣдѣнія о храмѣ, о «дарахъ» въ пользу

*) Это «Введеніе» печатается въ извлеченіи во всѣхъ изданіяхъ Вавилонскаго Талмуда. Древнѣе его—«Седеръ Таннаимъ веаморайимъ».

священниковъ, левитовъ и бѣдныхъ, о субботнемъ годѣ, о законахъ (мицвахъ) вообще, о субботѣ и праздникахъ, о ритуальной чистотѣ, о пищѣ, о прозелитахъ. Не скажу, чтобы были предусмотрѣны рѣшительно всѣ свѣдѣнія, которыя учитель долженъ передать ученику при прохожденіи Талмуда,—многое пришлось дополнить во введеніяхъ къ отдѣльнымъ трактатамъ нашего перевода Мишны,—но большая часть необходимыхъ свѣдѣній дана. По прочтеніи нашего «Введенія» изучающій, напр., не станетъ втупикъ предъ первымъ же вопросомъ Талмуда: «съ котораго времени начинаютъ читать Шема вечеромъ?» ибо онъ знаетъ, что Шема—это извѣстные библейскіе стихи, по извѣстнымъ основаніямъ читающіеся дважды въ день, утромъ и вечеромъ.

Но этого мало. Трудность пониманія Талмуда обусловливается не только тѣмъ, что онъ предполагаетъ у читающаго массу свѣдѣній по разнымъ вопросамъ, но еще, главнѣе, тѣмъ, что изложеніе ведется совершенно не методически: мысль развивается скачками, зигзагами. Предъ нами не профессоръ, спокойно читающій свой предметъ, а бушующій парламентъ, страстно разбирающій новый законъ: противники перекидываются краткими вопросами и отвѣтами, возраженіями и контръ-возраженіями, имъ некогда шлифовать, доводить свою мысль до конца, они стараются въ полусловѣ высказать самое главное, предоставляя противнику самому дополнить мысль, одѣлать выводъ, связать возраженіе съ защищаемымъ имъ доводомъ. Для того, чтобы посторонній человекъ могъ сознательно слѣдить за дебатами, онъ долженъ быть знакомъ и съ предметомъ спора, и съ приемами борьбы, и съ оружіемъ борющихся, другими словами, онъ долженъ знать, почему именно данный законъ вызываетъ разногласія, въ чемъ они заключаются, эти разногласія, какимъ образомъ и чѣмъ доказывается правдивость какого нибудь довода. Все это весьма важно для правильнаго изученія, все это абсолютно необходимо въ виду исключительной своеобразности разбирающихся въ Талмудѣ темъ и оригинальной логики талмудическихъ доказательствъ.

III.

Такимъ образомъ, мы подошли къ вопросу: съ чего начать рациональное изученіе Талмуда. Въ Азіи надъ этимъ вопросомъ и не задумываются; тамъ все равно,—начать-ли изученіе съ Бово-Меціо или съ Брокось, съ Мишны или съ Бавли, ибо все одинаково труд-

материзировать ихъ въ видѣ голаго законодательнаго сборника, замѣчается уже въ древнѣйшую эпоху, но окончательную редакцію получилъ такой сборникъ или сводъ законовъ къ концѣ II вѣка въ школѣ Иуды Наси.

Установленіе Мишны—такъ названъ этотъ сводъ законовъ—есть поворотный пунктъ въ исторіи еврейской науки. Еврейская школа получила новую книгу, новый учебникъ, по важности занимающій второе мѣсто послѣ Библии. Зачѣмъ мучить дѣтскія головы мидрашами, крѣкотворными толкованіями библейскихъ текстовъ, когда можно прямо дать систематическій сводъ законовъ, ясныхъ и для жизни болѣе необходимыхъ, чѣмъ тѣ толкованія, посредствомъ которыхъ она получены. Правда, самыя толкованія также проходились въ школѣ, безъ нихъ законы Мишны висятъ на воздухѣ, не имѣютъ опоры,—но имъ отводилось болѣе скромное мѣсто на дальнѣйшихъ ступеняхъ школы, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ Мишной сталъ другой сборникъ, Тосефта, также дающій въ систематическомъ порядкѣ законодательные выводы, полученные путемъ толкованій, но не вошедшіе въ Мишну.

Переходъ отъ Библии прямо къ Мишнѣ и Тосефтѣ, минуя промежуточную дисциплину—Мидрашъ, былъ первымъ скачкомъ въ развитіи еврейской школы, имѣвшимъ довольно печальныя послѣдствія. Когда проходило, какъ особый предметъ, толкованіе Библии, то необходимо было начать съ изученія Библии, теперь же когда библейскіе законы въ расширенномъ и болѣе цѣлесообразномъ видѣ изложены въ Мишнѣ, зачѣмъ же тратить время на изученіе Библии? Не проще ли прямо приступить къ изученію Мишны? И вотъ Мишна устраняетъ Библию, учащіяся сначала знакомятся только съ тѣми стихами Библии, которые случайно приводятся въ Мишнѣ, этомъ главнымъ, нерѣдко единственномъ предметѣ школы. Получается перемѣщеніе центра тяжести въ системѣ предметовъ школьнаго образованія, перемѣщеніе, весьма пагубное для раціональнаго прохожденія курса.

Учителя, правда, стараются помочь дѣлу своими разъясненіями, но этимъ только увеличиваютъ школьный сумбуръ. Они проходятъ съ учениками каждый законъ Мишны, причемъ тутъ же объясняютъ этотъ законъ, указываютъ то мѣсто Библии, на которомъ законъ основывается, приводятъ самое толкованіе (мидрашъ), посредствомъ котораго изъ буквы Писанія дошли до этого закона, попутно

указываютъ близкіе по содержанію законы изъ Тосефты. Если еще прибавимъ, что при объясненіи Мишны учитель детально останавливается на каждомъ словѣ, каждомъ выраженіи закона и старается примирить всё дѣйствительныя или мнимыя противорѣчія, то мы получимъ яркую картину того, что происходило въ школахъ Вавилонія, куда, послѣ заключенія Мишны, перешелъ центръ еврейской науки.

Эта картина до насъ дошла съ фотографической вѣрностью въ вавилонской гемарѣ. Тутъ въ поэтическомъ беспорядкѣ набросано все: и Мишна, и Библия, и Мидрашъ, и Тосефта, и толкованіе Мишны, и примиреніе всякихъ противорѣчій и разныя другія свѣдѣнія, интересующія учащихся, случайно приплетенныя къ главной темѣ. Изложеніе теряетъ свою монотонность, становится интереснѣе. Теперь возникаетъ вопросъ: зачѣмъ изучать въ отдѣльности Библию, Мидрашъ, Тосефту*) и потомъ только гемару, какъ толкованіе Мишны и Тосефты, когда можно сразу приступить къ Бавли, къ гемарѣ, а тамъ уже все найдемъ? И вотъ устанавливается практика изученія гемары безъ предварительнаго изученія всѣхъ тѣхъ источниковъ, на которыхъ она основывается, изъ которыхъ вышла. Изучающіе забыли, что Мишна, Тосефта и Мидрашъ—совершенно отдѣльныя, самостоятельныя произведенія, имѣющія свои дѣленія на главы и параграфы: ихъ цитируютъ по тѣмъ мѣстамъ гемары, гдѣ случайно они приводятся. Больше того: библейскіе стихи цитируются не по Библии, а по страницамъ гемары, на которыхъ они случайно встрѣчаются! А между тѣмъ ясное представленіе о наслоеніяхъ Талмуда, есть необходимое условіе правильнаго пониманія тѣхъ противорѣчій, которыми полонъ этотъ литературный памятникъ.

Въ такомъ положеніи находится изученіе Талмуда и въ настоящее время. Вся талмудическая и даже библейская литература утонула въ одномъ произведеніи—въ Бавли, рѣшительно вытѣснившемъ изъ школьнаго обихода все остальное. Сотни, тысячи головъ изучаютъ Бавли, и только Бавли, къ нему пахутся комментаріи, схолиі, новеллы и глоссы, а къ нимъ суперкомментаріи и супер-суперкомментаріи, онъ въ школѣ царитъ единолично!

*) Мишну и Тосефту необходимо изучать одновременно, потому что статьи Тосефты являются обыкновенно дополненіемъ къ статьямъ Мишны и самостоятельнаго значенія не имѣютъ.

Количество матеріала, подлежащаго изученію, отъ такого порядка сократилось сравнительно съ прежнимъ, но за то соотвѣтственно увеличилась трудность усвоенія этого матеріала, ибо онъ спитъ изъ различныхъ кусковъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ и различнымъ системамъ. И для того, чтобы можно было серьезно разобратъся въ этой разногласицѣ, необходимо разложить ее на ея составные элементы, т. е. необходимо сначала познакомиться съ Библией, затѣмъ усвоить раввинокое толкованіе Библии, т. е. Мидрашъ, затѣмъ уже сами собою выяснятся: Мишна и гемара. Вотъ путь, намѣчающійся для рациональнаго изученія Талмуда. Правда, онъ длиннѣе, (хотя ничуть не длиннѣе пути нераціональнаго), но это естественный, единственно разумный и цѣлесообразный путь усвоенія столь чуждаго современному міросозерцанію предмета, какъ Талмудъ.

IV.

Итакъ, рациональное изученіе Талмуда требуетъ такого порядка усвоенія: Библия, Мидрашъ, Мишна и Тосефта, Гемара (Бавли и Іерушалми).

При такомъ порядкѣ изученія масса затрудненій, встрѣчающихся при нераціональномъ изученіи Бавли, отпадаетъ. Но остаются затрудненія другого характера. Они заключаются въ особомъ, искусственномъ языкѣ талмудистовъ. Человѣкъ, изучившій библейскій языкъ, свободно читающій любой историческій и даже поэтическій текстъ Библии, рискуетъ ничего не понять въ Мидрашѣ и Мишнѣ. Это объясняется не только тѣмъ, что еврейскій языкъ въ эпоху Мишны значительно ушелъ отъ Библии и въ грамматическомъ и въ лексическомъ отношеніи, но, главнымъ образомъ, особой раввинской терминологіей, выработанной вѣками въ палестинскихъ школахъ. Языкъ-то еврейскій, но слова имѣютъ другія, спеціальныя значенія.

Нѣкоторые думаютъ, что главная трудность пониманія вавилонскаго Талмуда заключается въ арамейскихъ фразахъ, конми изложеніе пересыщено. Но это грубое заблужденіе. Арамейскій языкъ самъ по себѣ особыхъ затрудненій не представляетъ, если, разумѣется, изучить его грамматику и лексическій составъ. Кто въ состояніи справиться съ арамейскими текстами Библии и Таргумами особенно псевдо-Іонаана), тотъ легко справится съ любымъ по-

вѣствовательнымъ пассажемъ Бавли на арамейскомъ языкѣ. Трудность не въ этомъ, а въ школьной терминологіи, придающей искусственныя, хотя и твердо установленныя значенія простѣйшимъ талмудическимъ словамъ и сочетаніямъ словъ.

Поясимъ это на примѣрѣ. Если спросить человѣка, знающаго Библию и еврейскій языкъ настолько, что въ состояніи читать еврейскую газету, что значить: $\text{קָרַץ הוּן לִמְקוֹמוֹ}$ или $\text{קָרַץ הוּן לִמְנוּ$, то онъ, сразу скажетъ, что это значить: «зарѣзалъ вѣ законнаго мѣста», «снялъ горсть не въ установленное время». Таковъ дѣйствительно буквальный переводъ этихъ словъ. Изъ Библии извѣстно, что קָרַץ значить «закалать жертву», а קָרַץ —«снимать горсть» съ хлѣбнаго приношенія, и естественно, что для закланія жертвъ есть установленное мѣсто, а для снятия горсти установленное время. И тѣмъ не менѣе данный переводъ двухъ, весьма часто встрѣчающихся въ Талмудѣ выраженій, совершенно невѣрентъ; $\text{קָרַץ הוּן לִמְקוֹמוֹ}$ въ Талмудѣ значить: «зарѣзалъ съ мыслью произвести истинные обряды вѣ установленнаго для этихъ обрядовъ мѣста», а $\text{קָרַץ הוּן לִמְנוּ}$ значить: «снялъ горсть съ мыслью совершить извѣстные обряды вѣ установленнаго для этихъ обрядовъ времени». Такъ какъ объ этихъ мысляхъ и обрядахъ идетъ рѣчь на протяженіи многихъ страницъ, то установились условныя сокращенныя выраженія*). И такихъ выраженій множество; вся Мишна, можно сказать, состоитъ изъ искусственныхъ выраженій, намековъ, недомолвокъ, гдѣ передаются лишь контуры мысли, гдѣ выпущены цѣлыя предложенія, иногда весьма важныя для пониманія темы. Буквальный переводъ съ какого бы то ни было языка неправиленъ, а буквальный переводъ Талмуда—чистая нелѣпость: попробуйте перевести буквально $\text{בְּאַחַד בְּשַׁבָּת}$ (переводчики евангелія переводили: «въ одну изъ субботъ») или $\text{לְחַקֵּן עֵוְרוֹ כְּחַקֵּן אֱלֹהִים}$ или מִשׁוֹם מִשׁוֹם или $\text{הִתְחַנֵּן לְמַעַל שֶׁחֲעָרְבוּ בְּנַחֲנִין לְמַטָּה}$, или $\text{שֶׁלֹּשׁ עַל שֶׁלֹּשׁ}$.

Вотъ главная, первенствующая трудность изученія Талмуда, вотъ почему такъ необходимы при изученіи его всякіе коммента-

*) Выраженія $\text{קָרַץ הוּן לִמְקוֹמוֹ}$ и $\text{קָרַץ הוּן לִמְנוּ}$ даютъ нѣкоторый смыслъ и въ приведенномъ выше неправильномъ, хотя и буквальномъ переводѣ, такъ что иной будетъ настаивать на правильности буквального перевода; но какъ онъ переведетъ такіа ходячія талмудическія выраженія: $\text{אִם אֵינוֹ עֵוְרוֹ לְחַוֵּץ לִמְנוּ תְּנַהוּ אִיו מְהִשְׁבָּה פּוֹסְלָתָ אֵלֵא בְּחַוֵּץ לִמְנוּ}$; $\text{אִם אֵינוֹ עֵוְרוֹ לְחַוֵּץ לִמְנוּ}$ и проч. и проч.?

риѣ: комментаторы тѣмъ и занимаются, что переводятъ условный, лаконическій языкъ Талмуда на полный и удобопонятный.

Терминологическій словарь Талмуда необходимое пособіе, безъ коего никогда не освободиться отъ опеки комментаровъ. Профессоръ Бахеръ, одинъ изъ неутомимѣйшихъ работниковъ на поприщѣ изученія Талмуда, составилъ «Экзегетическую терминологию» Талмуда («Die Exegetische Terminologie der Judischer Traditionsliteratur» I, 1899, II, 1905), въ которой собралъ и объяснилъ школьные термины и лаконическіе обороты, употребляющіеся раввинами при истолкованіи Библіи и Мишны, но это лишь часть терминологіи Талмуда, правда, самая необходимая. Съ «Терминологіей» Бахера въ рукѣ можно уже приступить къ Мехильтѣ, Сифра и Сифре, не рискуя заблудиться въ массѣ условныхъ толковательныхъ выраженій. Зная самый библейскій текстъ, подвергающійся истолкованію, и имѣя возможность слѣдить за ходомъ мыслей толкователя, мы дойдемъ и до вывода его, т. е. до того лаконическаго выраженія, которое и будетъ фигурировать въ Мишнѣ. Мидрашъ, такимъ образомъ, способствуетъ пониманію языка Мишны. Конечно, это не значить, что галахическій Мидрашъ доступенъ всякому, знающему еврейскій языкъ и выучившему Бахеровскую «Терминологию», для этого требуются еще другія и не малыя познанія, но значительная часть Мидраша (особенно Мехильты и Сифре) несомнѣнно ему доступна, а при нѣкоторомъ навыкѣ и сообразительности онъ одолѣетъ и остальное. Тутъ не малую пользу можетъ принести и переводъ, въ особенности комментированный, передающій не только букву подлинника, но и выясняющій ходъ мыслей и цѣль толкователя. Онъ вполне замѣнитъ учителя. Чтобы пройти всѣ три мидрашимъ, при ежедневной работѣ, достаточно двухъ лѣтъ.

Пройдя Мидрашъ, можно уже приступить къ Мишнѣ и Тосефтѣ. Эти сборники явятся какъ бы конспектомъ пройденнаго, ибо всѣ собранные въ нихъ законы уже извѣстны въ главныхъ чертахъ, какъ извѣстенъ и генезисъ cadaго закона,—на чемъ онъ основывается и какъ онъ получился. Языкъ этихъ сборниковъ труднѣе языка Мидраша, но, имѣя уже извѣстную подготовку и усердно занимаясь, можно въ 2—3 года одолѣть всѣ препятствія. И тутъ комментированный переводъ можетъ сослужить хорошую службу. Одновременно съ Мишной, такъ сказать, для развлеченія, между дѣломъ, слѣдуетъ прочитать Авотъ рабби Нааана и, такъ называемые,

малые трактаты, которые и по языку и по содержанию легче Мишны.

Этимъ заканчивается основной корпусъ Талмуда, ядро его, къ которому все остальное относится какъ комментарий къ тексту. На ученомъ языкѣ все перечисленное есть *corpus tannaiticum*—произведенія таннаевъ.

Теперь остается пройти гемары (Бавли и Иерушалми). Изучивъ Мидрашъ, Мишну и Тосефту, мы въ сущности прошли $\frac{2}{3}$ гемары, ибо почти все содержаніе указанныхъ произведеній повторяется въ гемарѣ въ видѣ цитатъ, иногда даже по нѣсколько разъ. Трудность состоитъ въ арамейскомъ языкѣ и въ новой, тутъ уже арамейской терминологіи, относящейся къ обыкновенному арамейскому языку точно такъ же, какъ терминологія Мишны къ языку еврейскому. Къ счастію, арамейская терминологія гемаръ состоитъ почти исключительно изъ школьныхъ экзегетическихъ выраженій, вошедшихъ полностью въ Бахеровскую «Терминологію», такъ какъ всѣ реальные термины Мишны сохранены либо въ чисто еврейской, либо въ слегка арамеизированной формѣ *).

Что касается языка вообще, то, послѣ Луццато, составившаго краткую грамматику Бавли (она переведена и на еврейскій языкъ), большую грамматику для Бавли написалъ на англійскомъ языкѣ Левіасъ, а для Иерушалми имѣется грамматика Дальмана (вышед-

*) Изданная нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ громкимъ названіемъ *מִשְׁנֵי הַבְּבֵלִי לְמִשְׁנֵי הַיְרוּשָׁלַיִם* книга г. Гольдмана составляетъ въ сущности собраніе примѣровъ на разные экзегетическіе термины вавилонскаго Талмуда. Есть, напримѣръ, терминъ *לְאִי מִשְׁמַע לְאִי מִשְׁמַע*—что онъ этимъ хочетъ сказать?—терминъ, сотни разъ встрѣчающійся въ Бавли, какъ обычный вопросъ о цѣли лишняго положенія Мишны. Г. Гольдманъ приводитъ изъ Талмуда три мѣста, гдѣ этотъ вопросъ встрѣчается, причемъ для полноты онъ приводитъ и самое положеніе Мишны и мотивировку вопрошающаго (почему онъ считаетъ данное положеніе лишнимъ) и отвѣтъ гемары, доказывающій, что оно не лишнее. Бахеръ удѣляетъ этому термину ровно 2 строки, у г. Гольдмана онъ занимаетъ три страницы. Ничего нельзя бы имѣть противъ подобныхъ примѣровъ на каждый терминъ, если бы они не были вырваны изъ контекста и такимъ образомъ не представляли для учениковъ («начинающихъ») совершеннѣйшей загадки. Нечего и говорить, что «терминологія» г. Гольдмана далеко не полна и предусматриваетъ едва-ли сотую часть матеріала, собраннаго у Бахера. О филологіи въ *מִשְׁנֵי הַבְּבֵלִי לְמִשְׁנֵי הַיְרוּשָׁלַיִם* или вообще научномъ отношеніи къ вопросу,—и говорить нечего.

шая въ 1905 г. вторымъ изданіемъ). Арамейскіе словари имѣются на еврейскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Съ этими пособиями и съ предшествующей подготовкой можно безъ боязни ринуться въ «талмудическое море», чтобы сначала пройти Бавли, наиболѣе разработанный изъ талмудовъ, а затѣмъ и Іерушалми.

Незамѣнными пособиями при изученіи арамейскаго языка являются таргумы Онкелоса и Ионаана: Онкелосъ читается очень легко, потому что онъ дословно передаетъ библейскій текстъ, а Ионаанъ послѣ Мидраша не только понимаетъ, но даже можетъ служить повтореніемъ пройденнаго.

Своеобразное затрудненіе при изученіи гемары составляетъ отсутствіе критически изданнаго текста. Въ этомъ направленіи для Бавли многое сдѣлалъ Рабиновичъ своими 16 томами *קרקקי סופרים* заключающими варианты Мюнхенской рукописи, а для Іерушалми дѣлаетъ Ратнеръ своимъ *אגרות ציון וירושלים*, гдѣ собраны варианты изъ разныхъ древнихъ сочиненій, цитирующихъ Іерушалми. Оба труда необходимы при правильномъ изученіи Талмуда. Если изучающій имѣетъ подъ руками переводъ, въ которомъ всѣ перечисленные труды использованы, то ему и не надо знать этихъ трудовъ. Къ сожалѣнію, такой переводъ, составляетъ еще desideratum. Іерушалми переведенъ на французскій языкъ Швабомъ еще въ 80-хъ годахъ, и въ его переводѣ не использованы, да и не могли быть использованы труды Бахера, Ратнера и другихъ изслѣдователей, а издающійся въ настоящее время нѣмецкій переводъ Бавли (г. Гольдшмита) не комментированъ и недостаточно корректурованъ. Такимъ образомъ, изучающій предоставленъ собственнымъ силамъ, даже если имѣетъ всѣ эти переводы, что въ концѣ концовъ, послѣ пятилѣтней работы, не такъ уже страшно.

Такъ какъ Бавли заключаетъ въ себѣ 2611 листовъ, а при указанной подготовкѣ въ часъ можно свободно пройти листъ, то, при часовой ежедневной работѣ, можно закончить Бавли въ 8 лѣтъ, а Іерушалми (520 страницъ въ изд. Кротошинскомъ) въ 2 года.

Итакъ, предполагая, что изучающій знаетъ Библию и имѣетъ общее филологическое и гуманитарное образованіе (т. е. знаетъ, какъ обращаться въ языкомъ и съ текстами историческими, юридическими, поэтическими), раціональное изученіе Талмуда потребуетъ: Мидрашъ—2 лѣтъ, Мишна и Тосефта—3 лѣтъ, Бавли—8 лѣтъ и Іерушалми—2 лѣтъ; итого 15 лѣтъ. Такъ какъ потребуется еще

время на изучение грамматики и на чтение пособий и научных исследований по разным вопросам, то надо положить еще 5 летъ, такъ что всего 20 летъ. Этотъ срокъ можно уменьшить до 10 и даже 5 и меньше летъ, соответственно увеличивъ количество отдаваемого времени. А такъ какъ Бавли и Иерушалми, на прохождении которыхъ мы положили свыше 3000 часовъ, на $\frac{2}{3}$ состоятъ изъ матеріала уже изученнаго, то и эту скромную цифру придется значительно сократить. Вотъ, что значитъ рациональное изучение предмета!

Едва-ли возможно изучить Талмудъ въ столь короткое время нерациональнымъ способомъ. Азіаты, посвящая Талмуду по 15 и болѣе часовъ въ день, сидятъ надъ Бавли по 10 и 15 летъ, и въ результатѣ знаютъ его, на требовательный глазъ, неважно: они не могутъ ступить ни шагу безъ Раши и Тосафотъ, совершенно не въ состояніи безъ комментаріевъ читать Иерушалми и едва-ли могутъ прочитать Тосефту. Яснаго представленія о взаимоотношеніи различныхъ частей Талмуда, объ исторіи текста, характерѣ ученыхъ, этической пѣнности тѣхъ или другихъ мнѣній, словомъ, яснаго отношенія къ идеѣ Талмуда.—у нихъ и спрашивать нечего. Они знаютъ наизусть всѣ окончательные выводы, умѣютъ рѣшать ритуальные вопросы въ сторону облегченія или отягченія, смотря по темпераменту, и этимъ исчерпываются ихъ знанія. Науки тутъ нѣтъ, да ея никто и не спрашиваетъ.

Понятно, набросанный нами планъ рациональнаго изученія Талмуда легче осуществить при наличности слѣдующихъ условий: если имѣть талмудическую грамматику, хрестоматію и словарь, если имѣть критически изданный текстъ Талмуда, который отражалъ бы всѣ научныя исследования по различнымъ вопросамъ. По каждому изъ этихъ условий кое-что сдѣлано на разныхъ европейскихъ языкахъ и челоуѣкъ, владѣющій, на примѣръ, нѣмецкимъ языкомъ, не будетъ при изученіи Талмуда совершенно ужъ беспомощенъ¹⁾. Рус-

*) Нѣмецкое общество поощренія еврейской науки приступило въ прошломъ году къ критическому изданію *corpus tannaiticum*, но доселѣ еще ничего не появилось. Есть нѣсколько трактатовъ Мишны (Тома, Авота Зара, Авотъ и Шабатъ), изданныхъ для школьныхъ цѣлей Штракомъ. Мехильта и Сиффе изданы недурно Фридманомъ. Хуже издано Сифра (Вейсомъ), къ которому за то имѣются хорошіе комментаріи Раведа и Малбима. О критическомъ изданіи Бавли ученый міръ мечтаетъ уже давно.

скій языкъ въ еврейской наукѣ, какъ и во всякой наукѣ, ходитъ пока въ хвостѣ другихъ европейскихъ языковъ, но когда у насъ будетъ свой разсадникъ еврейской науки, можно рассчитывать на расцвѣтъ научныхъ работъ и въ нашемъ отечествѣ.

V.

Мы набросали путь, котораго удобнѣе всего держаться приверженцамъ лозунга «Zurück zum Talmud!» Научная безпристрастность, собственно говоря, требуетъ, чтобы мы набросали соответствующій путь и для приверженцевъ противоположнаго лозунга: «Los vom Talmud!» («прочь отъ Талмуда»), но тутъ путь ясенъ и ни въ какихъ освѣщеніяхъ не нуждается. Приверженцы прогрессивнаго іудаизма, (а къ нимъ принадлежитъ и авторъ этихъ «Весьдъ») смотрятъ на Талмудъ, какъ на одну изъ стадій, давно уже и безвозвратно пройденныхъ нашей религіей на своемъ слишкомъ 35 вѣковомъ пути. Эта стадія сыграла большую роль въ ея исторіи, наложилла на нее неизгладимый отпечатокъ и потому требуетъ внимательнаго изученія, но возвратиться къ ней—это значитъ птенцамъ возвратиться въ скорлупу, изъ которой они давно уже вылупились. Для пониманія еврейской религіи, для уразумѣнія еврейской души—Талмудъ безусловно необходимъ, онъ—надежнѣйшее зеркало еврейства, но жить въ XX вѣкѣ по Талмуду нельзя. Націоналистическій и обрядовый (ритуалистическій) лепетъ, занимавшій умы въ дѣтскую эпоху нашей исторіи, не идетъ къ людямъ возмужалымъ, доросшимъ до космополитическихъ и духовныхъ (спиритуалистическихъ) идеаловъ, зародыши которыхъ, заложены еще въ Библии.

Еврейскія идеи космополитизма и спиритуализма, зародившіяся въ умахъ пророковъ двѣ съ половиною тысячи лѣтъ тому назадъ, приобрѣтають съ каждымъ днемъ все больше и больше приверженцевъ среди евреевъ, міръ быстрыми шагами идетъ къ этимъ еврейскимъ идеямъ, кристаллизованнымъ, очищеннымъ европейской мыслью,

Слабая и не совсѣмъ удачная попытка въ этомъ направленіи сдѣлана Фридманомъ, издавшимъ въ 1886 г. трактатъ Маккотъ (см. разборъ этой попытки въ диссертациі М. Л. Марголіса «Commentarius Isaacidis quatenus ad textum Talmudis investigandum adhiberi possit», Нью-Йоркъ 1891).

и намъ, впереди всѣхъ идущимъ къ цѣли, возвращаться назадъ къ націонализму и ритуализму Талмуда,—это значитъ, имѣя миллионъ въ карманѣ, лѣзть подъ столъ за мѣднымъ пятакомъ. Для прогрессивнаго іудаизма оба лозунга, «Zurück zum Talmud» и «Los vom Talmud», синтезируются въ завѣтъ: «изучай Талмудъ, познай самого себя, но живи какъ взрослый человекъ, а не какъ ребенокъ».

Н. Переферковичъ.

Еврей-ренегаты въ Вѣнѣ.

Свобода совѣсти является въ настоящее время однимъ изъ главныхъ принциповъ всякаго демократическаго строя. Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ конституціонный образъ правленія, обязательно имѣется то или другое законоположеніе, указывающее на неотъемлемое право каждаго гражданина исповѣдывать какую ему угодно религію. Конфессіональная свобода выражается еще въ томъ, что лицамъ извѣстнаго возраста дозволяется вступать или выступать изъ любого религіознаго сообщества. Въ Австріи, напримѣръ, до сихъ поръ дѣйствуетъ законъ отъ 15 мая 1868 г., на основаніи котораго «каждый человѣкъ безъ различія пола имѣетъ право по достиженіи полныхъ 14 лѣтъ свободно и по своему личному усмотрѣнію опредѣлять свое религіозное самосознаніе». Ежегодно многіе переходятъ изъ одной религіи въ другую или совершенно отъ нея отказываются, зачисляя себя въ группу *confessionslos*, т. е. безрелигіозныхъ. Въ общественной жизни такіе факты играютъ весьма незначительную роль. Религія давно ужъ перестала быть той осью, вокругъ которой вращается современная политика. Если отбросить въ сторону узкіе церковные интересы, то религіозныя пертурбаціи носятъ исключительно личный характеръ. Впрочемъ, отказъ отъ господствующихъ вѣроисповѣданій вообще долженъ быть признанъ болѣе или менѣе прогрессивнымъ явленіемъ. Онъ означаетъ ослабленіе клерикальнаго духовенства и усиленіе пытливейшей человеческой мысли.

Примѣнямы ли подобныя разсужденія по отношенію къ уходящимъ отъ еврейства? Нѣтъ и еще разъ нѣтъ. Если у христіанъ переходъ изъ одной конфессіональной группы въ другую остается лишь *религіознымъ* дѣйствіемъ, то у насъ, евреевъ, онъ становится актомъ крушой *національной* важности. Ни въ чемъ не проявляется такъ рѣзко еврейская ассимиляція, какъ въ исключеніи себя изъ еврейскаго вѣроисповѣданія. Это рѣшительный поворотъ въ сторону

смѣшенія съ чужими народами, это полный разрывъ со всѣмъ прошлымъ. Ассимиляціонныя тенденціи, понятно, выражаются еще во многомъ другомъ, какъ употребленіе чужого языка, простое заимствование новыхъ обычаевъ и традицій и т. д., но принятіе чужой религіи или даже выступленіе изъ еврейской общины свидѣтельствуетъ объ окончательномъ отпаденіи не только отъ еврейской религіи, но и отъ всего еврейскаго народа. Однако, въ настоящей статьѣ мы не намѣреваемся ни упрекать, ни читать морали, а лишь констатировать на основаніи данныхъ тотъ фактъ, что вънское еврейство идетъ быстрыми шагами по пути религіозной ассимиляціи, по пути ренегатства и христіанскаго прозелитизма.

Всѣ помѣщаемыя ниже данныя ¹⁾ касаются только лицъ, достигшихъ 14-ти лѣтняго возраста. Дѣти же до 7-и лѣтъ въ регистрацію обыкновенно не попадаютъ. Происходить это потому, что всѣ они считаются исключенными изъ религіозной корпораціи только въ томъ случаѣ, если это сдѣлано ихъ родителями. Въ возрастѣ же отъ 7 до 14 лѣтъ религіозные переходы не дозволены.

Какъ часты у евреевъ или неевреевъ отпаденія отъ своей прежней религіи, видно изъ слѣдующей таблицы. Въ теченіе каждаго *пятилѣтія* мѣняли свое вѣроисповѣданіе:

Годы	Не евреевъ.	Евреевъ.	% евр. къ общему числу.
1868—1872	1326	162	10,88
1873—1877	1475	273	15,61
1878—1882	1696	581	25,51
1883—1887	2135	1233	36,60
1888—1892	2503	1525	37,86
1893—1897	3844	2100	35,33
1888—1902	5952	2629	30,63

Цифры эти очень характерны. Онѣ говорятъ, что «переоцѣнка религіозныхъ цѣнностей» происходитъ у вънскихъ евреевъ значительно чаще, чѣмъ у неевреевъ. Нужно только сравнить послѣдній столбецъ, выражающій процентное отношеніе отпадающихъ евреевъ съ данными, касающимися еврейскаго населенія въ Вѣнѣ, чтобы понять всю ихъ ошеломляющую величину. По новѣйшимъ переписямъ считалось въ Вѣнѣ:

*) Абсолютныя данныя заимствованы нами изъ «Oesterreichisches Städtebuch», Jahrgänge 1—X Wien, 1887—1905.

	Неевреевъ.	Евреевъ.	% евреевъ
Въ 1880 г.	652.387	73.271	10,09
„ 1890 „	1.246.053	118.495	8,68
„ 1900 „	1.528.031	146.926	8,77

Сравнительное уменьшеніе числа евреевъ въ 1890 г.,—отмѣтимъ между прочимъ,—произошло потому, что къ внутреннему городу были причислены новыя предмѣстья, мало заселенныя евреями. Мы видимъ, что % оставляющихъ еврейство куда значительнѣе, чѣмъ % еврейскаго населенія. За пятилѣтіе 1878—1882 среди выступившихъ изъ какой либо религіозной общины было 25,51 % евреевъ, въ то время, какъ евреи составляли въ Вѣнѣ только 10,09 % (1880 г.). За пятилѣтіе 1888—1892 37,86% всѣхъ переходовъ изъ еврейской религіи было зарегистрировано при 8,68% еврейскихъ жителей. Хотя съ этого періода замѣчается сравнительное замедленіе въ процессѣ еврейскихъ отпаденій: съ 37,86% въ 1888—1892 онъ палъ до 30,63% въ 1898—1902, тѣмъ не менѣе процентъ этотъ все еще во много разъ выше, чѣмъ процентъ еврейскаго населенія, который въ 1900 г. равнялся 8,77. Въ общемъ можно сказать, что евреи въ 3½—4 раза чаще оставляютъ свою религію, чѣмъ христіане или другія исповѣдныя группы. Сомнительно чтобы религіозный экстазъ такъ могуче вліялъ на «гражданъ Моисеева закона». Другія причины, болѣе земныя и менѣе возвышенныя, играютъ тутъ роль. Еврейство является для многихъ препятствіемъ къ почестямъ и счастью, и они безъ всякихъ колебаній отъ него отказываются. Въмѣсто борьбы за достиженіе еврейскаго полноправія и общественнаго уваженія, они выбираютъ болѣе легкій путь—самоотреченіе. Вслѣдствіе этого вѣнское еврейство лишается ежегодно значительнаго числа своихъ живыхъ членовъ, переходящихъ въ другіе вѣроисповѣданія.

Интересно посмотрѣть, какимъ колебаніямъ подвергается процентъ, опредѣляющій число отпаденій отъ еврейской религіи въ отношеніи къ конфессіональнымъ переходамъ вообще. До 1892 г. онъ быстро подвигался впередъ. Въ первое пятилѣтіе онъ равнялся 10,88, въ пятое же (1883—1892)—37,79, т. е. чуть ли не увеличился въ четыре раза. Такое разительное увеличеніе совершалось въ такое время, когда процентъ еврейскаго населенія проявлялъ какъ разъ тенденцію къ уменьшенію. Послѣднее десятилѣтіе (1893—1902)

свидѣтельствуемъ о нѣкоторомъ ослабленіи еврейскихъ «крещеній» (слово это ставимъ въ кавычки, потому что многіе евреи становятся confessionslos). Пятилѣтіе 1898—1902 принесло, какъ отмѣчено уже выше, только 30 % еврейскихъ отпаденій среди всѣхъ заявленныхъ выступленій. Хотя число это составляетъ *треть*, тѣмъ не менѣе можно говорить объ относительномъ паденіи у вѣнскихъ евреевъ числа ренегатовъ. Въ прежнее время страсть къ религіознымъ переходамъ по сравненію съ христіанскими все же была у нихъ сильнѣе, чѣмъ теперь.

Приведенныя выше сравнительныя данныя объ отпаденіи отъ еврейской религіи характеризуютъ вѣнскихъ евреевъ лишь постольку, поскольку мы ихъ рассматриваемъ въ связи со всѣмъ остальнымъ населеніемъ. Мы выяснили, что евреи чаще мѣняютъ свое вѣроисповѣданіе и что за послѣднее время замѣчается нѣкоторое улучшеніе съ точки зрѣнія еврейства. Но для того, чтобы правильно судить о еврейскихъ конфессіональныхъ отпаденіяхъ, мы должны ихъ сравнивать исключительно въ отношеніи къ еврейскому населенію; тогда у насъ будетъ болѣе точная мѣрка для изученія этого явленія. Попробуемъ выяснитъ, сколько еврейскихъ «крещеній» приходится, положимъ, на 10.000 евреевъ. Для этого мы беремъ отдѣльно тѣ годы, въ которые производились народныя переписи.

Г О Д Ы.	Число выступленій изъ евр. религіи.	Число выступленій на 10.000 евреевъ.
1880	110	15,0
1890	302	25,5
1900	561	38,2

Эта таблица разбиваетъ всѣ иллюзіи, которыя мы могли составить себѣ на основаніи предыдущихъ данныхъ. Число еврейскихъ отпаденій не ослабѣваетъ, а, наоборотъ, быстро и замѣтно возрастаетъ. Не будетъ лишнимъ сказать, что выдѣленные нами годы ничего исключительнаго собою не представляютъ. Они являются въ этомъ отношеніи вполне нормальными. Тѣмъ не менѣе приходится констатировать громадный ростъ выходовъ изъ еврейской религіи. Не надо при этомъ еще забывать, что въ регистръ, устанавливающій коли-

чество евреевъ, переходящихъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, не попадаютъ дѣти до 7 лѣтъ. Слѣдовательно, цифра отказовъ отъ еврейскаго культа должна быть въ дѣйствительности еще выше. Какъ быстро прогрессируютъ еврейскія отпаденія, можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: если относительное число 1880 г. (15,0) мы примемъ за *единицу*, то для 1890 г. оно превратится въ 1,7, а для 1900 г. уже въ 2,5. Мы видимъ, что въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ (1880—1900) выступленія изъ еврейской общины участились въ *два съ половиной* раза. Уменьшеніе же по отношенію къ общимъ даннымъ, которое наблюдалось за десятилѣтіе 1892—1902 объясняется тѣмъ, что перемѣны въ *христіанской* церкви за этотъ періодъ еще болѣе увеличились.

Однако, статистическія данныя говорятъ не только о проигрышѣ еврейской общины, но и о ея выигрышѣ. Въ свободныхъ странахъ имѣютъ право не только отказываться отъ іудейскаго вѣроисповѣданія, но и принимать его. Тамъ встрѣчаются также люди, пользующіеся этимъ правомъ. Общее мнѣніе таково, что всѣ эти еврейскія прозелиты вербуются изъ кающихся евреевъ, которые въ разное время порвали было свою связь съ еврействомъ. Статистика, къ сожалѣнію, объ этомъ умалчиваетъ. Намъ приходится поэтому ограничиваться голыми числами о присоединеніи къ еврейской религіи. Въ продолженіе каждаго *пятилѣтняго* періода вступали въ еврейство:

Отъ 1868 г. до 1872 г. . .	462 челов.
» 1873 » » 1877 » . .	302 »
» 1878 » » 1882 » . .	239 »
» 1883 » » 1888 » . .	237 »
» 1888 » » 1892 » . .	333 »
» 1893 » » 1897 » . .	389 »
» 1898 » » 1902 » . .	286 »

Слѣдуетъ тутъ отмѣтить, что данныя о вступленіяхъ въ новую религію не могутъ быть признаны полными, такъ какъ выступающій не обязанъ называть то вѣроисповѣданіе, къ которому онъ думаетъ присоединиться. Для сравненій все-таки ихъ можно считать вполне достаточными. Отличительная особенность послѣдней таблицы, указывающей на количество иновѣрцевъ, принимавшихъ еврейскую религію, состоитъ въ томъ, что самое высшее число

было въ первое пятилѣтіе (1868—1872). Это находится какъ разъ въ противоположномъ отношеніи къ тѣмъ даннымъ, которыя опредѣляютъ число выступающихъ изъ еврейской общины. Тамъ самая низшая цифра относится именно къ періоду отъ 1868 г. до 1873 г. Крупное число перешедшихъ въ то время въ еврейство, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что изданный въ 1868 г. законъ о свободѣ конфессіональныхъ выступленій и вступленій послужилъ для многихъ бывшихъ евреевъ, отпавшихъ отъ еврейства по разнымъ независѣвшимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, побужденіемъ вновь применить къ вѣрѣ своихъ предковъ. Никогда число принимавшихъ еврейство не достигало такого размѣра, какъ въ 1869 и 1870 г.г. (1868 г. не принимается во вниманіе, потому что законодательное постановленіе появилось лишь въ маѣ мѣсяцѣ, какъ указано было выше).

Изъ сопоставленія таблицъ о покидающихъ іудейское вѣроисповѣданіе и принимающихъ его видно, что первыхъ значительно больше, чѣмъ вторыхъ. Выяснимъ это посредствомъ цифръ.

Г О Д Ы.	Во сколько разъ число <i>покидавшихъ</i> еврейство больше числа его прини- мавшихъ.	Во сколько разъ число <i>прини- мавшихъ</i> еврейство больше числа его покидавшихъ.
1868—1872	—	2,85
1873—1877	—	1,10
1878—1882	2,43	—
1883—1887	5,20	—
1888—1892	4,58	—
1893—1897	5,40	—
1898—1902	9,18	—

Мы замѣчаемъ, что только первая десятая лѣтъ по опубликованіи вышеупомянутаго конфессіональнаго закона зарегистрировано больше лицъ, вступавшихъ въ еврейство, чѣмъ отпавшихъ отъ него. Въ первое пятилѣтіе (1868—1872) это число было больше въ 2,85 раза. Слѣдующее пятилѣтіе (1873—1877) показываетъ уже паденіе примыкавшихъ къ еврейской религіи. Однако, присоединившихся къ еврейству было все-жь таки въ 1,10 раза больше, чѣмъ отпавшихъ. Всѣ дальнѣйшіе годы свидѣтельствуютъ о значительномъ превышеніи вступающихъ изъ еврейской общины надъ вступа-

шими. Заслуживаетъ вниманія еще то, что числа перваго столбца за исключеніемъ одного пятилѣтія (1888 — 1892) все поднимаются вверхъ. Годы 1878—1882 отмѣчаютъ, что еврейская община въ Вѣнѣ потеряла «крещеными» въ 2,43 раза больше, чѣмъ выиграла отъ вновь присоединившихся къ ней иновѣрцевъ. Черезъ 20 лѣтъ, т. е. въ пятилѣтіе 1898—1902 потеря эта уже болѣе крупная и выражается въ 9,18 раза. Такимъ образомъ, отпаденія отъ еврейскаго вѣроисповѣданія учащаются и давно уже не покрываются тѣми вступленіями, которыя случаются еще у вѣнскаго еврейства.

Статистическія данныя показываютъ, что среди ищущихъ «новыхъ» боговъ и «новыхъ» религіозныхъ вѣрованій евреи занимаютъ самое почетное мѣсто. Еврейство, доставляющее исповѣдующимъ его разныя затрудненія на жизненномъ пути, перестаетъ многихъ удовлетворять. Безъ колебаній и угрызения совѣсти они оставляютъ его и уходятъ. Куда? Какія церкви и алтари даютъ пріютъ бывшимъ сынамъ Израиля? Слѣдующая таблица даетъ на это отвѣтъ.

Выступившіе евреи присоединились;

Годы.	къ римско-католич. рел.	лютеранству.	къ confessionslos.	къ другимъ исповѣд.*).	неизвѣстн.
1886—1887	297	73	133	19	43
1888—1892	863	221	268	117	56
1893—1897	1203	315	457	118	7
1898—1902	1331	634	488	107	69

Въ процентномъ отношеніи данныя эти принимаютъ такой видъ:

1886—1887	52,6	12,9	23,5	3,9	7,7
1888—1892	56,6	14,5	17,5	7,7	3,7
1893—1897	57,3	15,0	21,8	5,6	0,3
1898—1902	50,6	24,1	18,6	4,1	2,6

О вступленіи въ чужую церковь приводятся указанія лишь съ 1886 г. Данныя должны быть признаны не совсѣмъ полными, такъ какъ многіе ушедшіе изъ еврейства не опредѣлили своей новой религіи. Процентъ такихъ неизвѣстныхъ колеблется между 0,3 (1893—) и 7,7 (1886—1887). Что касается остальныхъ, то они глав-

*) Alt-katolische, griechisch-orientalische и evangelisch-helvetische.

нымъ образомъ избираютъ римско-католическую религію. Больше половины отказавшихся отъ еврейскаго вѣроисповѣданія (50—57%) присоединились къ этой церкви. Такой выборъ объясняется тѣмъ, что большинство вѣнскаго населенія исповѣдуетъ римско-католическую вѣру. Въ 1900 г., напримѣръ, населеніе Вѣны дѣлилось по вѣроисповѣданіямъ слѣдующимъ образомъ: 1.461.891 католика, 48.213 протестанта, 146.926 евреевъ, 2772 confessionslos и т. д. Слѣдовательно, католиковъ въ этомъ городѣ 87,3%. Выходить, что процентъ евреевъ, вступающихъ въ эту церковь, ниже, чѣмъ процентъ людей, принадлежащихъ къ этой религіи. Процентъ присоединяющихся къ лютеранству составляетъ 13—24, т. е. онъ во много разъ больше процента лютеранъ въ городѣ вообще, такъ какъ въ 1900 г. ихъ считалось всего 2,9%. Еще интереснѣе данныя о confessionslos. Отъ 17,5 до 23,5% всѣхъ уходящихъ изъ еврейства становились безрелигіозными. Числа эти замѣчательны тѣмъ, что Вѣна имѣетъ (1900 г.) только 0,2% не исповѣдующихъ никакой религіи. Однако, объ отсутствіи «религіозности» среди покидающихъ еврейство нельзя еще судить только на этомъ основаніи. Если мы приемотримся къ даннымъ объ отказавшихся отъ всякаго вѣроисповѣданія, то окажется, что % евреевъ среди нихъ почти такой же, какъ среди мѣнявшихъ свою религію вообще. Признавали себя confessionslos:

Годы.	Вообще	Въ томъ числѣ евреевъ.	% евр.
1886—1887	347	133	38,3
1888—1892	805	268	33,3
1893—1897	1402	457	32,6
1898—1902	1478	486	32,9

Мы видимъ, что процентныя отношенія въ этой таблицѣ почти приближающія къ процентныхъ отношеніямъ, помѣщеннымъ въ первой таблицѣ, гдѣ говорилось о переходѣ изъ одной религіи въ другую (стр. 112). Тѣмъ не менѣе вообще полагаютъ, что въ «безрелигіозную» группу главнымъ образомъ вступаютъ евреи. Отчасти это вѣрно. Во первыхъ, среди становящихся confessionlos изъ другихъ вѣроисповѣданій есть очень много бывшихъ евреевъ, которые только временно пребывали въ лонѣ христіанства. Во-вторыхъ, въ дѣйствительности евреи гораздо чаще сбрасываютъ съ себя всякій религіозный ярлыкъ, чѣмъ христіане. Въ предыдущей таб-

лицъ это затушевывалось потому, что количество евреевъ, принимающихъ христіанство, еще выше. Но когда говорятъ о безрелигіозныхъ, то забываютъ о тѣхъ евреяхъ, которые присоединяются къ какой нибудь христіанской церкви. Если мы высчитаемъ, сколько безрелигіозныхъ приходилось, предположимъ, на 100.000 жителей, то окажется слѣдующее:

	Изъ 100.000 жителей признавали себя confessionslos.	
	У неевреевъ.	У евреевъ.
Въ 1890 г.	7,5 чел.	54,0 чел.
„ 1900 „.	12,7 „	66,7 „

Тутъ мы наглядно видимъ, что вѣнскіе евреи много чаще христіанъ становятся «безрелигіозными», а именно — въ 6—7 разъ больше, чѣмъ все остальное населеніе.

Статистика о выступленіяхъ изъ той или другой религіи приводитъ еще данныя о полѣ, возрастѣ, семейномъ состояніи и занятіяхъ всѣхъ лицъ, предпринимавшихъ конфессиональные переходы. Будемъ исследовать этотъ матеріалъ по порядку. Половой составъ перешедшихъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ былъ слѣдующій:

Годы.	У неевреевъ.		У евреевъ.	
	м.	ж.	м.	ж.
1868—1872	582	744	94	68
1873—1877	647	828	154	119
1878—1882	727	969	314	267
1883—1887	864	1271	716	517
1888—1892	958	1545	828	697
1893—1897	1568	2276	1156	944
1898—1902	2710	3242	1496	1133

Прежде всего бросается въ глаза, что у евреевъ мужчины скорѣе оставляютъ свою старую вѣру, чѣмъ женщины. Въ каждомъ пятилѣтніи количество мужчинъ—евреевъ, отпавшихъ отъ еврейской религіи, выше того же количества евреекъ. У неевреевъ замѣчается какъ разъ противоположное: у нихъ среди выступившихъ изъ различныхъ церквей преобладалъ женскій элементъ. Причины подобныхъ различій слѣдуетъ искать отчасти въ половомъ составѣ вѣнскаго населенія. Во время послѣднихъ трехъ переписей считалось въ Вѣнѣ:

Годы.	Христіанское населеніе		Еврейское населеніе	
	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.
1880	313.325	339.062	39.318	33.953
1890	601.210	644.843	60.741	57.754
1900	733.724	794.307	75.373	71.553

Эти данныя показываютъ, что среди вѣнскихъ евреевъ больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ, въ то время какъ среди христіанъ количество женщинъ превышаетъ количество мужчинъ. Чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о томъ, какой полъ чаще покидастъ еврейство, мы приводимъ еще слѣдующее вычисленіе. Изъ каждыѣхъ 100.000 того или другого пола отказывались отъ еврейскаго вѣроисповѣданія:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужч. больше, чѣмъ жен.
Въ 1880 г.	15,5	14,4	на 1,1 чел.
„ 1890 „	27,8	23,0	„ 4,8 „
„ 1900 „	41,8	34,1	„ 7,7 „

Слѣдовательно, совершенно ясно, что евреи мужчины чаще выступаютъ изъ еврейства, чѣмъ еврейки. Интересно то, что разница эта между двумя полами все прогрессируетъ. Какъ видно, причины, вызывающія ренегатство, сильнѣе вліяютъ на мужское населеніе. Однако, нужно констатировать, что различіе это пока очень незначительно, чтобы можно было на немъ строить выводы.

Болѣе поучительными являются для насъ данныя, опредѣляющія возрастъ отказавшихся отъ еврейскаго вѣроисповѣданія. Они могутъ показать намъ, какіе годы въ жизни еврея сильнѣе всего вызываетъ религіозныя «искательства» и похождения. Тутъ наши статистическія свѣдѣнія начинаются опять лишь съ 1886 года. Грушируя данныя по вышеприведенному плану, мы получаемъ слѣдующую таблицу.

По возрасту ушедшіе изъ еврейства распредѣлялись такъ:

Годы.	Отъ 15 до 20 лѣтъ.	21—30	31—40	41—50	51—60	61—70	71—80	Неизвѣстно.
1886—1887	75	269	136	33	8	4	2	38
1888—1892	241	746	345	110	40	13	2	28
1893—1897	315	997	520	170	67	23	3	5
1898—1902	365	1310	605	237	66	27	8	11

Самымъ опаснымъ временемъ въ смыслѣ ренегатства является возрастъ отъ 21 до 30 лѣтъ. Затѣмъ слѣдуютъ годы отъ 31 до 40. Третье мѣсто занимаетъ періодъ отъ 15 лѣтъ до 20. Однако, надо имѣть въ виду, что первый столбецъ обнимаетъ время только въ 6 лѣтъ, тогда какъ всѣ остальные данныя распределяются по десятилѣтіямъ. Если же высчитывать по отношенію къ одному году, то возрастъ въ 15—20 лѣтъ даетъ даже больше или во всякомъ случаѣ столько же крещеній, сколько и время отъ 31 до 40 лѣтъ. Но такъ какъ количество лицъ молодого возраста среди всякаго населенія больше, чѣмъ болѣе старшаго, то приходится предполагать, что первое десятилѣтіе сравнительно слабѣе представлено въ смыслѣ отпаденій, чѣмъ десятилѣтіе отъ 31 до 40. Это и понятно. Возрастъ отъ 15 до 20 лѣтъ не можетъ еще считаться вполне зрѣлымъ для предпріянія какихъ-нибудь важныхъ рѣшеній. Тутъ, вѣроятно, еще сказывается вліяніе родителей или родственниковъ, сопротивляющихся иногда такому поступку, какъ выступленіе изъ еврейства. Кроме того, эти годы не даютъ еще чувствовать бремя разныхъ соціальныхъ невзгодъ, которыя такъ часто выпадаютъ на долю современнаго еврея. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ возрастъ отъ 21 до 30 лѣтъ приноситъ такъ много потерь вѣнскому еврейству. Въ это время человѣкъ окончательно вступаетъ въ общественную жизнь, въ которой онъ старается занять то или другое положеніе. Встрѣчающіяся помѣхи разрѣшаются иногда въ этомъ возрастѣ самымъ кардинальнымъ образомъ: разрывается прошлое, подавляются многія связи, сильнѣе влечетъ поставленная цѣль, не знающая никакихъ преградъ. Этотъ періодъ опасенъ еще тѣмъ, что тогда наступаетъ обыкновенно половая зрѣлость. Если принять во вниманіе, какъ часто бываютъ теперь смѣшанные браки, то надо будетъ придти къ заключенію, что многіе еще до этого акта отказываются отъ своей религіи и принимаютъ вѣроисповѣданіе тѣхъ людей, съ которыми вступаютъ въ брачный союзъ. Такъ какъ евреи составляютъ меньшинство, и ихъ религія не пользуется тѣми правами, что другія, то конфессіональную жертву въ большинствѣ случаевъ беретъ на себя то лицо, которое принадлежитъ къ еврейству.

Въ слѣдующія десятилѣтія замѣчается уже ослабленіе наклонности къ религіознымъ переходамъ. Съ одной стороны, уменьшается населеніе, а съ другой—не такъ рѣзко проявляются тѣ причины, о

которых мы сейчас говорили. Профессиональные занятія по большей части окончательно уже установлены, брачные союзы часто уже заключены, привязанность къ старымъ формамъ окружающей жизни болѣе усиливается, и еврей рѣже усматриваетъ потребность отказываться отъ своей религіи, съ которой онъ свѣлся въ теченіе многихъ лѣтъ. Наши разсужденія, понятно, постольку справедливы, поскольку они указываютъ на ходъ ломанной линіи еврейскихъ крещеній въ зависимости отъ возраста. Хотя съ каждымъ десятилѣтіемъ число отпаденій отъ еврейства понижается и, можно сказать, въ большей степени, чѣмъ это бываетъ съ возрастнымъ составомъ населенія, тѣмъ не менѣе мы видимъ, что даже самыя старыя группы, какъ отъ 60 до 80 лѣтъ, имѣютъ еще своихъ ренегатовъ. Видно, что и въ старческомъ возрастѣ бываютъ такія причины, которыя заставляютъ мѣнять свою религію. Здѣсь иногда оказываетъ давленіе любовь къ своимъ дѣтямъ. Если послѣднимъ почему-либо необходимо освободиться отъ своей принадлежности къ еврейскому вѣроисповѣданію, то тоже самое дѣлаютъ и старые родители.

Предыдущія данныя показали, что среди выступающихъ изъ еврейства главнымъ образомъ преобладаетъ элементъ молодой. Это является причиной или слѣдствіемъ того, что большинство отпадающихъ отъ еврейской религіи еще не состоитъ въ бракѣ. Семейное состояніе ренегатовъ изображается въ слѣдующей таблицѣ:

Годы.	Холостыхъ или дѣвицъ.	Состоящихъ въ бракѣ.	Вдовыхъ.	Разведен- ныхъ.	Неизвѣстно.
1886—1887	405	97	10	10	43
1888—1892	1137	260	38	33	57
1893—1897	1588	404	65	31	11
1898—1902	1921	542	83	63	20

Приблизительно 75%, всѣхъ перемѣнившихъ еврейскую религію совершили этотъ шагъ еще до вступленія въ бракъ. Тутъ вліяютъ тѣ же условія, на которыя мы указывали, когда разбирали зависимость «крещеній» отъ возраста. Должно быть еще отмѣчено то, что семейныхъ людей среди выступающихъ изъ еврейской религіи гораздо меньше, чѣмъ среди населенія вообще. Болѣе слабое участіе

состоящихъ въ бракѣ въ религиозныхъ переходахъ вполнѣ понятно. Брачная жизнь, связанная со многими обязанностями по отношенію къ женѣ, мужу или дѣтямъ, не такъ легко позволяетъ человѣку дѣлать тѣ или другія измѣненія въ его вѣроисповѣдномъ отношеніи. Съ другой стороны, однако, это семейное состояніе вызываетъ крещенія потому, что многіе смѣшанные браки въ концѣ концовъ кончатся тѣмъ, что еврей или еврейка переходятъ въ лоно христіанства.

При разборѣ данныхъ о семейномъ состояніи ушедшихъ изъ еврейства наше вниманіе останавливаетъ на себѣ то, что среди вдовыхъ и разведенныхъ главнымъ образомъ фигурируютъ, какъ отмѣчаетъ статистика, лица женскаго пола. Что касается первыхъ двухъ рубрикъ, то въ нихъ сильнѣе представлены мужчины; это является естественнымъ слѣдствіемъ того, что они вообще чаще женщинъ принимаютъ другую вѣру. Крупный процентъ женщинъ среди вдовыхъ и разведенныхъ можно отчасти объяснить слѣдующими двумя причинами: количество разведенныхъ и вдовыхъ среди женщинъ обыкновенно больше, чѣмъ среди мужчинъ; кромѣ того, тутъ опять выступаетъ возможность заключенія брака съ иновѣрцемъ. Возможно, что здѣсь вліяютъ еще и другія условія, которыя не поддаются, однако, точному опредѣленію.

Въ концѣ нашего очерка мы хотимъ еще разсмотрѣть зависимость крещеній отъ профессиональныхъ занятій ренегатовъ. Недостаткомъ въ этомъ случаѣ служить то, что не во всѣ годы имѣется подобный статистическій матеріалъ. Только въ таблицахъ 1886, 1887, 1888, 1901 и 1902 гг. приводятся этого рода свѣдѣнія. Но также имѣющіяся данныя почти не сравнимы между собою. Мы ограничимся поэтому только двумя годами: 1887 и 1902. По занятіямъ отпавшіе отъ еврейства группировались такъ:

	1887 г.	1902 г.
Промышленность и торговля	118 чел.	226 чел.
Свободныя профессіи	46 »	134 »
Домовладѣльцы, пенсіонеры и т. д.	51 »	2 »
Прислуга	6 »	20 »
Учащіяся	*)	84 »

*) Для 1887 г. данныя объ учащихся включены въ рубрику самостоятельныхъ членовъ семьи.

Др. несамостоятельные члены семьи	39 чел.	135 чел.
Чернорабочіе	1 »	—
Войско	2 »	—
Неизвѣстно	30 »	—
<hr/>		
Всего	293 »	601 »

На первомъ планѣ, значить, стоять тѣ лица, которыя занимаются промышленностью, торговлею и свободными профессіями. Очень велико также въ 1902 г. число учащихся. Какъ ни недостаточны только что приведенныя данныя, тѣмъ не мѣнѣе можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ сказать, что выступающіе изъ еврейской религіи главнымъ образомъ вербуются изъ состоятельныхъ и интеллигентныхъ классовъ вѣнскаго еврейства. Жизнь въ современномъ обществѣ сдѣлала эти элементы самыми чувствительными къ еврейскимъ преслѣдованіямъ. Но въ то время какъ это обстоятельство должно было бы приковывать къ своему народу и религіи, они ищутъ спасенія въ отрицаніи своей принадлежности къ еврейству. Требуются сильная воля, національное самосознаніе, чтобы устоять противъ разныхъ соблазновъ, которое обѣщаетъ современному западному еврею присоединеніе къ христіанству. Вѣнскіе же евреи, верхи которыхъ до сихъ поръ проникнуты ассимиляціонными фантазіями, не могутъ похвалиться подобными качествами. Неудивительно поэтому, что различныя стеченія жителейскихъ обстоятельствъ такъ легко отрываютъ одного еврея за другимъ. Если вина въ такомъ случаѣ, прежде всего, лежитъ въ самихъ евреяхъ, то побужденіемъ къ крещеніямъ, однако, служить урѣзанная по всѣмъ краямъ мнимая еврейская эмансипація. Отсутствие правъ непрестанно толкаетъ многихъ евреевъ на ренегатство. Такъ или иначе, но вѣнское еврейство самымъ интенсивнымъ образомъ «экспортируетъ» многихъ своихъ членовъ въ разные религіозныя или безрелигіозныя сообщества. Балансъ все увеличивается и экспортъ находится въ «цвѣтущемъ» состояніи. Хотя попадаютъ и еврейскіе прозелиты, но въ итогѣ получается громадный дефицитъ именно на сторонѣ евреевъ.

М. Л—нь.

Библиографія.

Orient und Occident. Zehn Aufsätze von Dr. Ph. Kroner, Berlin. 1905 (Востокъ и Западъ. Десять статей д-ра фил. Кронера. Берлинъ. 1905).

Авторъ соединилъ въ одну книжку десять статей отчасти научно-литературнаго, отчасти полемическаго содержанія, напечатанныхъ въ разное время въ повременныхъ изданіяхъ. Не всѣ онѣ имѣютъ одинаковую цѣнность, но всѣ написаны живо, интересно и откликаются на современные темы.

Фридрихъ Деличъ, извѣстный ассириологъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ надѣлавшій столько шуму своей лекціей о Библии и Вавилонѣ («Babel und Bibel»), въ дальнѣйшихъ изданіяхъ своей работы старается все больше и больше умалить значеніе ветхозавѣтнаго еврейства, выставляя пророковъ грубыми, кровожадными бедуинами, дышащимъ непримиримой ненавистью ко всѣмъ народамъ міра, рисуя Іегову жестокимъ и мстительнымъ богомъ, изливающимъ ненасытный гнѣвъ свой на всѣ народы, кромѣ любимаго сына своего, Израиля, и возвеличивая христіанскій законъ, завѣщавшій, въ противность еврейскимъ пророкамъ, любить проклинаящихъ и благословлять ненавидящихъ. Авторъ разбираемой книги, д-ръ Кронеръ, всей силой своего знанія возстаеъ противъ такого возвеличенія христіанства насчетъ еврейства.

Его аргументація такова.

Во-первыхъ, омерзѣніе и ненависть къ язычеству присущи новозавѣтной литературѣ въ неменьшей степени, нежели ветхозавѣтной. Сравните напр., съ Ис. 63, 1—6:

«Кто это идетъ отъ Едома, выступая въ полнотѣ силы Своей?—Я—изрекающій правду, сильный... Отчего же одѣяніе Твое красно, и ризы у Тебя—какъ у топтавшаго виноградъ въ точилѣ?—Я топталъ народы во гнѣвѣ Моємъ и попралъ ихъ въ ярости моеи; кровь ихъ брызгала на ризы Мои, и я зляпталъ все одѣяніе Свое; ибо день мщенія—въ сердцахъ Моихъ... И сокрушилъ Я народы въ ярости Моей, и вылилъ на землю кровь ихъ».

сравните съ этимъ, напр., явленіе Христа у Іоанна (Открѣв. 19, 11—21):

И увидѣлъ я отверстое небо, и вотъ—вонъ бѣлый, и сидяшій на немъ называется Вѣрный и Истинный... Онъ былъ облеченъ въ одежду, обогрѣтую кровью. Имя ему: Слово Божіе... Изъ устъ Его исходитъ острый мечъ, чтобы имъ поражать народы. Онъ пасетъ ихъ жезломъ желѣзнымъ. Онъ топчетъ точило вина ярости и гѣва Бога Вседержителя... И увидѣлъ я одного Ангела, стоящаго на солнцѣ; и онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ, говоря всѣмъ птицамъ: летите, собирайтесь на великую вечерю Божію, чтобы пожрать трупы царей, трупы сильныхъ, трупы тысяченачальниковъ, трупы коней и сидящихъ на нихъ, трупы всѣхъ свободныхъ и рабовъ, и малыхъ и великихъ...

У еврейскихъ пророковъ есть много сильныхъ обвинительныхъ рѣчей противъ погрязшихъ въ преступленіи язычниковъ, но имъ не уступить и слѣдующее мѣсто изъ Посланія къ Римлянамъ (1, 26—32):

Потому предалъ ихъ (язычниковъ) Богъ постыднымъ и неестественнымъ страстямъ... Такъ что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполнены зависти, убійства, распрей, обмана, злоправія, злорѣчивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, избобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ, безразсудны, вѣроломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы...

Едва ли въ Ветхомъ Завѣтѣ можно найти такое злораство по поводу гибели язычества, какое имѣется въ Откровеніи Іоанна (гл. 17 и 18; 19, 1—3) относительно Вавилона (т. е. Рима). Такимъ образомъ, ненависть къ язычникамъ и вообще грѣшникамъ является такой же составной частью христіанскаго ученія, какъ и любовь къ проелинающимъ и ненавидящимъ, и никакого контраста съ еврействомъ тутъ нѣтъ: при нѣкоторомъ спокойномъ отношеніи къ дѣлу можно легко разглядѣть назидательную цѣль подобныхъ рѣчей да и не въ этихъ рѣчахъ центръ библейскаго профетизма и вообще ученія, не только еврейскаго, но—будемъ справедливы къ противникамъ—и христіанскаго.

Затѣмъ неправильно указаніе на несправедливость библейскаго Іеговы, будто бы безъ всякой причины карающаго народы, и при страстно относящагося къ своему любимцу Израилю: пророки не жалѣютъ красокъ и для описанія кары собственнаго народа, когда онъ впадаетъ въ пороки. Христіанскіе богословы, чѣмъ больше углубляются въ изученіе источниковъ, тѣмъ яснѣе видятъ, что то, что у нихъ считалось отличительной чертой христіанства отсутствіе наці-

онализма, любовь и милосердіе ко всѣмъ людямъ, оказывается въ немѣньшей мѣрѣ и у еврейства, и вотъ они ищутъ недостатковъ времени варварства въ Ветхомъ Завѣтѣ, но увы! открываемые ими недостатки оказываются одинаково присущими и Новому, ибо послѣдній является не болѣе какъ блѣднымъ отраженіемъ Ветхаго. Въ этомъ—трагедія христіанскаго богословія, толкающая вполнѣ почтенныхъ ученыхъ на явныя несправедливости по отношенію къ еврейству.

Такую несправедливость совершили «Akademische Blätter», нарисовавшіе характеристику современнаго еврея на основаніи заново переработанной Деличемъ и Шнедерманомъ книги Вебера «Еврейское Богословіе», въ которой авторъ старается доказать, что, по взгляду іудаизма, Израиль—центръ вселенной, единый народъ Божій, обладающій закономъ, тогда какъ другіе народы—враги Божіи. «Akademische Blätter» находятъ въ этомъ, совершенно несправедливомъ, утвержденіи ключъ къ объясненію отрицательныхъ сторонъ современнаго еврея, его нескромности, самоинія, способности свосить самыя унизительныя обиды со стороны не евреевъ и т. д. Но дѣло въ томъ, что никакого презрительнаго и высокомернаго отношенія къ народамъ настоящее еврейское богословіе не знаетъ, что іудаизмъ вовсе не считаетъ другіе народы—врагами Бога, какъ не считаетъ простое обладаніе закономъ, безъ исполненія его, великимъ отличіемъ, дающимъ право на особыя милости. Это доказывается сотнями изреченій изъ раввинской письменности. Скорѣе несправедливость къ язычникамъ и возвеличеніе Израиля замѣчаются въ христіанской литературѣ; такъ, напр., въ Евангеліи отъ Іоанна (4,22) Христосъ говоритъ: «спасеніе отъ іудеевъ».

Таковы двѣ самыя интересныя статьи книги д-ра Кронера. Другія статьи трактуютъ о цвѣтовыхъ ощущеніяхъ въ Талмудѣ (статья направлена противъ писателей, утверждающихъ, что древніе евреи не различали цвѣтовъ и не замѣчали красоты лазурнаго неба), о взглядѣ Талмуда на азартную игру (статья выясняетъ, почему Талмудъ, относящійся крайне сурово къ азартнымъ играмъ, не считаетъ похищеннымъ выигрышъ, полученный у язычника,—потому, что и язычникъ, въ случаѣ выигрыша, не считаетъ выиграннаго результатомъ похищенія), о богохульствѣ у древнихъ германцевъ (статья выясняетъ, что наказаніе за богохульство, имѣющееся въ германскомъ законѣ, вовсе не еврейскаго происхожденія, какъ по-

лагаеть нѣкій юристъ, а древне-германскаго), о *reservatio mentalis* въ Талмудѣ (тутъ доказывается, что іезуитская мораль ничего общаго съ еврейскою не имѣеть, такъ какъ Талмудъ осуждаетъ *reservatio mentalis*), о ремеслахъ у древнихъ евреевъ (статья направлена противъ одной антисемитской брошюры, утверждавшей, на основаніи поддѣльнаго библейскаго стиха [I Сам. 13, 19—20], что уже въ древности евреи ремеслами не хотѣли заниматься). Послѣднія три статьи книги не полемическаго содержанія. Тутъ разбираются два мѣста изъ Данте и еврейскія заклинательныя формулы. Древняя магическая формула «абракадабра», и столь долго помогавшая отъ лихорадки, не есть, по мнѣнію автора, еврейское אב רוח רבר («Отець, Духъ, Слово»—святая Троица), а בררה קרהו בררה («прошла лихорадка, прошла») съ сокращеніемъ средняго слова по извѣстному еврейскому обычаю и повтореніемъ глагола для усиленія дѣйствія.

Н. Переферковичъ.

סדר עולם עם באורים והגהות *Седеръ Оламъ, т. е. алфавитный указатель собственныхъ именъ, находящихся въ Библии и Талмудѣ и Хронологія событій.* Изданіе І. М. Лейнера. Варшава 1904.

Древней еврейской хронологіи, извѣстной подъ именемъ «Седеръ Оламъ» («Порядокъ міра») и приписывающей не совсѣмъ безъ основанія ученому II вѣка по Р. Х. Иосе сыну Халафты, въ послѣднее время повезло. Г. Ратнеръ издалъ ее съ хорошимъ научнымъ комментариемъ и большимъ «Введеніемъ» въ 1894—1897 гг., А. Маркъ издалъ первыя десять главъ ея въ качествѣ докторской диссертациі въ 1903 г., и вотъ теперь предъ нами лежитъ новое изданіе ея. Г. Лейнеръ издалъ книгу весьма недурно, снабдивъ ее указателемъ именъ и спискомъ мѣстъ, заимствованныхъ изъ «Седеръ Оламъ» составителемъ Ялкута, двумя комментаріями, Якова Эндена и гаона Виленскаго, а также собственными краткими глоссами, обнаруживающими большую начитанность въ талмудической литературѣ и ясно мыслящую голову. Несмотря на то, что Седеръ Оламъ издавался много разъ, изданіе Лейнера заслуживаетъ полнаго вниманія какъ по тщательной внѣшности, такъ и по удобству расположенія матеріала, обнаруживающаго знакомство съ европейскою формою научныхъ изданій. Жаль только, что авторъ въ рускомъ

языкъ не очень силенъ, чѣмъ объясняется неправильное русское названіе книги (никакого «алфавитнаго указателя собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ Библии и Талмудѣ» Седеръ Оламъ не даетъ) и нелѣпая печать, на первой страницѣ, гласящая: «Утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, № 8280, 14 Юля 1905 г.». Судя по приложенному еврейскому тексту, книга была куда-то допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за указаннымъ номеромъ. Также напрасно авторъ присвоилъ своему комментарию названіе עין מאיר : подъ этимъ названіемъ выходили и доселѣ выходятъ комментаріи М. Фридмана (מאיר איש שלום), съ работами котораго г. Лейнеръ несомнѣнно знакомъ. Но это—только мимоходомъ: значеніе разбираемаго изданія отъ указанныхъ мелочей нисколько не умалается.

Н. Переферновичъ.

ספר האורה מיוחס לרבינו שלומה ברבי יצחק ו"ל. שני חלקים. מאת שלמה באבער. לכיב תרס"ה.

(*Сеферъ-Га-Ора. Сочиненіе приписываемое рабби Соломону Ицхаки.* 2 части. Изданіе Соломона Бубера. Львовъ. 1905 г.).

Рабби Соломонъ Ицхаки, извѣстный подъ именемъ Раши, очень популяренъ въ еврействѣ. Его комментаріи къ библии и вавилонскому талмуду, при всей лаконичности языка, отличаются доступностью и ясностью. Кромѣ комментаріевъ послѣ Раши осталось много ритуальныхъ рѣшеній (פסקים) и респонсовъ; ноо ни до насъ не дошли.

Библиографы приводятъ рядъ работъ имени Раши, находящихся въ заграничныхъ книгохранилищахъ, а именно: ספר האורה и много другихъ. ספר רש"י. סודור רש"י. אסור והחר לרש"י. פסקי דינים והכוח לרש"י.

До сихъ поръ изданы слѣдующія книги, приписываемыя Раши: ספר הפרדים (Изд. въ Константинополѣ 1802 г. и въ Варшавѣ 1870 г.). לקוטי הפרדים לרש"י. Нѣсколько респонсовъ Раши разбросано въ разныхъ книгахъ: במחזור וזוטרי בשו"ה זכרון יהודא לבן במחזור וזוטרי בשו"ה (Берлянь 1844) Гайгера. Къ изданію всѣхъ упомянутыхъ выше, неизданныхъ работъ Раши приступилъ маститый Соломонъ Буберъ. Въ этомъ году, 29-го Тамуза, исполнилось восемьсотъ лѣтъ со дня кончины Раши *), и къ этому дню Буберъ издалъ «Сеферъ-Га-Ора», въ двухъ частяхъ.

*) См. Ориентъ 1846 г. стр. 418, и такъ написано въ одномъ манускриптѣ, наход. въ Пармской библ. за № 175. The J. Encyclop. Vol. 10 p. 324, опредѣляетъ день смерти Раши 13 июня 1105 г.

Буберъ пользовался четырьмя манускриптами этого сочиненія, а именно: 1) манускриптомъ, нѣкогда бывшимъ у извѣстнаго раввина Х. Д. Азулая (умеръ въ 1807 г.); 2) манускриптомъ, хранящимся въ библиотекѣ Алліана въ Парижѣ и 2 манускриптами изъ Бодлеяны въ Оксфордѣ.

Сеферъ-Га-Ора представляетъ сборникъ рѣшеній Раши по ритуальнымъ вопросамъ. Въ первой части 128, во второй 159 рѣшеній. Кто составилъ Сеферъ-Га-Ора, до сихъ поръ неизвѣстно. Достоѣвно только то, что Раши не самъ писалъ свои рѣшенія и респонсы, ихъ записалъ кто нибудь изъ учениковъ. Но кто этотъ ученикъ? По мнѣнію Вейса (Доръ Доръ ведоршовъ, 4 часть, стр. 334) это былъ Натанъ Махири, но Буберъ справедливо опровергаетъ это мнѣніе. По всей вѣроятности, это былъ ученикъ Раши, рабби Шемаіа, составитель ספר הפרדס (Gross: Gallia Judaica p. 228). Свое изданіе Буберъ снабдилъ большимъ введеніемъ, въ 167 страницъ, въ которомъ детально и критически разработано все то, что касается жизни Раши и его трудовъ, изданныхъ и неизданныхъ.

Буберъ давно извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своей добросовѣстностью и начитанностью. Онъ составилъ также критическія замѣтки къ этой книгѣ и указалъ источники, откуда Раши черпалъ свои рѣшенія. Примѣчанія Бубера довольно ясны и отличаются глубокимъ знаніемъ дѣла. Впрочемъ, есть кое-какіе недостатки, но здѣсь не мѣсто распространяться обо всемъ. Отмѣчу только нѣсколько недосмотровъ Бубера касательно Іерусалимскаго талмуда: такъ, во введеніи стр. 21 Буберъ пишетъ въ § 72: הובא בשם ירושלמי ער מתי מברכין: 72: על הלבנה כל זמן שהראה כחצי המיטה לא מצאהי בירושלמי שלפנינו גם הובא הירושלמי. и это онъ повторяетъ на стр. 79.

На самомъ же дѣлѣ эта цитата находится въ Іерушалми Бе-рахотъ 9 глава (13. 4. 38. Венеціан. изд.). Но у насъ текстъ во всѣхъ изданіяхъ ошибоченъ: вм. שהראה כחצי המטה читать, какъ было предъ Раши בהצי המטה. Раши справедливо и точно объясняетъ קערה. פירוש המיטה Удивительно то, что никто изъ лексикографовъ не зналъ настоящей цитаты. Стр. 75. וכלן שעשו בין וכלן שעשו בין וכלן אנוסין Буберъ замѣчаетъ, что эта цитата приводится многими изъ Іерушалми; но этого нѣтъ въ Іерушалми. Я въ своемъ сочиненіи «Агаватъ Ціонъ» (трактатъ Шаббатъ стр. 166) доказалъ, что эта цитата была въ Іерушалми тракт. Шаббатъ въ главѣ Гашоель. Стр. 101: ירושלמי הנו רבנן חמישי נומרין עליו את הלל

Буберъ замѣчаетъ, что слово Іерушалми добавилъ какой-то несвѣдующій переписчикъ, потому что этого нѣтъ въ Іерушалми. На самомъ же дѣлѣ слово Іерушалми относится къ предшествующей галахѣ: והוכחא הלל בקיוי פסחים אינו צריך ברכה. См. Іерушалми, Берехотъ I главу (3. 4. 29. Венеціан. изд. и см. רשב"א въ Берехотъ 14.).

Б. Ратнеръ.

רש"י על התורה עם באור וזכור לאברהם מאת אברהם ברלינר. מהרורא
הניגא.
פראנקפורט תרס"ה.

Комментарій Раши къ пятинижію съ объясненіями А. Берлинера. Второе изданіе. Франкфуртъ н. м. 1905 г.).

Комментарій Раши къ Торѣ пользуется большою извѣстностью большимъ уваженіемъ. Ибнъ Эзра рассказываетъ, что когда онъ былъ въ Римѣ (а это было спустя 60 лѣтъ послѣ кончины Раши), онъ нашелъ уже тамъ комментарий Раши къ Торѣ. Авраамъ сынъ Маймонида пользовался этимъ комментариемъ. Имѣется 130 печатныхъ трудовъ, объясняющихъ комментарий Раши къ Торѣ.

Первое изданіе этого комментарія вышло въ Италиі въ 1475 г.

Но въ этомъ, какъ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ, много ошибокъ, прибавленій и пропусковъ; есть прибавленія съ отмѣткой въ текстѣ: רש"י, а также прибавленія отъ имени Іосифа Каро и отъ многихъ позднѣйшихъ авторовъ.

Въ 1867 г. профессоръ А. Берлинеръ издалъ книгу въ 380 страницъ подъ именемъ זכור לאברהם: въ этой работѣ, для которой онъ пользовался 10 манускриптами изъ разныхъ библиотекъ, а также старинными изданіями Раши, Берлинеръ, отмѣтилъ всѣ варианты и разночтенія, находящіяся въ означенныхъ манускриптахъ, и указалъ источники, откуда Раши черпалъ свой комментарий. Эта книга была своевременно принята ученымъ міромъ съ благодарностью. Съ тѣхъ поръ профессору Берлинеру удалось собрать болѣе ста манускриптовъ комментарія, и разработать много деталей.

Къ недавнему юбилею Раши (800 лѣтъ со дня кончины) профессоръ Берлинеръ издалъ эту книгу вновь въ обработанномъ видѣ. Передъ нами лежитъ великолѣпно изданный трудъ, на хорошей бумагѣ, одинаково радующій и глазъ и умъ читателя. Разумѣется,

есть кое-какіе недостатки въ примѣчаніяхъ, но что это значитъ въ такой громадной работѣ.

Какъ видитъ читатель, наши западные единовѣрцы сдѣлали кое-что въ память Раши. Но что мы, русскіе евреи, сдѣлали въ этомъ отношеніи? Мы любимъ кичиться тѣмъ, что составляемъ базисъ еврейства, что мы большіе знатоки еврейской литературы. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Среди вновь выходящихъ у насъ книгъ что-то мало полезныхъ обогащающихъ нашу литературу. Замѣчается мало инициативы въ почитаніи нашихъ корифеевъ со стороны русскихъ евреевъ. Почему намъ не издать вариантовъ и комментариевъ Раши къ остальнымъ книгамъ библии? Помнится, покойный Яковъ Рейфманъ оставилъ такую рукописную работу. Но гдѣ же она?

Б. Ратнеръ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

~~BOOK DUE - WID
NOV 21 1977~~

CANCELLED
BOOK DUE - WID
JUL 21 1984
JAN 31 1978

CANCELLED
WIDENER
BOOK DUE
NOV 14 1984
U 3086 103

